ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

В.В. Кравец

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕГО ДОНА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Монография

ВОРОНЕЖ 2005

УДК 930.26
ББК 63.444(235)
К78

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор
А.Т. Сунок

Рецензенты:
кандидат исторических наук, доцент
В.Д. Березуцкий,

кандидат исторических наук, доцент
А.О. Амелькин

Кравец В.В.
К78 Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды : монография / В.В. Кравец. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 206 с.: прил. 97 с.

ISBN 5-88519-251-0

В работе анализируются материалы погребальных памятников кочевников Среднего Дона эпохи Золотой Орды. Приводится подробная характеристика и классификация погребальных сооружений, погребального инвентаря, определяется происхождение, этнокультурная принадлежность погребенных.

Для специалистов-кочевниковедов, научных и музейных работников, студентов исторических факультетов вузов, для всех, кто интересуется историей Воронежского края и сопредельных территорий.

УДК 930.26
ББК 63.444(235)

Автор благодарит депутата Воронежской областной Думы В.А. Астанкова за финансовую помощь в издании книги.

© Кравец В.В., 2005
ISBN 5-88519-251-0 © Редакционно-издательское оформление. ВГПУ, 2005

монография /

ков кочевников
характеристика
нвентаря, опре-
ребенных.
аботников, сту-
уется историей

УДК 930.26
ББК 63.444(235)

В.А. Астанкова

вец В.В., 2005
. ВГПУ, 2005

ВВЕДЕНИЕ

В 2006 году исполняется 40 лет выхода в свет монографии профессора Московского государственного университета Г.А. Фёдорова-Давыдова «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов». Это издание положило начало наступления нового этапа в отечественном кочевниковедении.

Отказавшись от традиционного методического подхода, Г.А. Фёдоров-Давыдов начал свою работу с типологической классификации вещевого материала, статистического сопоставления взаимовстречаемости типов и выделения датирующих форм. Это позволило разделить материалы позднекочевнических курганов на хронологические группы. Была проведена классификация всех типов погребений и изучена встречаемость этих типов в каждом периоде и отдельном степном районе. Автору удалось выявить господствующие типы погребений, охарактеризовать некоторые из них с точки зрения этноса и локализовать в пространстве. Таким образом, в ряде районов степи были выделены локальные варианты культуры поздних кочевников.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов

Предложенная Г.А. Фёдоровым-Давыдовым методическая схема, основанная на статистических методах, стала своего рода алгоритмом для выполнения большинства последующих региональных исследований. Такие работы появлялись по мере расширения круга источников. Небезуспешные попытки авторов модернизировать методику Г.А.Фёдорова-Давыдова, корректировать представления о своеобразии отдельных регионов показали жизнеспособность его подхода, возможности для развития. Новые штрихи ложатся на картину, созданную Германом Алексеевичем, но не скрывают её великолепия.

Среднее течение Дона в труде Г.А.Фёдорова-Давыдова находится на особом и, увы, незавидном месте. Это едва ли не единственная из рассмотренных территорий, по которой не было сделано подробных выводов и обобщений. Лишь четырьмя погребальными памятниками располагал исследователь, и это не позволило не только решить, но и поставить вопрос о своеобразии региона.

Лишь спустя два десятилетия появилась первая обобщающая работа - статья М.В. Цыбина «Погребения кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье» (Цыбин М.В., 1986). Был опубликован ряд новых материалов, выполнено картографирование памятников (в том числе половецких изваяний, древнерусских поселений, кладов монет, мусульманского комплекса на Мечетке), привлечены письменные свидетельства пребывания кочевников в Среднем Подонье.

Работа М.В. Цыбина впервые представила цельную картину позднекочевнических древностей Среднего Дона. На ней основываются последующие исследования

памятников среднедонских кочевников. При интерпретации курганных погребений М.В.Цыбин, опираясь на факт освоения региона половцами ещё в домонгольское время, все известные памятники золотоордынского периода трактовал как половецкие.

В том же 1986 году при публикации материалов погребения у Новомеловатки, датируемого золотоордынской эпохой, А.Т. Синюк и В.И. Погорелов не называют памятник половецким априори (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986). В погребении отсутствовали признаки, определённо маркирующие именно половецкую культуру, и авторы говорят лишь о принадлежности памятника одной из групп кочевников южнорусского пограничья. В 1988 году материалы раскопок курганов золотоордынского периода из I Власовского курганного могильника опубликовал В.Д. Березуцкий (Березуцкий В.Д., 1988). Исследователь учёл возможную принадлежность памятников донским половцам, но в то же время, поставил вопрос о неместном их происхождении, указав, опираясь на известную работу Г.А.Фёдорова-Давыдова, вероятность их связи с населением Поволжья и Южной Сибири. В основе данного подхода находятся как факт не доказанности такой локальной особенности региона как замкнутость от влияния групп кочевников из других областей, так и готовность искать аналогии среди локальных особенностей памятников именно этого периода в этих областях. Так при изучении среднедонских кочевников золотоордынского времени было впервые сказано о восточном компоненте в этнической картине Среднего Подонья (Березуцкий В.Д., 1988, с. 164).

До сих пор представления об этнокультурной стабильности кочевого мира на протяжении половецкого и монгольского периодов абсолютизировались. Подобную ситуацию нельзя назвать характерной чертой исследований памятников только Среднего Подонья. К.И. Красильников отмечает типичность такого подхода к этнокультурным реконструкциям в Половецкой земле золотоордынского времени, когда влияние восточных этносов исследователями признается, а ограниченность источников не позволяет приводить предметные доказательства (Красильников К.И., 1985, с. 219).

Представления о некоторой культурной изолированности региона по мере накопления материала постепенно преодолеваются, что показала статья А.З. Винникова, К.Ю. Ефимова и М.В. Цыбина (Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993). Среднедонская степь и лесостепь золотоордынской эпохи уже не рассматриваются как изолированный от этносов Великого пояса степей регион.

Пополнение базы источников расширило тематику исторических интерпретаций, поставило новые вопросы. Исследование комплекса памятников золотоордынской эпохи у станицы Глазуновской (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1995) выявило такие грани проблемы, как отражение в погребальном обряде процесса перехода кочевников к оседлости. Интерес к социальной характеристике кочевнических памятников пробудило открытие ряда богатых погребений (Ефимов К.Ю., 2000; Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000).

К настоящему времени в нашем распоряжении имеются материалы раскопок 60-ти подкурганных погребений X-XIV вв., ряда грунтовых погребений и погребений в мавзолеях. Притом, что регион интенсивно изучается археологами, доля погребений поздних кочевников в общей массе раскопанных памятников невелика. Видимо, подобная картина отражает реальную демографическую ситуацию в лесостепном и северо-степном Подонье. Территория по-прежнему, как и во время создания обобщающей работы Г.А.Фёдоровым-Давыдовым, отличается от других регионов малочисленностью источников (например, А.О. Добролюбский рассмотрел 161 погребение Северо-Западного Причерноморья; А.Ф. Яминов оперирует 286 подкурганными погребениями

Южного Урала). Нельзя исключать вероятности того, что количественные характеристики источниковой базы не изменятся существенно, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Тем не менее, назрела необходимость оценить степень своеобразия позднекочевнической культуры Среднего Подонья, модернизировать на основе новых источников представления об этнокультурной картине территории. Этнокультурная ситуация золотоордынского времени, складывавшаяся в регионе из многих элементов, в том числе и оседлых групп, не будет полной без реконструкции процессов в мире кочевников.

Актуально и обращение к социальной характеристике, которая, как правило, позволяет не только восстановить социальные стороны организации общества, но и интерпретировать в ряде случаев другие сюжеты культуры кочевников.

Исходя из указанной проблемы, в качестве цели настоящего исследование определяется реконструкция этнокультурной и социальной ситуации в обществе кочевников Среднего Подонья, определение на этой основе степени своеобразия их культуры.

Поставленная цель определяет соответствующие ей задачи:

1. Определить теоретические возможности реконструкций по данным археологических памятников, возможности соотнесения их типологических и этнокультурных характеристик.

2. Провести типологию материальной культуры кочевников, определить датирующие возможности предметов. Выявить типы погребального инвентаря в соответствии с его количественными и качественными характеристиками.

3 .Провести типологию погребальных сооружений. Выявить связь между типами инвентаря и типами погребальных сооружений. Рассмотреть особенности локализации погребений.

4. Предпринять социальную характеристику по данным погребальных памятников.

5. Провести сравнительный анализ погребений с синхронными памятниками других регионов и выявить на этой основе степень их своеобразия, а так же возможные пути миграции кочевников.

Предметом исследования при реконструкции этнокультурных и социальных процессов в обществе кочевников Среднего Подонья являются погребальные памятники.

Отдавая себе отчет в известной условности географических границ исследования, мы ограничиваем территорию в основном рамками, предложенными М.В. Цыбиным. Регион был ограничен площадью от низовий р. Воронеж на севере до устья р. Иловли на юге, от р. Оскол на западе до долготы г. Балашова на востоке (Цыбин М.В., 1986, с. 257, 258, рис. 1). Мы расширяем несколько территорию на восток, включая выявленные в последние годы памятники на водоразделах рек Донского бассейна -его левых притоков.

Рассматриваемая область характеризуется в основном как лесостепь, на юге - степь. Лес занимает в настоящее время около 10 % рассматриваемой площади. По характеру поверхности бассейн среднего течения Дона представляет холмистую равнину, сильно расчлененную долинами рек, оврагами и балками. Речная сеть отличается густотой (210 м на 1 кв. км в современном состоянии). Природно-географические особенности региона определили его привлекательность для освоения населением разных культур и эпох.

ГЛАВА I.
ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В археологии кочевников исторические реконструкции, как правило, сводятся к восстановлению этнокультурной картины в связи с политическими процессами в Степи и рассмотрению вопросов социальной организации кочевников. Появление и исчезновение с исторической карты тех или иных этнических групп, их взаимодействие отражают политические реалии эпохи. Поэтому археологические памятники, в силу своей специфики, фиксирующие в той или иной мере этнокультурную ситуацию, позволяют выявить и содержание некоторых особенностей политической обстановки.

Одной из проблем, ограничивающих возможности этнических характеристик, является известная тенденция к унификации культур различных этносов, нивелирование в результате взаимодействия, смены религии и действие других факторов.

Сложной проблемой в археологии считаются социальные реконструкции, особенно в части, касающейся стратификации общества. Погребальный обряд, несомненно, отражал социальный статус погребенного, но возможности археологических источников справедливо признаются весьма ограниченными, так как значительная доля социально дифференцированных об

Важным моментом является и степень сохранности погребального памятника. И здесь дело н рядовых действий уходит из поля зрения археологов, не будучи материализованной только в том, ограблено, разрушено погребение или нет. Даже при благоприятных условиях пребывания памятника от времени его сооружения до раскопок не все его детали сохраняются, и не все особенности фиксируются из-за несовершенства методик.

Эта часть исследования посвящена вопросам становления и развития методик этнокультурных реконструкций, оценке современных возможностей археологии, а также состояния изучения кочевников в Среднем Подонье.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Современные методические основы этнокультурной характеристики курганов поздних кочевников разработаны Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Его позиция основана на преодолении недостатков в методических схемах предшественников. Г.А. Федоров-Давыдов выделил три основные ошибки: отсутствие хронологической классификации вещевого материала, стремление представить определенный тип обряда погребения как закрепленный за какой-нибудь группой кочевников постоянно, использование вещевых типов, широко распространившихся по степи, для этнических определений и использование обрядов погребения для датировок. Именно по такому пути шли первые исследователи позднекочевнических древностей. В конце XIX в. Н.Е. Бранденбург предложил считать комплексы Киевского Поросья с погребением частей или целого остова коня печенежским (Бранденбург Н.Е., 1895). В тоже время А.А. Спицын характеризовал эти памятники как погребения торков и берендеев, входивших в Черноклобуцкий племенной союз (Спицин А.А., 1899). Этот взгляд на поросские курганы надолго утвердился в археологической литературе.

Признаки половецких погребений были выделены В.А. Городцовым (Городцов В.А., 1907): восточная ориентировка человека, накат и камни в насыпи, а также

погребения с частями коня. В.А. Городцов считал обычай погребения целой туши коня более ранним, чем погребение частей коня. Эта точка зрения бытовала недолго. Кроме того, исследователь сделал попытку выделить татарские погребения по наличию в могильной яме подбоя.

Ордынским могилам посвящена специальная работа А.А. Спицина (Спицин А.А., 1927). К подбоям, как обязательным признакам таких погребений, он добавил сырцовые или каменные склепы, грунтовые могилы с западной ориентировкой погребенных и ряд категорий инвентаря с «татарским», по его мнению, обликом.

Представления А.А. Спицына и В.А. Городцова о единообразии погребальных обрядов внутри каждой из групп кочевников - печенегов, торков, половцев - не оспаривались до середины XX в. Тогда появились новые попытки расчленить кочевнические памятники домонгольского времени на этнические рубрики (выводы В.А. Городцова и А.А. Спицина по периоду Золотой Орды в литературе того времени не пересматривались).

Н.Д. Мец попыталась выделить погребения торков, предложив свою классификацию, в основу которой был положен характер погребального инвентаря (Мец Н.Д., 1948, с. 45-49). Этническим атрибутом торков были названы удила без перегиба в сочетании с западной ориентировкой погребенного и захоронением частей коня. При этом Н.Д. Мец недостаточно качественно сформировала источниковую базу, на что было указано С.А. Плетневой (Плетнева С.А.,1958, с. 162).

С.А. Плетнева разработала свою классификацию погребений, основанную на сопоставлении известных в южнорусской степи кочевнических могил с данными письменных источников (Плетнева С.А., 1958, с. 151-226). К печенежским признакам она отнесла западную ориентировку скелета, захоронение частей коня без человека, захоронение частей коня рядом с умершим, удила без перегиба (Плетнева С.А., 1958, с. 153). В качестве атрибутов половецких погребений С.А. Плетнева определила восточную ориентировку человека, захоронение рядом с погребенным или в отдельной яме коня (полной туши). Наличие памятников с меридиональной ориентировкой было связано ею с влиянием салтовского населения. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, неудачной в предложенной схеме стала попытка выделения группы торческих погребений. Выделяя их, С.А. Плетнева отметила более сложную, в сравнении с печенежской, конструкцию могильных ям: наличие перекрытия, приступки, облицовки, настила. Три выделенных ею комплекса торков совпадают с описанием ибн Фадлана по признакам присутствия настила, костей коня, сосуда (в двух погребениях), статуэтки из дерева (в одном случае). Г.А. Федоров-Давыдов на том основании, что упомянутые ибн Фадланом особенности могли быть и в печенежской группе погребений, но не сохранились, заметил, что выделенные признаки недостаточны для разделения печенежских и торческих могил. Автор отметил бесперспективность поиска торческих памятников, так как существенных различий в погребальном ритуале печенегов и торков современники не видели (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 8, 14). На наш взгляд, обоснование С.А. Плетневой выделения торческих признаков выглядит достаточно убедительным, а проблема плохой сохранности некоторых деталей в ряде памятников не отрицает возможности идентификации торческих погребальных памятников в принципе С.А. Плетнёва, возвратившись впоследствии к теме разграничения печенежских и торческих памятников, признала проблематичность подобного разделения. Основным критерием торческого памятника называется положение коня, его размещение не «по горизонтали», а «по вертикали» - над покойником (С.А.Плетнёва С.А., 2003, с. 123-124).

В то же время свою версию этнической атрибуции признаков погребального обряда изложил Л.П. Зяблин. Могилы с частями коня определены им как печенежские, с полным скелетом коня - как торческие, все остальные названы половецкими (Добролюбский А.О., 1986, с.19). Л.П. Зяблин пересмотрел уже укоренившиеся представления А.А. Спицына о золотоордынских погребениях. Он обратился к этнографическим наблюдениям средневековых авторов, которые позволили утверждать, что господство монголов над степными народами было только политическим. Культурно же монголы подчинились тюркским этносам, унифицировав, таким образом, и свой погребальный обряд. Специфику монгольских погребений Л.П. Зяблин увидел лишь в наличии бокки и седла с луками, имеющими горизонтальные вершины. При этом исследователь предложил подтверждать выводы антропологической оценкой погребенных (Зяблин Л.П., 1955, с. 95-96). Среди известных ему погребений Л.П. Зяблин не нашел ни одного погребения, соответствующего представлениям о монгольском погребальном памятнике.

Отсутствие четко разработанной хронологической шкалы приводило авторов к случайным датировкам печенежских, торческих и половецких комплексов, памятников золотоордынского периода (хронологические рамки последнего не были выделены). Впервые серьезно вопрос о хронологии золотоордынской эпохи в южнорусских степях был поставлен С.А. Плетневой (Плетнева С.А., 1958). Важной ее заслугой стало введение в научный оборот половецких каменных изваяний, ставших археологическим источником. Были изучены все крупные музейные коллекции статуй (1322 экз.) (Плетнева С.А., 1974). Что касается погребального инвентаря, то недостатком хронологической системы С.А. Плетневой, по словам Г.А. Фёдорова-Давыдова, выглядит датировка только по аналогиям, отсутствие исследования взаимовстречаемости вещей в погребениях (Федоров-Давыдов Г.А.,1966, с. 9).

Преодолевая методические недоработки предыдущих исследований, Г.А. Федоров-Давыдов исходил из того, что неоправданным является стремление распределить все погребения по этническим и хронологическим группам. Ведь есть типы могил, не имеющие узких хронологических рамок, есть типы безразличные к этнической характеристике региона, универсальные для всей степи. Имеются и типы, которые в определенный период локализуются в ограниченном регионе (Федоров-Давыдов Г.А.,1966, с. 9-10).

Г.А. Федоров-Давыдов начал свою работу с типологической классификации вещевого материала, сопоставления взаимовстречаемости типов и выделения датирующих форм. Это позволило обоснованно разделить материалы кочевнических курганов на четыре хронологические группы:

конец IX-XI вв. - господство печенегов и краткий период торческого нашествия;

последняя четверть XI-XII вв. - начальный период господства половцев;

конец XII-начало XIII вв. - предмонгольский период половцев;

вторая половина XIII-XIV вв. - золотоордынский период половцев.

Таким образом, не только материальная культура, но и история поздних кочевников была представлена в виде четырех периодов. Подобная периодизация получила признание археологов и используется поныне. Были классифицированы все известные к тому времени варианты погребений, изучена их встречаемость в каждый из периодов в отдельных районах. То есть господствующие типы погребений были выявлены и локализованы во времени и пространстве. Основанием для выделения локальных вариантов позднекочевнической степной культуры стало сравнение процентного

соотношения типов погребального обряда в различных регионах. Этническая интерпретация традиционно основывалась на исторических источниках.

К I периоду (печенежско-торческому) исследователем были отнесены датируемые X-XI вв. по инвентарю могилы с западной ориентировкой человека без коня или головой и ногами коня (Федоров-Давыдов Г.А.,1966, с.134). Во II периоде этническая картина усложняется внедрением мощного половецкого компонента. Половецкие курганы характеризуются наличием камней в насыпи, восточной ориентировкой погребенных, обрядом погребения целого коня рядом с покойником или в отдельной яме. III период (предмонгольский) характеризуется распространением половцев на запад, формированием основных центров половецких объединений в конце XII-начале XIII вв. Эти центры были связаны с местами зимовок. Основанием для выделения локальных половецких групп стали письменные источники (Федоров-Давыдов Г.А.,1966, с. 145-150). Характерным явлением для IV периода было образование новых типов могил с западной ориентировкой погребенных, которая преобладает. Эти типы характеризуются как гибридные. Встречаются также погребения с восточной ориентировкой, появляются могилы с ориентировкой человека на север.

Что касается IV периода, то здесь центральной проблемой стало толкование происхождения меридиональных могил. Объясняя происхождение меридиональных погребений, Г.А. Федоров-Давыдов вслед за Л.П. Зяблиным обратился к проблеме монгольского этнического компонента. Общим для исследователей является признание факта небольшого количества монголов, вторгшихся во главе с Джучи в Восточную Европу (что известно из письменных свидетельств), а также обоснование представлений о монгольском погребальном обряде на этнографических наблюдениях средневековых авторов. Рассматривали этот сюжет Л.П. Зяблин и Г.А. Федоров-Давыдов по описаниям вариантов погребального обряда монгольской аристократии. При этом не учитывались социально-ранговые аспекты. Невозможность найти тайно совершенные погребения знати была отождествлена с невозможностью выделения монгольских погребений вообще. У Г.А.Федорова-Давыдова эта позиция выражена не так радикально, как у Л.П. Зяблина. В могильниках с северной ориентировкой, отличающихся выдержанностью и чистотой обряда, он увидел памятники, которые оставили «если не монголы, то какое-то сибирское племя, втянутое монголами в их движение на запад». В качестве этих племен подразумевались кочевники Саяно-Алтая (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 159).

Исследовательница алтайских позднекочевнических древностей А.А. Гаврилова отрицание Л.П. Зяблиным принадлежности южносибирских погребений монголам назвала преждевременным (Гаврилова А.А., 1965). Монголы, несомненно, оставили свой след в среде тюркских кочевников, но масштабная оценка их места в этнической картине Степи до сих пор проблематична.

Обоснование южносибирского происхождения меридиональных могил противопоставлялось этногенетической теории С.А. Плетневой, связывающей такого рода погребения с населением салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1958, с. 184). Оспаривая мнение С.А. Плетневой, Г.А. Федоров-Давыдов отметил ряд недоработок в ее исследовании. Не было учтено следующее: отсутствие у салтовских могил исключительно северной ориентировки; несовпадение ареалов распространения салтовской культуры и северной ориентировки погребенных в курганах кочевников; некачественный подбор материала для сопоставления, включавшего и сарматские погребения; отсутствие конструктивной идентичности салтовских и позднекочевнических погребе-

ний; и, наконец, наличие значительного хронологического разрыва между сравниваемыми памятниками.

В числе методических упущений было указано и на трактовку в качестве этнической черты обычая использовать в погребальном обряде извести и мела. Г.А. Федоров-Давыдов указал, что применение мела выходит за рамки салтовских традиций Северского Донца, оно характерно и для районов Поволжья, где признается наряду с подбоями в качестве локальной особенности поздних кочевников. Что касается последнего довода Г.А.Федорова-Давыдова, то он также со временем был опровергнут исследователями. Оказалось, что меловые посыпки - не локальная особенность Волжского региона, но более универсальный признак (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 68). Это опровержение только усилило позицию Г.А. Федорова-Давыдова в отрицании салтовской атрибуции данного признака.

В историографии известна и попытка связать меридионально ориентированные типы позднекочевнических могил с «позднесарматским погребальным обрядом V-VIII вв. на Волге», предпринятая Е.К. Максимовым. Также с позднесарматскими пережитками связал наличие мела и огненного ритуала Л.П. Зяблин (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.165). Эти умозаключения основываются на характерной методической базе 1950-х годов. Выводы обычно имеют весьма сильный субъективный акцент, так как базируются главным образом на привлечении аналогий.

Использование статистических методов Г.А. Федоровым-Давыдовым явилось началом качественно нового периода в историографии поздних кочевников. Предложенная им методическая схема стала своего рода образцом при выполнении региональных исследований. В то же время, как справедливо отметили С.А. Плетнева и А.О. Добролюбский, нетворческое использование системы Г.А. Федорова-Давыдова применительно к некоторым регионам, делает исследование неполными и неубедительными из-за ограниченности использованного при создании обобщающей работы материала (Плетнева С.А., 1973, с. 20; Добролюбский А.О., 1986, с. 211).

При изучении позднекочевнических древностей отдельных регионов авторы ищут возможности совершенствования методики Г.А.Федорова-Давыдова, ее адаптации к конкретным местным условиям. Эти условия определяются более полным учетом памятников, а также особенностями этнических, демографических, религиозных и иных частных ситуаций в определенные периоды. А.О. Добролюбский обратил внимание на тот факт, что, начиная со второго периода истории Степи (последняя четверть XI-XII вв.), ориентировка, оказываясь заимствованным этнокультурным признаком, превращается в хронологический показатель. «При этом типологически сходные, но разным образом ориентированные, могилы представляют различные этапы существования близкого этнически населения - диахронный срез его развития» (Добролюбский А.О.,1981, с. 7). В свое время Г.А. Федоровым-Давыдовым было выделено 66 типов захоронений, объединенных в восемь отделов. Отделы были определены по ориентировке погребенных и наличию или отсутствию костей коня, типы выделены по форме могильных ям и взаиморасположению костей человека и коня. А.О. Добролюбский в работе, посвященной кочевникам Северо-Западного Причерноморья, исходя из упомянутых выше соображений, 66 типов погребений в классификации Г.А.Федорова-Давыдова трансформировал в 27 диахронных типов. Уменьшение типологического дробления памятников за счет представления об их разновременности, по мнению А.О. Добролюбского, расширило атрибутивные возможности предлагаемой систематизации.

Редакцию системы Г.А. Федорова-Давыдова при исследовании памятников XIII-XIV вв. Южного Урала предпринял А.Ф. Яминов (Яминов А.Ф., 1995). Важным моментом при наличии внутрирегиональной типологической дифференциации стало включение в типологию могил надмогильных сооружений. Отделы А.Ф. Яминов распределил не по ориентировке, как Г.А. Федоров-Давыдов, а по особенностям насыпи, типы - по форме ямы, ориентировке человека, наличию или отсутствию костей коня. Внутри 10-ти отделов было выделено 50 типов погребений, большинство из которых имеет единичный характер, объясняемый автором полиэтничностью населения (Яминов А.Ф., 1995, с. 16).

Таким образом, в истории развития методики исследования средневековых кочевнических погребений выделяется три этапа. Первый этап включает исследования конца XIX - начала XX вв. - время первых попыток этнической интерпретации материалов. Второй этап связан с исследованиями 1940 -1950-х годов. Для него характерно оформление широкой источниковой базы, высокий уровень исторических методик при отсутствии специально разработанной археологической методической системы. Началом третьего этапа стала публикация исследования Г.А.Федорова-Давыдова в 1966 году. В распоряжении археологов оказалось качественная методика изучения кочевнических погребений, основанная на серьезной статистической обработке материалов. Вслед за этим трудом, посвященным восточноевропейским кочевникам в целом, появились региональные исследования.

Очевидно, что в перспективе результаты изучения отдельных районов степи и лесостепи станут основой для осмысления проблемы в целом. Такого рода труд будет базироваться на более высоких количественных и качественных характеристиках материала, использовании результатов изучения восточных степных территорий, на более полном учете социальных, в первую очередь имущественно-ранговых и религиозных факторов.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Чрезвычайно актуален вопрос возможности и рамок использования в качестве этнического и хронологического определителя особенностей погребального обряда. Погребальный памятник обнаруживает свою хронологическую позицию, как правило, по локализованным во времени типам вещей. Кроме того, интерес исследователей вызывают в этом плане и особенности конструкции могильной ямы, ориентировки погребенного, наличие и облик погребенной лошади.

Рассматривая опыт предшественников, в начале исследования Г.А. Фёдоров-Давыдов отверг попытки использовать в качестве основного датирующего признака особенности погребального обряда, в частности, ориентировку (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 8). Изучение связи черт погребального обряда с определённо датирующими формами инвентаря позволили автору сделать вывод о том, что северная ориентировка погребённого без частей коня, каменные выкладки над могилами и подбои в могилах связаны с культурой кочевников второй половины XIII-XIV вв. (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 160). Появление таких погребений объясняется приходом новых этнических групп. Если Г.А. Фёдоров-Давыдов говорит только о северной ориентировке, связанной с признаком «отсутствие коня», то А.О. Добролюбский представляет в виде хронологического признака ориентировку вообще. Исследователь исходит при этом из факта этнической атрибуции ориентировки человека, коня или его частей и динамики этнической картины во времени. Было отмечено, что этнокультурное взаи-

модействие, происходящее в определенные периоды, отражалось на погребальных памятниках главным образом в заимствовании способов расположения могил по сторонам света. Различно ориентированные, но типологически близкие погребения, по мнению А.О. Добролюбского, следует относить к разным эпохам (Добролюбский А.О., 1986, с. 40, 41). В связи с этим актуально наблюдение А.В. Евглевского о резком увеличении доли погребений с западной ориентировкой в IV периоде, что объясняется автором внедрением ислама (Евглевский А.В., 1990).

Заметим, что когда типы погребальных памятников однообразны и при этом являются унифицированными, использовать датировку в качестве датирующего показателя следует особенно осторожно.

Достаточно уверенно к IV периоду (вторая половина XIII-XIV вв.) можно отнести меридиональные могилы, так как доказано распространение такого рода памятников именно в эту эпоху. В то же время нелишним, по нашему мнению, будет подтверждение подобной датировки погребения наличием в курганной группе могил с северной ориентировкой человека, датируемых по инвентарю и имеющих черты генетического сходства. Возможности датировки погребений по данным планиграфии могильников сформулировал Г.А. Фёдоров-Давыдов: «следует думать, что...компактно расположенные среди более раннего кладбища курганы насыпаны какой-то одной группой кочевых народностей, систематически из года в год проходивших через этот район и сохранившей память о том, где они в прошлый раз хоронили покойников. Следовательно, хронологический диапазон таких групп курганов не был большим. А если это так, то всю группу можно датировать по тем комплексам, в которых сохранились датирующие вещи» (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 132).

Безинвентарные или имеющие малочисленный инвентарь погребения с западной ориентировкой также могут быть в ряде случаев датированы по обряду, на что указывают исследователи заволжских и южноуральских кочевнических могильников. Сочетание таких признаков, как западная ориентировка человека, наличие кыблы (обращение покойника лицом к Мекке через поворот головы), небольшие размеры насыпи, бедность или отсутствие погребального инвентаря характеризуют погребение как «раннемусульманское». Это определяет их хронологическую позицию серединой-второй половиной XIV в. (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 171-181). Типичность же для золотоордынского времени промежуточных ориентировок (между полярными и широтными) установлена А.О. Добролюбским на материалах Северо-Западного Причерноморья (Добролюбский А.О., 1986, с. 41).

Наконец, датирующим признаком считается способ членения ног у чучела коня, чему посвящено специальное исследование А.Г. Атавина (Атавин А.Г., 1984). Было выяснено, что способ членения ног у чучела животного подвергался изменению во времени: в печенего-торческую эпоху в могилу с покойником укладывали чучело коня с черепом и ногами, отчлененными по первые суставы, или без ног. С приходом половцев стали хоронить целого коня или его чучело с ногами, отсеченными по колено или выше. Проработка большого статистического материала позволила А.Г. Атавину установить датирующие возможности облика останков животного вполне определенно. С.А. Плетнёва поставила под сомнение выводы об этнохронологическом содержании способа захоронения чучела коня, в частности его конечностей, связывая длину ног чучела с социальным статусом погребённого человека (Плетнёва С.А, 2003, с. 158). Вместе с тем, С.А.Плетнёва использует и этнохронологический подход к интерпретации чучел (Плетнёва С.А., 2003, с. 123).

Рассматривая информативные возможности погребального памятника с точки зрения содержания его признаков, приведём также мнение о нетипичности для половецкой культуры наборного пояса. Наборные пояса, по заключению Л.М. Гаврилиной, распространились в золотоордынский период (Гаврилина Л.М., 1986, с. 12, 13).

В заключение этой темы отметим, что известные датирующие возможности ориентировки и других признаков не приемлемы к использованию в качестве этнического критерия вне этнохронологического периода. Например, если в I период печенежско-торческая атрибуция западной ориентировки не вызывает сомнений, то впоследствии она требует дополнительного обоснования. Или западная ориентировка раннемусульманского времени может быть как совпадением этнических языческих традиций, так и совсем не иметь этнической окраски, являясь «чистым» религиозно-конфессиональным показателем.

КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Кочевники средневековья представляют собой достаточно развитое стратифицированное общество. Для такого общества характерно сближение имущественного и рангового статусов индивида (Ольховский В.С., 1995, с. 95). В поисках объективных археологических критериев рангового статуса погребенного исследователи пришли к выводу, что им может быть количество труда, затраченное на совершение погребального обряда (Бунятян Е.П., 1985, с. 73; Массон М.Е., 1975, с. 169; Добролюбский А.О., 1978, с. 113, 114 и др.). Количество трудовых затрат на захоронение человека регламентировалось его прижизненным статусом, что засвидетельствовано этнографически (см.: Бунятян Е.П., 1985, с. 75).

При исследовании позднекочевнических курганов обращается внимание на связь социального статуса со сложностью погребального сооружения - не только известной количественной характеристики степени сложности, но и качественной ее стороны. Усложненная конструкция сооружения может быть не чисто этнической, а этно-социальной чертой погребального памятника. Подобное толкование может оказаться предпочтительным, если есть возможность наблюдать этнически идентичные памятники с разной степенью усложненности фиксируемых черт обряда. При этом разнообразие всех граней прижизненного статуса погребенного, как правило, не дает возможности выявить содержание тех или иных элементов конструкции памятника. Отношение к погребальному инвентарю как к социальному атрибуту у исследователей разное. Одни считают его показателем исключительно имущественного статуса; другие - ранговым атрибутом усопших; третьи, признавая связь между социальным и имущественным положением индивида, не рассматривают ее при этом как жесткую и одностороннюю (Добролюбский А.О., 1978, с. 113; Массон М.Е., 1976, с. 159; Бунятян Е.П., 1985, с. 73). По словам В.С.Ольховского, социологическая информация в содержание элементов погребального памятника напрямую входит весьма редко, например, надгробная стела с письменным указанием социального статуса погребенного, предмет, определенно связываемый с единственной социальной категорией (скипетр, корона и т. д.) (Ольховский В.С., 1995, с. 93).

К элементам прямой социологической информации не относятся наборы предметов погребального инвентаря, выделенные Г.А. Федоровым-Давыдовым для трех социальных групп памятников (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 116-118). К высшему разряду исследователем отнесены мужские погребения с золотыми вещами, кольчугой, шлемом, саблей, луком, иногда копьем; и женские - с золотыми вещами, разнообразным бытовым инвентарем и часто с костями коня или предметами сбруи.

Два других социальных слоя представляли собой, по определению Г.А.Федорова-Давыдова, лучников, вооруженных луком и иногда копьем, и зависимый слой населения, далекий от войны, не имеющий вооружения. В последних случаях не были учтены религиозные мотивы в характере «бедных» погребений. Религиозные черты погребальных памятников были приняты за имущественные и ранговые. Эту проблему, очевидно, и имеет в виду С.А. Плетнёва, говоря об иных критериях при исследовании погребального обряда (Плетнёва С.А., 2003, с. 122).

Социально определёнными вещами в археологии поздних кочевников считаются предметы посуды и наборные пояса. Социально значимую роль казана показал, опираясь на летописные и этимологические свидетельства, М.Л. Швецов: «Захоронения с казанами принадлежат, вероятно, представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества, а казаны, как и боевые наборные пояса, являлись атрибутами, подчеркивающими высокое социальное происхождение умершего» (Швецов М.Л., 1980, с. 200, 201). Продолжая мысль М.Л. Швецова, С.А. Плетнева предположила принадлежность «казанков», кованных из медных пластин, главам если не родов, то больших семей (Плетнева С.А., 1982, с. 23). Роль других категорий посуды в погребальном обряде требует специального изучения.

Продолжая тему ранговой характеристики погребенных, обратимся к вопросу значения наборного пояса. Известно, что в строго стратифицированных обществах члены определенных сословий имеют отличительные знаки (Бунятян Е.П., 1985, с. 74), и таким отличительным признаком в среде поздних кочевников традиционно считается наборный пояс. Если социально-знаковая сущность кочевнических поясов I тысячелетия осмыслена достаточно полно (Ковалевская В.Б., 1961, 1969; Гаврилина Л.М., 1986; Добжанский В.Н., 1990), то поясные наборы второй половины XIII-XIV вв. трактуются обычно как ранговые показатели лишь со ссылкой на ранние традиции.

Таким образом, при социологических реконструкциях в ходе настоящего исследования неизбежно обращение к вопросам социального содержания других, кроме казанов и казанков категорий посуды, а также оценка знаковой функции наборных поясов в золотоордынском обществе.

ГЛАВА II.
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ X - XIV ВВ. В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ

История исследования позднекочевнических древностей бассейна Среднего Дона представляется в виде двух этапов. Первый этап составили изыскания археологов и краеведов конца XIX - начала XX вв. (А.А. Спицын, А.Я. Кожевников, Н.Е. Макаренко, С.Е. Зверев, М.П. Трунов). В поле зрения археологов впервые попадают памятники поздних кочевников. Далее, на протяжении десятилетий исследования сохраняют эпизодический характер. Можно отметить лишь раскопки в середине XX в. экспедицией Государственного исторического музея во главе с В.П. Левашевой мусульманских памятников в Побитюжье (Красный хутор) (здесь и далее см. карты, рис. 1 и 66) Изучение этого комплекса занимает особое место в истории исследований. Оно определяется уникальностью для региона раскопанных памятников и высоким уровнем как полевых исследований, так и теоретического осмысления материала.

Начало второго этапа относится ко времени раскопок Воронежской лесостепной экспедиции Института археологии Академии наук СССР 1967 года; затем, с 1970-

х годов, активизировалась работа воронежских и волгоградских вузовских экспедиций (Воронежского государственного университета, Воронежского государственного педагогического университета, Волгоградского государственного университета), экспедиций Воронежского областного краеведческого музея, Воронежской Госинспекции охраны историко-культурного наследия. В начале 1970-х годов памятники средневековья на востоке рассматриваемого региона исследуются экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Основным содержанием данного этапа стала активная работа археологов по систематическому изучению лесостепного и северостепного Подонья. В этот период формируется база источников, особенно важная в отношении качественной стороны. Предпринимаются попытки представить общую картину кочевнического мира X - XIV вв., причем в ее динамике. Важным достижением стало привлечение археологических данных для историко-географических исследований донской территории.

Открытие же первого позднекочевнического погребения в лесостепном Подонье относится к 1872 году, когда А.Я. Кожевников раскопал курган у с. Марки (Каменский район Воронежской области, датированный по монете серединой XIV в.) (Цыбин М.В., 1986, с. 264). Вещи из этого кургана хранятся в Государственном Историческом Музее. М.В. Цыбин предположил, что это погребение оставлено половцами, продолжавшими кочевать в Подонье в золотоордынский период (Цыбин М.В., 1986, с. 264). Не сохранились материалы раскопок в начале 1890-х годов двух курганов у хутора Шемякинский Новохоперского уезда Воронежской губернии (Урюпинский район Волгоградской области). По описаниям С.Е. Зверева и А.А. Спицына, в этих курганах были своды из камней, под которыми стояли деревянные гробы. Покойники лежали головой на восток. В насыпи также присутствовали камни (Зверев С.Е., 1893; Спицын А.А., 1896; Цыбин М.В., 1986). Культурно-хронологическая принадлежность этих погребений не определена. Возможно их половецкое происхождение, в пользу чего свидетельствуют восточная ориентировка, наличие камня, расположение поблизости половецких каменных изваяний.

В 1902 году М.П. Труновым был раскопан позднекочевнический курган у с. Новый Буравль (Сафоновка) (Бобровский район Воронежской области) (Трунов М.П., 1902; Цыбин М.В., 1986). При погребенном, лежавшем головой на северо-запад, были «медный кованый котел» и «чашка из белого металла с примесью меди» (Цыбин М.В., 1986, с. 264).

В 1905 году в Императорскую археологическую комиссию поступили вещи из погребения XI в. у хутора Гаевка Валуйского уезда Воронежской губернии (ныне территория Белгородской области). Комплекс, датируемый по золотой византийской монете Василия-Константина, включал детали сбруи из серебра с позолотой и чернью (рис. 68). Из случайных находок того времени известен приобретенный Саратовским музеем серебряный ковш из кургана у села Мелик Балашовского уезда Саратовской губернии (рис. 17, 2). Типичный монгольский характер орнамента сосуда отметил еще А.А. Спицын (Спицын А.А., 1914, с. 104, рис. 37). В научном обороте находятся также костяные накладка и петля колчана из кургана у села Рыкань Воронежской губернии, хранящиеся в Государственном Историческом музее (рис. 54, II) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 258; Малиновская Н.В., 1974, с.163-164, табл. XV, рис. 83).

Авторы первых раскопок позднекочевнических погребальных памятников материалы исследований публиковали в «Записках Русского археологического общества», «Памятных книжках Воронежской губернии», «Трудах Воронежской ученой архивной комиссии» и других изданиях. Публикации представляют собой, как правило,

краткие словесные описания, часто без рисунков, планов. Это тем более вызывает сожаление, что не все предметы сохранились. Характерно для трудов того времени то, что авторы обычно не углубляются в этнокультурную характеристику рассматриваемых погребений.

В 1902 году на берегу левого притока Битюга реки Мечетка в окрестностях современного поселка Красный хутор М.П. Трунов осмотрел еще один археологический памятник, относящийся к культуре Золотой Орды (Трунов М.П., 1902). Это были развалины кирпичных зданий золотоордынского времени. К середине XX в. никакой кладки на поверхности земли уже не осталось. В 1948 году экспедицией Государственного Исторического музея под руководством В.П. Левашевой был исследован находившийся неподалеку горн для обжига кирпича и частично раскопана площадь одной из построек, как оказалось, мусульманского мавзолея-мечети. Остатки второй мечети оказались на территории современного кладбища и выпали из сферы исследования (Левашева В.П., 1960). В 1960 году вышла в свет работа В.П. Левашевой, посвященная итогам исследования этого комплекса, - статья «Золотоордынские памятники в Воронежской области» в «Трудах ГИМ» (Левашева В.П., 1960). Был сделан вывод о том, что «комплекс исследованных памятников точно датируется XIV в. и свидетельствует о золотоордынском господстве на данной территории» (Левашева В.П.,1960, с.185). Стало ясно, что Среднее Подонье входило в район не набегов, а постоянных кочевок населения Золотой Орды. Изучение комплекса памятников на Мечетке впоследствии продолжилось. В 1989 году М.В. Цыбин провел раскопки еще одной постройки. Были найдены остатки фундамента, собраны изразцы с поливой разного цвета, обнаружены погребения (материалы не опубликованы).

В 1960-е годы к памятникам поздних кочевников Среднего Дона при написании диссертации «Кочевники Восточной Европы X-XIV вв.» и монографии «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» обратился Г.А. Федоров-Давыдов. (Федоров-Давыдов Г.А., 1963; 1966). Были учтены некоторые случайные находки, погребения у Гаевки, Воробьёво и Марок. Немногочисленность среднедонских материалов не позволила автору поставить вопрос о своеобразии среднедонского региона.

В эти же годы древностям средневековых кочевников посвятил ряд небольших статей в «Известиях ВГПИ» А.Ф. Шоков (Шоков А.Ф., 1960; 1964; 1967). Одна из публикаций посвящена двум половецким статуям из села Марьевка Ольховатского района Воронежской области, хранящимся в Воронежском областном краеведческом музее (Шоков А.Ф., 1960). Сравнивая их с обликом статуй из коллекций Поднепровья, опубликованных С.А. Плетневой (Плетнева С.А., 1958), А.Ф. Шоков отметил особенность среднедонских изваяний: схематичность, невыразительность, грубость выполнения. С позиции современности, когда усилиями С.А. Плетневой и других исследователей изваяния систематизированы и превращены в полноценный источник, подобное сравнение выглядит поверхностным, так как по двум изделиям нельзя судить об их типичности для всего региона. К тому же, как известно, особенности технологии являются скорее хронологическим признаком, нежели этнографическим. Правда, никаких выводов из указанных различий А.Ф. Шоков не сделал.

В другой статье исследователь описал еще одно половецкое изваяние, обнаруженное на большом кургане в Петропавловском районе Воронежской области (Шоков А.Ф.. 1967). Он с осторожностью подошел к определению этнокультурного происхождения статуи, ограничившись констатацией тюркского ее характера. Последнее слово А.Ф.Шоков оставил за результатами раскопок кургана, на котором была уста-

новлена статуя, считая, очевидно, каменные изваяния надмогильными памятниками. В начале 1980-х годов скульптура была осмотрена и зарисована М.В. Цыбиным, а в 1996 году В.В. Попов произвел раскопки насыпи. Курган не содержал погребений. Было установлено, что он был специально насыпан для установки изваяния (Цыбин М.В., 1999, с. 138-139).

А.Ф. Шоков в следующей работе (Шоков А.Ф., 1964), посвященной поздним кочевникам, дает обзор древнерусских письменных источников, касающихся пребывания половцев в бассейне Дона, приводит описания несохранившихся «каменных баб», выполненные археологами и краеведами конца XIX - начала XX столетий. Результаты картографирования половецких статуй позволили ему провести северную границу их распространения по линии Острогожск - Павловск - Новохоперск. А.Ф.Шоков предположил, что это и есть северо-восточная граница кочевий донских половцев, за которой начинается уже не область кочевий, а область набегов (рис. 66).

К каменным половецким изваяниям Среднего Дона обратилась в специальном обобщающем исследовании С.А. Плетнева. Они были учтены в «Своде археологических источников» (Плетнева С.А., 1974, с. 190, табл. 74). Такого рода материалы впоследствии будут активно привлекаться в исследованиях М.В. Цыбиным (Цыбин М.В., 1986; 1999 и др.).

Следующие находки могил поздних кочевников связаны с изысканиями Воронежской лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР в 1967 году (Цыбин М.В., 1986). В.И. Гуляев исследовал погребение кочевника у станицы Букановская Волгоградской области. Это было впускное в курган эпохи бронзы погребение (рис. 69, I). Облик стремян позволил датировать погребение X-XI вв. и, следовательно, предполагать печенежско-торческое его происхождение.

В то же время Воронежской лесостепной экспедицией было раскопано пять позднекочевнических курганов в могильнике у села Лесное Саратовской области (левобережье Хопра) (рис. 40, 41). Все погребения были основными. Четыре из них совершены в узких прямоугольных ямах с подстилкой из коры (рис. 40, II; 41). Три погребения ограблены и разрушены. В трех фиксировалась ориентировка покойников на запад. В трех насыпях прослеживались следы огненного ритуала в виде остатков кострищ. В двух случаях было отмечено обращение покойников лицом к югу. Погребальный инвентарь беден. Результаты этих раскопок были опубликованы М.В. Цыбиным в журнале «Советская археология» (Цыбин М.В., 1986).

В 1971 году Приволжским отрядом Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.И. Мамонтова исследуется курганный могильник на востоке региона, у станицы Глазуновской Кумылженского района Волгоградской области (рис. 60-65). Было открыто 12 погребальных памятников кочевников средневековья, осмотрены остатки поселения золотоордынской эпохи, а также получены сведения об утраченном сооружении, вероятно, мечети. Исследованиям могильника посвящена статья В.И. Мамонтова и А.В. Ситникова (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1995). Могильник у Глазуновской составили основные погребения, совершённые под небольшими насыпями (высотой от 0,3 до 1,0 м, диаметром от 3,5 до 10 м). Ориентировка погребённых представлена направлениями на запад (6 случаев), северо-восток (4) и север (2). Пять погребений – безинвентарные. Характерно присутствие в трёх насыпях керамики. Любопытен также факт находки в насыпи богатого (женского) погребения кургана 5 серпа. Вместе с тем, вещи, типичные для погребений воинов-кочевников, в могилах отсутствуют. Авторы публикации относят могильник к этапу перехода кочевого населения к оседлости. Это объясняет и отсутствие воинских кате-

гории инвентаря, и наличие в насыпи керамического материала (Мамонтов Б.М., Сиников А.В., 1995, с. 95).

В1970-е годы отрядом экспедиции Воронежского государственного университета исследуются курганы у сёл Ольховатка и Караяшник Ольховатского района Воронежской области. Раскопанный Ю.П. Матвеевым курган у села Ольховатка (рис. 70) датирован половецким периодом по облику погребального инвентаря. Материалы раскопок опубликованы М.В. Цыбиным в указанной выше работе. Результаты раскопок двух курганов у села Караяшник изложены Ю.П. Матвеевым и А.П. Медведевым в статье «Курганы у села Караяшник на территории Воронежской области» (Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979). В могильнике, насчитывавшем 23 насыпи, два из одиннадцати исследованных курганов содержали позднекочевнические погребения (рис. 34). Одно из них было ограблено и разрушено. В кургане 6 погребенный лежал головой на северо-восток. Погребальный инвентарь был небогат. Оригинальный вид имеют бронзовые плоские подвески (рис. 34, I, II). Курганы датированы золотоордынским периодом. Авторы назвали аналогии этим могилам - погребения в урочище Каменная Балка на Нижнем Дону, определенные С.А. Плетневой как половецкие XII-XIV вв. (Плетнева С.А., 1962, с. 137).

В 1978 году экспедицией Балашовского государственного музея краеведения под руководством А.А. Хрекова при исследовании многослойного городища у села Никольевка Балашовского района Саратовской области было открыто погребение, датируемое стратиграфически периодом не позднее XII в. (рис. 67, III). По предположению М.В. Цыбина, погребальный обряд в этом случае соответствует торческому (Цыбин М.В., 1986, с. 257). Поводом для такой характеристики послужила северо-западная ориентировка погребенного и наличие на приступке костей коня - неполного скелета. Это погребение было грунтовым, во всяком случае, следов насыпи не зафиксировано.

Следующие находки аналогичных грунтовых погребений относятся к концу 1990-х годов. Два грунтовых захоронения Таганского грунтового могильника в Павловском районе Воронежской области описаны Ю.П. Матвеевым и М.В. Цыбиным (Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 1999, с. 73-76) (рис.67, II). Погребение 3 с чучелом коня имеет такую же, как в погребении у Никольевки, северо-западную, близкую к меридиональной ориентировку; погребение 7 с северо-восточной ориентировкой покойника имело такой признак сходства с никольевским захоронением, как возвышенное расположение чучела лошади. Погребения Таганского могильника также вошли в научный оборот как печенежско-торческие (Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 1999; Цыбин М.В., 2000).

В 1980 году экспедицией Воронежского госпединститута (в настоящее время - университет) под руководством А.Т. Синюка было исследовано впускное в курган эпохи бронзы погребение у села Новомеловатка Калачеевского района Воронежской области (рис. 38). Погребенный лежал в очень широкой яме головой на север и был похоронен, судя по монете, не ранее второй четверти XIV в. Кроме монеты, в могиле были найдены сильно коррозированные остатки кольчуги и другие изделия (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986).

Упомянутая выше работа М.В. Цыбина 1986 г. «Погребения кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье» стала первой обобщающей работой по археологии поздних кочевников рассматриваемого региона. В ней были опубликованы и осмыслены материалы большинства указанных выше погребений. Впервые специалисты получили цельную динамичную картину кочевнического мира Среднего Подонья X-XIV вв. Важным моментом стало привлечение письменных свидетельств о пребывании полов-

цев в рассматриваемом регионе, картографирование погребений в сопоставлении с местами находок кладов монет, половецких изваяний, древнерусских поселений. М.В. Цыбин разделил погребения на три хронологические группы: 1) погребения X-XI вв. (Букановская, Никольевка); 2) погребения XII-начала XIII вв. (Ольховатка, могильник Лесное); погребения золотоордынского периода (Марки, Нов. Буравль, Караяшник, Новомеловатка) (Цыбин М.В., 1986, с. 264-265). Исходя из факта кочевания в X-XI вв. на территории Среднего Подонья печенегов и торков, автор допустил вероятность сохранения какой-то части этого населения в половецкий период, что отразилось, по его мнению, на погребальном обряде могильника у с. Лесное. Погребения у с. Лесное отнесены исследователем к половецкому периоду (XII- начало XIII вв.). По мнению М.В. Цыбина, «погребальный обряд могильника имеет смешанный характер: в нем есть половецкие черты (применение камня в сооружении курганной насыпи), печенежско-торческие (западная ориентировка), присутствие в могилах органической подстилки встречалось в ямных погребениях салтово-маяцкой культуры» (Цыбин М.В., 1986, с. 264). Исследователь приводит в подтверждение тезиса о синкретическом характере погребений известное наблюдение о том, что в половецкий период основная масса кочевнических погребений имела смешанный печенежско-торко-половецкий характер (Степи.., с. 218-219).

Однако погребения не содержат вещей, имеющих облик хронологически определённых для какого-либо периода типов. Инвентарь датируется по аналогиям и имеет широкий диапазон бытования (XII-XIV вв.). Выделяется лишь фрагмент зеркала с «овами» (рис. 41, III, 4), аналогии которому известны в погребениях только золотоордынского периода (Л.В. Яворская Л.В., 1999, с. 185, рис. 7; Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1994, с. 155, рис. 3, 9). При таком наборе вещей одна только западная ориентировка покойников едва ли может служить достаточным основанием для привязки к более раннему печенежско-торческому периоду, ибо хорошо известна и в монгольское время (причем не только как реликт обряда кочевников X-XI вв.). То же можно сказать и о связи органической подстилки с погребальным обрядом групп населения салтово-маяцкой культуры.

На наш взгляд, при характеристике могильника у с. Лесное была преувеличена этническая атрибутированность ряда черт погребального обряда, этнокультурные определения проведены на основании отдельных довольно универсальных признаков. Более полно датирующие возможности зеркала не были использованы, видимо, из-за их к тому времени неопределённости. Три погребения с инвентарем золотоордынского периода (Марки, Караяшник, Новомеловатка) в этнокультурном плане определены М.В. Цыбиным как половецкие. На этом определении строятся выводы о стабильности половецких кочевий на протяжении XII-XIV вв. Между тем, ни в одном из этих погребений не отмечено признаков, определенных как половецкие.

Последующие открытия памятников золотоордынского периода с половецкими чертами (могильник Старая Калитва) подтвердили правильность позиции М.В. Цыбина о сохранении половцами своих кочевий в XIII-XIV вв. Точка зрения М.В. Цыбина основывается на признании безусловной связи погребений второй половины XIII-XIV вв. с половецкими каменными изваяниями, известными в бассейне Среднего Дона, и факте кочевания здесь половцев, что М.В. Цыбин весьма убедительно показал на основе письменных источников.

В том же 1986 году в журнале «Советская археология» публикуются и результаты раскопок кургана у села Новомеловатка Калачеевского района Воронежской области. А.Т Синюк и В.И.Погорелов отказались от безоговорочного признания поло-

вецкой природы памятника. Авторы говорят о принадлежности новомеловатского погребения к одной из групп кочевников вообще (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986).

В последующие годы продолжалось накопление материала. В 1985-1987, 1989, 1991, 1996 годах А.Т.Синюк и В.Д. Березуцкий исследовали курганы I Власовского могильника, расположенного на водоразделе рек Ворона и Баклуша (бассейн Хопра) у села Власовка Грибановского района Воронежской области (Березуцкий В.Д., 1988). Могильник содержал 18 курганов разных эпох (по последним данным исследователей – 19 курганов). Наряду с погребениями бронзового, раннего железного веков были открыты четыре погребения поздних кочевников (рис. 42-45). Их описание и подробный анализ даны в работе В.Д. Березуцкого «Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона» (Березуцкий В.Д., 1988). Один из этих комплексов оказался разрушенным грабителями. В сохранившихся погребениях прослеживалась меридиональная и промежуточные ориентировки (на север, юг, северо-восток). Погребение в кургане 15 оказалось довольно богатым (рис. 44, 45). Замечательной находкой является серебряный поясной набор. Погребенный - юноша - лежал головой на север. Два впускных позднекочевнических погребения содержались в кургане 3. Одно из них, совершенное в очень широкой яме, вытянутой по линии северо-запад - юго-восток, было ограблено и разрушено. Другое погребение принадлежало женщине. Могильная яма в этом случае не прослеживалась, скелет был обнаружен непосредственно под дерном. Погребенная лежала головой на юг с незначительным отклонением в западный сектор. Сопутствующий инвентарь состоял из осколка бронзового зеркала с орнаментом в виде арабской надписи почерком «насхи», бронзовых бубенчика и наперстка. Погребение кургана 10 - впускное (рис. 43). Яма оказалась наложенной на основную сарматскую могилу, включив в себя последнюю. Похороненная женщина лежала головой на северо-восток. (Березуцкий В.Д., 1988, с. 156). Интересно, что создателями позднекочевнической ямы были оставлены сарматский кувшин и миска.

Позднекочевнические погребения I Власовского могильника были датированы золотоордынским периодом. В.Д. Березуцкий предположил возможную принадлежность памятников донским половцам, в то же время поставил вопрос о неместном их происхождении. Следы огненного ритуала в одном из курганов позволили предположить связь с кочевниками волжских степей, а северная ориентировка человека в погребении 3 кургана 15 - южносибирское его происхождение. Поиск аналогий шёл в соответствии с выводами и гипотезами Г.А. Фёдорова-Давыдова, выделившего локальные варианты культуры кочевников.

Таким образом, при изучении среднедонских кочевников золотоордынского времени исследователями были высказаны идеи о возможности распространения здесь культур, сформировавшихся вне региона. Оценка как «не половецкого», а «собственно золотоордынского» памятника до сих пор касалась только мусульманского комплекса у Красного хутора (Цыбин М.В., 1986, с. 265).

Представления о некоторой культурной замкнутости территории постепенно преодолеваются. В 1993 году выходит в свет статья А.З. Винникова, К.Ю. Ефимова и М.В. Цыбина «Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки», посвященная итогам раскопок экспедиции Воронежской Госинспекции по охране историко-культурного наследия (руководитель раскопок К.Ю.Ефимов) в Борисоглебском районе Воронежской области (Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993). Могильник находится на левом берегу Хопра. Он включает курганы различных археологических культур. Позднекочевнические курганы могильника авторы датировали половецким и золотоордынским временем. Таких памятников исследовано десять (рис.

46-54). Была выделена группа курганов, для которых характерно наличие на уровне погребенной почвы следов кострища, кости животных в насыпи, длинные узкие могильные ямы с перекрытиями, ориентировка погребенных головой на север или северо-восток, остатки гробовищ (?) (Винников А.З., Ефимов, К.Ю., Цыбин М.В., 1993, с. 91). Эти четыре погребения датированы исследователями второй половиной XIII-XIV вв. В подтверждение такой хронологической позиции они приводят не только датирующие формы инвентаря, но и факт северной ориентировки погребенных, характерной для этого времени. Северную ориентировку авторы рассматривают как с точки зрения С.А. Плетневой о восточноевропейском, салтовском происхождении меридиональных могил, так и с позиции Г.А. Федорова-Давыдова, связывающего такие могилы с пришедшими с монголами южносибирскими племенами.

Присутствие следов огненного ритуала сближает курган 24 с отмеченной группой (рис. 50). Скелет лежал в узкой могильной яме черепом на запад. Погребальный инвентарь, как и в других курганах рассматриваемого могильника, был небогат. В кургане на уровне древней дневной поверхности была погребена лошадь, что весьма важно с точки зрения этнокультурных реконструкций. Захоронение лошади содержал ещё один курган могильника. Погребенный был ориентирован головой на запад - юго-запад. В остальных погребениях отмечены ориентировки покойников на юг с незначительным отклонением в восточный сектор, запад - северо-запад, запад. Аналогичны по ряду признаков погребения в курганах 31 и 81 (рис. 44, 1): погребенные здесь обращены лицом к югу, погребальный инвентарь отсутствует. Так как отсутствовал определенно датирующий инвентарь, хронологию погребений в курганах 31 и 81 А.З. Винников, К.Ю. Ефимов и М.В. Цыбин определяют в широких пределах - XII-XIV вв., охватывающих половецкий и золотоордынский периоды. Ими не исключается принадлежность курганов 24 и 25 к золотоордынскому времени. Датирующим признаком в этом случае послужили следы огненного ритуала, связывающие эти погребения с подобными памятниками могильника, датированными по инвентарю. Погребение в кургане 32 отнесено к золотоордынскому периоду. Западная ориентировка в курганах данного времени представляется исследователям чем-то необычным, так как единственным ее содержанием видится печенежско-торческая этнокультурная атрибуция - пережиток обряда X-XI вв., весьма далекого в хронологическом плане. Погребение в кургане 69 определено авторами как имеющее синкретический печенежско-торко-половецкий характер и отнесено к половецкому времени - XII-началу XIII вв.

Это была вторая попытка осмысления относительно массового (в демографических масштабах региона) материала. Во многом в исследовании сохраняются методические установки первой подобной работы (Цыбин М.В., 1986). Вместе с тем, среднедонская степь и лесостепь золотоордынского времени уже не рассматриваются как регион стабильный в этническом плане, несколько изолированный от влияния этносов Великого пояса степей Евразии.

В 1989-1990 гг. Донским отрядом археологической экспедиции Волгоградского государственного университета исследуются курганы кочевников золотоордынского времени на востоке Донского бассейна, во Фроловском районе Волгоградской области. Результатам работ посвящена статья Е.В. Круглова и В.М. Клепикова (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993). Два кургана в III Шляховском могильнике содержали погребения средневековых кочевников (рис. 55, 56). В кургане 1 размещались два погребения людей пожилого возраста – мужчины и женщины. Курган выделяется довольно большим по сравнению с другими курганами восточной части Донского бассейна диаметром – 32 м. Основным было погребение 2 – мужское. Яма ориентирована в широт-

ном направлении. Кости скелета были разбросаны. Расположение основной их массы в западной части могилы позволяет предположить и соответствующую ориентировку погребённого. Погребение 1 – женское - отличается необычным обликом. В нём сочетаются признаки: северная ориентировка (ССЗ), наличие целого остова лошади, наличие части туши быка. Авторы предложили выделить это погребение в особый тип по признаку присутствия костей быка (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993, с. 150). Погребения этого кургана объединяют одинаковые и, редкие для Среднего Подонья, наборы стремян (рис. 55, 9, 10; 56, 6 ,7). Оба захоронения датируются золотоордынским периодом истории Степи.

Погребение средневекового кочевника в кургане 2 у хутора Ветютнев - единственное средневековое в группе из 10 исследованных курганов (рис. 57). Оно совершено в большом по размерам кургане (диаметр 42 м, высота 1,07 м). Могильная яма имела перекрытие. Погребённый – пожилой мужчина – ориентирован на северо-восток. Погребение отличается некоторыми оригинальными вещами. Это деревянный наконечник стрелы и рыболовный крючок.

При исследовании Донским отрядом кургана 2 I Шляховского могильника было выявлено сооружение, интерпретированного авторами как развалины мавзолея (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993, с. 145) (рис. 58, 59). Здесь были похоронены женщина и ребёнок двух-трёх лет. Погребальная камера сооружена из обожжённого кирпича. Как отметили Е.В. Круглов и В.М. Клепиков, строительство таких мемориальных архитектурных памятников широко практиковалось в мусульманских странах, начиная с XI в. Обращают на себя внимание и немусульманские черты – наличие углей и костей животных в насыпи, украшений на погребённой, зуба крупного домашнего животного в заполнении камеры. Высокий социальный статус погребённой маркируется наличием набора серебряных монет и бронзовой с позолотой нашивки, инкрустированной стеклом и жемчугом. Это изделие выходит за рамки типового украшения – товара широкого потребления наподобие подвесок в виде знака вопроса. Что касается синтетического характера погребения, объединяющего языческие и мусульманские черты, то исследователи объясняют его не вполне устоявшейся даже к середине XIV в. исламской традицией.

В 1991 году К.Ю. Ефимовым при исследовании могильника у села Старая Калитва Россошанского района Воронежской области было выявлено позднекочевническое погребение. Результаты исследования опубликованы в 1999 году (Ефимов К.Ю., 1999 б) (рис.37). Стены могильной ямы были облицованы деревом, на приступке размещались кости лошади. Погребенная женщина лежала головой на юго-восток в небольшой деревянной лодке. Из вещей выделяются серебряные детали роговидного украшения головного убора половчанок (рис. 37, 11-13). Черты погребального обряда, облик инвентаря позволили автору включить раскопанное погребение в круг половецких древностей XII-XIV вв. (Ефимов К.Ю., 1999 б, с. 234).

Исследованное на окраине Старой Калитвы кочевническое погребение было не единственным захоронением подобного рода в могильнике. За несколько лет до раскопок в этом селе краевед А.Я. Морозов наблюдал разрушенную при строительных работах могилу (рис. 36). Им были описаны и частично собраны предметы вещевого комплекса, отмечены некоторые черты погребального обряда. Погребенный лежал головой на восток. При нем находилось кожаное налучье, серебряный поясной набор, серебряный сосуд с остатками железной ручки. По инвентарю погребение датируется XIV в. (Кравец В.В., 2001а). Можно допустить сужение до XIV в. хронологии женско-

го половецкого погребения в этой же части Старой Калитвы, датированного XII-XIV вв.

Большое значение для этнокультурных и социальных реконструкций имеют раскопки могильников аристократии А.А. Бойковым (Высокая Гора) и К.Ю.Ефимовым (Олень-Колодезь). Могильник Высокая Гора расположен на водоразделе рек Богучарка и Дон у села Дьяченково Богучарского района Воронежской области (рис. 23, I). Два кургана содержали погребения золотоордынского периода (Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000). Погребение мужчины в кургане 2 было единственным (рис. 23-25). Насыпь имела большие размеры (высота 1,46 м, диаметр до 34 м) и сложную конструкцию, включающую каменные, насыпные из грунта и деревянные сооружения.

Широкая могильная яма содержала деревянную перегородку. Западная камера, несколько приподнятая над восточной, была пустой. В восточной части могилы находился скелет человека, положенного головой на север в гробу с двойными стенками. Набор вещей был богат и разнообразен, включал помимо предметов вооружения тяжелого всадника, казан, наборный пояс и другие вещи.

Насыпь, сооруженная над женским погребением Высокая Гора 3/2 (рис. 26, 27), перекрывала курган скифского времени. Она включала кольцевой ров. Могила с трех сторон была окружена ямами-кенотафами, обложенными плоским камнем. Могильная яма имела аналогичную погребению кургана 2 конструкцию (рис. 26, II). Погребенная лежала в гробу на войлочной подстилке. При ней находились казан и чаша (однотипные найденным в мужском погребении), набор украшений из золота, серебра, янтаря, бытовые предметы. Особенности конструкции погребального сооружения и ряд других признаков позволили связать могильник с культурой населения Алтая XIII-XIV вв. (Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000).

В 1996 году экспедицией Воронежской Госинспекции ОИКН были проведены охранные раскопки курганного могильника у села Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области (север среднедонского бассейна). Было открыто три погребения поздних кочевников. Одно из погребений ограблено, два других содержали богатые комплексы золотоордынского времени. Результаты их исследования вышли в свет в журнале «Российская археология» (Ефимов К.Ю., 2000). В кургане 7 был погребен мужчина (рис. 28-31). Скелет лежал в гробу в широкой яме со ступенькой-возвышением. Погребенный был снаряжен шлемом с бармицей, кольчугой, имевшей следы позолоты; при нем находились позолоченные наконечники стрел в берестяном колчане, серебряный позолоченный поясной набор, обильно декорированный фигурками барсов, железный топор, инкрустированный в зверином стиле золотом и другие социально престижные вещи.

В кургане 9 было выявлено женское погребение, совершенное также в довольно широкой яме (рис. 32, 33). Погребенная лежала в гробовище из цельного дуба. Вещевой комплекс включал изделия из драгоценных металлов, серебряную чашу. В могиле находился и казан, аналогичный по форме сосудам из могильника Высокая Гора. Упряжь представлена удилами, парой стремян, остатками седла.

К.Ю. Ефимов датировал погребения концом XIII-началом XIV вв. по облику чаши. Такой трактовке соответствует и находящийся в погребении статистически обоснованный датирующий материал - наконечники стрел. (Ефимов К.Ю., 2000, с. 176, 180). Аристократический характер погребений не вызывает сомнений. Тем не менее, не достаточно убедительным выглядит толкование автором социально-ранговой атрибуции наборных поясов, основанное на их упоминании в Духовных грамотах русских князей. Наборные пояса, как видно из грамот, завещались великими князьями в списке

других вещей, без оговорок их особого места, особой знаковой нагрузки (Ефимов К.Ю., 2000, с. 180; Духовные.., с. 7-9). Материалы раскопок курганов у Олень-Колодезя в первой, предварительной, а затем и в основной публикациях (Ефимов К.Ю., 1999а; 2000) используются К.Ю. Ефимовым для уточнения некоторых исторических и историко-географических представлений, касающихся Червлёного Яра - территории Доно-Хоперского междуречья эпохи средневековья. Автор подтверждает на основании этих материалов принадлежность северных районов Среднего Подонья Золотой Орде.

Вопрос о границах Золотой Орды в Подонье, к решению которого были привлечены курганы у Олень-Колодезя, является дискуссионным. В.Л. Егоров на основе письменных источников включил Верхний и Средний Дон в территорию этого государства (Егоров В.Л., 1985, с. 41, 52-53). Его оппонент - М.В. Цыбин - поставил такие представления под сомнение. Привлечение наряду с письменными археологических источников позволило М.В. Цыбину придти к мнению о принадлежности кочевникам только части бассейна Среднего Дона - до р. Тихая Сосна (Цыбин М.В., 1993, с. 124). Открытие же могильника Олень-Колодезь позволяют уточнить северную границу кочевий, ограничив ее северными пределами Среднего Подонья (рис. 7).

К.Ю. Ефимов обращается, кроме того, к теме взаимоотношений русского оседлого и нерусского кочевого населения Червленого Яра. Поставленный в свое время А.А. Шенниковым вопрос об отсутствии феодалов в среде, как оседлого, так и кочевого населения рассматриваемой области с открытием аристократических погребений у Олень-Колодезя и на Высокой Горе утрачивает, по словам К.Ю.Ефимова, смысл. Привлекая письменные источники, автор ставит под сомнение представления А.А. Шенникова об исключительно мирном и взаимовыгодном сосуществовании русских оседлых и тюркских кочевых общин. Было показано, что русское население Червленого Яра, обладая относительной свободой, все-таки было подвластно кочевникам-феодалам (Ефимов К.Ю., 2000, с. 181). Тем самым была подтверждена обоснованность позиции М.В. Цыбина в дискуссии о характере взаимоотношений русских и кочевников. Полемика началась с рецензии М.В. Цыбина на вышедшую в 1987 году книгу А.А. Шенникова «Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья» (Цыбин М.В., 1990). Слабым местом монографии оказались пробелы в системе источников, в которую не были включены археологические материалы. Рецензируя работу А.А. Шенникова, М.В. Цыбин, восполнил эти пробелы, привлечением накопленных археологами к тому времени источников, что серьезно изменило предлагаемую историко-географическую и историко-политическую картину.

Историография кочевников X-XIV вв. в Среднем Подонье относительно небогата, что объясняется немногочисленными по сравнению с другими регионами открытиями позднекочевнических памятников, и, в основном, имеет характер публикаций. Ее развитие было напрямую связано с состоянием методики изучения кочевнических памятников, а также характером раскопанных погребений. Тенденции в историографии можно представить следующим образом. Первый этап, соответствующий первому этапу раскопок, характеризуется краткими, часто неиллюстрированными публикациями материалов полевых исследований в воронежских и всероссийских изданиях в конце XIX-начале XX вв. Эти работы имеют описательный характер. Это понятно, так как немногочисленность открытых курганов долго не позволяла провести исследования обобщающего характера. Для второго этапа (1960-е годы) характерно крайне небольшое количество нового археологического материала. Интерес к половецким древностям пробудила известная работа С.А. Плетневой «Печенеги, торки и половцы в юж-

норусских степях» (1958 г.). А.Ф. Шоков обратился к исследованиям первых воронежских археологов. Им предпринимаются попытки осмысления на основе этих источников места лесостепного Подонья в истории и географии половцев. Особое место ввиду уникальности комплекса и высокого уровня самого исследования заняла статья В.П.Левашевой о раскопках мусульманских памятников на реке Мечетка. Третий и четвертый этапы историографии основываются на материалах полевых исследований археологов Воронежа, Волгограда, других научных центров, начавшихся в 1967 году раскопками Воронежской лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР. Они включены нами в третий период истории изучения позднекочевнических памятников. Третий этап историографии составили исследования 1970-х - середины 1980-х годов. Для него характерно представления о золотоордынских языческих погребениях как исключительно половецких по своей этнокультурной сути при возможном влиянии печенежско-торческого и салтовского элементов. В это время предпринимаются первые попытки глубокого осмысления всего накопленного материала, связанные с работами М.В. Цыбина. Четвертый этап (с конца 1980-х годов) основан на публикациях новых материалов, значительную долю которого составили открытия могил с меридиональной и близкой к ней ориентировкой погребенных. Это побудило кочевниковедов глубже подходить к этнокультурной интерпретации исследуемых памятников. Наряду с обычными попытками проследить этнические корни населения, оставившего погребения, в среде кочевых племен южнорусской степи и лесостепи, обращается внимание и на возможное влияние кочевников восточных областей степного пояса. Таким образом, преодолеваются представления о высоком уровне стабильности этнической картины среднедонского региона, о некоторой замкнутости региона для внешнего влияния.

ГЛАВА III.
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

Погребальный памятник обычно рассматривается как сохранившийся и зафиксированный археологически результат комплекса обрядовых действий. Эти действия были направлены не только на оборудование места захоронения, их результатом является и нахождение в могиле определенных вещей, особенности размещения покойника. Поэтому типология погребальных памятников не может быть сведена к выявлению закономерностей в их конструкции, выделению типов могильных ям, курганных насыпей. Обязательной частью типологической системы должны быть и вещевые комплексы. Безусловно, не все предметы, помещённые в могилу, фиксируются, но проблема сохранности касается всех черт погребального памятника, а не только вещевых комплексов.

Исходя из этого, классификация погребений осуществлена в данной работе по следующему плану:

1) классификация надмогильных сооружений;
2) классификация могильных ям;
3) классификация вещей;
4) выявление типов вещевых комплексов.
5) выявление и сопоставление комплексов устойчивых признаков, определение их информативных возможностей и выделение на основе выявленной связи признаков типов погребальных памятников.

Таким образом, типы погребений в предпринимаемой классификации основываются на комплексах достаточно определённо связанных признаков, на связях, присутствующих, как правило, в виде тенденции, но не прецедента. Это означает, что в качестве цели классификации ставится не ревизия типологии Г.А.Фёдорова-Давыдова, охватывающей все известные к середине XX в. варианты погребальных памятников кочевников, а формирование блоков типологически идентичных погребений для исторических интерпретаций.

ТИПОЛОГИЯ НАДМОГИЛЬНЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Надмогильные сооружения

Погребальный памятник как сохранившийся до наших дней итог обрядовых действий отражает некоторые закономерности в организации места захоронения. Они касаются особенностей выбора места для устройства могильной ямы.

По этому признаку погребения распределяются по трем отделам (табл. 3).

Отдел I составляют основные погребения.

Отдел II - погребения, у которых могильная яма устроена у основания ранее сооруженного кургана. Курганная насыпь над этой ямой перекрывает раннюю насыпь. Обоснованность неслучайного характера подобного устройства определяется, во-первых, проявлением этой особенности как тенденции; во-вторых, типичностью этой черты для некоторых групп кочевников евразийских степей (Степи.., с. 194 -195). Эти погребения, обычно, трактуют как впускные.

Отдел III - впускные погребения.в насыпи ранее сооруженных курганов.

Социальные и этнотрадиционные факторы отражаются на облике памятников всех трех отделов. Это проявляется, в частности, в размерах надмогильных сооружений: насыпей, досыпок над впускными погребениями. Объемные показатели, как правило, выражены четко, и мы имеем возможность по этому признаку выделить варианты каждого из отделов.

В качестве критерия для характеристики насыпи как «большой» (**вариант А**) или «небольшой» (**вариант Б**) следует принять степень близости к средним размерам по высоте и диаметру группы схожих по величине курганов, существенно отличающихся по этим показателям от других, подобным образом сформированных групп.

Выделяются однообразием курганы могильника Третьяки. Их диаметр лишь в одном случае превышает 10 м. Средний показатель диаметра 8,0 м, высота - не более 0,7 м при среднем показателе 0,4 м (имеются в виду основные погребения). К этому же типу принадлежат курганы могильника Лесное, Глазуновского могильника.

На основе данных этих могильников определим типичные размеры насыпей варианта Б - диаметр - в среднем 7 м, высота около 0,4 м. Эти параметры касаются отделов I и II, обозначающих основные погребения.

В отделе III вариант А обозначает погребения, с заметно изменившимися при совершении подзахоронения размерами основной насыпи. При отсутствии этого признака погребения относятся к варианту Б.

В качестве иллюстрации приведем следующие памятники:

отдел IA - Высокая Гора 2 (рис. 23, II);

отдел IБ - Караяшник 6 (рис. 34, II, 1);

отдел IIA - Высокая гора 3/2 (рис. 26, I);

отдел IIБ – Вервековский 2/1 (рис. 35, 1);

отдел IIIA – Новомеловатка 1 (рис. 38, 1);

отдел III Б – I Власовский 15/3 (рис. 44, 1).

Типы принято выделять по особенностям насыпи. Есть основания обозначить два основных типа:

тип 1 - простая грунтовая насыпь;

тип 2 - грунтовая насыпь, содержащая каменные площадки различной формы (рис. 45, 1).

Различные вариативные признаки этих насыпей отражают степень сложности фиксируемых обрядовых действий и определяются следующим образом:

а) площадки прокаленного докрасна грунта;

б) кости животных (обычно трактуется как остатки тризны);

в) кострища - зольные пятна (вероятно, следы тризны). К этому варианту следует отнести и признак «угли в насыпи»;

г) фрагменты дерева;

д) отдельные камни;

е) керамика в насыпи;

ж) остатки шатровой конструкции;

з) ямы-кенотафы вокруг могильной ямы;

и) кольцевой ров;

Отметим, что особенности сооружений отдела II фиксируют в первую очередь этнические традиции. Их характер не универсален и рассматривается в качестве локального своеобразия культуры кочевников (Степи.., с. 194).

Погребальные сооружения

Приступая к классификации могильных ям, остановимся на вопросе содержания типообразующих признаков. Как известно, типы выделяются по существенным признакам погребального памятника, в которых проявились достаточно устойчивые нормированные действия. Для типологии выделяются те признаки, которые маркируют этнический и социальный характер памятника.

В качестве главных классификационных признаков Г.А. Федоров-Давыдов предложил ориентировку человека и наличие или отсутствие лошади (в том числе, ее чучела). Признавая существенность этих черт, мы согласимся и с наблюдением А.О. Добролюбского о том, что типологически сходные, но разным образом ориентированные могилы представляют собой различные этапы существования близкого этнически населения - диахронный срез его развития (Добролюбский А.О., 1981, с. 7). Поэтому следует иметь в виду возможную этническую и социальную идентичность разным образом ориентированных, но отличающихся по конструкции могил.

Сложнее в этом случае оценить соответствие в двух хронологических срезах места погребения лошади. Оно может быть стабильным во времени, не зависящим от расположения покойника. Может быть и «привязанным» к последнему, меняя вместе с ним свою позицию.

Хронологическим показателем является в определенной степени форма могильной ямы. Так, со второй половины XIV в. в Заволжье и Приуралье обычными становятся узкие длинные могильные ямы без уступов, ориентированные разнообразно, чаще в широтном направлении.

По признаку ширины выделяются две группы могильных ям. Могильные ямы первой группы имеют ширину от 0,5 м до 1,05 м (табл. 3). Средний показатель ширины в этой группе составляет 0,85 м. Ямы ориентированы разнообразно.

Могильные ямы второй группы отличаются шириной от 1,3 м до 2,75 м (в среднем 2,0 м). При этом они довольно однообразны по ориентировке погребенных: на

север - четыре случая, на север - северо-восток - один, север-юг (?) - один, северо-запад - юго-восток (?) - один, северо-восток - юго-запад (?) - один случай. В целом признак «ширина ямы» представляется более устойчивым в отношении его этнокультурного содержания, чем ориентировка.

Деревянные перегородки в некоторых широких ямах следует обозначить как «деревянная стена сбоку от покойника», а не только как перегородку по следующим соображениям: при изменении формы ямы мог сохраниться обычай устройства такой деревянной конструкции, скажем, как социально-ранговый признак. Таким образом, мы не ограничим поле этнокультурных и социальных интерпретаций жесткой привязкой друг к другу двух признаков.

Наличие в могиле скелета лошади или ее частей в различных вариантах составляет особую линию классификации. Следует иметь в виду динамику этого обряда при этнических контактах и вследствие иных факторов: использование чучела, форму чучела, наконец, постепенное исчезновение в золотоордынский период традиции снабжать покойника лошадью.

Важными признаками выступают такие особенности устройства, как перекрытие, подбой, подстилка, обмазка дна, облицовка стен, но и они не являются однозначным и стабильным маркером.

Таким образом, идя по пути, предложенном А.О. Добролюбским, который свёл 66 типов погребений, выделенных Г.А. Федоровым-Давыдовым, к 27 типам, и, рассматривая, кроме ориентировки, другие зафиксированные явления погребального обряда в диахронном срезе, мы убеждаемся в невозможности определить статичные классификационные признаки. Все признаки в той или иной степени непостоянны во времени и при этом маркируют не только этнокультурные традиции.

Исходным классификационным признаком должен быть признак наиболее общий, соответствующий различным вариациям погребального обряда. В качестве такого признака мы предлагаем форму могильной ямы. Таким образом, группы памятников для дальнейшего анализа выделены на основе типов могильных ям.

Охарактеризуем выделенные группы.

1. Тип могильной ямы I- узкие. Показатель отношения длины к ширине превышает 2. Средняя ширина - 0,85 м, средняя длина - 2,2 м (в расчет не принимались размеры оригинальной ямы погребения I Власовский 10/2 (рис. 43, II)).

2. Тип могильной ямы II - широкие. Средняя ширина 2,0 м .

3. Тип могильной ямы III – ямы с подбоем.

К группе I следует отнести погребения могильника Третьяки: Третьяки1/1, Третьяки 4/1, Третьяки 7, Третьяки 20 (рис. 46-49) и погребение I Власовкий 15/3 (рис. 44) - с северной ориентировкой погребенных, лежащих в простой яме (тип Д1 по Г.А. Федорову-Давыдову). Тип погребения Караяшник 6 (рис. 34, II) определяется как промежуточный - Д-BI. Как БХХI классифицируются памятники с западной ориентировкой и погребением лошади Третьяки 24 и Третьяки 69/1 (рис. 50, 53). Ямы обоих погребений отличаются «неправильной» формой, южная стена могильной ямы погребения Третьяки 24 имеет прирезку в виде уступа. Примечательно, что число ям подобной формы исчерпывается этими однотипными погребениями. Таким образом, на примере двух погребений прослеживается связь признаков «тип БХХI» и «неправильная форма ямы».

К этому же отделу Б относится погребение Вервековский 2/2 Погребение было разрушено грабителями. По наличию костей лошади можно предполагать его принадлежность к типу I или XII (рис. 35, 3). Северная стена ямы отделана деревом. Такая

особенность ям Г.А. Федорову-Давыдову была неизвестна, и этот вариант типа в его системе отсутствует.

Промежуточной между отделами Г и З является позиция погребения Ст. Калитва 1/3 (рис. 37). С типом Г III его сближает наличие уступа вдоль северной стены. Стены могильной ямы облицованы деревом.

Итак, могильные ямы **типа I** более разнообразны по устройству в сравнении с сооружениями типа II (можно предположить, что разнообразие выявлено благодаря большему количеству ям такого рода). Выделяются следующие их варианты:

а - прямоугольная яма (рис. 61, 1);

б - яма подпрямоугольной формы, с закруглёнными углами (рис. 46, 2);

в - яма «неправильной» формы с небольшой приступкой (рис. 50, 2); кроме того известна одна яма, имеющая в плане форму линзы с усеченными концами с приступкой и деревянной облицовкой стен (рис. 37, 1); прямоугольная яма с деревянной облицовкой одной из боковых стен (рис. 35, 5).

К типу II относятся погребения с северной ориентировкой погребенных (отдел Д). Ряд погребений совершен в простых ямах: Новомеловатка, Олень-Колодезь 6, Олень-Колодезь 9 (рис. 23, 26, 28). В последнем погребении присутствуют незначительные подбои для расположения костей барана.

Яма погребения Олень-Колодезь 7 (рис. 28) имела уступ вдоль западной стены.

Двухкамерная конструкция зафиксирована в погребениях Высокая Гора 2 и Высокая Гора 3/2 (рис. 23, II; 26, II). Вертикальная деревянная стена, делившая яму на две части, располагалась по правую руку погребенного. Соседняя с человеком камера (пустая) была незначительно приподнята в обоих случаях.

Ограбленными и разрушенными оказались погребения I Власовский 3/2 и Лесное 1 (рис. 42, II; 40, I). Ориентировка людей в этих случаях неизвестна и однозначной классификации памятники не поддаются: I Власовский 3/2 - Д-А, Ж-В (?), Лесное 1 - Е-Б, З-Г.

Выделяются следующие варианты ям группы II: с небольшой приступкой и деревянной перегородкой, с приступкой без перегородки (рис. 47, 2); с ровным полом без перегородки; с ровным полом, стены облицованы камнем, не исключено наличие каменной перегородки. Эти варианты в предпринимаемой классификации обозначены следующим образом:

в- приступка;

г - деревянная стена сбоку от покойника;

д- облицовка стен камнем.

Отсутствие уступа – как наиболее общий признак – не обозначается в качестве варианта.

Тип III выделен на основании одного случая – ямы с подбоем в погребении 3-й Шляховский 1/1. Данная яма имеет приступку, что соответствует в настоящей типологии варианту **в** (рис.55, 2, 3).

Из таблицы 3 видны следующие особенности погребений, совершенных в узких ямах:

- 78,1 % таких могильных ям - основные, все они перекрыты небольшими насыпями; досыпка над впускными погребениями незначительна, не меняет существенно размеры насыпи;

- все насыпи - простые земляные;

- 35% всех погребальных памятников имеют участки прокаленного докрасна грунта;

- 12,5% - следы тризны в виде костей животных, в половине случаев тризны, кроме костей, фиксируются кострища;

- 6,25% - включают отдельные камни, столько же содержат в насыпи фрагменты дерева;

- 9,4% содержат в насыпи фрагменты керамики;

- 76,5 % могильных ям имеют в площади прямоугольную или близкую к прямоугольнику форму. Углы часто закруглены. «Неправильную» форму имеют 6,25 % ям, это погребения типа БХХI, содержащие погребение лошади в отдельной яме - половецкий признак (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 145). Одна яма имеет в плане форму линзы с усечёнными концами;

- можно допустить использование гробов и колод в 15,6% погребений. При этом те из них, которые фиксируются достаточно чётко, представлены колодами и в одном случае лодкой;

- ориентировка погребенных представлена разнообразно: на север – 15,6%, на северо-восток – 25%, на запад – 50 %, на восток и юго-восток - 6,3%, на юг – 3,1%.

При анализе погребений с могильными ямами типа II мы вправе исходить из их вероятной этнокультурной и социальной идентичности, отразившейся как в особенностях устройства места погребения, так и в подборе вещей. Разумеется, необходим поиск связей между всеми памятниками, причем не только на хронологической вертикали, но и в рамках каждого из периодов.

Погребения из группы неопределенных памятников отличаются отсутствием инвентаря или его малочисленностью. Степень сохранности или недостаточно полное описание этих памятников не позволяют, как правило, использовать их в исторических реконструкциях.

Осталась невыясненной культурно-хронологическая позиция впускных погребений Третьяки 1/2 и Третьяки 4/2. Они исключены нами из дальнейшего рассмотрения.

Внутри каждой из групп классификация ведется по типологии Г.А. Федорова-Давыдова с примечаниями, отражающими особенности оригинальных памятников или иные особенности, не отмеченные Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 124-128). Автор типологии обозначил следующие отделы и типы.

Отдел А. «Костяк человека обращенного головой на запад без костей коня».

Отдел Б. «Костяк человека, обращенного головой на запад, с костями или остовом коня».

Отдел В. «Костяк человека, обращенного головой на восток, без костей коня».

Отдел Г. «Костяк человека, обращенного головой на восток, с костями или остовом коня».

Отдел Д. «Костяк человека, обращенного головой на север, без костей коня».

Отдел Е. «Костяк человека, обращенного головой на север, с костями или остовом коня».

Отдел Ж. «Костяк человека, обращенного на юг, без костей коня».

Отдел З. «Костяк человека, обращенного головой на юг, с костями или остовом коня».

В кургане 1 III Шляховского могильника выявлено оригинальное погребение, близкое к типу EIII, но с костями быка, помимо полного скелета лошади. Были уложе-

ны конечности, лопатки и голова быка. Этот случай следует пока определить как вариант типа, литерное обозначение «а» - EIIIa (рис. 55, 2, 3).

Погребение Ст. Калитва 1/3 с ориентировкой скелета человека на юго-восток может быть определено отделами Г и З. На ступеньке по правую руку погребённой находились кости лошади – неясно, был ли положен целый скелет или его части. Передней частью туша ориентирована на юго-восток (рис. 57, 1). В типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова только отдел Г имеет сходные типы – выделенные по признаку наличия костей лошади. Предпочтительным представляется определить погребение отделом Г, тип обозначить как XI, продолжив принятую типологию (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 126).

В настоящей части исследования сформированы блоки источников для дальнейшего анализа. В них сгруппированы погребения в ямах большой ширины, узких ямах и ямах, не выделяющихся по этому признаку. Сопоставление типов могильных ям с типами вещевых комплексов позволит представить типологию погребальных памятников в целом.

ТИПОЛОГИЯ ВЕЩЕЙ И ВЕЩЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ

Типология вещей

Целью типологической и хронологической классификации вещей является определение их датирующих возможностей. Такого рода классификация основана на факте локализации бытования вещей определенного облика во времени. При этом хронологические рамки одних типов вещей определяются как широкие, непригодные для включения этих изделий в датирующие системы; другие типы признаются приемлемыми для датировок, некоторые при этом устанавливаются как хронологически определенные для достаточно узких периодов.

В условиях, когда в нашем распоряжении уже имеются разработанные типологические схемы, работа по систематизации относительно немногочисленного вещевого материала не обещает создания новых или ревизии принятых систем датировки. Она может лишь установить степень своеобразия материальной культуры кочевников региона, что и является целью настоящего этапа исследования. Типология вещей поздних кочевников, системы датировки разработаны в монографиях А.Н. Кирпичникова, А.Ф.Медведева, С.А.Плетневой, Г.А.Федорова-Давыдова (Кирпичников А.Н., 1973; Медведев А.Ф., 1966; Плетнева С.А., 1973, Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Облик найденных в лесостепном Подонье вещей в целом укладывается в принятые типологические схемы, что соответствует известной тенденции к унификации как инвентаря, так и погребального обряда в целом.

Известной проблемой является плохая сохранность металлических предметов. Некоторые исследователи, столкнувшись с этим, предлагают при разработке схемы избегать излишней дробности и пытаться вычленить только основные блоки, поскольку коррозия существенно деформирует форму предмета, сглаживает детали, нарушает пропорции, которые могли бы иметь немалое значение в системе распознавания объекта. Поэтому затруднительно выделить четкие стандарты, своего рода «технические паспорта», в пределах величины «допуска» которых работали древние мастера (Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьёв А.И., 1990, с. 49). При таком подходе эволюционно близкие типы изделий объединяются в один и датируются общим для сгруппированных типов хронологическим промежутком.

Подобный метод часто оправдывает себя и не отражается, во всяком случае, существенно, на качестве исследования. Вместе с тем, нельзя пренебрегать возможностью детальной идентификации предмета, если позволяет его сохранность.

Неслучайно авторы специальных работ по типологии и хронологии вещей допускают высокую степень дробности систем. В большом количестве типов находит отражение эволюция техники, каждая ступень которой имеет свое место во времени. В качественно выполненных типологических схемах наиболее близкие генетически типы предметов имеют сходную хронологическую позицию. Например, стремена типов Е I и Е II в системе Г.А.Федорова-Давыдова широко представлены в памятниках XIV в. и датируются, таким образом, по аналогиям. Но статистическая обработка материала, изучение взаимовстречаемости датируемых форм вещей показали, что хронологически определенным типом является только EI (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 16, 116). То есть, датирующие возможности предметов даже сходного облика представляются неодинаковыми.

Хронологически определенные типы изделий являются надежной основой для датировок. При использовании других типов более вероятны погрешности. Первым статистическое обоснование хронологической принадлежности некоторых типов вещей произвел Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Значение его методики трудно переоценить, тем не менее, в последующие годы продолжают весьма широко использоваться в качестве справочных пособий типологические системы, основанные на датировках только по аналогиям.

Г.А. Федоров-Давыдов при разработке типологии обозначил следующий ряд классификационных ступеней: категории, выделяемые по функциональному признаку; группы и разряды, выделяемые по материалу и технике; отделы и типы, отличающие по форме. При этом в тех категориях вещей, где материал не влияет на технику изготовления или на форму изделия, классификация по группам и разделам опускается.

В погребениях поздних кочевников представлены следующие категории вещей: принадлежности конской сбруи, предметы вооружения, одежда и украшения, бытовые предметы. В типологию включены материалы погребений I-IV периодов.

А. Конская сбруя

Стремена (18 экз.). Классифицированы по номенклатуре Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 11-15) (рис. 2, I). Представлены изделиями отделов А, Б, В, Д, Е.

Отдел В - с прямоугольной вытянутой горизонтально петлей. Петля не отделена от дужки и представляет собой ее верхнюю расплющенную часть. Под прорезью имеется небольшой округлый выступ. К отделу В относится пара стремян (рис. 2, II, 2). Эти стремена отличаются от описания эталона отсутствием выступа под прорезью. Они соответствуют типу II, обозначающему стремена с широкой плоской подножкой, арочным контуром, дужкой, сплющенной с боков в месте соединения с подножкой. Стремена отдела В распространяются в XII в. и имеют широкий хронологический диапазон.

Остальные стремена имеют схожий между собой вид. Их форма близка к некоторым типам отделов Д и Е (рис. 2, II, 3, 4). Сохранность изделий, неопределённость облика отдельных деталей, не позволяют все изделия уверенно распределить по отделам.

Все эти стремена отличаются расплющенной верхней частью дужки. При этом часто отсутствует, или слабо выражен (не сохранился?) полукруглый выступ под

прорезью. Между тем, это один из тех классификационных признаков, на которых построена типология Г.А. Фёдорова-Давыдова.

Отдел Е характеризуется оформлением верхнего края дужки в виде правильной дуги. Типы I и II различаются шириной подножки. Оба типа датируются XIV в. по аналогиям, при этом хронологически определенным является тип I. – с широкой подножкой. Он соответствует второй половине XIII-XIV вв. Отделы Г и Д отличаются полукруглым или треугольным выступом над прорезью. Коррозия предметов не всегда позволяет определить форму таких выступов, в наличии таковых иногда можно усомниться, причислив в таком случае изделие к отделу Е. Таким образом, датировать подобного вида стремена можно в широких временных пределах, начиная с XII в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 15 – 16). Именно для XII в. типичны стремена с треугольным выступом и узкой подножкой (Г I, Г II).

Известно, что стремена с треугольным или прямоугольным выступом над прорезью появились в XII в. Ровной, дуговидной дужка становится к концу XII в, в то же время, по мнению С.А. Плетнёвой, расширяется подножка (Степи..., с. 215). Г.А. Фёдоров-Давыдов иначе определяет хронологическую позицию стремян с широкими подножками, называя стремена отделов Д и Е с широкими подножками хронологически определёнными для второй половины XIII-XIV вв. (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 116).

Удила (9 экз.). Определены по номенклатуре Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.16 – 20). При классификации удил отделы выделяются по наличию или отсутствию псалиев и перегиба стержня, типы - по устройству окончаний удил.

Без псалиев двусоставные удила соответствуют отделу Г. Типы определяются по размеру колец и форме окончания.

Тип I - на концах по одному неподвижному кольцу. В эти кольца вставлены подвижные кольца (рис. 3, 1). Удила Г I имеют широкий хронологический диапазон.

Тип II отличается от типа Г I большим (до 1/2 длины удил) диаметром подвижных колец (рис. 3, 2).

Тип IV отличается от удил типа Г I формой неподвижных колец на конце стержня. Кольца имеют форму цилиндров, свернутых из расплющенных концов стержня удил. Не всегда можно уверенно определить признак «свёрнутые в виде цилиндра». Расплющенные концы имеют разную форму и не всегда напоминают собственно цилиндр. Тип Г IV отнесен Г.А. Федоровым-Давыдовым к хронологически определенным (вторая половина XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 115). А.Н. Кирпичников и удила с большими трензельными кольцами, зажатыми в окончания удил (Г II), датирует XIII-XIV вв. Они распространяются именно с этого времени, и их облик доживает до наших дней (Кирпичников А.Н., 1973, с. 45, рис. 29).

В Вервековском (III Богучарском) могильнике найдены удила, объединяющие в себе черты типов II и IV - большие кольца и цилиндрические окончания стержней (рис.3, 3).

Пряжки. Железные пряжки, относящиеся к убранству коня, будут рассмотрены заодно со всеми учтенными железными пряжками. Часть их относится к деталям вооружения (колчан). Часто принадлежность пряжки как к какой-либо категории вещей не определяется из-за плохой сохранности. Для классификации пряжек мы используем типологию Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов, 1966, с. 44, рис. 7, с. 46).

По материалу пряжки обозначены группой II, по характеру крепления ремня - отделом А. Приспособление для крепления ремня отсутствует, ремень охватывает часть рамки. По типам пряжки распределяются следующим образом (рис.3, 5-8): тип I - прямоугольные (1 экз.); тип II - сегментовидные (5 экз.); тип III – круглые 2 экз.); тип IV - вытянутые в виде овала (вариант а) или прямоугольника с заострением на конце (вариант б) (2 экз.). Одна пряжка имеет вид промежуточный между изделиями типа II и III.

Все типы имеют широкий хронологический диапазон бытования - с VIII по XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 46).

Седла. Известны четыре экземпляра крайне плохой сохранности. Седло из погребения I Власовский 15/3 зафиксировано в следующем виде (рис. 3, 9, а): сохранились узкие костяные пластинки с остатками дерева на внутренней стороне (рис. 3, 9, б). Эти обкладки крепились к деревянной основе, от которой остался древесный тлен с железными и костяными гвоздями. К седлу относятся остатки двух железных деталей со следами дерева и ткани (рис. 3, 9, а), костяные плоские поделки (рис. 3, 9, в, г, д). Одна из них представляет собой фигурку животного кошачьей породы, другая - скачущего оленя. Еще одна поделка имеет трапециевидную форму с отверстием по центру. С внутренней стороны пластины сохранились остатки дерева. На внешней вырезан тонкий рисунок рыбы и бегущего животного. Фигура этого животного аналогична изображениям лани на костяных накладках колчанов второй половины XIII-XIV вв. (Малиновская Н.В., 1974, табл. XI, А, Б, Г). Таким образом следует датировать и седло.

От седла из погребения Олень-Колодезь 7 сохранилась деревянная лука, обтянутая кожей, под которой в некоторых местах прослеживался слой войлочной прокладки. Лука имела форму круто загнутого полумесяца. Высота ее в средней части составляла 15 см. Высота от концов «серпа» до его вершины - около 40 см. Ширина между концами полумесяца - около 25 см. По верхнему краю на кожаную обивку были прикреплены 10 заклепок. Шляпки заклёпок полусферические, обтянуты шёлком. (Ефимов К.Ю., 2000, с. 176).

Деревянное, обтянутое кожей седло из погребения Олень-Колодезь 9 было оснащено железными крепежными кольцами и пластинчатыми ременными заклепками, сохранились фрагменты кожаных ремней (рис. 31, 9-21).

Облик седла из кургана у села Марки нам неизвестен.

Фрагменты деревянного седла были обнаружены на крупе лошади в погребении 1 кургана 1 III Шляховского могильника (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993, с. 140). Сохранились куски кожи и ткани малинового цвета.

Плети (1 экз). Плеть изготовлена из ремней, сплетенных в несколько косичек толщиной до 0,5 см и шириной до 1,0 см.

Оружие.

Кинжалы (2 экз.). Один сохранился плохо (рис. 4, 2). Длина сохранившейся части лезвия 23 см. Сечение клинка треугольное. Другой кинжал (рис. 4, 3) так же с лезвием треугольного сечения, длина лезвия 23 см. Перекрестье расположено перпендикулярно клинку. На кинжалах присутствуют следы деревянных ножен. Кинжал из погребения Высокая Гора 2 был украшен небольшой золотой пластинкой. Кинжалы встречаются редко. Аналогии им известны в погребениях второй половины XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 24).

Копья (3 экз.) (рис. 4, 4 - 6). Все наконечники втульчатые. По форме пера классифицируются следующим образом: тип I - ромбического сечения, плоский (Высокая Гора 2). Реконструируемая длина 24 см, длина пера около 14 см. Наконечник

близок к типам III и IV по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, не имеющим узкой хронологической привязки (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 24, 26, рис. 3).

Тип II - втоковидные с узким четырехгранным пером. Сечение наконечника из кургана у села Марки квадратное, общая длина 17,5 см. Наконечник из кургана Олень-Колодезь 7 имеет ромбическое сечение пера. Общая длина его 23 см, длина лезвия 14 см. У основания втулки проделаны два отверстия диаметром 1,5 мм, внутри которых сохранились по гвоздю длиной 1,0 см.

Луки. В погребениях золотоордынского времени зафиксирована лишь одна находка остатка лука: от него сохранилась шелковая тетива, найденная в кожаном налучье.

Налучья (1 экз.). Кожаное, с накладками из серебряных пластин, которые сохранились в мелких фрагментах. Не реконструировано.

Колчаны (8 экз.). Все изделия берестяные. На одном из них зафиксированы фрагменты неорнаментированных деревянных накладок. Другой колчан имеет прямоугольную форму, его длина 41 см, ширина 11 см. Деталями этого колчана являются железное кольцо диаметром 3,5 см и пряжка с рамкой овальной формы (тип IV) (рис. 4, 8, 8а).

Колчан из погребения Олень-Колодезь 7 изготовлен из трех больших листов бересты (рис. 9, 9а). Его ширина 16 см. В некоторых местах берестяные листы соединены железными скобами. Верхний край лицевой стороны украшен тремя рядами наколок. В этом же месте есть след от щитка железного предмета, крепившегося к колчану железными заклепками. В правой части лицевой стороны прочерчены две продольные параллельные полосы, между которыми расположены четыре отверстия диаметром по 1,5 мм для крепления каких-то несохранившихся деталей. На тыльной стороне имелось десять железных деталей, в том числе - заклепки, железные пряжки типа IV б - прямоугольного с заострением на конце контура. Эти колчаны, а также колчан из кургана у села Караяшник, не имеют узкой хронологической позиции.

Несохранившийся колчан из погребения у села Рыкань (рис. 4, 1) является датирующим предметом по наличию костяной накладки. Орнаментированная фигурой оленя костяная накладка определяет хронологию второй половиной XIII- XIV вв. (Малиновская Н.В., 1974, с. 163, табл. XVI, рис. 83, с. 164; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 115-116). К этому же колчану относится костяная петля типа А VII по типологии Г.А.Федорова-Давыдова - с одним большим отверстием в утолщенной части фестончатой спинки (рис. 4, 11) (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 82).

Колчан из погребения III Шляховский 1/2, сохранившийся фрагментарно, имел металлические детали крепления. Это скобы, круглые пряжки. Этот колчан содержал две железные круглые накладки.

Длина колчана из погребения Ветютнев 2/1 - 0,68 м. По длинным сторонам выполнены двойные отверстия для крепления деревянного каркаса. Железные крепления колчана сохранились плохо. К креплению относится железная пряжка типа IIAII или IIAIII. Размеры рамки 2,5 х 2,7 см.

Наконечники стрел (31 экз.). 30 наконечников железные черешковые, один – деревянный. Там, где сохранность наконечника, его облик позволяют идентифицировать его по более подробной системе А.Ф. Медведева, использована его типология. В других случаях применена классификация Г.А. Фёдорова-Давыдова. По типологиям Г.А. Фёдорова-Давыдова (литерно-цифровое обозначение) и А.Ф. Медведева (обозначение арабскими цифрами) они определяются таким образом (рис. 5, 1-9):

тип В IV – ромбические с удлинённой нижней частью (6 экз.). Хронологически определённый для второй половины XIII-XIV вв. тип;

тип BI (1 экз.) – листовидные. Имеют широкий хронологический диапазон;

тип 65 (3 экз.) - листовидные с наибольшим расширением у острия. Пропорции пера 1 : 4, 1 : 5. Относятся ко второй половине XIII-XIV вв.;

тип 66 (1 экз.) - веслообразные. Относятся ко второй половине XIII-XIV вв. тип BIX – срезни в виде вытянутой лопаточки со слегка закругленной верхней ударной гранью;

тип 67 (8 экз.) - срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (тип BXIII). Относится ко второй половине XIII-XIV вв.;

тип 70 (1 экз.) - широкие лопаточки с тупоугольным острием. Относятся ко второй половине XIII-XIV вв.;

тип 72 (2 экз.) – «кунжутолистные». Относятся ко второй половине XIII-XIV вв.;

тип 76 (1 экз.) - пирамидальные трехгранные, вариант 3 - с короткой головкой. Имели широкое распространение - со второй половины XI по XIV вв.;

тип 95 (2 экз.) - узкие шиловидные. К этому типу можно отнести три наконечника плохой сохранности из погребения Высокая Гора 2 . Один имеет ромбическое сечение, другой - квадратное, третий - треугольное, что в типологии А.Ф. Медведева отсутствует. Перехват не фиксируется, возможно, из-за коррозии. Шиловидные наконечники в Европе использовались в широких хронологических пределах - с X по XIV вв.

Деревянный наконечник. Черешковый. Ромбический. В сечении подовальный (рис. 57, 3).

Древки стрел. В погребении Олень-Колодезь 7 сохранившиеся фрагменты были обёрнуты тонкой золотой фольгой.

Наиболее полно сохранившийся фрагмент древка из набора в погребении Ветютнев 2/1 имеет длину 38,5 см. Толщина древков этого набора составляет 0,8 см. Один фрагмент – с вырезом для тетивы. Древко в этом месте утолщается. Глубина выреза – 0,8 см. Аналогичный вид имеет окончание древка из погребения Высокая Гора 2/1.

По глубине выреза и характерному утолщению древки датируются серединой XIII- первой половиной XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 131, табл. II, рис. 6-7)

Кольцо для предохранения пальца при стрельбе из лука (при натяжении и спуске тетивы) (1 экз.). Кольцо изготовлено из створки раковины (рис.5, 10). Такие приспособления датируются второй половиной XIII-XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с. 26-27, рис. 4, 1-4).

Боевые топоры (1 экз.). Железный боевой топор из погребения Олень-Колодезь 7 инкрустирован золотом (рис. 5, 11). Длина топора от четырехгранного обуха до края лезвия 14,2 см, ширина лезвия 9,5 см. На двух средних гранях обуха изображено по одному бегущему животному, на других гранях - геометрический орнамент - треугольники. На плоскостях лезвия инкрустация стилизованно изображает лосей в обрамлении двух тонких золотых полос. Верхняя и нижняя грани топора покрыты такими же тонкими золотыми полосами. Деревянное топорище сохранилось на длину 6,5 см. В его верхний торец вбит гвоздь с обёрнутой парчой шляпкой, вероятно, круглой полусферической формы. Диаметр шляпки 2,5 см, высота 0,7 см.

Топор относится к типу IVA по классификации А.Н. Кирпичникова. Оружие такого типа было распространено в Восточной Европе в XII-XIII вв., известно и позже (Кирпичников А.Н., 1966, с. 37).

Кольчуги (3 экз.). Все кольчуги очень плохой сохранности и не поддаются реконструкции. Кольца одной из них имеют диаметр 8 мм, изделие весит 18 кг (Высокая Гора 2). На кольцах другой кольчуги сохранились следы позолоты (Олень-Колодезь 7). Их диаметр 12 мм, сечение - овал размерами 1,5 х 2,0 мм (рис. 5, 12, 12а). Третья кольчуга (Новомеловатка) представлена фрагментом.

Шлемы (2 экз.) имеют сфероконическую форму, лицевой край оформлен отковкой в виде небольшого козырька. Верх шлема из погребения Олень-Колодезь 7 имеет отверстие для плюмажа (рис. 28, 2). Было ли такое отверстие в шлеме из погребения Высокая Гора 2, сказать трудно, так как верхняя часть его повреждена (рис. 5, 13).

Шлемы оснащены кольчужными бармицами. Форма бармицы шлема с Высокой Горы не определяется. Бармица из погребения Олень-Колодезь 7 крепилась со стороны висков и затылка. Его длина - не более 20 см. В области горла бармица застегивалась железной застежкой (не сохранилась). Шлемы можно признать однотипными. Их сфероконическая форма обычна для средневековых боевых оголовий. По оформлению лицевой части в типологических схемах они не имеют близких аналогий (Кирпичников А.Н., 1958; Горелик М.В., 1987, с. 189-190).

В. Одежда и украшения

Одежда редко поддается реконструкции. В погребениях Высокой Горы найдены остатки шелковой одежды, на некоторых участках ткани прослежены тонкие золотые нити. В женском погребении Высокая Гора 3/2 зафиксирован орнамент: серебряной нитью были вышиты обшлага рукавов от локтя до запястья. Узор представляет собой вертикально петляющую линию (рис. 27, 23). В остатках одежды здесь найдены серебряные крючки с тонкой позолотой, служившие, видимо, для застегивания рукавов (рис. 27, 21). В области правой ключицы на одежду были нашиты две янтарные бусины (рис. 27, 12).

В погребении Ст. Калитва 3/1 найдена шелковая лента. Она была, вероятно, нашита на одежду, так как по краям видны отверстия диаметром не более 0,5 мм, расположенные на расстоянии 2,5 мм, - следы швов. Ширина ленты 12 мм.

Головные уборы представлены так же фрагментарно. Вероятно, верхом головного убора - шишаком - является железный конусовидный предмет высотой 4,5 см, диаметром 3,0 см с остатками ткани внутри из Власовки (рис. 44, 14).

От женского головного убора с роговидными украшениями сохранились три нашивные бляхи, изготовленные из позолоченных снаружи серебряных пластин. Они представляют собой разновеликие полосы шириной по 17 - 20 мм, свернутые полукольцами по спирали. При этом наибольшая по длине полоса имеет и наибольший диаметр (рис. 37, 11-13). Находка относится к женскому погребению Ст. Калитва 1/3. Она типична для половецкой культуры.

Предполагается принадлежность к головному убору сохранившихся деталей из погребения Новомеловатка (рис. 38, 6, 9). Они фиксировались в виде предмета, основу которого составляла кованая железная пластина – скоба шириной 2 см с расширяющимися закруглёнными концами. С обеих сторон в 1,5 см от края выкованы ушки, возможно, для крепления ремней. Изделие включало деревянные дощечки, которые фиксировались в виде тлена. Венчалась конструкция позолоченной металлической накладкой полусферической формы (рис. 38, 9). Высота её 2,5 см, диаметр основания – 5 см. Средняя часть полусферы украшена кольцом напаянной перевитой проволоки – сканью. Для крепления использовались парчовые ленты.

Деталь украшения бокки найдена в погребении Глазуновский 5 (рис. 65, 5). Представляет собой крестовидную железную основу, обтянутую вокруг бронзовой проволокой с нанизанным на неё мелким бисером. Имеется крепление в виде штыря, на котором сохранились следы дерева. Рядом с изделием обнаружены стеклянные вставки диаметром 0,7 см.

Берестяной накосник длиной 32 см обнаружен в погребении 3-й Шляховский 1/1.

В шлеме из погребения Высокая Гора 2/1 находились остатки головного убора-подшлемника из войлока и кожи.

В погребении Высокая Гора 2/1 находилась кожаная подошва сапога, голенище которого было украшено бусиной из темного стекла. Судя по подошве, сапог был с заострённым носком.

Видимо, к украшению сапог относятся две треугольные плоские бронзовые подвески, найденные в области колен покойника в погребении Караяшник 6 (рис. 34, I, 2а, 5, 6). Здесь фиксировались остатки кожаных сапог, доходивших до середины бедер. Остатки кожи от сапог найдены на костях ступней покойника из погребения Ветютнев 2/1, на голенях женщин в погребениях III Шляховский 1/1, Глазуновский 9/1.

Интересна находка берестяного обтянутого шелком сапога в погребении женщины (Олень-Колодезь 9). Правый сапожок лежал на дне гробовища справа от черепа погребенной (рис. 32, 1). Верхний край голенища обшит полосой тонкой кожи шириной 13 мм. Подошва выполнена из двухслойной бересты. В месте соединения голенища и подъема сапога найдены плоская прямоугольная и цилиндрическая подвески из тонкой серебряной с позолотой фольги (рис. 7, 12; 6, 26). В том же месте находилась россыпь стеклянного бисера голубого и синего цвета. Под сапогом в месте соединения голенища и подъема лежали два вырезанные из тонкой кожи трилистника и деталь, напоминающая по форме подвязку, сделанная из коры дерева (рис. 32, 6). Срезы трилистников оклеены тончайшей светлой полосой из органического материала, а плоскости - материей с тонкой золотой нитью. Они украшены также тонкими перламутровыми пластинами овальной формы. Середина «подвязки» имеет вид десятилепестковой розетки. На лепестках сохранились фрагменты шелка.

Пуговицы. Определены по номенклатуре Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 70-71).

1. Костяная круглая с отверстием в центре, в сечении близка к полукругу. Украшена прорезанным орнаментом, полосы которого заполнены белой пастой, внешняя поверхность заполирована (рис. 50, 1). Соответствует типу БI. Аналогии изделию найдены в поросских курганах XII в. Тип БI характерен для периода с 30-х годов IX в. по первую половину XII в.

2. Костяная круглая, с отверстием в центре. В сечении близка к полукругу. Орнамент прорезанный: два концентрических круга, поверхность между линиями заштрихована насечками. Изделие соответствует типу БI.

3. Костяная круглая с отверстием в центре, в сечении прямоугольная (рис. 6, 2). Относится к типу Б II, датируемому XIII-XIV вв.

4. Серебряная шаровидная, реберчатая (рис. 6, 3). Определяется типом AIV который не имеет узких хронологических границ.

5. Бронзовые в виде полого шарика с высокой петлей. Найдены в погребении Глазуновский 5/1. Количество найденных пуговиц в публикации не указано (Мамонтов В.И., Ситник А.В., 1995, с. 91). Относятся к типу AI. Имеют широкий интервал бытования.

Фибулы (1 экз.). Фрагмент серебряной фибулы длиной 8 см выявлен в погребении Глазуновский 5 (рис. 64, 5).

Бусы. Известно, что бусы в погребениях поздних кочевников встречаются в небольшом количестве, очень редко в виде ожерелий (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 71; Степи.., с. 216). В погребениях лесостепного и северостепного Подонья бусы представлены разными типами. Исходя из того, что большинство выделенных исследователями типов имеют широкие хронологические рамки, а материалы рассматриваемого региона исключают возможность обратиться к проблеме датирующих возможностей такого рода вещей, мы, учитывая бусы, опускаем принятые обозначения их типов.

Обращает на себя внимание тот факт, что из 10-ти случаев находок бус в четырёх случаях это ожерелья. Ограниченная статистика не позволяет делать какие-либо выводы, но пока столь высокий удельный вес ожерелий выглядит необычным.

Бусы, нашитые на одежду и обувь:

1) шарообразная из темного непрозрачного стекла (рис. 6, 5);

2) шарообразная пастовая бледно-желтого цвета с перистым орнаментом, нанесённым голубой нитью (рис. 6, 6);

3) плоские по оси отверстия из белой стеклянной массы - два экземпляра (рис. 6, 7);

4) вытянутой по оси отверстия формы янтарные - два экземпляра (рис. 6, 8);

5) бочонковидной формы из пасты синего цвета с полосатым орнаментом (рис. 30, 8).

6)плоские по оси, стеклянные белые у правой кисти погребённой – 2 экземпляра (Глазуновский 9);

7) стеклянная, зелёного цвета (I Шляховский).

Ожерелья:

1. Из погребения Лесное 4 (рис. 6, 16):

1) шаровидные стеклянные позолоченные - девять экземпляров;

2) крупные шаровидные из мела - четыре экземпляра;

3) мелкие из мела - пять экземпляров;

4) неровной формы, возможно, коралловые - три экземпляра;

2. Из погребения Ст. Калитва 1/3 (рис. 6, 9-15):

1) шестигранные гагатовые с отверстием двустороннего сверления - два экземпляра (рис. 52, 9,10);

2) хрустальная шарообразная (рис. 6, 12);

3) хрустальная миндалевидная (рис. 6, 11);

4) сердоликовая биконическая с грубо обработанной граненой поверхностью (рис. 52, 13);

5) янтарная уплощенная каплевидная с усеченными торцами (рис. 6, 14);

6) бочковидная из светло-коричневой стеклянной пасты (рис. 6, 15).

3. Из погребения Глазуновский 5 (рис. 65, 3):

Состоит из 21 стеклянной бусины различной формы.

4. Из погребения Глазуновский 9 (рис. 62, 9, 16, 18, 19):

1) плоская по оси отверстия, диаметр 0,3 см (рис. 62, 9)

2) шарообразная, диаметр 0,3 см. (рис. 62, 14)

3) из фрагмента керамики с голубой поливой (рис. 62, 9)

Точные аналогии сердоликовой и хрустальным бусинам найдены в памятниках вятичей XI-XIII вв. (Ефимов К.Ю., 1999 б, с. 233; Седов В.С., 1982, с. 240, цв. вклейка).

В литературе упоминаются также бусы из кургана у хутора Шемякинский, но их облик неизвестен, а сам могильник имеет довольной неопределённую хронологию (Цыбин М.В., 1986. с. 264).

Серьги и подвески (13 экз.). В типологии они обычно составляют одну категорию, так как практически неразличимы. Классифицированы по системе Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 38-41).

Тип I (рис. 6, 17, 18). Простые проволочные несомкнутые, имеющие вид кольца - пять экземпляров. Две подвески - золотые, одна - серебряная, две - медные, обтянутые золотом. Окончания проволоки могут быть как тупыми, так и заостренными. Изделия типа I имеют широкие временные рамки бытования.

Тип IV. Проволочные несомкнутые кольца с биконической бусиной, с витками проволоки у бусины. Известен один экземпляр из погребения у с. Рыкань. К хронологически определённым типам не относится.

Тип VI (рис. 6, 19-23). В виде знака вопроса проволочные – 16 экземпляров. Верхняя часть представляет кольцо с отходящим вниз вертикальным стержнем. Кольцо несомкнутое. Именно такой вид имеет один экземпляр из золотой проволоки (рис. 6, 19). Другие отличаются оформлением стержня. Не все из них соответствуют выделенным Г.А. Федоровым-Давыдовым вариантам, которые различаются наличием обмотки стержня проволокой, бусин, подвешенных разным образом к стержню.

Поскольку тип в целом, независимо от его вариантов, датируется одинаково - золотоордынским периодом, мы перечислим известные в лесостепном Подонье варианты без их классификации:

- с расплющенным стержнем из бронзовой проволоки (рис. 52, 21);
- бронзовые с обмоткой стержня тонкой проволокой (рис. 52, 20);
- с обмоткой стержня тонкой проволокой, образующей на его конце петлю (рис.52, 22);
- с тетраэдром на конце стержня;
- с двумя белыми стеклянными бусинами на конце стержня (рис.);
- с одной бусиной на конце стержня.

Тип VI является хронологически определенным для второй половины XIII - XIV вв., имея особенно широкий круг аналогий в XIV веке (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 68-69, с. 54, рис. 9, 3).

В погребении III Шляховский 1/1 выявлены четыре крестовидные подвески с бусинами, насаженными на трёх лучах – от одной до трёх (рис. 6, 27). Найдены в комплексе с подвесками типа VI.

Кроме того, известны находки бронзовых серег в кургане у хутора Шемякинский и золотая серьга из тонкой проволоки «в форме двух колец» из кургана у села Нов. Буравль. При последней найден кусочек кости, формой напоминавшей большой клык, возможно, подвеска к серьге (Цыбин М.В., 1986, с. 264; Трунов М.П., 1902).

Цилиндрические подвески (3 экз.). В типологии Г.А. Федорова-Давыдова учтены подвески в виде цилиндра с плотно закрытыми концами, орнаментированные. Цилиндры имеют петли для подвешивания. Рассмотренные Г.А. Федоровым-Давыдовым изделия выполнены из бронзы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 68-69, с. 54, рис. 9, 3). Подобные изделия исследователи трактуют как игольницы, шумящие подвески, «амулетницы». Из материалов Средней Азии они известны как амулетницы, предназначенные для хранения бумажных амулетов (Яворская Л.В., 1999, с. 56). Цилиндрические подвески датируются по аналогии золотоордынским периодом. Подвески из погребений Среднего Подонья выполнены из золота (рис. 6, 24, 25) и позоло-

ченного серебра (рис. 6, 26). Одна золотая подвеска в поперечном сечении имеет форму близкую к треугольной, углы закруглены. На поверхности присутствуют четыре пояска (рис. 6, 24). Другая золотая подвеска имеет вид цилиндра. Поверхность также оформлена поясками. В центре - гнездо со стеклянной вставкой (рис. 6, 25). Серебряная подвеска изготовлена из тонкой фольги и сохранилась плохо (рис.6, 25). В погребении Высокая Гора 3/2 подвески выявлены в области пояса погребенной, в погребении Олень-Колодезь 9 подвеска была нашита на сапог.

Аналогии найденным цилиндрическим подвескам известны в погребении второй половины XIII-XIV вв. в Приазовье (Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.127-129, рис. 28, 18), в могильниках у Царевского городища (Яворская Л.В., 1999, с. 56).

Амулеты

В качестве амулета К.Ю. Ефимовым определена подвеска из погребения Олень-Колодезь 7 (рис. 22). Изделие представляет собой стеклянный восьмигранный стержень длиной 5,0 см, размеры сечения - 0,6 х 1,0 см. Нижний конец обернут на высоту 1,0 см тонкой серебряной с позолотой фольгой, повторяющей форму амулета. Таким же образом оформлен верхний конец, но у его нижнего края стержень обвит, кроме того, тремя рядами тонкой двойной перевитой серебряной проволоки. Из этой перевитой проволоки в верхнем витке сделано колечко для подвешивания диаметром до 1,5 мм. Амулет из погребения Глазуновский 5/1 – деревянный цилиндр, обтянутый материей. По всей поверхности цилиндр покрыт ажурным орнаментом из крученых нитей. К корпусу прикреплён глазок из стекла в бронзовой обойме (рис.65, *2*).

Нашивки на одежду

Комплект нашивок из женского погребения Высокая Гора 3/2 (рис. 7, 1-3, 5, 6) включает изделия пяти видов.

1. Брошевидные золотые - три экземпляра (рис. 7, 1). Центр - овал, инкрустированный стеклянной вставкой. К овалу примыкают четыре круга меньшего размера с двумя отверстиями на каждом, через которые изделия были пришиты. Между кругами пространство заполнено волнообразными выступами. Овал и каждый из кругов окантурены шнуровидным орнаментом, выполненным сканью. Линии орнамента в свою очередь также витые. Такой линией отделаны и выступы между кругами.

2. С контуром в виде восьмилепестковой розетки золотые - три экземпляра (рис. 7, 2). Лепестки не выделены, в центре - углубление в виде круга. Орнамент представляет собой обильные завитки, выполненные техникой скани. Для крепления сделаны отверстия - одно в центре и три по краям.

3. В виде восьмилепестковой розетки золотые - два экземпляра (рис.7, 3).Края лепестков рельефные.

4. Квадратная серебряная - один экземпляр (рис.7, 5). Пластина крепилась с помощью петель. В центре квадрата - квадратная вставка из прозрачного стекла, закрепленного на красном фоне. В углах размещены по стеклянной каплевидной вставке на зеленом поле.

5. Объемноквадратной формы золотая - один экземпляр (рис. 7, 6). С обеих сторон квадрат украшен стеклянными вставками, отличающимися друг от друга размерами. Края и торцы корпуса ажурные - из петляющей витой проволоки. Нашивка крепилась с помощью двух петель. Гнездо для вставки с одной стороны было пустое, это, очевидно, тыльная сторона нашивки.

Комплект нашивок из погребения Глазуновский 9 включает изделия четырёх видов.

1. Тонкая бронзовая штампованная бляха сердцевидной формы с валиком. Есть отверстия для пришивания. Размер 1,5 х 1,5 см (рис. 7, 15,17);

2. Тонкая бронзовая штампованная округлой формы с изображением цветка. Отверстия для пришивания. Диаметр 2 см (рис. 7, 19);

3. Бронзовая сферической формы с отверстиями для пришивания. Диаметр 0,5 см (рис. 7, 18)

4. Бронзовая квадратная (фрагмент). Склёпана на берестовой основе. Орнамент - рельефное изображение двух сидящих собак. По краю бляхи проходит валик. На внутренней стороне имеются три петли для крепления.

Нашивка из погребения I Шляховский 2 (мавзолей) (рис. 7, 4). Бронзовая, покрытая позолотой. Размеры – 3,2 х 3,2 см. Ажурная, в виде шестилепестковой фигуры. К лицевой части крепятся четыре гнезда для вставок. Центральное, большое гнездо было изготовлено в виде цилиндра с тремя вертикально напаянными пластинами. В основании гнезда содержалась дисковидная бронзовая пластинка с напаянными восьмёркообразно проволочками. Бирюзовая вставка закреплена с помощью пластин. Имеются три маленьких боковых гнезда. В двух из них также имелись вставки – одна из зелёного стекла, другая – из жемчуга. К лепесткам нашивки припаяны три фигурные розетки. Две из них имеют по девять проволочных лепестков, одна – десять.

С обратной стороны нашивки к центральному гнезду напаян ещё один цилиндрик, от которого отходят шесть дуг, обмотанных тонкой проволокой. Дуги крепятся концами к основанию боковых гнёзд и розеткам.

Перстни (3экз.)

1. Со щитком близкой к квадрату формы (рис. 7, 7). На щитке прикреплена стеклянная вставка. На кольце по обеим сторонам от щитка техникой скани выполнен орнамент - изогнутая в виде «сердечка» линия с загнутыми в его верхней части концами. Сделан из золота.

2. Кольцо из золота подквадратной формы, щиток прямоугольный с закругленными углами. Его край орнаментирован сканью. Камень отсутствовал (рис. 7, 9).

3. Кольцо бронзовое круглое. Щиток узкий, 0,5 х 1 см. Орнаментирован. Орнамент геометрический, слабо различим (рис. 7, 8).

Браслеты (3 экз.) (рис. 7, 9-11)

1. Серебряный, изготовлен из пластины шириной 13 мм с профилированными краями (рис. 27, 20).

2. Серебряный с позолотой пластинчатый, шириной 12 мм (рис. 7, 10). Концы слегка раскованы и с внешней стороны украшены чеканным орнаментом в виде двух продольных полос. На концах - по отверстию.

3.Серебряный пластинчатый шириной 10 мм (рис. 7, 11). Лицевая сторона имеет три заостренных продольных ребра, центральная часть украшена пальметкой, а концы - сильно стилизованными изображениями львиных морд. Аналогичный браслет - с продольными ребрами, стилизованными изображениями цветка в центре и львиных морд на концах, но выполненный из бронзы, найден на селище Каменное в Верхнем Подонье. Такие браслеты имеют аналогии среди золотоордынских древностей XIV-XV вв. на территории Поволжья (Тропин Н.А., 1999, с.143, рис. 3, 1-3; Город Болгар.., рис. 62-63). Находки браслетов из Олень-Колодезя и Каменного географически близки.

Бубенцы (2 экз.) (рис.7, 20, 21)

Серебряный бубенчик из погребения Олень-Колодезь 7 двусоставный, форма близка к шару. Нижняя часть сохранилась плохо, поэтому форма прорези неизвестна. Бубенчик из погребения I Власовский 3/1 бронзовый. Его корпус открыт снизу, напоминая колокольчик. Аналогии известны в материалах кочевнических древностей Поросья (Плетнева С.А., 1973, с. 85, табл. 37, 7, 12)

Поясные наборы найдены в четырех погребениях.

1. Высокая Гора 2 (рис. 8). Детали пояса выполнены из низкокачественного серебра. Пряжка отсутствует, вероятно, она была утеряна в древности. На некоторых бляхах сохранились следы позолоты. Бляхи представлены изделиями пяти видов.

1. Квадратные плоские - 3 экземпляра (рис. 8, 1, 2,3). Орнамент представляет собой сочетание геометрического (насечки, напоминающие условное обозначение на планах материка) и растительного (элементы «бегунка») мотивов. В центре на поле ромбической формы - изображение птенца с длинным клювом (цапля ?);

2. В форме геральдического щита - 2 экземпляра (рис. 8, 4, 5). Орнамент аналогичен декору квадратных блях, но в центре - изображение распустившегося лотоса;

3. Трехлопастные с гранеными лопастями. Выполнены в двух вариантах: без колец - 8 экземпляров и с подвижным кольцом, прикрепленным к перекрестью - 2 экземпляра (рис. 8, 7 - 16);

4. Скобовидные - 3 экземпляра (рис. 8, 18 -20);

5. Конечная бляха - фрагмент (рис. 8, 6). Декорирована геометрическим и зооморфным орнаментом.

Геометрический орнамент на бляхах поясного набора Высокой Горы имеет аналогии в памятниках Западной Сибири XIII-XIV вв. (Молодин В.И. и др., с. 70, рис.51), на кольцах поясного набора из погребения I Власовский 15/3 (рис. 10, 1). Изображения цветка лотоса на ювелирных изделиях характерно для населения Кудыргэ монгольского времени (Алтай) (Гаврилова А.А., 1965, с. 60). Технология - гравировка тонкими линиями - типична для XIII-XIV вв., при этом более - для XIV в. (Крамаровский М.Г., 1974, с. 18 – 19).

2. Ст. Калитва 2 (рис. 9). Поясной набор изготовлен из серебра. Набор включает пряжку, кольцо и семь блях двух типов. Пряжка относится к группе особых по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, которые по принципу устройства отличаются от пряжек с язычком (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 47-48, рис. 8, 1, 2). Пряжка (рис. 9, II, 1), состоящая из двух частей, крепилась к концам ремня с помощью прямоугольных рамок. Основная часть (рис. 9, II, 1а) представляет собой квадрат с круглым углублением в центре, пересекающимся продольной полосой отверстия. В эти отверстия и углубления плотно входит вторая часть пряжки (рис. 9, II, 1б). Часть ее, примыкающая к рамке, выглядит как шеевидный переход к дискообразной части детали. Остальная доля этой пластины наложена с тыльной стороны на диск так, что при соединении деталей пряжки полоса заполняет отверстие в основной части, а диск - круглые углубления.

Диск пряжки орнаментирован тонкой гравировкой: кольцо по краю, в центре - стилизованное изображение цветка. Этот орнаментальный мотив - цветок и линия по контуру - повторяется и на бляхах.

Бляхи имеют следующий облик:

1) в виде обоймы со скобой для подвесного ремешка - 2 экземпляра (рис.9, 2а, 2б);

2) квадратные со скобовидным креплением к ремню - 5 экземпляров (рис. 9, 3 а-д). Орнаментированы изображением четырехлепесткового цветка в квадратной рамке. Ременное кольцо имеет овальную форму.

Не исключено, что учтены не все детали поясного набора, так как погребение было обнаружено при строительных земляных работах, и некоторые вещи оказались утерянными.

Орнамент типичен для художественной культуры Золотой Орды. Близким аналогом является изображение цветов на сосуде из Градижска (Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с.170, рис. 131). Пояса с особыми пряжками найдены в Новгороде в слое XII в., в мавзолее XIV в. в Увеке (Саратовская область), в кургане у Тирасполя, датированном по монете хана Токтогу 1291-1310 гг. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 47; Фабрициус И.В., 1957, с. 23, 24, табл. XXII, рис.11). По характеру техники орнамента (тонкая гравировка) и по аналогиям пояс можно датировать XIV в.

3. I Власовский 15/3 (рис.10). Поясной набор изготовлен из серебра. Он включает пряжку, бляхи трех типов, кольца двух типов. Рамка пряжки имеет овальный контур. Язычок украшен насечками. Переход от рамки к прямоугольной рамке-приемнику оформлен в виде щитка. Щиток орнаментирован растительными узорами (рис. 10, I, 1). Пряжка близка к изделиям типа Б II в классификации Г.А.Федорова-Давыдова. Отличие - в наличии щитка. Пряжки типа Б II имеют аналогии в памятниках IX - X вв. и XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 44).

Бляхи:

1) близкой к квадрату формы, в виде обоймы с дужкой для подвесного ремня - 3 экземпляра, в том числе одна бляха с отломанной дужкой (рис. 10, I, 2,3). Внешняя поверхность покрыта рельефновыпуклым растительным орнаментом, распределенным по двум вертикальным зонам; внутренняя плоскость украшена чешуйчатым узором;

2) полулунной формы, фольгированные на костяной основе. Орнамент растительный - 21 экземпляр (рис.10, I, 4);

3) конечная бляха удлиненной формы (рис. 10, I). На серебряной фольге - растительный орнамент. Костяная основа крепилась штифтами к бронзовой пластине, которая также орнаментирована - тонким растительным узором.

Близкий аналог власовскому поясному набору известен в погребении кочевника XIV-XV вв. в Поднепровье у села Ново-Подкряжск (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с. 94, рис. 6).

4. Олень-Колодезь 7 (рис. 11). Набор выполнен из серебра, все детали позолочены.

Пряжка крепилась к ремню с помощью щитка. Рамка и щиток орнаментированы чеканкой. Рамка плоская в сечении, на ней изображены стилизованные фигуры драконов. Лицевая сторона щитка украшена завитками растительного орнамента, тыльная - линиями геометрического орнамента.

Бляхи распределяются по четырем группам:

1) состоящие из трех деталей близкой к прямоугольнику формы. Выполнены одним штампом. - 3 экземпляра (рис. 11, 5). Две бляхи оснащены скобами для подвесных ремешков. Внешняя лицевая пластина имеет прорезной штампованный орнамент с последующей доработкой чеканкой. На ней изображены два взрослых и два молодых барса, играющие на волнообразной траве. На заднем плане помещены крупные лиственные растения. Боковые и верхний края бляхи обрамляет орнамент из листьев. На скобе для подвесного ремня на примыкающих к корпусу концах изображены львиные

морды, продольная часть скобы украшена насечками, напоминающими обозначение на планах материка.

Вторая, внутренняя, пластина изогнута и повторяет размер и форму основного, внешнего объема (без скобы). Прижатая к тыльной стороне лицевой пластины, она оттеняет прорези в последней.

Третья, тыльная, пластина имеет плоскую форму, повторяющую конфигурацию лицевой детали, включая скобу, и зажата ее краями. Пространство между внутренней и тыльной пластинами было заполнено кожей и войлоком. С внешней стороны к тыльной пластине припаяны две дужки для ремня;

2) овальной, близкой к полулунной формы. Украшали, видимо, подвесные ремни - 9 экземпляров (рис. 11, 3). Штампованный с чеканкой орнамент изображает свернувшихся калачиком спящих молодых барсов. С тыльной стороны к каждой бляхе припаяно по две проволочной золотой заклепке;

3) конечная бляха выполнена в аналогичном стиле (рис. 11, 4). На ней изображен полулежащий взрослый барс, повернувший морду назад, в сторону двух молодых барсов, грызущих его хвост. Тыльная сторона бляхи закрывается золотой пластинкой. На краю имеются отверстия для заклепок.

Сохранились также фрагменты ремня из трех слоев прошитой по краям кожи.

Аналогичная пряжка известна среди новгородских находок. Она датируется рубежом XIII-XIV вв. (Ефимов К.Ю., 2000, с. 176; Седова М.В., 1981, с. 149, рис. 58, 17).

Таким образом, все поясные наборы имеют хронологическую позицию близкую к XIV в. Все они оснащены приспособлениями для подвешивания дополнительных ремней. Оригинальным является такого рода приспособление в виде небольших подвижных колец (Высокая Гора 2). Функционально и конструктивно аналогичными являются детали седла из могильника Кудыргэ на Алтае, датируемого XIII-XIV вв. (рис. 74, 2 а, б).

Особое место, в виду необычного облика пряжки, занимает набор из Старой Калитвы.

Общие черты заметны у поясов из Власовки и Олень-Колодезя. Это относится и к полулунной форме блях, и к многослойной конструкции деталей. Выразительностью орнаментальных мотивов обращают на себя внимание поясные бляхи из могильников Олень-Колодезь и Высокая Гора. Растительные элементы декора деталей пояса из Олень-Колодезя выходят, по нашему мнению, за рамки типовых украшений ремесленной культуры Золотой Орды. Общим для трех поясов (Власовка, Высокая Гора, Олень-Колодезь) является присутствие, хотя бы эпизодическое, геометрического узора в виде обозначения материка.

Г. Бытовые предметы

Гребни (3 экз.) представлены двумя видами:

1) деревянные двусторонние, одна сторона имеет редкие зубцы, другая - частые - 2 экземпляра (рис. 12, 1). Один такой гребень был в берестяном футляре;

2) односторонний костяной - 1 экземпляр.

Гребни не являются датирующими вещами.

Зеркала (8 экз.). Определены по классификации Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 78 - 84, рис. 13 – 14) и Л.В. Яворской (Яворская Л.В., 1999, с. 54, с. 186):

1) диаметром 6,8 см с трапециевидной петлей. По краю с тыльной стороны - утолщение (рис. 14, 1). Соответствует типу А III, который не относится к хронологически определенным;

2) диметром 8 см, орнамент в виде «овов» (рис. 14, 2) Известны аналогии среди зеркал из могильников золотоордынского времени у Царёвского городища (Яворская Л.В., 1999, с. 54, с. 186, рис. 8) и в могильнике Быково III (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1994, с. 155, рис. 3, 9). Датируется второй половиной XIII-XIV вв. Определены как тип 4, подтип 1, вариант *в* - (Яворская Л.В., 1999, с. 54).

3) диаметром 7,4 см. По краю имеется утолщение в виде валика. С тыльной стороны видны плохо сохранившиеся неопределенные знаки (рис. 14, 3);

4) диаметром 6,0 см. Орнамент крестово-арочный. Есть петля (рис. 14, 4);

5) диаметром 5,5 см. Орнамент крестово-арочный без петли (рис. 14, 5). Зеркала с крестово-арочным орнаментом близки к типу Ж I, хронологически определенному для второй половине XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 115-116).

6) диаметром 12 см. С изображением четырех животных, бегущих по кругу. По краю сделан высокий бортик, в центре - полый выступ (рис. 14, 6). Принадлежит типу КI, хронологически определенному для второй половины XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 115 – 116);

7) диаметром 8,0 см. С арабской надписью почерком «насхи» вокруг центральной розетки, высокой закраиной (рис. 14, 7). Относится к типу С I, хронологически определенному для второй половины XIII-XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 115-116).

8). Диаметром 7 см, высота умбона 0,4 см. Бронзовое (рис. 14, 8). С изображением двух рыб. Относится к типу Н I, хронологически определённому для второй половины XIII-XIV вв. (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 82, 115-116) (III Шляховский 1/1).

Кресала (6 экз) (рис. 12, 2-6). При классификации использована номенклатура Г.А. Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 84).

1) двулезвийное, овальное, с овальной прорезью (рис. 12, 2). Тип АII. Кресала этого типа были распространены в XII-XIV вв.;

2-3) однолезвийное «калачевидное» с треугольным выступом с внутренней стороны и загнутыми наружу концами (рис. 12, 3). Соответствуют типу Б II. Аналогии известны в широких хронологических пределах - X - XIV вв.;

4) однолезвийное «калачевидное» без выступа с прямыми концами (рис. 12, 5). Соответствует типу Б III, хронологически определенному для второй половины XIII - XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 115-116);

5) брусковидное с фигурным профилем (рис. 12, 6). Найдено среди вещей хронологически определенных для второй половины XIII-XIV вв.;

6) вероятно, калачевидное формы (рис. 12, 4);

С кресалами находились кремни в двух случаях: Высокая Гора 2, Ветютнев 2/1.

Ножницы (9экз.) (рис. 12, 7, 8). Представлены изделиями двух типов (по классификации Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 84). Тип II - шарнирные с отогнутыми скобами – 6 экземпляров (рис. 12, 8). Тип III - шарнирные современного типа с приваренными кольцами-скобами – 3 экземпляра (рис. 12, 7). Типы ножниц не имеют узкой хронологической привязки.

Ножи (17 экз.) (рис. 12, 9-13). Г.А. Федоров-Давыдов выделил типы ножей по форме лезвия. Но форма лезвия из-за коррозии, а также деформаций в ходе эксплуата-

ции не всегда определяется четко. Поэтому целесообразным представляется выделение типов по характеру перехода лезвия в черенок. По этому признаку средневековые ножи распределяются, обычно, по четырем типам. (Минасян Р.С., 1980, с. 68; Винников А.З., 1995, с. 63-64). Принятые типологии совпадают в обозначении трех групп ножей, имеющих наиболее распространенный облик (типы 1-3). При выделении последующих типов определения расходятся, так как туда включаются материалы не столь массового характера. Такая ситуация характерна и для бытовых ножей кочевников Подонья.

Ножи в погребениях Среднего Дона распределяются по четырём типам.

Тип 1. С прямой спинкой, непосредственно переходящей в черенок и образующей с ним прямую линию, а лезвие или плавно переходит в черенок, или имеет уступ - 1 экземпляр (рис. 12, 9).

Тип 2. С уступчатым или плавным переходом от лезвия и спинки к черешку - 1 экземпляр (рис. 12, 10).

Тип 3. Лезвие и спинка отделяются от черенка уступами, образующими прямые углы - 8 экземпляров. Выделяются два варианта ножей этого типа:

А. Без бронзового упора - 3 экземпляра (рис. 12, 12);

Б. С бронзовым упором в виде сплющенного до овала кольца - 4 экземпляра (рис. 58, 11).

Тип 4. Переход от лезвия к черенку не обозначен - 2 экземпляра (рис. 12, 13).

Тип четырёх ножей не определён.

В типологических схемах ножи не относятся к узко датируемым категориям инвентаря.

Напёрстки (2 экз.) (рис. 13, 4). Современного облика. Аналогичные изделия встречены в культурном слое золотоордынских городов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 85).

Сумки. Зафиксированы остатки четырёх сумок из кожи.

1) В одной сумке лежало зеркало в футляре (Высокая Гора 3/2). Внешний вид этого изделия не реконструирован.

2) Сумка из погребения Олень-Колодезь 9 сшита из двух кусков толстой кожи (рис. 59, 1). Ширина в нижней части - 25 см, к верху сумка сужается. Высота сохранившейся части – 27 см. Рядом с ее верхним краем лежала двойная железная заклепка (рис. 13, 1а). Вероятно, она является деталью сумки.

3) Кожаная сумка из погребения Ветютнев 2/1 имела на верхней части металлическую деталь – небольшую бронзовую обойму.

4) В небольшой кожаной сумке лежал нож в погребении Глазуновский 5.

Футляры. Футляры для зеркал представлены четырьмя видами:

1) парчовый мешочек, сшитый из одного согнутого пополам куска ткани, повторяющий округлую форму зеркала. Верхний край мешочка загнут внутрь и зашит таким образом, что осталось место для шнура (шнур отсутствовал) (Олень-Колодезь 9; рис.13, 2);

2) коробка круглой формы из капа березы. Зеркало располагалось лицевой плоскостью ко дну. На крышке футляра было круглое отверстие, которым она насаживалась на выступ на тыльной стороне зеркала. Футляр не сохранился (Высокая Гора 3/2; рис.13, 3);

3) кожаная ажурная сумка для зеркала из погребения Глазуновский 5 была сшита из двух половин. Роль декоративного фона играла подкладка из ткани (рис.13, *12*).

4) кожаный (не сохранился).

Двусторонний гребень был найден в берестяном футляре (Высокая Гора 3/2). Отмечены находки напильника в деревянном чехле (Олень-Колодезь 7) и шила - в кожаном (I Власовский10/2). В кожаном чехле с серебряными колечками для подвешивания хранилась одна из чаш (Высокая Гора 3/2). Эти изделия не сохранились.

4) В кожаном, обтянутом парчой футляре хранились ножницы в погребении Олень-Колодезь 9.

Ножи в ряде случаев находятся в деревянных и кожаных ножнах.

Шилья, проколки (рис. 13, 5-7, 8). Известно 3 экземпляра шильев. В одном случае отмечено четырехгранное сечение. Ручка сохранилась в одном случае - деревянная; видимо, все ручки были выполнены из дерева.

Проколка (1 экз.) - костяная (фрагмент конусовидной формы) (рис. 13, 8).

Пинцеты *(2 экз.)* (рис. 13, 9, 10). Оба экземпляра из одного погребения. Предположительно, это туалетные принадлежности (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 86).

Напильники (1 экз.) (Олень-Колодезь 7; рис. 13, 11). Длина рабочей части 13,0 см, толщина около 0,7 см. От рукоятки рабочая часть отделена железным упором овальной в плане формы. Полная аналогия обнаружена в кочевническом погребении золотоордынского времени у села Ново-Подкряжск в Поднепровье (Ефимов К.Ю., 2000, с. 176; Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с. 91, 92, рис. 1, 2).

Рыболовный крючок (1 экз.). Найден у кисти левой руки погребённого (Ветютнев 2/1). Бронзовый. Длина 1,2 см. проволока в сечении круглая. На конце – жало (рис. 13, 13)

Посуда в погребальном инвентаре представлена различными категориями изделий (рис. 61-63).Для обозначения предметов посуды в литературе используются такие понятия, как казан, казанок, модель казана, чаша, чаша с дужкой, ковш, миниатюрный сосуд. Наиболее обосновано выделение категорий предмета по его функциональному назначению.

Словом «казан» принято называть изготовленные из листовой меди или бронзы сосуды для приготовления пищи у тюркоязычных народов. Это слово тюркское и более, поэтому, уместно, так как слово «котел» имеет латинское происхождение и применяется чаще для обозначения литых сосудов (Швецов М.Л., 1980, с. 192). В погребениях не зафиксировано ни одного случая находок золотоордынских чугунных котлов, в то время как фрагменты их найдены на поселениях Верхнего Подонья (Тропин Н.А., 1999, с. 142, рис. 2, 7-8). Котелки, казанки - меньшие, чем казан сосуды, предназначенные как для приготовления, так и принятия пищи.

Миниатюрные сосуды с приспособлениями для подвешивания предпочтительнее определять принятым в археологии кочевников понятием «модели казана». Как установлено, казаны, помимо утилитарно-практического назначения имели и ритуально-символическое, маркируя принадлежность погребенного к рангу вождя, главы рода (Швецов М.Л., 1980, с. 200).

Малые размеры сосудов, определяемых нами как модели казана, мало приемлемы для их утилитарного использования в качестве чаш. Эти сосуды, напоминающие конструктивно казаны, воспроизводят, вероятно, в какой-то мере, знаковую функцию последних, являясь в этом смысле их моделями. Примечательно, что некоторые модели казана находились в могилах у ступней погребенного - на обычном для казана месте (Караяшник 6, Ст. Калитва 2).

Разумеется, не исключаются и другие объяснения рассмотренного сюжета. Вероятно и то, что эти изделия имели определённое практическое значение, которое

нам неизвестно. Тем не менее, следует принять определение «модель казана», чтобы отличить миниатюрные чаши с дужкой от чаш с дужкой обычного размера.

Слово «чаша», по словарю С.И. Ожегова, - «старинный сосуд для питья в форме полушария»; по формулировке В.И. Даля – «сосуд полушаром или около того». Целесообразно не исключать на основании указанных формальных признаков чашевидные сосуды для питья с несколько иной формой, например, с плоским дном из категории чаш.

Ковши следует выделить в отдельную категорию, не только по признаку наличия ручки, но и по более широкому, чем чаша назначению: по В.И. Далю, ковш, ковшик (от татарского *кашик*) – «одноручный сосудец, с рукоятью, для черпания жидкостей, для питья».

Отдельную категорию составляют сосуды, включённые Г.А. Федоровым-Давыдовым в отдел В и определённые как «чаши с железными дужками». Исследователем были учтены чаши с дужками, выполненные из бронзы.

Некоторые чаши с дужками имеют довольно большой размер, выделяющий их среди чаш и приемлемый не столько для питья, сколько для приготовления пищи. На последнее указывает и наличие дужки. С этой точки зрения правильнее будет причислить такие сосуды к казанам, назвав их с учётом размеров «казанками». Казанки предназначались, видимо, для индивидуального использования.

Казаны (4 экз.) (рис.15). Три сосуда однотипны - с округло-выпуклым туловом и гофрированным венчиком. Связь сосудов данного облика с аристократическими погребениями, совершенными в широких ямах типа Высокой Горы (см. главу 3) дает основание определить их как казаны высокогорского типа – по первой находке. Варианты различаются по форме тулова – с округлым боком или с ребром.

1. Высокогорского типа, бронзовый с фигурными железными ушками и железной ручкой. Венчик гофрированный. Корпус клепаный, но форма заплат предполагает, что это следы ремонта, а не элемент технологии изготовления. Диаметр верха - 36 см, высота - 20 см. Сечение дужки имеет форму трапеции (Высокая Гора 2; рис. 15, 1).

2. Высокогорского типа, бронзовый, отличается четко выделенным ребром тулова. Диаметр верха - 21,5 см, высота - 14 см (Высокая Гора 3/2; рис. 15, 2).

3. Высокогорского типа, бронзовый, диаметр верха и тулова - 20 см, высота - 10 см

(Олень-Колодезь 9; рис. 15, 3).

4. С округло выпуклым дном и прямыми стенками. Венчик завальцован. Бронзовый. Ушки железные (не сохранились) Диаметр дна 25 см, диаметр верха 26 см, высота 16,5 см (Новый Буравль).

Казанки (1 экз.) (рис. 16, 10)

Бронзовый. Тулово сегментовидное. Края отогнуты наружу. Пробиты два отверстия для железной дужки. Диаметр 20-23 см, высота 6,2 см. На внешней поверхности – бороздки от проковки. По краям – две заплаты – следы неоднократного ремонта. (3 Шляховский 1/1). Этот сосуд отличается диаметром, соответствующим в целом параметрам казана. Глубина же его незначительна.

Модели казанов (2 экз.) (рис.16).

1. Модель казана из бронзового листа с неровным верхом, имеющим два выступа с отверстиями для крепления дужки. Дужка железная (не сохранилась). Диаметр - около 2,5 см, высота - 3,6 см (I Власовский 10/2; рис.16, 1).

2. Из бронзового листа с округло-коническим туловом. Диаметр - 5 см, высота - 2,5 см (Караяшник 6; рис.16, 2).

Чаши с дужками (1 экз.) Из серебряного листа. Усеченно-конической формы, дно плоское. Дужка железная (не сохранилась). Диаметр верха 8 см, дна - 5 см; высота 2,8 см (Ст. Калитва 2; рис. 16, 3). Облик соответствует типу BI по Г.А. Федорову-Давыдову. По аналогии датируется XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 87-82, рис. 15, 2)

Чаши *(6 экз.)*

1. Из медного листа, с плоским дном и расположенными под углом ко дну стенками. Имеются отверстия с остатками железных заклепок. Диаметр верха 7,5 см, высота 3,5 см (Третьяки 1/1; рис. 16, 5)

2. Из серебра, пиаловидная с утолщением по венчику. Диаметр верха 15,8 см, высота 6 см (Высокая гора 2; рис. 16, 6).

3. Из серебра, пиаловидной формы с утолщением по венчику, прямые сверху стенки под углом переходят в плоское дно. Диаметр верха 11 см, высота 3,8 см (Высокая Гора 3/2; рис. 16, 7).

4. Из серебра близкой к пиаловидной формы с утолщением по венчику, прямые сверху стенки переходят под углом в плоское дно. Диаметр верха 11 см, высота 3,5 см. Внешняя поверхность орнаментирована техникой точечной и штриховой чеканки (Олень-Колодезь 9; рис. 16, 8).

5. «Из белого металла с примесью меди» (Нов. Буравль). В Воронежском областном краеведческом музее хранится сосуд пиаловидной формы с утолщением по венчику. Внешняя поверхность орнаментирована. Предполагается его происхождение из погребения у Нового Буравля.

6. Из бронзового листа, сегментовидной формы. Диаметр 13 см, высота 2,8 см (Марки; рис. 16, 4). Сосуд близок к чашам типа BIV по Г.А. Федорову-Давыдову, имеющим аналогии в материалах XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 87). В публикации сосуд назван моделью казана, но признаки казана в этом изделии не указаны (Цыбин М.В., 1986, с. 264).

Серебряные пиаловидные чаши с утолщенным краем особенно широко представлены в кочевнических памятниках XIII-XIV вв. в Южной Сибири и Средней Азии (Степи.., с.197, с.245, рис. 72, 82).

Чашевидный сосуд (1 экз.). Бронзовый. Венчик изломан. Контур тулова – сегментовидный. Диаметр 18 см, высота 7 см (Глазуновский 5; рис. 16, 9). Внутри сохранились следы от деревянной прокладки. В дне расположено отверстие диаметром 0,7 см, заткнутое деревянной пробкой. Дно закопченное. В публикации материалов раскопок сосуд назван миской.

Ковши (2 экз.) (рис. 17).

1. Серебряный. Тулово близкой к пиаловидной формы с утолщением по венчику. Прямые сверху стенки под углом переходит в плоское дно. Ручка в виде дракона выполнена из фольги. Диаметр верха 15 см, высота 4,7 см, диаметр орнаментированного днища 9,5 см (Олень-Колодезь 7; рис. 17, 1).

Под валиком венчика расположена полоса орнамента в стиле растительного «бегунка». Внутренняя поверхность днища покрыта полностью обильным декором в виде цветов и листьев, оконтуренных по краю днища рядом точек. Ручка покрыта чеканным орнаментом. В уголках пасти дракона сделаны два сквозных отверстия. На макушке укреплены два фонтанообразно завитых куска проволоки - рога, при этом один завиток касается лба, другой, более длинный, опускается в противоположные стороны, касаясь венчика сосуда, к которому был припаян.

2. Серебряный. Пиаловидной формы с плоским дном, плоской ручкой, по венчику - утолщение. Ручка расположена горизонтально на уровне верха сосуда. Диаметр верха 8,8 см. Растительный орнамент на тулове распределен по пяти зонам на дне и стенке. Эти зоны имеют контур розетки из четырех широких лепестков. По форме и характеру декора сосуд датируется второй половиной XIII-XIV вв. (Мелик, рис. 17, *2*).

Облик этих сосудов идентичен южносибирским и среднеазиатским чашам XIII-XIV вв. (Степи.., с. 197, с. 245, рис. 72, 82). Орнаментальное оформление верха ковша из Олень-Колодезя имеет аналогии в чашах и ковшах южносибирских кочевников XIII-XIV вв. (Степи.., с. 249, рис. 74, 6, 57). Аналогичный ковш найден в IV Сагайтинском могильнике в Приобье, он датирован концом XIII-XIV вв. (Ефимов К.Ю., 2000, с. 176; Крамаровский М.Г., 1976, с. 76; Федорова, 1991, с. 198, рис.6).

В погребении Третьяки 69/1 у левого колена покойника лежал железный предмет, напоминающий миниатюрную грубо изготовленную чашу. Материал – железо – не типичен для посуды кочевников и определение изделия как чаши или другой категории посуды представляется преждевременным.

Кроме перечисленных видов металлической посуды, в литературе, упомянута находка в курганах у хутора Шемякинский «разбитых кувшинчиков», но их описанием мы не располагаем. Лепная и гончарная керамика найдена также в насыпях могильника у станицы Глазуновской (курганы 4, 6, 16).

При оценке места посуды в погребальном обряде следует обратить внимание на погребение с моделью казана I Власовский 10/2 (рис. 43, II): при совершении этого впускного погребения его яма оказалась наложенной на сарматскую могилу. При этом кувшин и миска из основного погребения были поздними кочевниками оставлены (Березуцкий В.Д., 1988, с. 154-156).

Лодка (рис. 37, 1,10). Использована в качестве гроба в погребении Старая Калитва 1/3. Плоскодонная. Длина 1,94 м, ширина до 0,5 м, высота 0,3 м. Днище изготовлено из доски толщиной до 3 см, его длина 1,68 м, наибольшая ширина - в средней части - 0,22 м. В плане оно имело форму вытянутой линзы. Борта изготовлены из плотной древесной коры или дерева толщиной 1,5-2,0 см. Верх лодки в плане имеет контур линзы. К лодке относится, вероятно, найденное у носа в переотложенном состоянии кольцо на штифте (рис. 37, 10).

Циновка (1 экз.). В циновку была завёрнута кольчуга (Олень-Колодезь 7).

Серп (1экз.) Железный. Длина 32 см (рис.62, *2*). Найден в центре насыпи на глубине 0,25м. Возможно, это более поздняя вещь, утерянная на месте могильника (Глазуновский 5).

Лопата (1экз.) Деревянная. Описания нет (Марки).

Монеты (9 экз.). Монеты встречены в четырёх погребениях. Только в одном случае (1-й Шляховский 2) в погребении было несколько монет, в остальных случаях – по одной.

1) Марки: серебряная монета 1361-1362 гг. (763 г.х.), Науруз, Гюлистан.

2) Новомеловатка: серебряная, джучидский дирхем Узбек-хана второй четверти XIV в.

3) Вервековский 2/2: серебряная монета 1342-1343 гг. (743 г.х.), отчеканена при Джанибеке в Сарай ал-Джедиде.

4) I Шляховский 2: пять монет отчеканены при Джанибеке. в Сарай-ал-Джедиде. По одной в 1342-1343, 1345-1346, 1353-1354 гг. (743, 746, 754 г.х.); две – в 1350-е гг. (750 г.х.). Одна монета отчеканена в Гюлистане в 1350-1351 г. (751 г.х.).

ВЕЩЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Прежде, чем обратиться к выделению типов вещевых комплексов кочевнических погребений остановимся на основных положениях нашей исходной методической позиции.

Во-первых, мы исходим из представления о том, что нельзя сводить обычай помещения в могилы вещей одним только стремлением обеспечить покойнику в загробном мире бытовые условия. Предметы имели и определенную знаковую функцию, несли ирреальную нагрузку. Например, известно, что зеркало, помимо утилитарно-практического назначения, служило оберегом, казан обозначал социально-ранговый статус человека и т.д. Неопределенность при современном состоянии науки атрибуции каких-либо вещей не отрицает их знаковой сущности.

Сложность в понимании состоит в ирреальном характере мотивации (Ольховский В.С., 1993). Если мотивация в оборудовании места захоронения затрагивает и утилитарно-практическую сферу (стремление не потерять погребение, соблюсти санитарно-гигиенические нормы), то в снабжении покойника вещами проявляются мотивы чисто идеологического порядка. Поэтому труднообъяснимыми, часто необъяснимыми оказываются функции предметов погребального инвентаря.

Во-вторых, мы имеем в виду, что определенную смысловую нагрузку могут иметь не только каждый предмет в отдельности, но и комплексы вещей. Не случайным представляется не только наличие какой-либо вещи в могиле, но и подбор предметов. Следует признать невозможность масштабных реконструкций особенностей идеологической сферы по инвентарю. Тем не менее, осуществимым является определение устойчивых, типичных комплексов вещей, их связи с другими фиксируемыми чертами погребального обряда и выполнение этнокультурных и социальных реконструкций на этой основе.

В-третьих, обратим внимание на понятие погребального инвентаря. Под погребальным инвентарем часто подразумевается совокупность всех вещей найденных в могиле. Если для хронологических характеристик подобное отношение к вещам целесообразно, то при этнокультурных и социальных характеристиках оно может внести серьезные неточности.

Мы исходим из представления о погребальном инвентаре как сохранившейся части набора вещей, помещенного в могилу по определенным осознанным мотивам, имеющим неслучайный, социально значимый характер, и отражающим традиционные идеологические нормы. С этой точки зрения к инвентарю не следует причислять такие вещи, как детали одежды, украшения. Имеем в виду также, что археологически фиксируются не все вещи, некогда помещенные в могилу при совершении обрядовых действий, помимо покойника в его убранстве. В.И. Мельник оперирует понятием «погребальное имущество», разделяя его на обрамление, включающее облачение и ложе, и сопровождение (Мельник В.И., 1993, с. 94-97). Нами использовано понятие «вещевой комплекс», принятое для обозначения всех зафиксированных вещей погребального памятника, а также для обозначения их типичных наборов (например: «аристократический вещевой комплекс»).

В-четвертых, отметим необходимость при определении социальной атрибуции погребального инвентаря учитывать половозрастные и семейно-брачные аспекты социальной структуры, отразившиеся в наборе вещей.

Рассмотрим некоторые особенности формирования вещевых комплексов (таблица 2).

Конская сбруя. В восьми случаях предметы найдены без коня, в двух случаях – с конём. При этом шесть раз стремена и удила встречаются вместе, в пределах одного комплекса, один раз – только стремена, один – только удила.

Стремена четыре раза встречаются с седлом, в том числе один раз – на лошади. Чаще встречаются в изголовье или справа от голени покойника (по два случая).

Пары стремян представлены как однотипными изделиями, так и стременами разного типа. Наиболее выразительный случай – в двух погребениях кургана 1 3-го Шляховского могильника. В обоих - мужском и женском – погребениях лежали по два арочных стремени с плоскими подножками и расплющенными вверху дужками, в которых были прорезаны овальные отверстия для путлища. У одного из стремян каждой пары края подножки были опущены вниз, образуя лопасти. Наличие разных стремян в одном наборе С.П. Нестеров объяснил тем, что особое стремя подвешивалось к той стороне лошади, которая считалась парадной (обычно, с этой стороны садились). Её дополнительно украшали, в том числе и более ценным стременем. (Нестеров С.П., 1988, с. 180-182).

Удила часто находятся в комплекте с седлом (три случая)

Сёдла размещаются обычно в ногах погребённого (три случая), реже – на лошади или в изголовье.

Оружие.

Кинжалы носились, вероятно, слева. Обнаружены на левом бедре у кисти руки. (Высокая Гора 2) и по левую руку, у стены (Олень-Колодезь 7). Оба были в деревянных ножнах.

Наконечники копий обращены остриём в головную часть могилы. При этом в одном случае (Высокая Гора 2) копьё, видимо, было положено на гроб, причём на него была насажена некрупная птица.

Колчаны располагались в большинстве случаев у правого бедра погребённого.

Наконечники, древки стрел найдены в основном, в колчанах, в других случаях закономерности их размещения не выявлены.

Кольцо для стрельбы из лука хранилось надетым на древко стрелы (Высокая Гора 2).

Боевой топор находился у правой ноги погребённого.

Кольчуги. Две были свёрнуты и уложены под ноги (Высокая Гора 2) и в изголовье (Олень Колодезь 7), остатки одной были выявлены на груди погребённого (Новомеловатка 1/1).

Шлемы лежали в изголовье. В одном случае – вместе с кольчугой (Олень-Колодезь 7), в другом – отдельно (Высокая Гора 2/1).

Одежда и украшения. Одежда и обувь надеты, как правило, на покойников. Оригинальный сапог был найден у головы погребённой (Олень-Колодезь 9).

Подвески типа I находятся по одной. Подвески типа VI – в шести погребениях - по одной, в трёх – по две. В погребении III Шляховский 1/1 – слева и справа от черепа находились пять подвесок типа VI и четыре крестовидные подвески.

Перстни были на левой (Глазуновский 5), на правой руке (Олень-Колодезь 9, Высокая Гора 3/2). При этом в высокогорском погребении перс.ень был надет на средний палец.

Браслеты находили как на руках погребённых, так в одном случае и между рукой и тазом.

Цилиндрические подвески находились между туловищем и правой рукой (пара в погребении Высокая Гора 3/2) и на сапоге, лежащем у черепа (Олень-Колодезь 9).

Бытовые предметы.

Гребни располагались в двух случаях на груди (Высокая Гора 2/1, 3/2), один раз – у левой ноги погребённой (I Власовский 3/2).

Зеркала в трёх погребениях располагались у черепа (таблица), в двух – у правой ноги. Другие случаи имеют единичный характер. В пяти погребениях найдены целые зеркала, в четырёх – их фрагменты. В двух погребениях зеркала лежали на ножницах (Олень-Колодезь 9 и Третьяки 7). В этих случаях компактно. Располагались сходные комплекты вещей – в погребении Олень-Колодезь 9 – у правого бедра, в погребении Третьяки 7 – у черепа. Комплекты были составлены ножом, ножницами и зеркалом. В погребении Олень-Колодезь 9, кроме того, здесь же лежало шило. Можно предположить, что вещи лежали в сумках.

Кресала чаще размещаются у правого бедра или на тазе (по два случая).

Ножницы, кроме единичных случаев, встречены у левой руки (три раза) и у правого бедра (два раза).

Ножи часто находятся у правой руки погребённого (6 случаев). Другой особенностью помещения в могилы ножей является тот факт, что в Глазуновском могильнике более половины ножей представлены фрагментарно. Является это следствием коррозии или предметы были фрагментированы при погребении непонятно. В одном погребении (Третьяки 7) находилось два ножа разных типов.

Напёрстки были найдены на правой тазовой кости (Глазуновский 15) и справа от черепа (I Власовский 3/1).

Шилья встречены у левой ноги (I Власовский 10/2), у правого бедра (Олень-Колодезь 9), у правого локтя погребённого (Третьяки 32).

Пинцеты (пара) были найдены у левой ноги.

Напильник лежал справа от туловища погребённого.

Рыболовный крючок находился у кисти левой руки.

Сумки в погребениях располагаются без определённой системы: в изголовье (Олень-Колодезь 7), в ногах (Олень-Колодезь 9), у правой ноги (Ветютнев 2/1). Можно предполагать по компактному расположению вещей наличие сумок у правого бедра (в погребении Олень-Колодезь 9), у левого колена (I Власовский10/2), в изголовье (Третьяки 7).

Посуда:

Казаны, казанки находятся в ногах погребённых. Известен один случай, когда сосуд был перевёрнут (Высокая Гора 2). К сожалению, полной информации не даёт описание размещения казана в погребении Новый Буравль, где сказано, что сосуд лежал у правой ноги.

Сосуды, определённые как *модель казана* лежат, как и казаны, у ступней, а также у правой руки погребённого.

Чаши. Два из четырёх пиаловидных сосудов располагались вверх дном на груди погребённого (Высокая Гора 2, Нов. Буравль).

Ковш располагался сбоку, по правую руку погребённого.

Чашевидный сосуд для приготовления пищи с деревянной прокладкой и отверстием из Глазуновского могильника был положен у ступней погребённой.

Наиболее выразительными из рассмотренных особенностей представляется обычаи размещения вещей:

1) сёдла - в ногах;
2) кинжалы – справа;
3) колчаны – у правого бедра;

4) ножи – у правой руки;
5) пиаловидные сосуды вверх дном на груди погребенного;
6) казаны – у ступней. У ступней располагались 54% единиц посуды разных видов.

Выделение типов вещевых комплексов возможно при рассмотрении ненарушенных существенно природными и антропогенными факторами памятников. Учитывая многообразие комбинаций в формировании вещевых комплексов, обусловленных как традиционным фактором (отражающим статус погребенного, обстоятельства смерти, разнообразные частные ситуации), так и элементами случайности, есть смысл выделять типы вещевых комплексов по основным показателям. В качестве такого рода критериев мы принимаем количественные и качественные характеристики материала в их диалектической связи. Эта связь отражает отсутствие жесткой зависимости между количеством вещей и их качеством, когда изделия из драгоценных металлов находятся и небольших, и в многочисленных комплексах. В то же время и довольно многочисленные наборы не содержат вещей из золота и серебра.

В основе классификации вещевых комплексов лежит состав погребального инвентаря – признак, выраженный в наличии каких-либо предметов. Г.А. Фёдоров-Давыдов выделяет следующие группы мужских погребений: со шлемом, обычно доспехами, саблей, стрелами и луком (разряд М*а*); со стрелами и луком (лучники) или копьём (разряд М*б*); без оружия (разряд М*в*) (Фёдоров-Давыдова Г.А., 1966, с. 116).

Анализ количественных и качественных характеристик известных на сегодняшний день погребений лесостепного Подонья, как, впрочем, и памятников других регионов, показывает невозможность вписать их в данную схему: большинство среднедонских погребений с копьями - это погребения с доспехами, но без сабель; кроме погребений без оружия есть погребения не содержащие вещей вообще; полный комплект воинского снаряжения мы не встречаем даже в некоторых памятниках с социально престижными вещами (табл. 1, 2).

Графики распределения вещей, построенные по материалам ряда погребений Среднего Подонья, показывают состав вещевых комплексов (рис. 18-22). Многочисленность вещей в некоторых погребениях представляется явлением неоднозначным. Например, в погребении Ст. Калитва 2 выявлено 15 изделий. Это число, безусловно, выделяет памятник. Но, если учесть, что 11 изделий – детали одного предмета – наборного пояса, то количественный показатель окажется иным – пять предметов. Важно, что в погребальном обряде проводились манипуляции с пятью предметами определённого качества, но не с одиннадцатью. С этой целью при построении графика учтено количество вещей как в предметном, так и в детальном выражении. При подсчёте вещей облачения покойника указывается общее количество вещей и количество комплектов. В мужских погребениях детали наборного пояса объединяются в один предмет убранства. В женских комплексах в качестве одного предмета убранства приняты комплект нашивок на одежду, а также ожерелья, детали головных уборов.

Подобным образом рассматриваются и предметы вооружения, в общем их количестве и в виде комплектов. При этом указывается общее количество стрел, колчан, а затем всё представляется – в виде одного набора – колчана со стрелами.

Предметы снаряжения коня решено было представить только в штучном выражении, поскольку малочисленность комплектов снаряжения не позволяет достаточно выразительно дифференцировать ситуацию.

Оба показателя – количество деталей и количество предметов – актуальны и подлежат формализованному учёту. На графиках характеристики вещевых комплексов

с этой целью предметы убранства представлены и в предметном, и в детальном выражении.

При рассмотрении количественных характеристик и сравнении «богатых» погребений с рядовыми выясняется примерное соответствие количества бытовых предметов. Какая-либо градация на основе подсчёта их числа не имеет пока смысла. Что касается количества наконечников стрел, наиболее универсального, общего вооружения, то в рядовых погребениях оно хотя и варьируется, но также приближается к показателям «богатых» погребений.

Отметив сложность и низкую эффективность учёта наличия вещей, категорий вещей, групп категорий, мы в основу классификации поместили принцип их отсутствия. Мы устанавливаем, что тип вещевого комплекса может включать разнообразный набор предметов, кроме одной или ряда категорий, отсутствие которых, и образует тип (коэффициенты связи между признаками, рассчитаны по формуле $f = s^2:(k \times l)$, где f – коэффициент связи, k- общее количество признаков объекта 1, l – общее количество признаков объекта 2, s – количество совпадающих признаков у данной пары объектов).

Принятый подход заключается в следующем:

1. Классификация является единой и для мужских, и для женских погребений. В качестве типообразующих показателей принимаются группы категорий вещей – облачение, бытовые предметы, снаряжение коня, предметы вооружения. Категории вооружения размещаются на периферии схемы и при характеристике женских погребений не учитываются.

2. Предметы вооружения включаются в одну группу со снаряжением коня. Дифференциация мужских комплексов с оружием на содержащие сбрую и без таковой нарушит универсальность схемы: однотипные женские комплексы со сбруей, безоружные по определению, будут соответствовать двум строкам типологии мужских комплексов со сбруей – с оружием и без. Принимаемый подход упрощает схему, но на современном этапе исследования оправдан. К тому же он имеет такое основание, как высокий коэффициент связи наличия сбруи и оружия в мужских погребениях 0,45 (предпринимая классификацию на более обширном, чем источники лесостепного Подонья материале, видимо, стоит дифференцировать мужские погребения, не упрощать схему объединением комплексов с оружием сопровождаемых сбруей и без снаряжения коня).

3. Комплексы, состоящие только из предметов снаряжения коня при возможном наличии предметов убранства, выделяются в отдельную группу.

4. Предметы убранства погребённого связаны с наличием других вещей в погребениях. Коэффициент связи – 0,56. В большинстве случаев это – маловыразительные изделия широкого потребления, такие как проволочные подвески или пуговицы. Наличие пуговиц в комплексе с другими вещами не может пока быть оформлено как отдельный тип. В качестве особого типа можно определить лишь тот комплекс с деталями убранства, который не содержит сопроводительного инвентаря. В связи с этим наличие или отсутствие предметов убранства в вещевых комплексах с инвентарём не принимается в качестве типообразующего признака.

В итоге выделяются следующие типы вещевых комплексов:

Тип 1. С бытовыми предметами и/или оружием (для мужских комплексов) и сбруей. Возможно наличие предметов убранства.

Тип 2. С бытовыми предметами, без других вещей. Возможно наличие предметов убранства.

Тип 3. С предметами снаряжения коня, без других вещей. Возможно наличие предметов убранства.

Тип 4. С предметами убранства без других вещей.

Тип 5. Без вещей. Этот случай представляется целесообразным включить в типологию вещевых комплексов, поскольку отсутствие или наличие вещей занимают одну строку типологической схемы погребальных памятников, а проблема сохранности вещей касается в равной мере комплексов с сохранившимися предметами и тех, где наличие вещей при погребении можно только предполагать.

Данная типология отражает последствия некоторых обрядовых действий, выраженных в манипуляциях в основном специально подобранным набором вещей. Исключение составляет если не все, то некоторые предметы убранства, которые могли находиться на человеке и до совершения обряда.

Другой аспект связан с качественной характеристикой выбранных для совершения погребения вещей. Их характер выражается в качестве материалов и уровне техники, а также в комплектовании набора.

Известна мотивация помещения в могилу казана. Казан выделяется среди всех бытовых вещей тем, что его социально-ранговая позиция и место в погребальном обряде выявлены достаточно определённо, причем на основе междисциплинарного подхода (Швецов М.Л., 1986). Это более подходящий для социальной характеристики предмет, чем доспехи. Кроме казана социальный статус погребённого и своеобразие вещевого комплекса наиболее определённо выражается в облачении покойника, на что показывают графики (рис. 18-22). Это детали убранства, доспехи. В таких группах категорий как снаряжение коня, набор бытовых предметов, наступательное вооружение наблюдается универсальность комплексов, дифференцирующие характеристики отсутствуют или слабо выражены.

Комплекты украшений представлены наборами нашивок на одежду – в женских комплексах - и поясными наборами – в мужских. Три из четырёх наборных поясов находятся в комплексах с серебряной посудой, казанами, инкрустированным золотом боевым топором:

Высокая Гора 2: пояс-казан-чаша;

Ст.Калитва 2: пояс-модель казана;

Олень-Колодезь 7: пояс-ковш-топор.

Довольно высок коэффициент связи между поясом и помещением казана или его заместителя на месте казана - в ногах погребённого. Он составляет 0,33. В женских погребениях соответствующий показатель связи наличия комплекта нашивок и помещением в могилу казана или другой посуды в ногах погребённой – на месте казана – также высок - 0,4.

Приведённые расчёты не дают оснований с уверенностью говорить о рангово маркирующей функции наборного пояса, типичной для более ранней традиции, когда статус определялся не только наличием пояса, но и его комплектацией. Тем не менее, пояса если и не являются знаком рангового отличия, то связаны с людьми высокого социального статуса через высокий имущественный статус владельца.

Таким образом, в качестве типообразующих выделены такие признаки как наличие казана, доспехов, наборов украшений, облик которых выходит за рамки типовых изделий широкого потребления. В то же время, в наборах с социально престижными и социально значимыми вещами может отсутствовать набор украшений, как в погребении Нов. Буравль. Здесь казан, как и в остальных случаях, сопровождается серебряным пиаловидным сосудом, золотыми вещами, но отсутствуют доспехи и поясной набор.

Наиболее приемлемо деление вещевых комплексов на три разряда:

а - включает казан и/или доспехи.

б - включает такие социально престижные вещи как набор украшений и/или серебряный сосуд. Без казана, без доспехов.

в - без набора украшений, без казана и доспехов.

Разряд **а** выделен на основании атрибутированности предметов – казана и доспехов, маркирующих нерядовой характер памятника.

Разряд **б** объединяет комплексы с дорогими, престижными предметами, но без казана или доспехов.

Разряд **в** включает «бедные» комплексы. Сюда же отнесены безинвентарные памятники.

Разряд **в** охватывает все типы комплексов- 1-5; разряд **б** – типы 1-4; разряд **а** – типы 1 и 2 (табл. 3).

Таким образом, разряды выделены по признаку качественного содержания представленных вещей, типы – по наличию определённых групп категорий вещей в различных вариантах и по признаку отсутствия некоторых групп категорий.

В схему типологии вещевых комплексов можно представить в виде таблицы (табл. 3). Незаполненные ячейки таблицы означают обязательное отсутствие признака в данном разряде и типе. Ячейки, заполненные знаками **х** и **Х** означают присутствие признаков: **х** – возможное, **Х** – обязательное. Подобным образом отражен принцип данной типологии: типообразующим признаком служит не только наличие вещей, но и их отсутствие. Тип 1 составляют погребения, в которых представлены предметы убранства, быта, сбруи, оружия. Ведущим признаком является обязательное наличие оружия. Для типа 2 характерно отсутствие сбруи и оружия и наличие бытовых предметов – обязательное – и убранства – факультативное. Тип 3 характеризуется обязательным наличием деталей сбруи при возможном присутствии предметов убранства и обязательном отсутствии оружия и бытовых предметов. Тип 4 – вещевой комплекс, состоящий только из предметов убранства.

Данная типология является лишь одним из элементов классификационной системы погребального памятника.

Рассмотрение вещей, обнаруженных в погребениях кочевников лесостепного Подонья, не дает оснований говорить о типичности некоторых из них для широкого круга восточноевропейских памятников. Достаточно оригинальными представляются шлемы (ср.: Горелик М.В., 1987, рис. 190, рис. 11), казаны. Обращает внимание и относительное обилие украшений из драгоценных металлов, широкое распространение сосудов пиаловидной формы и ожерелий.

Нетипичны для населения лесостепного Подонья орнаментированные накладки на колчан, фигурки-онгоны, сабли.

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Как было отмечено выше, погребальный памятник рассматривается как сохранившийся и зафиксированный археологически результат комплекса обрядовых действий. Эти действия были направлены на оборудование места захоронения, размещение покойника. Их результатом является и нахождение в могиле определённых вещей. Следовательно, типологическая классификация как система должна объединять весь комплекс основных элементов: особенности расположения могильной ямы, тип насыпи, тип могильной ямы, характеристику вещевого комплекса, ряд других призна-

ков. Этот подход нашел достаточно полное выражение в типологии Г.А. Фёдорова-Давыдова.

Требования к формируемой типологии – обычные для любой системы. Прежде всего, это открытость - система должна быть способна включить в себя новые элементы. Система должна быть достаточно простой, не громоздкой. Необходимость формализации учёта всех признаков памятника побуждает фиксировать не только признаки, имеющие вид тенденции, но и единичные случаи. В то же время выполнение операций с формализованным в виде литерно-цифрового обозначения памятником при необходимости должно упрощаться через сокращение единиц обозначения тех признаков, которые в обработке в данном случае опускаются. Это даёт возможность при решении некоторых конкретных логических задач использовать только актуальную информацию, содержащуюся в классификационной схеме. Структура предлагаемой типологии имеет вид таблицы (табл. 4).

Обозначение типа погребения формируется из набора обозначений различных признаков памятника, размещённых во второй строке таблицы и в головной части, где обозначены типы вещевого комплекса. Новые, неучтённые при разработке типы можно обозначать, добавляя колонки схемы или продолжая обозначение вариантов в действующих колонках.

На основе такого подхода классифицированы погребальные памятники региона. При этом в типологию включены и погребения, утратившие ряд своих характеристик в результате естественного разрушения или антропогенного фактора. Они не выпадают из общей системы, что даёт возможность более полно использовать имеющуюся базу источников. В тех случаях, когда тип по типологии Г.А.Фёдорова-Давыдова не определяется, указывается только отдел. Промежуточные ориентировки обозначаются двумя буквами. Например, северо-восточная определяется буквами, принятыми для северной и восточной ориентировок – Д-В.

В общем виде типология погребальных памятников Среднего Подонья представлена в таблице 5.

Следующий этап классификации заключается в выделении комплексов устойчивых признаков, которые в ряде памятников выступают в виде стабильных связей. Именно на их основе возможны исторические реконструкции, ибо как раз устойчивые связи дают представление о культуре. Обе стороны культурного процесса, как традиции, так и новации, отражаются и в прецедентных случаях и в тенденциях. В ходе этнокультурных и социальных реконструкций особенно актуальны комплексы признаков, фиксирующие традицию, - старое или новое, но имеющее достаточно стабильный характер. В них в большей степени отражены закономерности, традиционный фактор идеологии.

Выделяются следующие линии связи:

1) могильные ямы группы I (узкие длинные) - небольшая насыпь- отсутствие каменных конструкций в насыпи - разряд вещевого комплекса **в** (бедный)- западная ориентировка погребённого;

2) могильные ямы группы II (широкие) – вариант насыпи по объёму А (большая) – разряд вещевого комплекса **а** (богатый, с социально значимыми вещами). С этими признаками (кроме признака «широкая яма») связан признак «северная ориентировка погребённого». Наиболее определённо связь прослеживается между шириной ямы и наличием в погребении вещевого комплекса разряда **а**.

В целом, мы видим устойчивые цепи признаков, увязанных на типе могильной ямы.

Типы погребений, таким образом, выделяются по комплексу признаков, связанных с формой ямы и содержанием вещевого комплекса. Для дальнейшего анализа нами сформированы два блока памятников.

1. Погребения с узкими ямами, различной ориентировкой погребённых при преобладании западной; с бедным, как правило, погребальным инвентарем; с различными вариантами обрядовых действий, отразившихся на облике насыпи, с небольшими размерами последней.

2. Погребения с широкими ямами, северной и, вероятно, северо-восточной ориентировками. Для них характерен «аристократический» набор вещей, в большинстве случаев значительные объёмы земляных работ.

С целью дифференциации были рассчитаны коэффициенты связи между разрядом вещевого комплекса и рядом признаков погребального памятника. Признак характера вещевого комплекса был выбран для сопоставления потому, что это представитель наиболее общей из рассматриваемых структур – социальной, связывающей различные этнокультурные группы памятников (табл. 6). Выделяется несколько основных групп погребальных памятников. Их количество мы ограничиваем подбором классификационных признаков, принимая для разработки только те, которые выглядят в виде тенденции. Единичные случаи из этой классификации исключены. Выделяется шесть основных групп – по числу связанных с основными признаками памятника вариантов ориентировки человека (см. три последние графы таблицы, где связь отмечена именно по шести позициям).

Северная ориентировка – богатый вещевой комплекс с социально значимыми вещами - основное погребение - широкая яма – большой объём надмогильного сооружения.

1. Северная ориентировка - относительно богатый немногочисленный вещевой комплекс – основное или впускное погребение – узкая длинная или обычная яма – небольшой объём надмогильного сооружения.

2. Западная ориентировка – относительно богатый немногочисленный вещевой комплекс – основное погребение – узкая длинная яма – небольшой объём надмогильного сооружения.

3. Западная ориентировка – бедный вещевой комплекс или отсутствие вещей - основное погребение – узкая длинная яма – небольшой объём надмогильного сооружения.

4. Северо-восточная ориентировка – бедный вещевой комплекс или отсутствие вещей – основное погребение – узкая длинная яма – небольшой объём надмогильного сооружения.

5. Северная ориентировка - бедный вещевой комплекс или отсутствие вещей – основное погребение – узкая длинная яма – небольшой объём надмогильного сооружения.

Включение в типологию кроме разрядов вещевых комплексов их типов в большей степени дифференцирует классификационную схему. Результаты вычисления показателей связи между типами вещевых комплексов с другими признаками погребального памятника приведены в таблице 7.

В расчетах, где основные блоки раздроблены на варианты, уже немногие показатели выражают достаточно устойчивую связь. На этих связях основано определение десяти разновидностей погребальных памятников, соответствующих, как правило, наиболее распространённым их типам:

Данные группы, включающие погребения как одного, так и разных близких типов, обозначены понятием **«модель»**:

МОДЕЛЬ 1 (типы IБIв1/А и Б): небольшая насыпь, узкая яма, наличие оружия и сбруи (тип вещевого комплекса в1), западная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 2 (типы IБIв2/А и Б):): небольшая насыпь, узкая яма, наличие бытовых вещей (в2), западная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 3 (типы IБIв3/А и Б): небольшая насыпь, узкая яма, наличие сбруи без других вещей (в3), западная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 4 (типы IБIв5/А и Б): небольшая насыпь, узкая яма, отсутствие вещей (в5), западная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 5 (IБIв2/Д); небольшая насыпь, узкая яма, вещевой комплекс с бытовыми вещами (в2) северная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 6 (тип IБIв1/Д-В): небольшая насыпь, узкая яма, наличие оружия и сбруи (в1), северо-восточная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 7 (тип IБIв2/Д-В): небольшая насыпь, узкая яма, наличие бытовых вещей (в2), северо-восточная ориентировка погребённых;

МОДЕЛЬ 8 (тип IIIб1-2): наличие относительно богатого вещевого комплекса (б1, б2) при впускном характере погребения;

МОДЕЛЬ 9 (I-IIAIIIa1/Д): основное погребение с высокими объёмными показателями надмогильного сооружения, широкой могильной ямой, наличие богатого многочисленного вещевого комплекса с социально значимыми предметами (а1), северная ориентировка человека;

МОДЕЛЬ 10 (тип IБIа2/Д: небольшой объём надмогильного сооружения, наличие богатого, но немногочисленного вещевого комплекса, включающего социально значимые предметы.

Классификация погребальных памятников выявила ряд комплексов устойчивых связей признаков. Кроме того, при дифференциации погребений следует учесть такие явления, как связь площадки из прокалённого докрасна грунта в насыпи с северной ориентировкой человека, выраженную коэффициентом 0,4. Достаточно определённо выражена связь между этими следами огненного ритуала и типом в2 вещевого комплекса – 0,3 (в расчёт не бралось погребение Нов. Буравль, насыпь которого подробно не описана). Отмечена и связь впускного характера погребения, небольшой насыпи, типа вещевого комплекса в2.

Достаточно выразительно погребения с западной ориентировкой, не содержащих вещей, делятся на две примерно одинаковые группы – с керамикой в насыпи (Глазуновский 4, Глазуновский 6) и без керамики (Глазуновский 3, Третьяки 81, Третьяки 31).

При классификации погребений, не вошедших в модели по наличию комплекса устойчивых признаков, определим, во-первых, что они представляют собой варианты выделенных моделей, а не отдельные модели (понятием модель объединены характеристики памятников, представленные в виде тенденции). Во-вторых, следует признать, что основные типообразующие признаки – ориентировка и характер вещевого комплекса равнозначны, то есть отличаются одинаковой степенью стабильности. Эволюционируя, погребальный обряд меняет оба этих признака и в разных случаях более консервативным, «ведущим», может оказаться любой из них.

На основании этого принимается, что «ведущим» типообразующим является тот признак, который более чётко выражен в комплексе устойчивых связей признаков. Ведь именно этот комплекс свидетельствует о сформированной культуре, подтверждая

наличие её традиционной стороны (имеем в виду, что наличие и единичного варианта памятника может отражать, тем не менее, сформированную культуру, более чётко представленную на другой территории.)

Приведём примеры. Погребение Глазуновский 12 следует обозначить как вариант модели 1, так как тип 4 вещевого комплекса не образует с какими-либо признаками устойчивой связи. Зато западная ориентировка – один из типообразующих признаков.

Погребение Третьяки 1/1 отнесено к модели 5, но не 6 или 7 на том основании, что отличается от модели 5 только одним признаком. В то же время не ясны преимущества при выборе модели 6 или 7.

При классификации погребения Третьяки 31 выбор из моделей 3, 4, 5 был осуществлен в пользу модели 4, поскольку из представленных ориентировок – северо-восток, запад, север – именно западная ориентировка известна как «поглощающая» другие ориентировки, именно она рассматривается в современной литературе как хронологический атрибут. Резкое увеличение погребений ориентировкой на запад исследователи связывают не с демографическим взрывом в популяции какого-либо этноса, а с факторами иного порядка, вызвавшими изменение ориентировки у различных этнических групп (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989).

Основные отличия выражены в вариантах:

а – отличия в ориентировке;

б – отличия в вещевом комплексе;

в – отличия в других признаках;

В части 2 таблицы помещён ряд погребений, степень сохранности или качество описания которых не дают оснований к более определённой идентификации. Материалы некоторых из этих памятников позволяют предположительно отнести их к какой-либо модели или, во всяком случае, объединить с блоками других памятников для дальнейшего анализа (табл. 8).

Историческая интерпретация выявленных закономерностей в погребальной практике кочевников, как части их культуры, а также поиск связей между выделенными моделями и рассмотрение возможных вариантов эволюции погребального обряда будут предприняты в следующей части исследования.

ГЛАВА IV.
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

Как известно, исторические реконструкции в археологии заключаются в этнокультурной и социальной характеристике погребённых. Приступая к историческим интерпретациям, определим путь дальнейшего исследования. Целесообразным представляется начать с социологических реконструкций, как темы более общей (любой этнос социально стратифицирован), а затем перейти к более частной проблеме этнокультурных определений. Начать с социальных структур необходимо и по соображениям, связанным со спецификой источников. Мы располагаем двумя основными группами погребальных памятников. Погребения двух групп отличаются объёмными показателями надмогильных и погребальных сооружений, спецификой вещевых комплексов. Именно в этих признаках фиксируется уровень трудозатрат, принимаемый в качестве маркера социальной значимости погребённого человека.

Исследователи отмечают проблематичность социальных реконструкций в археологии (Е.П.Бунятян, М.Е.Массон, В.С.Ольховский и др.). Это объясняется тем, что погребальная обрядность основана на религиозно-мифологических представлениях, связанных как с реально существующим, так и с ирреальным мирами (см.: Ольховский В.С., 1995). И мы при социальных исследованиях не вправе претендовать на исчерпывающую реконструкцию общественных отношений, так как погребальные памятники являются лишь отдаленным по времени результатом сложных социально дифференцированных обрядовых действий.

При рассмотрении социологических вопросов в археологии речь обычно идет об иерархии общества, о выделении групп населения по полу и возрасту, по имущественному признаку и семейно-брачным отношениям. При этом часто отождествляются понятия «социальный статус» и «ранговый статус» (Бунятян Е.П., 1985, с. 73; Массон М.Е., 1976, с.159). Между тем, ранговый статус является одним из элементов социального статуса (наряду с имущественным и прочими). В связи с этим В.С.Ольховский предложил при палеосоциологических исследованиях рассматривать ряд социальных структур: половозрастную, семейно-брачную, религиозно-конфессиональную, а также ранговую и имущественную дифференцирующие структуры, (Ольховский В.С., 1995, с. 89-90).

Исследование кочевников золотоордынского времени логичнее начинать с характеристики религиозно-конфессиональной структуры как наиболее общей, поглощающей остальные структуры. Затем исследование должно быть продолжено также с наиболее общих аспектов организации общества: имущественного и рангового статусов погребенных и только затем - половозрастной структуры и, наконец, семейно-брачных отношений.

При изучении любой из перечисленных структур встаёт вопрос критериев социально-рангового статуса погребённого. Исследования последних двух десятилетий тех памятников, которые определяются как раннемусульманские, выявило особенности эволюции вещевых комплексов. Это проявилось в исчезновении аристократических и многочисленных наборов вещей и вещей вообще. Отделить религиозные мотивы отсутствия или бедности вещевого комплекса от социально-ранговых соображений можно только на основе учёта имущественно-ранговых критериев. Рассмотрение половозрастных, семейно-брачных аспектов также связано в определённой мере с локализацией индивида на социальной лестнице. Следовательно, рассмотрение социальных структур необходимо начать с выявления критериев социально-ранговой характеристики.

КРИТЕРИИ СОЦИАЛЬНО-РАНГОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Предметы вещевого комплекса

Кочевники средневековья представляют собой достаточно развитое стратифицированное общество, в котором имеет место сближение имущественного и рангового статусов индивида. Это даёт определённые возможности для характеристики рангового статуса погребённого через оценку вещевого комплекса, но их нельзя преувеличивать. Отношение к погребальному инвентарю как к социальному атрибуту у исследователей разное. Одни считают его показателем исключительно имущественного статуса; другие - ранговым атрибутом усопших; третьи, признавая связь между социальным и имущественным положением индивида, не рассматривают ее как жесткую и

одностороннюю (Добролюбский А.О., 1978, с.113; Массон М.Е., 1976, с.159; Бунятян Е.П., 1985, с.73).

Как отмечалось выше, к предметам прямой социологической информации принадлежат предметы, определенно связываемые с единственной социальной категорией (Ольховский В.С., 1995, с. 93). К ним не относятся наборы предметов погребального инвентаря, выделенные Г.А. Федоровым-Давыдовым для трех социальных групп памятников (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 116-118). Из всего комплекса находящихся в погребениях вещей, социально определёнными в археологии поздних кочевников считаются посуда и наборные пояса. Рассмотрим возможности использования их при социальных реконструкциях.

Посуда. Социально определённым предметом у тюркских кочевников был казан, что показал, опираясь на летописные и этимологические свидетельства М.Л.Швецов (Швецов М.Л.,1980, с. 200, 201). Основательность и междисциплинарный характер подхода позволяет причислить казаны к предметам прямой социологической информации. Продолжая мысль М.Л. Швецова, С.А.Плетнева предположила принадлежность «казанков», кованных из медных пластин, главам если не родов, то больших семей (Плетнева С.А., 1982, с. 23). Оценка роли других категорий посуды не имеет в своей основе письменных или этнографических свидетельств и в этом её слабое место.

Миниатюрные сосуды с приспособлениями для подвешивания, как известно, принято обозначать понятием «модель казана» (см. главу 2). Наблюдения, позволившие провести параллель между казанами и данными изделиями, вероятно, касаются не только формы, но и атрибутивного содержания этих категорий посуды. Слово «модель», как известно, означает уменьшенное или в натуральную величину воспроизведение или схему чего-либо. Казан, как отмечалось выше, кроме утилитарно-практического назначения, имел и ритуально-символическую нагрузку - служил символом главы племени, возможно, рода. Малые размеры сосудов, определяемых как модели казана, как правило, ограничивают их утилитарное использование, во всяком случае, в качестве чаш. Один из них при диаметре 2,4 см имеет глубину около 2 см, другой - с диаметром по верху 5 см и глубиной 2,5 см оснащен жестко закрепленной дужкой, что исключает использование в качестве чаши – для питья - и в тоже время сосуд слишком мал для приготовления пищи – в качестве миниатюрного собственно казана. Эти сосуды, напоминающие конструктивно казаны, вероятно, воспроизводят, в какой-то мере ритуально-символическую функцию последних, являясь в этом смысле их моделями.

В археологии социально-знаковая функция так называемых моделей казана и чаш не подтверждена этнографическими или письменными свидетельствами. Приходиться основываться только на умозаключениях, одно из которых приведено выше.

Место в погребальном обряде казанков, моделей казана, чаш и других сосудов требует отдельного рассмотрения. Для его оценки необходимы критерии. Критерием определения предмета как атрибутированного в социально-ранговом аспекте не могут быть только трудозатратные характеристики конструкций погребального памятника и вещевого комплекса. В качестве критерия можно предложить место предмета в погребальном обряде – в его идеологической сфере. Имеющими ранговую атрибуцию следует признать не только какие-либо вещи погребального памятника, но и действия, совершаемые при его сооружении. Наиболее доступный путь заключается в поиске аналогий обрядовых действий.

Одно из таких действий – помещение казана у ступней погребённого. Все казаны находятся именно там. Казанок (III Шляховский 1/1) и использовавшийся, судя

по закопченности, для приготовления пищи чашевидный сосуд (Глазуновский 5) также находились у ступней. Одна из двух моделей казана и чаша с дужкой были при совершении обряда помещены к ступням погребённых (табл. 2). Коэффициент связи между признаками «наличие чаши с дужкой или модели казана» и «размещение у ступней погребённого» высок – 0,66. Для мужских погребений он составляет 1 - как и показатель связи наличия казана с местом его размещения.

В целом 54% всей посуды размещено в ногах погребённых. При этом ни одной собственно чаши у ступней не обнаружено. Кроме казанов это казанок, модели казана, чаша с дужкой, чашевидный сосуд для приготовления пищи. Все они имеют реальную и/или символическую функцию - приготовление пищи. Эти категории посуды можно признать замещающими в погребальном обряде казан. О чашах – сосудах для питья - этого сказать нельзя. Особое же место чаш в культе предков, выходящее за рамки практического использования в загробном мире, фиксируется по присутствию изображений чаш в оформлении каменных изваяний, но ранговая знаковая сущность представляется пока не вполне определённой, её можно только предполагать (Швецов М.Л, 1980; Кравец В.В., Бойков А.А., 1996). Отметим ещё одно соображение: модели казана, видимо, наиболее полно отражают ранг, если расположены на традиционном месте казана, а не в каком-либо другом положении.

Возвращаясь к мысли В.С.Ольховского о предметах, несущих прямую социологическую информацию, связываемых с единственной социальной категорией, следует выделить в качестве такого предмета казан и предположить подобный статус его заместителей (моделей и пр.). Эти вещи буквально с единственной социальной категорией связать нельзя. Они принадлежат людям разных страт, объединённых общей социальной ролью – ролью главы коллектива родственников разного уровня (семья, род и т.д.).

Наборные пояса. Продолжая тему ранговой характеристики погребенных, вернёмся к вопросу интерпретации наборного пояса. Известно, что в строго стратифицированных обществах члены определенных сословий имеют отличительные знаки (см.: Бунятян Е.П., 1985, с. 74), и таким отличительным признаком в среде поздних кочевников традиционно считается наборный пояс.

Социально-знаковая нагрузка кочевнических поясов I тысячелетия выяснена достаточно определённо (Ковалевская В.Б., 1961, 1969; Гаврилина Л.М., 1986; Добжанский В.Н., 1990). Поясные наборы второй половины XIII-XIV вв. также порой трактуются как ранговые показатели, но лишь со ссылкой на ранние традиции. Между тем, отмечает Л.М.Гаврилина, статус пояса как своеобразного паспорта воина, знака отличия, был особенно силен только в VII-IX вв. Тогда он жестко регламентировался центральной властью (Гаврилина Л.М., 1986, с. 10).

Такая роль пояса во II тысячелетии теряется, во всяком случае, не выражена в источниках, говорящих о регламентации государственного статуса человека. Не вызывает сомнения связь между имущественным положением погребенного и наличием наборного пояса - как и других ценных вещей. Но в этом случае социально-ранговый статус и пояс связаны опосредовано, через соответствие имущественного и иерархического положения индивида.

Довольно высок коэффициент связи между поясом и таким признаком как помещение казана или его заместителя в ногах погребённого, обычном для казана месте. Он составляет 0,33. В женских погребениях соответствующий показатель связи наличия комплекта нашивок и помещением в могилу казана или другой посуды в ногах погребённой – на месте казана – также высок - 0,4.

Приведённые расчёты не дают оснований с уверенностью говорить о рангово маркирующей функции наборного пояса, типичной для более ранней традиции, когда статус определялся не только наличием пояса, но и его комплектацией. Тем не менее пояса если и не являются знаком рангового отличия, то связаны с людьми высокого социального статуса через высокий имущественный статус владельца.

Как известно, золотоордынское общество имело унифицированную военно-административную структуру, в которой совпадают в основном системы военного, государственного, родоплеменного руководства, государственный и социально-ранговый, иерархический статус человека. Поэтому определение знаковой функции наборного пояса, которому может быть приписана роль символа государственного статуса человека, возможно через оценку степени его связи с предметами, имеющими непосредственную социально-ранговую значимость. Такими предметами являлись казаны, казанки, их модели, чаши с дужками.

Коэффициент связи между наборным поясом и казаном составляет 0,5. Коэффициент связи между наборным поясом и наличием рангово маркирующей посуды вообще (казана, его модели, чаши с дужкой) ниже - 0,25 (учитываются только мужские погребения). Разницу можно объяснить только тем, что казаны представлены в богатых комплексах, у погребённых имеющих высокий имущественный статус, обозначаемый ценными вещами. Среди таких вещей в богатых мужских погребениях присутствуют и пояса.

Ещё одно наблюдение по поводу социальной атрибуции наборных поясов: один из четырёх комплектов найден в погребении 18-летнего юноши (I Власовский 15/3). В погребении не было предметов посуды, обозначающих социальный ранг главы коллектива, и погребённый к тому же весьма молод. Наборный пояс в этом случае свидетельствует только о высоком имущественно-социальном статусе человека. Это, вероятно, говорит о знатности юноши, но не о его роли как главы, скажем, рода.

И, наконец, рассмотрим степень зависимости состава наборного пояса и социально маркирующих предметов. Количественные характеристики поясов выглядят таким образом:

Высокая Гора 2 - 19 деталей; I Власовский 15/3 – 26 деталей;

Ст. Калитва 2 – 10 деталей; Олень-Колодезь 7 – 14 деталей.

Из них казаном сопровождается погребение Высокая Гора 2; серебряной чашей с дужкой – Ст. Калитва 2; кольчугами – Высокая Гора 2 и Олень-Колодезь 7; золотыми вещами – Высокая Гора 2, Ст. Калитва 2, Олень-Колодезь 7. Наиболее содержательный набор (I Власовский 15/3) принадлежит юноше, при котором отсутствуют доспехи, казан или его модель. Очевидно, жёсткая связь между количественными параметрами набора и комплексом социально маркирующих вещей отсутствует.

Таким образом, можно допустить принадлежность к вещам, имеющим ранговую атрибуцию, моделей казанов, казанков, чаш с дужками, размещённым у ступней погребённого. Наборные пояса из драгоценных металлов к таким вещам, относятся, видимо, лишь опосредовано – через известную связь между имущественным положением человека и его социальным статусом. Следовательно, наборные пояса следует рассматривать в одном ряду с прочими изделиями из драгоценных металлов.

Надмогильное сооружение

.В поисках объективных археологических критериев рангового статуса погребенного исследователи приходят к выводу, что им может быть количество труда, за

траченного на совершение погребального обряда (Бунятян Е.П., 1985, с.73; Массон М.Е., 1975, с.169; Добролюбский А О., 1978, с. 113, 114 и др.). Количество трудовых затрат на захоронение человека регламентировалось его прижизненным статусом, что засвидетельствовано этнографически (см.: Бунятян Е.П., 1985, с.75).

В 1990-е годы в работах А.Т. Синюка оформился принципиально новый подход к социальной интерпретации подкурганных погребений (Синюк А.Т., 1993; Синюк А.Т., 1996). Методологическое обоснование проблемы основано на учёте трудоёмкости и сложности создания надмогильного сооружения. Очевидно явное преобладание иррационального над рациональным в сооружении курганов. Автор теории отмечает, что рациональное стремление не потерять погребение в степи не оправдывает больших трудозатрат при погребении каждого члена общества. Иррационализм будет противоречить идее жизнеобеспечения общества, если окажется настолько гипертрофированным, что охватит даже зависимые слои населения. А.Т. Синюк отрицает принадлежность подкурганных погребений представителям этих слоёв.

Выводы А.Т. Синюка относятся к курганам бронзового века, но интересно, что огромную долю в общей массе памятников исследованных в Заволжье, Приуралье, Западном Казахстане составляют безинвентарные погребения и погребения без оружия. Если согласиться с мнением, что под курганами хоронят и людей низших социальных страт, далёких от военного дела и связанной с ним государственной службы, придется признать, что с середины XIV в. сооружение курганов остаётся только в погребальном обряде людей невоенного сословия, зависимой части общества, что невероятно.

Учёт религиозной ситуации, на которой настаивает С.А. Плетнёва, требует иного подхода к социально-ранговой интерпретации погребённых. Социальная стратификация по ранговому принципу будет иметь смысл, если предпринять её в двух культурно-хронологических срезах. Это – два периода золотоордынской истории: языческий и мусульманский (периодизация В.А. Иванова и В.А. Кригера). Не приходится ожидать соответствие облика погребений какого-либо социального слоя, принадлежащим разным культурам. Сопоставление погребений разных культур на одной стратификационной шкале будет корректным только с учётом религиозного фактора, изменившего погребальную практику.

Приведённые выше соображения о достаточно высоком статусе погребённых под курганами не дают оснований развивать мысль о глубоких социальных различиях между погребёнными с оружием, сбруей или только с бытовыми вещами или даже без таковых. Обращает внимание прецедент, выразившийся в модели 10, где сочетаются относительно небольшие трудозатратные показатели надмогильного сооружения и весьма престижный инвентарь. Ряд моделей с менее выразительными в социальном плане, но социально престижными вещевыми комплексами (**б1, б2**) и малыми объёмами насыпей представляют уже тенденцию – эволюцию надмогильного сооружения. Видимо, трудозатратные характеристики насыпи перестают быть социально ранговым атрибутом.

Подводя итог, отметим, что в ходе социологических реконструкций требуется разносторонний подход. С одной стороны, необходимо обращение к вещам, определённо относящимся к предметам прямой социологической информации, и к показателям трудозатрат применимым в качестве критерия языческого погребального обряда. С другой стороны, следует востребовать и те предметы, социально-ранговая значимость которых только предполагается, а также объёмные показатели памятников, в которых отражена уже не столько социальная значимость погребённого, сколько эволю-

ция религиозных установок (с этим сталкиваются исследователи могильников середины–второй половины XIV в. (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989; Евглевский А.В., 1990; Мамонтов В.И., 1990; Мыськов Е.П., 1990; Яминов А.Ф., 1995). Критерии религиозно-конфессиональной характеристики будут рассмотрены в специальной части исследования.

При обращении к памятникам, в которых ранговые показатели погребённых нивелируются под действием религиозного фактора (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989), ещё более возрастает роль предметов прямой социологической информации, обозначающих статус человека даже в рамках немногочисленного и бедного погребального реквизита.

Погребальное сооружение

Классификация погребальных памятников, предпринятая в предыдущей части исследования, выявила ряд комплексов устойчивых связей признаков. На этих связях основано определение десяти моделей погребальных памятников, соответствующих, как правило, наиболее распространённым типам погребальных памятников.

Принятая методическая позиция, основанная на признании достаточно высокого статуса погребённых под курганами, не допускает попыток однозначно связать, не только объем насыпи, но и объем могильной ямы с социальным статусом погребённого. Исключение составляют погребения модели 9 (тип I-IIAIIIa1/Д): основное погребение с высокими объёмными показателями надмогильного сооружения, широкой могильной ямой, наличие богатого многочисленного вещевого комплекса с социально значимыми предметами (**a1**), северная ориентировка человека.

Эта модель отличается от остальных, из которых модели 1-8 связаны между собой узкой формой погребального сооружения и небольшим объемом насыпи, а с моделью 10 – небольшим объёмом насыпи (в социальном плане модель 9 близка модели 10 по характеру вещевого комплекса - разряд **a**). Вероятно, они представляют собой одну линию эволюции - от модели 9 к модели 10). Только в модели 9 можно определить в качестве социального атрибута форму ямы. Связь между вещевым комплексом **a1** и широкой формой погребального сооружения выражена весьма определённо.

Таким образом, в качестве социально-ранговых атрибутов следует обозначить предметы посуды и широкую форму могильной ямы. Роль показателя объёма надмогильного сооружения в XIII-XIV вв. не однозначна. Нет оснований считать этот показатель универсальным, устойчивым признаком культуры, и небольшие надмогильные сооружения могут принадлежать людям с довольно высоким положением в обществе.

РЕЛИГИОЗНО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ

Религиозно-конфессиональная характеристика общества особенно актуальна при изучении памятников золотоордынской эпохи. С.А. Плетнёва, отмечая достоинства исследования Г.А. Фёдорова-Давыдова, справедливо указала на необходимость использования при исследовании погребального обряда золотоордынского периода иных критериев. Дело в том, что погребальный обряд кочевников IV периода оказывается сильно исламизированным (Плетнева С.А., 2003, с. 122).

Е.А. Халикова, автор специального исследования, посвящённого мусульманским некрополям, выделяет два признака, которые могут служить надёжными показателями принадлежности памятника к мусульманской культуре. Это ориентировка в соответствии с кыблой и соответствующее положение погребённого, а также отсутствие вещей в могилах. Вместе с тем, Е.А. Халикова отмечает необходимость иметь в

виду, что проникновение ислама в эпоху средневековья в новые районы проходит период становления новых обычаев и обрядов. В этот период трудно было добиться, чтобы мусульманизированное население придерживалось их со всей строгостью. Сохранялись и ярко проявлялись доисламские традиции (Халикова Е.А., 1986, с. 49). С.А. Плетнёва так же отмечает консерватизм сознания кочевников при смене религии, выразившийся в сохранении на некоторый период основных характеристик погребального обряда. Проникновение в погребальный обряд новых религиозных догм оказалось процессом долговременным и постепенным (Степи..., с. 239).

Влияние ислама оставило отпечаток на облике кочевнического погребального памятника, и специфика исследования в золотоордынской археологии состоит в интерпретации целого ряда признаков, которые атрибутируются не только в социально-ранговом, социально-имущественном аспектах, но и в религиозном. Памятники Золотой Орды в Среднем Подонье представлены как мусульманскими мавзолеями, так и погребениями, имеющими некоторые раннемусульманские черты (напомним, что в археологии для характеристики памятников кочевников, принявших ислам, но сохраняющим, причём часто в значительной степени, элементы традиционной языческой погребальной практики, используется определение «раннемусульманский»).

В целом проблема выделения раннемусульманских погребений кочевников привлекательна для исследования с нескольких точек зрения. Во-первых, это учет мусульманских черт погребального обряда при этнокультурных определениях; во-вторых, необходимость различать сходные религиозные и социальные имущественно-ранговые признаки; в-третьих, это важно при выявлении особенностей исламизации Степи.

Необходимо разностороннее рассмотрение сущности различных ситуаций в погребальном обряде, например, ориентировка погребенных может иметь и языческую, как правило, этнически атрибутированную нагрузку, так и религиозный смысл иного порядка, не зависящего от этнической культуры; отсутствие погребального инвентаря может быть не только социально-имущественным, но и религиозным признаком.

В процессе классификации погребальных памятников нами выделена относительно многочисленная группа безынвентарных или бедных по характеру вещевого комплекса погребений, совершенных, как правило, в узких прямоугольных могильных ямах, перекрытых небольшими земляными насыпями. Их типологическая близость к раннемусульманским курганам Южного Приуралья, Западного Казахстана, Заволжья, Волго-Донского междуречья позволяет поставить вопрос о наличии двух идеологических срезов в культуре золотоордынских кочевников Среднего Дона – языческого и раннемусульманского периодов. Такая периодизация стала уже привычной для археологии кочевников Заволжья, Приуралья, других восточных территорий (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 41).

При выявлении раннемусульманских погребений мы опираемся на опыт исследователей, анализировавших аналогичные памятники в указанных выше регионах (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989; Евглевский А.В., 1990; Мамонтов В.И., 1990; Мыськов Е.П., 1990; Яминов А.Ф., 1995). Одни из этих работ имеют обобщающий характер, другие раскрывают особенности отдельных раннемусульманских могильников. Кроме того, показательны некоторые черты памятников, имеющих определённо мусульманскую принадлежность. Это мавзолеи в Увеке (Саратовская область), у Красного хутора (Воронежская область) и у хутора Шляховский (Волгоградская область). Каждый из этих погребальных комплексов имеет некоторые языческие

признаки. Апелляция к этим памятникам позволяет определить критерии для подкурганных раннемусульманских погребений, предполагать раннемусульманскую атрибуцию некоторых признаков.

В целом о раннемусульманских погребениях кочевников сложились следующие представления (используется в основном статистика Южного Приуралья и Западного Казахстана (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989).

Насыпь. В Южном Приуралье наиболее часто встречаются земляные насыпи полусферической формы - 47,7 %. Из них сооружены без использования камня 79 %. Допускается наличие камня как пережиток язычества. Такое толкование признака «камень в насыпи» может показаться спорным, поскольку наличие или отсутствие камня в курганной насыпи являются языческими признаками одного порядка. Кроме того, как это видно из исследования А.Ф. Яминова, мусульманские признаки широко распространены и среди южноуральских курганов с каменными конструкциями (Яминов А.Ф., 1995, с. 14, 15). 5,3 % земляных насыпей имеют кольцевой ров у основания.

Огненный ритуал. Не исключается наличие следов огненного ритуала в насыпи в виде углей или остатков кострищ. Это считается исключительно редкой чертой раннемусульманского погребального обряда, явным пережитком язычества. В то же время следы огненного ритуала известны не только в отдельных курганах, но и как особенность отдельных раннемусульманских могильников (могильник Сенной) (Мамонтов В.И., 1990)).

Тризна. Изредка встречаются кости овцы, лошади, коровы в насыпи или в могиле. Если обычай помещать заупокойную пищу скоро исчезает, то тризна (кости в насыпи) сохраняется очень долго. Что касается заупокойной пищи, то кости животных выявлены и в мусульманском мавзолее (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993).

Погребение лошади. Погребения лошадей достаточно широко распространены в раннемусульманских могильниках. Для погребений с остовом лошади в могиле или насыпи характерна западная ориентировка покойника. А.В. Евглевский резкое увеличение в золотоордынский период числа ориентированных на запад погребений с лошадью связывает с половцами, принимавшими вместо традиционной восточной ориентировки мусульманскую западную. (Евглевский А.В.,1990, с. 132).

Могильная яма. 74 % погребений Южного Приуралья совершены в узких прямоугольных с вертикальными стенками и ровным дном ямах. Обычными являются удлиненная форма ямы и наличие подбоя. 3.3 % погребений этого региона являются впускными в насыпь без углубления в материк. Возможно наличие подстилки (луб, береста, войлок, деревянный настил) с целью не допустить соприкосновения тела с землей. 30 % южноуральских погребений имеют перекрытие, обычно деревянное (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 175-177). В поволжском могильнике Сенной также присутствуют перекрытия (Мамонтов В.И., с. 146-147).

Гроб. Допускается его использование с указанной выше целью, хотя это и считается языческой реминисценцией. Хотя рекомендации использовать ящик-«табут» в случае, если не удаётся устроить в рыхлом грунте подбой даёт и мусульманская каноническая литература (Халикова Е.А., 1986, с. 44). В то же время примечательно, что даже в склепе мусульманского мавзолея-мечети XIV в. у Красного хутора в Побитюжье погребенные лежали в гробах, хотя соприкосновение с землёй исключалось конструкцией сооружения (Левашева В.П., 1960).

Ориентировка погребенного. Для раннемусульманского курганного могильника у Царевского городища обычна широтная ориентировка (Мыськов Е.П..1990, с. 149-150). В волжском же могильнике Быково III 79 % составляют погребения с запад-

ной ориентировкой (Мамонтов В.И.,1990,с. 146-147). Для степного Приуралья характерно преобладание ориентировки в западную половину круга: западная, предписанная исламом, составляет 38 %, сезонные отклонения от нее - на северо-запад - 25,9 %, юго-запад - 15,1 % (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 177). Для мусульманского мавзолея в Увеке характерна северо-восточная ориентировка погребенных (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 141). По мнению А.В.Евглевского, промежуточные ориентировки (значительные отклонения от традиционных) нельзя объяснить как сезонные, а также как случайные и синкретические. Они вызваны влиянием ислама. Исламские каноны в языческих традициях при этом проявились в следующем:

1) ориентация таким образом, чтобы взор был направлен на Мекку;

2) ориентировка погребенного головой в сторону Мекки;

3) западная ориентировка погребенного (Евглевский А.В., 1990, с.131-132).

Разумеется, нельзя связывать западную ориентировку только с влиянием ислама. Наряду с изменением ориентировки имеет место и сохранение языческой западной как совпадающей с новыми канонами. В.А. Иванов и В.А Кригер отмечают широкое распространение на Южном Урале ориентировки на запад уже в языческом золотоордынском периоде (Иванов В.А., Кригер В.А, 1988, с. 51).

Одежда и обувь могут присутствовать в раннемусульманских погребениях как реликт язычества (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с.177).

Отсутствие вещей. Это яркий мусульманский признак. Безинвентарными являются до 35 % погребений раннемусульманских могильников (Мамонтов В.И., 1990; Мыськов Е.П., 1990).

Особенность вещевых комплексов. Характерно преобладание бытовых предметов, украшений, редкая встречаемость оружия. Погребальный инвентарь беден. Наличие в погребении вещей не компрометирует, видимо, раннемусульманский характер погребения, хотя бы потому, что не только в курганах, но и в мусульманских мавзолеях выявлены вещи. В мавзолее в Увеке отмечены наборный пояс, бокка и бытовой инвентарь (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 141); в мавзолее у Красного хутора – амулет (Левашева В.П., 1960), в мавзолее 1-го Шляховского могильника – украшения и монеты (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993).

Рассматривая зафиксированные черты погребального обряда средневековых кочевников, заметна известная стабильность языческих элементов, сохраняющихся даже в условиях смены культурно-идеологических ориентиров, выразившихся в принятии ислама. Сохранившиеся языческие атрибуты являются результатом действий, выполненных при совершении погребения и имеющих как ирреальный (ментальный, не фиксируемый), так и реальный (физический, фиксируемый) характер (Ольховский В.С., 1995, с. 79)).

При этом сохранение обычая сооружать курганную насыпь можно, на наш взгляд, объяснить в первую очередь уже не столько идеологическими предпосылками, сколько такими элементами ментальных действий, как привычка и здравый смысл. Последний заключается, прежде всего, в стремлении не потерять в с.епном пространстве могилы сородичей и фиксируется в результатах утилитарных стереотипных действий. С этой точки зрения можно согласиться с тем, что признак «наличие камня в насыпи» для раннемусульманских погребений является более языческим, чем обычай сооружать простую земляную насыпь, так как более определяется ирреальными соображениями.

Сохранение языческих ориентировок, отличных от западной, имеет более выраженную ирреальную нагрузку, затрагивающей идеологическую сферу. При этом, как

отмечалось выше, в реальных действиях может присутствовать элемент мотивации, нормированный уже новыми идеологическими установками. Примером тому служит совпадение языческой и мусульманской ориентировок, ориентация погребенного таким образом, чтобы взор был обращен в сторону Мекки. При обосновании этих обрядовых действий ранних мусульман в ментальной области, вероятно, имело место сочетание идеологических представлений как старых, языческих, так и новых, мусульманских. Еще большая доля идеологии язычества в комплексе обрядовых действий заметна в обычае погребения «ранними мусульманами» коня, обычая совершения тризн и огненного ритуала.

Таким образом, в погребальном обряде в условиях замещения языческих идеологических представлений мусульманскими долгое время сохраняются те ирреальные действия, которые оправдываются здравым смыслом и традициями. В то же время некоторые языческие обрядовые действия в мусульманское время сохраняют активные позиции именно на ментальном идеологическом уровне, а не только как традиция, привычка.

Всё это дает основания рассматривать погребальную обрядовую практику кочевников с точки зрения следующих тенденций:

1) нивелировка под влиянием ислама этнических языческих черт, сохранение главным образом тех из них, которые оправданы утилитарно, а не идеологически;

2) сохранение, вероятно, на сознательном уровне элементов языческой идеологии при признании в общем канонов ислама;

3) сохранение у части населения мусульманского периода языческой идеологии при отсутствии влияния ислама, во всяком случае, заметного.

При определении погребений как раннемусульманских иметь в виду следующее:

1) преобладание языческих черт в раннемусульманском погребальном обряде;

2) неоднозначность тех черт, которые могут быть трактованы как мусульманские. Западную ориентировку, отсутствие инвентаря можно понимать как признак мусульманского погребения только в совокупности с другими специфическими признаками;

3) возможное сосуществование язычества и ислама у населения, оставившего те или иные могильники. При этом характеристика одного или серии курганов как раннемусульманских не может служить убедительным доводом в пользу подобной интерпретации других, даже близких генетически курганов могильника, не имеющих раннемусульманских черт;

4) географическое положение среднедонских погребений относительно Мекки (Мекка и бассейн Дона находятся практически на одной долготе);

5) неравнозначность рассмотренных выше признаков раннемусульманских погребений.

В целом признаки раннемусульманского погребального обряда кочевников можно условно разделить на две группы (таблица 7):

I группа включает раннемусульманские и собственно мусульманские признаки. К ним нами отнесены:

- западная ориентировка погребённого (отделы А и Б по Г.А.Фёдорову-Давыдову);
- обращение лицом к Мекке через поворот головы в южную сторону;
- отсутствие вещей (вещевой комплекс в5);

II группа - языческие признаки, функционально соответствующие (согласно принятой в литературе точке зрения) канонам ислама или его ранней традиции:

- малочисленный вещевой комплекс (разряд вещевого комплекса в);
- ориентировка головой на юг (на Мекку) или в северную половину горизонта, лицом к югу (Ж, Д);
- наличие подстилки или деревянного настила;
- наличие перекрытия;
- наличие гроба или предметов его замещающих;
- тип погребения БХХI (с западной – неполовецкой - ориентировкой погребённого и половецким признаком – наличием целого остова лошади). Нельзя исключать, что западная ориентировка в этом случае может быть не только раннемусульманским признаком, но и результатом этнокультурных процессов, вызвавших смешение культур.

Остановимся на некоторых из указанных признаков.

Место признака «бедность погребального инвентаря» неоднозначно, его можно отнести как к первой, так и ко второй группе. Отличить социально-имущественное и религиозное в бедности погребений периода исламизации кочевников непросто из-за отсутствия такого критерия как объёмные параметры сооружения, снивелированного новой идеологией. Другими словами, невозможно, опираясь на объёмные показатели, выйти на социальную позицию характера вещевого комплекса.

Одним из вероятных критериев мусульманского смысла бедности инвентаря можно признать наличие в могиле казана или модели казана, воспроизводящей его ритуально-символическую функцию как атрибута человека нерядового, имеющего высокий социальный статус. Можно допустить также связь чаш с высоким социальным статусом погребенных. Известная взаимосвязь имущественного и социального положения индивида в обществе (Бунятян Е.П., 1985, с. 72-74) позволила бы погребённым, сопровождаемым рангово маркирующими предметами, претендовать в условиях язычества на богатый погребальный инвентарь, во всяком случае относительно богатый. Таким образом, можно предполагать принадлежность признака «бедность погребального инвентаря» к раннемусульманским признакам при наличии в погребении казана или его заместителей, лежащими у ступней погребённого. Более убедительно определить в качестве религиозного маркера выделенный нами признак малочисленности вещей при их социальной престижности можно на более массовом материале. Мы не настаиваем именно на такой трактовке этих и ряда других погребений, но имеем в виду их наиболее вероятное раннемусульманское происхождение.

Признак «обращение покойника лицом в сторону Мекки» для донских погребений означает обращение лицом к югу. Кроме традиционного поворота головы, возможен и другой вариант - сохранение языческой северной или северо-восточной ориентировки погребенного, при которой его лицо также обращено к Мекке (как при северо-восточной ориентировке в мавзолее в Увеке). К сожалению, как правило, не фиксируется факт приподнятости головы с целью обращения лица покойника, лежащего головой на север именно к югу. Следы от импровизированной подушки, приподнимающей голову, в определенной мере могут подтвердить мусульманскую мотивацию северной ориентировки. Более определённым всё же является положение с поворотом головы.

Ориентировка головой в сторону Мекки может быть выражена как южной, так и южной с отклонением в западный сектор ориентировкой. Это можно объяснить не только влиянием традиционной для ислама западной ориентировки или сезонными

особенностями, но и со стереотипами географических представлений кочевников, пришедших из регионов восточных по отношению к меридиану Мекки, где ориентировка на Каабу действительно означала юго-западную ориентировку. Аналогично погребения с ориентировкой на север-северо-восток и северо-восток могут быть сочетанием обычая обращения умершего лицом к Мекке с языческим обычаем северной ориентировки.

Мусульманский смысл западной ориентировки в погребениях типа БХХI (с целым остовом лошади) подтверждается в какой-то мере языческим половецким признаком. Это сочетание представляется следствием исламизации половцев, утрачивающих традиционную восточную ориентировку, о чем пишет А.В. Евглевский (Евглевский А.В.,1990, с. 131-132). Мы, как было сказано выше, не настаиваем на определённости этого признака как исключительно религиозного, допуская и влияние процессов этнокультурного взаимодействия печенежско-торческих и половецких групп. Кроме того, погребения с лошадью в кургане 1 3-го Шляховского могильника, родственные между собой по ряду признаков, ориентированы на запад и на север. Возможна принадлежность обеих могил населению-носителю признака «северная ориентировка погребенных». Тем не менее, на среднедонском материале религиозная атрибуция западной ориентировки подтверждена в определённой мере связью с другими религиозными признаками (табл. 9).

Ни один из отдельно взятых признаков раннемусульманского погребального памятника, впрочем, как и любого погребения не является достаточным основанием для характеристики. Только комплекс признаков может быть использован для религиозно-конфессиональных определений.

На основании ряда перечисленных признаков была составлена таблица 9. Затем таблица была заполнена показателями, в основном, неграбленных погребений. В неё вошло 31 погребение из шести курганных могильников. Не все из приведённых памятников с достаточной уверенностью характеризуются как раннемусульманские, что, впрочем, обычно при такого рода интерпретациях, когда трактуются пограничные ситуации в культуре. Были отобраны памятники, соответствующие моделям 1-8 и 10. То есть все размещённые в таблице погребения совершены под насыпями типа 1Б – небольшие грунтовые насыпи - или, реже, являются впускными. Для них характерен тип 1 погребального сооружения, бедный или относительно богатый, но малочисленный вещевой комплекс.

Курганные погребения «ранних мусульман» различаются набором признаков. Из представленных в таблице в первую её часть включены памятники, имеющие не менее двух раннемусульманских признаков первой группы, что довольно выразительно маркирует религиозную принадлежность. Вторая часть таблицы составлена погребениями с одним признаком первой группы. Очевидна меньшая определённость этой группы памятников в плане религиозной характеристики. Выше отмечались случаи присутствия в мусульманских погребениях многих из признаков группы, помещённой во второй части таблицы. Погребения этой части таблицы типологически соответствуют, выделенным в первую очередь, а также сложившимся в археологии представлениям о раннемусульманском памятнике вообще. Приведённые в двух частях таблицы погребения происходят из одних могильников, связаны наличием общих этнокультурных черт, как, например, ряд курганов могильника Третьяки с огненным ритуалом, погребения со следами тризны в могильниках Лесное, Глазуновский, Третьяки.

Включение в их число двух погребений XIV в. из Ст. Калитвы проведено на основании признаков малочисленности вещей при их социальной престижности. До-

вольно богатые в качественном плане погребения, одно из которых – мужское – в социальном отношении маркируемое как нерядовое по размещению у ног серебряной модели казана, имеют крайне малочисленный по языческим меркам сопроводительный реквизит. Аналогично предполагается раннемусульманское происхождение марковского погребения середины-второй половины XIV в. Погребение Нов. Буравль, совершённое под небольшой насыпью, имеет малочисленный, но социально престижный инвентарь. Это казан, серебряная чаша, кусок золотой проволоки. В качестве подушки использована свёрнутая ткань с золотым шитьём. Для ограждения погребённого использованы покрывало, две доски и деревянное перекрытие.

Рассмотрение сформированной группы погребений (части 1 и 2 таблицы 9) показывает, что большинство (77%) погребений с перекрытиями приходится на группу раннемусульманских памятников. Около 50% гробов и колод, 44% подстилок и настилов приходится на эту же группу. Из этих относительных показателей наиболее выразителен процент ям с перекрытиями. Пожалуй, только он в дальнейшем может быть использован в качестве одного из вероятных критериев раннемусульманского характера могилы.

Типичность гробов и колод менее выражена. При её оценке мы не учитываем ряд погребений с гробами в мусульманском мавзолее-мечети у Красного хутора. Его принадлежность кочевникам не доказана, хотя он обычно с ними и связывается (из двух комплексов - мавзолей-мечеть на р. Мечетке и мавзолей в кургане I Шляховского могильника, более определённо к кочевнической культуре относится шляховское погребение). Использование мавзолея при исторических интерпретациях в этом плане ограничено. Остаётся только констатировать, что в достаточно «зрелом» мусульманском памятнике находится реликт языческой погребальной практики – гроб, что гроб в погребении кочевника не отрицает его мусульманской природы.

Что касается типичности для раннемусульманского погребения узкой удлинённой формы ямы, то на среднедонском материале оказалось затруднительно выявить критерий удлинённости, так как значительное число погребений отнесено именно к оцениваемым - раннемусульманским. В то же время среди других присутствуют аналогичные, но или ограбленные и потерявшие показатель наличия инвентаря и его характеристики, или с инвентарём вполне «языческого» облика (как погребение Ветютнев 2/3). Показатель отношения длины к ширине – коэффициент удлинённости, предложенный и использованный нами в предшествующих работах (Кравец В.В., 2001б), следует признать недостаточно обоснованным. Он строится на показателе ширины и сопоставляется с соответствующими показателями группы широких ям. В итоге, происходит сопоставление религиозного, типичного для разных этнических групп (узкая яма) и этнокультурного (широкая яма). Разумеется, и в этнокультурном признаке отражаются религиозные – языческие традиции, но, тем не менее, они не маркируют его в качестве религиозного признака. Показатель коэффициента удлинённости необходимо исключить из критериев раннемусульманского погребения или выработать его на иной методической основе.

В третьей части таблицы помещён ряд погребений, характеристика которых ещё более затруднена из-за неопределённости оцениваемых параметров. Погребения Вервековского (III Богучарского) могильника датируются серединой-второй половиной XIV в. – мусульманским периодом Золотой Орды по монете. Они имеют западную ориентировку. Одно из погребений сопровождалось костями лошади (из-за разрушения неясен первоначальный облик лошади или её чучела), в другом была подстилка.

Не исключено, что стена была отделана деревом по мотивам мусульманской погребальной практики - с целью исключить соприкасание тела с землёй.

Два впускных погребения I Власовского могильника также затруднительно характеризовать в религиозном плане. Они, за исключением впускного характера (не противоречащего раннемусульманской традиции), соответствуют по основным параметрам облику выделенных погребений. Вместе с тем в I Власовском могильнике нет других погребений, которые более определённо связывались с культурой «ранних мусульман», и мы воздержимся от их окончательных определений. Можно допустить принадлежность к раннемусульманским и погребения Караяшник 2. Другие памятники, отличающиеся небольшими размерами грунтовой насыпи и рядом других признаков, также обращают на себя внимание с этой точки зрения.

Встаёт вопрос связи между языческими реминисценциями и мусульманскими чертами, отнесёнными нами к первой группе признаков, то есть к более определённо атрибутированным. Рассмотрим следующие линии сопоставления:

западная ориентировка – огненный ритуал, тризна;

иные ориентировки («незападная») – огненный ритуал, тризна.

Поскольку огненный ритуал, фиксируемый в виде площадок прокалённого докрасна грунта, наличие керамики в насыпях, являются особенностями отдельных групп населения, а не общей практикой, от которой при смене идеологии одна группа отказывается, другая нет, сопоставление, поиск связи следует вести в границах отдельных некрополей. И только такие универсальные признаки как следы тризны (вне зависимости от их вида – кострище, кости, керамика) или отсутствие вещей можно вынести для общих реконструкций.

Для могильников Третьяки и Глазуновского коэффициенты связи западной ориентировкой с рядом признаков выглядит таким образом:

- с огненным ритуалом – 0,03 (Тр);
-с тризной – 0 (кости) (Тр), 0,22 (остатки в виде битой посуды) (Гл);
- с отсутствием вещей - 0,4 (Тр.), 0,53 (Гл).

Коэффициент связи других ориентировок – «не западной» ориентировки таков:

- с огненным ритуалом – 0,53 (Тр.);
- с тризной 0,6 (Тр.), 0,08 (Гл.);
- с отсутствием вещей – 0,4 (Тр.), 0,03 (Гл.).

Расчет коэффициента связи западной ориентировки с огненным ритуалом в могильнике Третьяки не выявил устойчивой связи – 0,03. В то же время достаточно чёткой выглядит связь «не западной» ориентировкой с огненным ритуалом – 0,53 и тризной 0,6. Это подтверждает в определённой мере мусульманский смысл западной ориентировки, объясняет отсутствие огненного ритуала. В то же время погребения с большим количеством реликтовых черт (это памятники из части 2 таблицы 9) достаточно определённо связаны с другим важнейшим признаком мусульманского обряда – отсутствием вещей - 0,66. Это уравнивает разным образом ориентированные памятники в оценке их религиозной позиции.

Связь с тризной глазуновских погребений с западной ориентировкой гораздо выше, чем в Третьяках – 0,22. С отсутствием вещей эти погребения связаны также более чётко – 0,53. Зато, казалось бы, более языческие, имеющие иные ориентировки погребения с тризной едва связаны – 0,03, впрочем, как и с отсутствием вещей.

Очевидно, что варианты сочетания реликтовых элементов погребальной практики с новыми канонами многообразны и индивидуальны. Они эволюционируют в

ходе расширения могильника, но эту эволюцию проследить практически невозможно, и любые представленные линии развития будут основаны лишь на предположениях.

Случаи бытования в мусульманский период чисто языческих погребальных обрядов, не впитавших элементы мусульманской культуры, притом, что ислам становится государственной религией, так же интересны при социально-политических реконструкциях. Но возможности решения проблемы ограничиваются тем, что неизвестны, за исключением монет, хронологические маркеры, способные разделить языческие памятники первой и второй половины XIV в.

Картографирование раннемусульманских погребальных памятников показывает их локализацию в основном на востоке региона – в Прихопёрье. Следует иметь в виду, что «языческий Дон» и «мусульманский Хопёр» - явления разных хронологических срезов – языческого золотоордынского и мусульманского золотоордынского периодов. Чем же вызвана отмеченная географическая ситуация? Восточная и западная части Среднего Подонья изучены археологически, в общем, равномерно, и, вероятно, известные источники отражают основные тенденции исторических процессов средневековья. Тогда объяснения следует искать в демографической обстановке или длительности проживания раннемусульманских групп на той или иной территории. Только на востоке, в Прихопёрье, встречены могильники с несколькими (более двух) раннемусульманскими погребениями. На западе могильники с раннемусульманскими чертами состоят максимум из двух насыпей. В восточной части зафиксированы мавзолеи, сведения о находившихся здесь мечетях (Мамонтов В.И.. Ситников А.В., 1993; Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993). Вероятна их связь с населением волжского бассейна.

В Среднем Подонье, примерно в восьми километрах от села Новый Буравль в XIV в. также, были расположены две мечети, а также горны для обжига изразцов и кирпича, использовавшихся при строительстве этих построек. Изразцы, подобные украшавшим мечеть, известны в золотоордынских слоях Волжского Болгара и татарского города Маджар на Северном Кавказе (Левашева В.П., 1960). Аналогии изразцам, а также устройству горна, известны и в Средней Азии, откуда эта конструкция, по мнению И.Н. Васильевой, и пришла в Болгар (Левашева В.П., 1960, с. 183; Васильева И.Н., 1988, с. 146). Мусульманский комплекс на реке Мечетка является памятником населения, имеющего традиции оседлости. Таким образом, распространение ислама в лесостепном и северостепном Подонье связано с приходом в XIV в. различных групп как кочевого, так и имеющего традиции оседлости населения Степи.

Подводя итог рассмотрению религиозной характеристики памятников, отметим, что периодизация, основанная на делении золотоордынского периода на языческий и мусульманский и введённая в научный оборот в работах В.А.Иванова и В.А.Кригера, имеет не региональный (заволжско-уральский) характер, а отражает общестепные тенденции.

Ряд погребений XIV в. отнесён нами к раннемусульманским памятникам кочевников Золотой Орды. Отнесение к мусульманской культуре подкурганных погребений обычно сопровождается подробным объяснением факта присутствия языческих черт. Это вызвано спецификой исследования: характеризуемый памятник приходится сравнивать не с эталонными, типичными языческими или мусульманскими погребениями, а с продуктом синтеза двух культур. «Раннемусульманские» черты проявляются в различных вариантах, в динамике развития культуры. Они оказываются трудноразличимыми и неразличимыми на фоне традиционной культуры. Тем более ценен опыт исторических интерпретаций, наработанный в отечественной археологии на материалах Заволжья, Приуралья, Западного Казахстана. Именно на этом опыте выпол-

нены религиозные характеристики подкурганных погребений Среднего Подонья. Следует признать, что пока предпринятые характеристики более претендуют на постановку вопроса, чем на его решение. Но на современном этапе представляется актуальным и определение проблемы – проблемы выявления среди известных источников раннемусульманских памятников.

СОЦИАЛЬНО-РАНГОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЁННЫХ. СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы социально-ранговой и семейно-брачной характеристики объединены в одну тему. Это объясняется сложностью и многообразием связей между элементами социальной системы. Расчленение системы на отдельные блоки неэффективно, так как при рассмотрении любой проблемы неизбежно обращение к различным аспектам социальной структуры. Здесь же будут затронуты и вопросы половой структуры общества и социально-ранговой характеристики погребённых. Следует иметь в виду, что погребальные памятники не являются слепком социальной структуры общества. В источниковой базе отразились несколько срезов поколений. Это не позволяет стратифицировать конкретное общество. Социально-ранговые аспекты общественно-государственного устройства оказываются «распылёнными» и хронологически и территориально, что обусловлено известной мобильностью населения.

На основании определённых выше критериев социально-ранговой характеристики погребённых погребальные памятники распределяются на четыре основные группы.

Памятники моделей 9 и 10 с казаном.

Памятники типов, основанных на разряде вещевого комплекса а без казанов.

Памятники других моделей, имеющие в вещевом комплексе (разряды б, в) казанки, модели казанов, расположенные у ступней погребённого.

Прочие памятники моделей основанных на вещевом комплексе разряда б.

Прочие памятники моделей, основанных на вещевом комплексе разряда в.

Если социально-ранговая идентичность погребений моделей 9 и 10 доказывается наличием предмета прямой социологической информации – казана, то помещение на одну ранговую позицию погребений с моделями казана или чашами и погребений без посуды с вещевым комплексом разряда б хотя и не исключается, но оснований не имеет. Объёмные показатели надмогильного сооружения при смене идеологии, вероятно, теряют роль. Они могут быть использованы для характеристики погребений с большими, больше обычного, насыпями, т.е. в тех случаях, где не встаёт вопрос об унификации объёмов при постепенном, как отмечают исследователи, распространении новых культовых норм. Отметим, что вопрос атрибуции малого объёма насыпи раннемусульманского кургана остаётся открытым. В нём мог проявиться процесс отмирания курганного обряда, потеря его актуальности, в том числе и в качестве социального маркера. Нельзя отрицать и сохранение социальной атрибуции размера насыпи, предположив, что в массе заволжских, приуральских раннемусульманских курганов похоронены представители только низших страт. В этот период под курганами могли быть похоронены действительно «простые» люди, а аристократия – в мавзолеях.

Исходя из этого, социальная дифференциация погребённых по двум линиям, в основу которых положены разряд вещевого комплекса и наличие предметов социальной информации (причём неравноценных по информативным возможностям).

Разряд вещевого комплекса маркирует имущественный статус, наличие специальных предметов – ранг погребённого как главы рода, семьи. Конкретизация статуса невозможна ввиду отсутствия приемлемых методик реконструкции. Можно только дифференцировать памятники, не определяя однозначно государственный и общественный ранг человека. Известная связь имущественного и рангового статусов объединяет две линии дифференциации, сведённые в таблице 10.

Строки 1, 3, 5 заполнены погребениями с различным характером вещевого комплекса. Следует предполагать их различную социальную позицию. Объединяет их наличие предметов, показывающих не рядовой характер погребённых внутри социальных групп, их роль как глав коллективов разного порядка.

Погребения из строк 2, 4, 6, также отличаются разными социально-имущественными, а, следовательно, и ранговыми позициями, но не содержат предметов-атрибутов глав семей, родов и т.п. В них, как правило, довольно определённо выражена принадлежность человека к определённому слою, к семье, имеющей какой-либо статус в обществе и государстве. Но статус человека в коллективе родственников не ясен.

Подчеркнём, что известная условность в классификации памятников и в частных вопросах, таких как типология вещевых комплексов, не позволяет чётко и однозначно распределить их на социальные рубрики. Сложность идеологических установок, их динамика, фактор ирреальности в погребальном обряде исключают определённость характеристики, особенно в маловыразительных памятниках.

Формализация характеристики погребённых на основе только известных маркеров привела к размещению на различных строках даже тех погребений, социальная идентичность которых подразумевается по предполагаемой брачной связи. Речь идёт о погребениях Олень-Колодезь7 и Олень-Колодезь 9, III Шляховский 1/1, и 1/2. Пожилые мужчина и женщина, погребённые в кургане 1 III Шляховского могильника, вероятно, принадлежали одной семье. Не только черты культурно-хронологического сходства, но и одинаковые, причём редкие, наборы стремян связывают этих погребённых в одну группу. Можно допустить, что в кургане погребены супруги. Погребённый мужчина (погребение 2) сопровождается казанком. В женском погребении (погребение 1) посуды, подтверждающей статус погребённой как главы коллектива родственников нет.

Тема статуса женщины в связи с оценкой погребений с посудой будет рассмотрена отдельно. Проблема состоит в характеристике мужского погребения Олень-Колодезь 7, в общем идентичного в социальном плане женскому погребению Олень-Колодезь 9, но не содержащего казана. Могильник имеет облик семейного аристократического некрополя, не исключается брачная связь между погребёнными в курганах 7 и 9. Но атрибут главы коллектива родственников имеет только женщина. Объяснение этому сюжету строится только на предположениях.

Во-первых, вероятна необязательность, по крайней мере, на каком-то этапе, помещения казана или его заместителя в могилу главы рода или иной группы родственников. Во-вторых, можно допустить соответствие атрибуции казана и инкрустированного золотом боевого топора. Можно предположить символическую роль топора, обозначение им государственного статуса человека. Известный факт совпадения общественной и военно-государственной организации кочевников не противоречит данной мысли, но и не выводит её на уровень объективного вывода.

В-третьих, будем иметь в виду, что факт брачной связи между погребёнными в этих курганах – тоже предположение. Поиск такого рода связи не ограничен данны-

ми памятниками, так как могильник включает и курган 6 с аналогичным по конструкции погребением. Погребение ограблено, и нельзя судить, было ли оно мужским, имелся ли там казан.

Таким образом, отсутствие казана в мужском погребении кургана 7 (в общем идентичного в социальном плане женскому погребению с казаном, а также погребениям с могильника Высокая Гора) не даёт возможности для более обстоятельной социальной характеристики погребённых в могильнике Олень-Колодезь.

Продолжая тему семейно-брачной структуры, выскажем предположение о супружеской связи погребённых в курганах 2 и 3 могильника Высокая Гора. Идентичность этих погребений привела к признанию такой связи априори с момента их открытия. Черты монокультурности, совпадение ряда типообразующих признаков погребений в Старой Калитве также допускают семейно-брачную связь погребённых.

Таким образом, вероятна связь между погребёнными Высокой Горы, Ст. Калитвы, Олень-Колодезя и кургана 1 III Шляховского могильника (имеются в виду связи в пределах каждого могильника, а не между населением, оставившим указанные некрополи). Поиски такого рода связи в других могильниках ещё более проблематичны. Погребения вероятных супругов оказываются «потерянными» среди могил родового некрополя.

Другие семейные аспекты выражены в могильниках в очень неопределённом виде, они практически «не читаются». Исключение составляет групповое погребение в мавзолее под курганом I Шляховского могильника, где похоронены женщина и ребёнок.

Что касается вопросов социального статуса женщины, то их изучение основывается в основном на признаке наличия социально значимой посуды. Именно по этому признаку можно судить не только о принадлежности женщины к какому-либо слою общества, но и о месте в этом слое.

В погребениях второй половины XIII-XIV вв. отмечена одинаковая встречаемость казанов в мужских и женских погребениях. Другие предметы посуды, размещённые у ступней погребённых, на месте казана, присутствуют чаще в мужских погребениях (3 и 1 соответственно). В группе памятников, охарактеризованных как раннемусульманские, посуда в женских погребениях уже отсутствует.

Анализируя эту тенденцию в границах двух идеологических периодов, отметим, что в условиях языческой культуры некоторая равнозначность мужских и женских погребений, а, следовательно, и прижизненных статусов погребенных имеет место. Это известно и из письменных источников. В мусульманский период картина резко меняется, и сосуд присутствует только в одном женском погребении, да и то в имеющем языческие характеристики. Данное наблюдение отражает снижение статуса женщины при смене языческой идеологии на мусульманскую и соответствует полученной в результате религиозных реконструкций картине.

Анализ половозрастной структуры показывает, в общем, равное количество мужских и женских погребений. Изучение возрастного аспекта организации общества по данным погребальных памятников затруднено как из-за отсутствия антропологических определений, так и объективным фактом отсутствия детских подкурганных погребений (известны одно погребение ребёнка в групповом захоронении Шляховского мавзолея и погребение юноши в кургане I Власовского могильника, на материале которых нельзя строить полноценные социальные реконструкции).

Подведем итоги рассмотрения вопроса социальной организации кочевников второй половины XIII-XIV вв.

1. Материалы погребений Среднего Дона подтверждают представления о социально-ранговой знаковой нагрузке предметов посуды.

2. Подтверждается точка зрения о снижении во втором тысячелетии роли пояса как рангового показателя. Наборные пояса следует рассматривать в качестве таковых лишь опосредованно, через связь имущественного и рангового статусов человека в достаточно стратифицированном обществе.

3. Для кочевников Среднего Дна характерна высокая роль женщины в обществе, что установлено на материалах других регионов. Ранговый статус женщины понижается, скорее даже теряется при изменении религиозно-государственного мировоззрения, выраженного в принятии ислама.

ГЛАВА V.
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЁННЫХ. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (X – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII ВВ.)

При попытках реконструкции этнокультурных процессов второй половины XIII-XIV вв. встаёт вопрос о роли и месте в них тех кочевников, которые ранее освоили регион. Известно, что этнические группы кочевников в ходе развития геополитической ситуации не вытесняются полностью другими группами. Их политическое подчинение, как правило, не соответствует подчинению культурному. Так печенежские черты встречаются, как известно, в памятниках половецкого и даже золотоордынского периодов. Факт относительной этнокультурной стабильности мира кочевников Восточной Европы показан в упомянутых выше работах археологов второй половины XX в.

При исторических реконструкциях общества золотоордынской эпохи необходимо определить роль местного этнического элемента в этнокультурной ситуации, выявить особенности распространения различных групп в домонгольское время. Рассмотрим погребальные памятники, трактуемые в литературе как печенежско-торческие и половецкие – те из них, хронология которых не выходит за верхние рамки половецкого периода.

В истории поздних кочевников так называемые печенежско-торческий и половецкий периоды занимают значительный - более трех веков - отрезок. Хронологические рамки I периода - конец IX - конец XI вв. Половецкую эпоху Г.А. Федоров-Давыдов по особенностям материальной культуры разделил на два периода: II период - XII в., III период - конец XII-начало XIII вв.

Памятники печенежско-торческого времени (X-XI вв.)

Кочевниковедение Среднего Подонья располагает семью памятниками, характеризуемыми в литературе как печенежско-торческие (рис. 66). Это Воробьево, Гаевка, Букановская, Высокая гора 4/2, Никольевка, погребения 3 и 7 Таганского могильника.

Грунтовые погребения.

Три погребения (Никольевка, Таганский могильник) являются грунтовыми. Это выделяет их среди типичных кочевнических древностей этого периода, поскольку характерной чертой погребальных памятников печенегов и торков является наличие

курганной насыпи, которая перекрывает могилу, или в которую совершено впускное погребение. Остановимся на грунтовых погребениях особо, так как они интересны не только с точки зрения оформления базы источников, но и для выявления возможной преемственности в культуре кочевников разных эпох.

Никольевка (рис. 67, III). Могильная яма имеет вытянутую овальную форму. Длинными сторонами она ориентирована по линии север-северо-запад - юг-юго-восток. Вдоль восточной стены сделана приступка, занимающая большую часть стены. Размеры ямы 0,7 х 2,0 м, глубина 0,7 м, ширина приступки 0,2 м, высота 0,4 м. В заполнении могилы отмечены обильные включения угля и золы. На приступке находились кости лошади - череп и передние ноги. Кости задних ног лежали в юго-восточном углу ямы. В зубах лошади находились удила (тип ГII). На приступке у ног животного лежала пара плохо сохранившихся стремян, тип которых не определяется. Ширина подножки одного из них 3,0 см. Под стременами выявлен слой угольков. Погребенный лежал головой на север-северо-запад. В области черепа и ног скелета прослежен тлен, видимо от войлока подстилки (Цыбин М.В., 1986, с. 257).

Таганский могильник, 3 (рис. 67, II). Яма прямоугольной с заоваленными углами формы ориентирована по линии север-северо-запад - юг-юго-восток. Размеры ямы 2,0 х 0,75 м, глубина 0,1 (?) м. Погребенный лежал головой на север-северо-запад. Череп погребенного имеет признаки прижизненной искусственной деформации. В юго-восточной части ямы располагались череп и кости ног коня, отчлененные по первые суставы. Слева от погребенного лежал лук, от которого сохранились костяные накладки, нереконструируемые железные удила, наконечники стрел, найдена также костяная подпружная пряжка.

Таганский могильник, 7 (рис. 67, II). Погребенный лежал головой на северо-восток. Череп искусственно деформирован. Чучело коня в виде черепа и костей ног, находилось к востоку-юго-востоку от скелета, несколько выше последнего, вероятно на приступке.

Основные характеристики погребений сведены в таблицу 11.

Аналогии погребениям Таганского могильника и погребению у с. Никольевка известны в кочевнических древностях Восточной Европы VI-VIII вв. Они идентичны по ориентировке погребенных, особенностям устройства могильных ям, наличию и характеру погребения лошади (Степи.., с.112, рис. 8).

Близки рассматриваемые памятники и к идентифицированному по инвентарю погребению Терешковский вал 6 на севере степного Подонья (рис. 67, I), которое датировано VII в. (Синюк А.Т., Кравец В.В., 1999). Все памятники с вещами, аналогичными изделиям из погребения Терешковский вал 6, (Аккермень, Арцыбашево), относятся к IV обрядовой группе, в которую А.К. Амброз объединяет немногочисленные погребения рядового населения с пряжками и накладками ремня в так называемом геральдическом стиле. Отмечается редкая встречаемость в этой группе оружия, конского снаряжения. Для этих памятников характерны обычай северной ориентировки покойников, наличие чучела коня в виде сохранившихся черепа и частей ног. При этом ноги отсекаются по первый сустав, коленный и выше (Степи.., с. 112, рис. 8, 11, 13). Сопоставление никольевского и таганских погребений с датированным по инвентарю погребением Терешковский вал 6 показывает их близость (табл. 11). Искусственная деформация черепов (Таганский могильник 3, 7) нетипична для печенежской культуры, но также характерна для кочевников VI-VII вв. (Васильева И.Н., 1979, с. 206; Засецкая И.П., 1968, с. 58). Известно, что погребения этого периода довольно редки. Они «раз-

бросаны» по Степи, не образуют, как правило, больших могильников. Подобным образом локализованы и погребения Среднего Подонья.

По нашему мнению, нет достаточных оснований грунтовые погребения с северной и близкой к ней ориентировкой и частями коня причислять к кругу печенежско-торческих памятников. Они более вписываются в памятники кочевников V-VIII вв.

Курганные погребения I периода (X-XI вв.)

К I периоду отнесено четыре погребальных памятника (рис. 6, 1-4; табл. 2) (здесь и далее использована номенклатура Г.А. Фёдорова-Давыдова и А.Ф. Медведева) (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966; Медведев А.Ф., 1966).

Воробьево, Богучарский район Воронежской области. Погребальный инвентарь включал стремя (тип БІ), удила (тип БІ), семь стрел (в том числе три - типа В I (тип 65 по А.Ф.Медведеву), обломок сабли, железное кольцо. Датируется по инвентарю X-XI вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 82).

Гаевка, Валуйский уезд Воронежской губернии (рис. 68). Погребальный инвентарь включал золотую византийскую монету Василия-Константина XI в. (рис. 68, 1), две медные серьги, обтянутые золотом (тип I) (рис. 9, 2), бляхи сбруйного набора разных типов. Наременные бляхи и пряжки представляют собой высокохудожественные изделия из серебра с позолотой и чернью, созданные, по мнению Л.М. Гаврилиной, мастерами высокого ранга. Изделия представляют собой вершину развития сбруйных кочевнических наборов X - XI вв. (Гаврилина Л.М., 1986 а, с. 118).

Набор включает 118 блях (рис. 68, 3-13). Большинство их по классификации Г.А. Федорова-Давыдова относится к категории простых (Федоров-Давыдов, 1966, с. 47 – 53). Бляхи имеют штифтовое крепление. По типам они распределяются следующим образом: тип АІІ - круглые, полушаровидные с плоским бортиком (42 экз.); тип ВІV - квадратные, с полушаровидной выпуклостью в центре (3 экз.); тип ЕІV - с двумя параллельными сторонами, с округлым одним концом и выпуклым другим (17 экз.); тип ЕХ - с двумя параллельными сторонами, с одним заостренным концом, другим - плосковогнутым; тип ЗІІІ - сердцевидные с полушаровидной выпуклостью в центре (48 экз.); тип КХ - фигурные пальметковидные, с боковыми выступами (1 экз.).

Кроме простых блях, служивших только в качестве декоративного элемента, набор содержал служившие для соединения ремней крестовидные бляхи типа АІ (3 экз.), Т-образные (3 экз.), налобные лопастевидные типа АІІІ (2 экз.). Найденная в погребении пряжка, возможно, также относится к сбруйному набору. В Отчете Императорской археологической комиссии она названа серебряной с черневыми разводами (Отчет ИАК.., с. 96). В диссертации Г.А. Федорова-Давыдова эта пряжка учтена как бронзовая (Федоров-Давыдов Г.А., 1965, с. 82). Изделие относится к типу ВІ по овальной форме рамки, соединенной с ремнем с помощью округленного на конце щитка. Пряжки этого типа имеют аналогии в памятниках VII-X вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 4). В погребении находилась также серебряная пуговица (тип АІV) (рис. 68, 14), бронзовая пряжка (тип ВІ) (рис. 68, 15), стремя (тип АІ), орнаментированное «серебряными насечками» (рис. 68, 16), железное кольцо, два желе ных наконечника стрел, один из которых соответствует типу 90 (Отчет ИАК.., с. 95-96; Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 82). По инвентарю датируется X-XI вв.

Букановская, Кумылженский район Волгоградской области (рис.69, I). Погребение впускное в курган эпохи бронзы (диаметр 24 м, высота 2 м). Форма ямы неизвестна. Погребенный лежал головой на запад в гробу-«раме» из коры или тонких досок размером 1,65 х 0,4-0,5 м. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти на тазовых костях. В

заполнении гроба прямо над черепом находились кости животного (лошади?). Справа от тазовых костей скелета лежали два плохо сохранившихся стремени, видимо, с выделенной петлей для путлища (тип БI?). На тазовых костях найдены остатки железного ножа неустановленного типа в деревянных ножнах (Цыбин М.В., 1986, с. 257, с. 260, рис. 2, 1). Погребение датируется X-XI вв. Основание - облик стремян, тип погребения.

Высокая Гора 4/2, могильник, Богучарский район Воронежской области (рис. 69, II). Погребение впускное в курган эпохи бронзы (диаметр 13,0 м, высота 0,6 м). Яма узкая прямоугольной формы с закругленными углами. Длина 1,95 м, ширина 0,6 м, глубина от уровня материка 0,4 м. Яма ориентирована по линии запад-юго-запад. В восточной части оставлено небольшое возвышение из материковой глины.

Погребенный - мужчина 30-35 лет - лежал головой на запад с незначительным отклонением к югу (рис. 69, II, 1). Скелет слегка повернут влево из-за подложенного под правый бок колчана. Голова повернута в сторону и наклонена к левому плечу. Правая рука согнута в локте так, что лучевая кость лежала поперек туловища. Коленные суставы соприкасались. Погребенного сопровождало чучело коня, от которого сохранились череп, располагавшийся справа от черепа покойника, и кости двух ног, отчлененные по первый сустав - бабку. Кости ног лежали на возвышении из материковой глины. Колчан берестяной без накладок, длиной 0,7 м. Внутри колчана лежала костяная накладка лука (тип V) (рис. 69, II, 3). У тазовых костей лежали железный нож неустановленного типа и пряжка (тип IIaI или IIaIV) (рис. 69, II, 4,5).

На основании известных памятников можно сделать вывод об изолированности на хронологической вертикали кочевников X-XI вв. и степного населения предшествующих эпох. Не совпадают и географические ареалы памятников: погребения печенегов локализованы в основном в степной зоне, в то время как раннесредневековые памятники - в лесостепи (рис. 66).

Памятники половецкого времени (XII - первая половина XIII вв.)

К половецкому времени отнесено два погребения (рис. 66; 70-73).

Ольховатка, Ольховатский район Воронежской области (рис. 70). Погребение обнаружено в полностью разрушенном кургане, неясно, являлось оно основным или впускным. Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы ориентирована длинными сторонами по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 70, 1). Площадь ямы 2,1x1,05 м, глубина от уровня материка 0.65 м. Скелет лежал вытянуто на спине черепом на запад-юго-запад. Руки умершего были вытянуты вдоль туловища. Слева от погребенного находилась сабля в остатках деревянных ножен (отдел Г или Д) (рис. 70, 4). В области таза найдена орнаментированная костяная пуговица с отверстием в центре. Орнамент прорезан, полосы заполнены белой пастой (тип БI) (рис. 70, 3). В ногах погребенного лежали односоставные удила (тип BI), трензельное кольцо имеет диаметр 5,5 см (рис. 70, *2*). По облику погребального инвентаря погребение датируется XII в.

Вервековка 5/4, Богучарский район Воронежской области. Впускное. Находилось в центре кургана, в 0,25 м к северу от нулевой отметки. В центральной части насыпи на глубине 72-85 см располагались 10 камней из дикого светло-серо-жёлтого песчаника (рис. 106). Четыре из них наиболее крупные: длина от 0,26 до 0,42 м, ширина от 0,2 до 0,27 м, толщина от 0,07 до 0,17 м. Эти камни располагались в северной части каменного завала. Шесть других камней, менее значительны: длина от 0,1 до 0,28 м, ширина от 0,06 до 0,17 м, толщина от 0,05 до 0,12 м. Эти камни располагались к югу от больших камней (рис. 71, 1)

На двух камнях, расположенных в восточной части каменного завала отмечены следы костров в виде угольков и золы на их поверхности.

Под каменным завалом находилось погребение взнузданного коня (рис. 71, 2). Уровень залегания его составил в среднем 95 см от нулевой отметки (от 80 до 95 см). Конь лежал в согнутом положении на левом боку головой на запад. Голова животного сильно загнута таким образом, что повёрнута на восток. Скелет в целом ориентирован передней частью на запад. Кости задних ног животного потревожены. Передние ноги находились в согнутом состоянии перед головой.

Железные удила плохой сохранности обнаружены между челюстями животного (рис. 71, 2, 3). Средняя часть удил не сохранилась. Удила, вероятно, двусоставные. Средняя часть не сохранилась. Сечения колец и стержня округлые диаметром 1,2 см.

Железные стремена найдены у брюха животного (рис. 71, 2, 4). Сохранились фрагментарно. Реконструируется облик одного из изделий. Стремена арочного контура, с относительно широкой подножкой с загнутыми наружу краями. Профиль сечения боковых деталей округлый – до 1,3 см в диаметре. Отверстие для путлища овальное, прорезано в уплощённой верхней части путлища. Высота стремени не более 15,0 см, ширина до 14,0 см, ширина подножки до 5,3 см.

Железное кольцо находилось у левой задней ноги животного рядом со стременами. Внешний диаметр кольца 2,0 см, сечение округлое диаметром 4-5 мм.

Под конём, с уровня 105 см от нулевой отметки (уровень материка) зафиксировано погребальное сооружение. Оно представляло собой удлинённую яму, ориентированную длинной осью по линии запад-восток усложнённой конфигурации (рис. 72, 1). Форма ямы - результат наложения погребения на более раннее погребение. В результате контуры ям в восточной части частично совпали.

Яма имела ширину в западной части 0,8 м, в центральной 0,76 м. Примерно с центра могилы идёт расширение. Менее значительно расширение от центра на север. Северная стенка плавно закругляется на юго-восток. Таким образом, форма ямы имеет форму следа левой стопы человека. Длина ямы 2,87 м, ширина от 0,76 в центральной части до 0,98 м в восточной части. Пол ямы поднимается с запада на восток, глубина от 0,25 до 0,12 м.

Стенки могилы в западной части пологие, в восточной – отвесные. Заполнение могилы состояло из чернозёма, перемешанного с комочками глины, песком, древесной трухой. Следов перекрытия не отмечено.

Умерший находился в деревянной колоде. Колода прямоугольной формы с сильно закруглёнными углами. Длина 1,9 м, ширина от 0,48 до 0,52 м (рис. 72, 1, 2). Наилучшая сохранность её отмечена в западной части могилы. Толщина дна составляла 2,0-2,5 см. Толщина торцевых стенок – до 7 см, боковых – 4 - 6 см. Высота сохранившейся части колоды – 0,15 м над уровнем пола. Волокна на дереве идут вдоль колоды. Следов соединения не выявлено. Колода, вероятно, изготовлена из целого бревна.

Погребённый мужчина ориентирован головой на восток. Голова лицевой частью обращена к югу. Руки вытянуты вдоль тела. При погребённом находился набор предметов. Кружальный глиняный горшок (рис. 73, 1) располагался у левой стопы погребённого. Дно и фрагменты нижней и других частей этого сосуда находились у левой тазовой кости. Расположение свидетельствует о разбивании горшка во время похорон. Горшок имеет короткий плавно отогнутый наружу венчик с закругленным верхом, плавно расширяющееся в верхней части сосуда тулово и плоское без закраины

дно. С одной стороны горшка нанесено 16 сквозных отверстий диаметром 2-2,5 мм, расположенных, главным образом, в верхней части тулова. Цвет керамики светло-коричневый, снаружи с чёрными подпалинами. Толщина стенок 3 мм. Диаметр верха 13,0 см, дна 9,0 см, высота 16,5 см.

Железный нож (рис. 73, 3) лежал между ног погребённого у тазовых костей. Нож черешковый, однолезвийный. Длина черешка 3,5 см, профиль овальный (6 х 9 см). Лезвие немного вогнутое, треугольного сечения. Ширина лезвия от 0,8 см до 1,3 см, длина – 12,5 см.

Три железных наконечника стрел (рис. 73, 6, 7) находились между голенями в остатках берестяного колчана. Форма колчана не реконструируется. Тип одного наконечника не определяется из-за плохой сохранности. Один наконечник типа BI (длина 5,9, длина пера 4,0, ширина 1,5 см), другой BV (размеры соответственно 5,5 (сохранившаяся часть), 4,5, 2,4 см).

Костяная втулка (рис. 73, 4) находилась у правого подреберья. Она представляет собой усечённо-коническое изделие с круглым сквозным отверстием по центру. Длина втулки 2,0 см, диаметр верха 5,5 мм, нижней, широкой части 1,1 см. диаметр отверстия 5 мм. Поверхность втулки заполирована.

Костяная пуговица типа БI (рис. 73, 5) находилась у левой ноги у таза. Круглая, диаметр 2,2 см, сечение полусферическое, толщина 8 мм. Диаметр отверстия 6 мм. Внешняя поверхность орнаментирована тонкой резьбой в виде двух кругов, между которыми нанесены косые насечки.

Костяные петли для подвешивания колчана находились отдельно от него – у правого колена и у левого плеча погребенного (рис. 73, 2, 8). Петли представляют собой плоские костяные пластины толщиной 6-7 мм, длиной 9,2 см (у плеча) и 10,9 см (у колена). На пластинах имеются по одному овальному «восьмёрковидному» отверстию и по три округлых отверстия диаметром 3-4 мм. Окончание одного из изделий отломано (рис. 73, 8), на другом, лежавшем у правого колена, вырезан орнамент по внешней поверхности в виде треугольников между двумя параллельными линиями (рис. 73, 2). Кость заполирована.

Железные кольца (рис. 73, 9, 10) обнаружены в двух экземплярах. Одно лежало на левой ноге у таза, другое у правой руки за пределами колоды. Оба кольца имеют внешний диаметр 4,0-4,2 см, диаметр округлого сечения 8-9 мм. На кольцах отмечены остатки древесной трухи и сетчатой ткани.

Погребенный в кургане у Ольховатки ориентирован головой на запад-юго-запад, что для этого периода трактуется как соответствие печенежско-торческой традиции. Собственно половецким из данной серии можно назвать только погребение у Вервековки.

Кроме этих памятников половецкого периода в регионе известны находки половецких святилищ - каменных изваяний (рис. 6, I-XI). Это свидетельствует о вхождении Среднего Подонья в область половецких кочевий. Большинство изделий относятся к VII типу - финальному этапу культовой скульптуры половцев. Пребывание половцев в Прихоперье подтверждают и письменные источники, что обстоятельно показано в исследованиях М.В. Цыбина (Цыбин М.В., 1986; 1999).

К половецкому периоду, возможно, относятся курганы у х. Шемякинский в бассейне Хопра, которые имеют ряд половецких черт, но крайне поверхностно описаны в литературе.

Материалы X-первой половины XIII вв. немногочисленны. Тем не менее, они позволяют сделать некоторые выводы.

В первую очередь отметим, что обычай северной ориентировки погребенных в золотоордынский период в среднем Подонье (см. главу I) не известен в памятниках населения региона предшествующих печенежско-торческого и половецкого периодов (X- первой половины XIII вв.). Погребения с северной ориентировкой предпочтительнее в связи с этим толковать как компонент культуры пришлых этнических групп золотоордынского времени.

Небольшое число погребений половецкого времени не даёт оснований характеризовать определённо демографическую ситуацию и степень этнополитической активности в регионе половцев. Об освоении территории половецкими группами кочевников можно говорить на основании письменных свидетельств и наличия каменных изваяний. Это относится, по крайней мере, к III периоду, для которого характерен VII тип статуй. Именно этому типу принадлежат скульптуры Среднего Подонья, на что указывает М.В. Цыбин (Цыбин М.В., 1999, с. 135).

Таким образом, современное состояние источниковой базы не даёт оснований предполагать, что местные печенежский и половецкий компоненты составили весомую долю в населении региона золотоордынского периода. Оценка роли местных половецких групп требует специального рассмотрения.

Половецкие погребения золотоордынского времени

Этнокультурные реконструкции в обществе кочевников Золотой Орды можно разделить на два основных блока проблем:

-характеристика местного населения, попавшего в сферу влияния золотоордынских ханов;

- характеристика пришлого населения.

Обращение к вопросу о «местных» кочевниках основано на известном факте относительной этнокультурной стабильности кочевого населения второй половине XIII-XIV вв., на признании того, что половецкие группы входят в состав нового государства, сохраняя свои кочевья. Тема пришлого населения определяется результатами изучения демографической ситуации, которая показывает на основании данных погребальных памятников резкое увеличение населения в золотоордынское время.

Обе проблемы сложны из-за отсутствия каких-либо маркеров, достаточно чётко обозначающих местное или неместное происхождение всех типов памятников. Погребение с половецкими чертами может быть как продуктом культуры кочевников, освоивших Среднее Подонье ещё до прихода ордынцев, так и свидетельством пребывания половецких групп, мигрировавших в регион в золотоордынскую эпоху.

Отказ от методики этнокультурных реконструкций, основанной на стремлении представить определенный тип обряда погребения как закрепленный за какой-нибудь группой кочевников постоянно, не исключает возможности этнокультурных определений вообще. В качестве достаточно надёжных критериев признаны ориентировка и некоторые предметы, а также различные варианты размещения лошади в погребении.

Как уже было сказано этническая атрибуция ориентировки погребённых неоднозначна. Западная ориентировка в печенежско-торческий и половецкий периоды достаточно определённо характеризует печенежскую или торческую природу памятника. Но в золотоордынское время, кроме этого, она может свидетельствовать и о

влиянии новых для данной территории групп, и об изменении религиозной ситуации. В последнем случае западная ориентировка утрачивает этническую атрибуцию, под этим признаком оказываются скрыты различные этнические группы. Ориентировка в северную или южную половины круга связывается с пришедшими вместе с монголами группами кочевников без упоминания каких-либо этнонимов. Восточная ориентировка обычно без всяких оговорок трактуется как элемент половецкой культуры.

Признаки половецкого происхождения имеют погребения на окраине с. Ст. Калитва Россошанского района Воронежской области: Ст. Калитва 2 с восточной ориентировкой и Ст. Калитва 1/3 с ориентировкой на юго-восток (вероятно, отклонение от восточной) и деталями характерного для половецкой культуры головного убора.

Как пишет А.В. Евглевский, типы отделов «В» и «Г» (по классификации Г.А. Фёдорова-Давыдова) не просто исчезают в золотоордынское время, а пополняют смешанные, так называемые «диахронные» (по Д.О. Добролюбскому) типы (Евглевский А.В., 1990, с. 132). Если согласиться с мнением о половецком происхождении погребений с западной ориентировкой и наличием лошади, к числу половецких можно будет причислить погребения Третьяки 24, Третьяки 69/1, III Шляховский 1/1, III Шляховский 1/2. Подобное толкование может показаться довольно спорным и нуждается в подробном обосновании на материалах, выходящих за рамки источников Среднего Подонья. Мы же, к сожалению, знакомы с теорией, безусловно, интересной, но изложенной лишь тезисно.

Картографирование памятников показывает вероятную связь половецкого некрополя XIV в. в Старой Калитве с населением, ранее освоившим пограничье донской степи и лесостепи. Его присутствие отразилось в погребении Вервековка 5/1, возможно, в погребении половецкого периода у Ольховатки. Предполагаемое наличие половецких памятников в другом районе Среднего Подонья, среди курганов могильника Третьяки (два погребения типа БХХI), может быть связано с населением, оставившим в этой части региона изваяния VII, финального, типа половецкой скульптуры. В целом могильник Третьяки не имеет определённо половецких признаков и наличие в нём памятников с половецкими чертами может свидетельствовать о синтезе, по крайней мере, двух культур, выразившемся в функционировании общего некрополя. Впрочем, погребения с половецкими чертами известны в разных частях степного пояса, и с уверенностью говорить о взаимодействии именно местной половецкой культуры и культуры населения, оставившего основную часть могильника Третьяки, нельзя. Например, А.Ф. Яминов интерпретирует как половецкие погребения типа BI из волго-уральского региона (Яминов А.Ф., 1995, с. 26).

Таким образом, можно предполагать сохранение местного половецкого населения в золотоордынское время, его этнокультурное взаимодействие с другими группами этого периода. Удельная доля половцев, во всяком случае, тех, которые оказываются различимыми и идентифицированными, весьма невелика. Основную массу составляют не половецкие группы населения. Их характеристика имеет смысл при рассмотрении отдельно взятого могильника, как продукта этнокультурных процессов.

Типология курганных могильников

Как известно, наиболее определённо этнокультурные характеристики населения проявляются в тех типах погребений, которые присутствуют в виде тенденции. Поэтому этнокультурные характеристики предпочтительнее начинать с части источников, представленной в могильниках.

Охарактеризуем могильники.

Могильник у станицы Глазуновская.

Могильник (исследовано 12 курганов) характеризуется следующими чертами:

1. Все погребения – основные под небольшими грунтовыми насыпями.
2. 25% насыпей включают фрагменты керамики.
3. В 50% случаев погребённые ориентированы на запад, в остальных случаях – на северо-восток (33,3 %), на север (16,6%).
4. 25% могил имеют перекрытие.
5. 33,3% могил имеют подстилку. Подстилка – куга.
6. Типичный предмет вещевого комплекса – нож (41,6% погребений).
7. 33,3% погребённых имеют подвески типа VI.

Попытки выявить устойчивые связи между погребениями выявила показатели, отраженные в таблице 12.

Могильник у села Третьяки.

Исследовано 10 курганов. Могильник имеет следующие черты:

1.90% погребений – основные под небольшими грунтовыми насыпями.

2.33,3% насыпей содержат следы тризны (кости животных).

3.В 50% погребений покойники ориентированы на запад, другие ориентировки – на север (30%), одинаково (по 10%) представлены ориентировки на северо-восток и юг.

4.20% могил имеют перекрытие.

5.30% могил имеют подстилку.

6.Наиболее встречаемый предмет – нож. 40% погребений содержат нож.

7. 30% погребённых имеют подвески типа VI.

8. 60% погребений имеют следы огненного ритуала в виде площадок прокалённого докрасна грунта.

9. 20% насыпей содержали отдельные камни, 30% - фрагменты дерева.

Могильник Третьяки аналогичен Глазуновскому могильнику по большинству позиций. Его отличает главным образом широкое распространение следов огненного ритуала, отсутствие керамики в насыпи, наличие дерева и камня в насыпях ряда погребений. Линии связи признаков в могильнике Третьяки помещены в таблицу 13.

Рассмотрим вопрос о вероятной этнокультурной идентичности населения двух могильников. Отличия в погребальном обряде достаточно выразительно проявляются в типичности огненного ритуала для одного могильника и керамики в насыпи – для другого. Но эти явления не дают ответа на вопрос об этнокультурном отличии между некрополями. Керамика появляется, вероятно, в связи с изменениями в хозяйственном укладе, а не как этнокультурный маркер. Огненный ритуал в период смены идеологии напротив выглядит явным реликтом. Отсутствие его следов в каком-либо памятнике может означать не только его этнокультурные особенности, но и отказ от некоторых языческих традиций. Причём, отказ не как результат влияния другого этноса, а как результат изменений в идеологии надэтнического уровня.

Выше рассчитаны характеристики связи признаков погребальных памятников. Наиболее устойчивые связи свидетельствуют о стабильной компоненте культуры. Сопоставление коэффициентов связи признаков, общих для двух могильников предпринято в таблице 14. Из таблицы видно, что перекрытия связаны с северной ориентировкой погребённых (имеем в виду, что коэффициент связи показывает не принадлежность большинства перекрытий могилам с северной ориентировкой, а взаимную связь между признаками). Выше, при рассмотрении религиозно-конфессиональной структу-

ры, было выяснено, что большинство погребений с перекрытиями (77%) приходится на группу раннемусульманских памятников, среди которых доминируют погребения с западной ориентировкой). Наличие связи между признаком, типичным для раннемусульманского погребения и северной ориентировкой отражает, вероятно, влияние фактора надэтнокультурного порядка. То же видимо, можно сказать, и по поводу связи перекрытия с северо-восточной ориентировкой.

Связь между западной ориентировкой и отсутствием вещей также стоит рассматривать как свидетельство постепенного перехода к исламским канонам погребальной практики. В связи с этим едва ли оправданным окажется поиск этнокультурной атрибуции западной ориентировки. Могильник у Глазуновской скорее является монокультурным, нежели продуктом взаимодействия культур, в которых практикуется западная ориентировка и ориентировки на север и северо-восток (этнокультурная дифференциация северной и северо-восточной ориентировок довольно проблематична, они, как правило, сосуществуют в пределах могильников, в связи с чем последняя и трактуются часто как отклонение от северной).

Сопоставление признаков показывает общие этнокультурные черты. Это выразилось в идентичности типов насыпей (без учета их вариантов – с прокалённым грунтом, керамикой и пр.), типов могильных ям, ориентировок погребённых. Степень типологического сходства позволяет говорить об общем этнокультурном происхождении населения данных могильников. Но степень их близости остаётся под вопросом. Вероятно и то, что они принадлежат различным группам одной этнической общности.

Могильник у села Лесное.

Три погребения могильника Лесное (курганы 2, 3, 4) типологически близки к рассмотренным выше погребальным памятникам у Третьяков и Глазуновской. Это погребения типов II Б1в3/AI, II Б1в1/AI. Погребение Лесное 1 выделяется из этого ряда типом надмогильного сооружения, включающего каменные площадки и типом могильной ямы – широкой, с фрагментами каменной облицовки. Погребение, предположительно с северо-восточной ориентировкой человека, ограблено. Планиграфия могильника допускает его принадлежность одной группе кочевников. В связи с этим любопытным представляется факт наличия столь разнотипных памятников в одном некрополе. Погребения с узкими ямами этого могильника охарактеризованы как памятники раннемусульманской культуры. Исследователи отмечают частую встречаемость раннемусульманских и языческих погребений в рамках одного могильника (Яминов А.Ф., 1995, с. 17).

Вероятная этнокультурная идентичность курганов Лесного позволяет предпринять характеристику могильника через погребение кургана 1. В этом кургане в большей степени сохранились этнокультурные черты, наиболее полно выражающиеся в языческом обряде. Вместе с тем, следует иметь в виду и вероятность принадлежности могильника пусть и связанным между собой, но различным группам.

Исходя из этого этнокультурную характеристику населения могильника Лесное предпочтительнее предпринять после характеристики погребений с широкими ямами и каменными выкладками в насыпях.

I Власовский могильник.

Могильник выделяется из круга рассмотренных впускным характером погребений, ориентировками на север, северо-восток, юг. Отсутствует западная ориентировка. Одно из погребений –3/2 - с широкой могильной ямой. Оно ограблено и, как и в случае с погребением Лесное 1, ориентировку человека можно только предполагать – северо-запад или юго-восток. Хронологическая позиция могильника в плане его при-

надлежности к языческому или раннемусульманскому периоду золотоордынской эпохи неясна. В этой группе наиболее полно из рассмотренных выше некрополей представлены языческие черты. Это и выделяет могильник из числа золотоордынских памятников восточной части региона.

Могильники Олень-Колодезь и Высокая Гора.

Могильник Олень-Колодезь включает три погребения с широкими ямами. Особенности устройства насыпей неизвестны. В могильнике Высокая Гора известно два золотоордынских погребения (один из курганов группы не раскопан). Надмогильные сооружения курганов Высокой Горы различаются: отдел I, отдел II; кольцевой ров, ямы-кенотафы, сгоревшая шатровая конструкция, площадка из прокалённого докрасна грунта – эти признаки представлены в двух курганах в виде оригинальных черт, не являются для сооружений общими. Только каменные площадки объединяют конструкции насыпей.

В итоге могильники распределяются на следующие типы:

I. Основан на типах модели 9 (I1AII/Д, IIAII/Д) - основное погребение с высокими объёмными показателями надмогильного сооружения, широкой ямой, северной ориентировкой богатым вещевым комплексом с вещами социально значимыми для человека высокого ранга (Высокая Гора, Олень-Колодезь).

II. Основан на типах погребений I1Бв. Кроме западной ориентировки представлены, как правило, ориентировки на север, северо-восток. Погребения лошадей отсутствуют или встречаются редко (Глазуновский могильник, могильник Третьяки).

III. Преобладают типы III1БI при отсутствии западной ориентировки. Присутствует погребение I1БIII – с широкой ямой (I Власовский могильник).

IV. Преобладают типы I1БвAI. Присутствует погребение I1БIII – с широкой ямой. Погребения лошадей отсутствуют (могильник Лесное).

Можно предполагать связь между типами могильников, включающих погребения с широкими ямами – 1, 3, 4. Могильники типа 1 представляют отдельную линию характеристики.

Могильники типа I.
Этнокультурная характеристика погребенных в могильниках.
Высокая Гора и Олень-Колодезь

Этнокультурная характеристика памятников золотоордынского языческого периода основана в большей степени на представительности этнографических черт погребального обряда. Известно, что погребальный обряд в золотоордынскую эпоху унифицируется. Это вызвано факторами не только религиозного порядка, но и активными этногенетическими процессами, смешением различных групп, формированием новых локальных вариантов культуры. Особой пестротой, как известно, отличается этническая картина времен монгольского завоевания.

Выше было сказано, что еще в середине 1960-х годов Г.А. Федоров-Давыдов показал несостоятельность попыток «закрепить» определенный тип обряда погребения за какой-либо одной группой кочевников. По словам А.О.Добролюбского, попытки выделить твердые, присущие одной только народности признаки погребального обряда игнорируют реальную историческую обстановку эпохи, характеризующуюся довольно быстрой сменой различных племен и народностей на одних тех же территориях, а также постоянным их смешением меду собой (Добролюбский А.О., 1986, с.19,

20). Безусловно, поиски эталонных погребений, в которых прослеживались все типичные для погребального обряда какой-либо общности черты, тщетны. Имела место и автономная эволюция обряда в различных социальных аспектах, и изменение стереотипов обрядовых действий в результате взаимодействия групп кочевников.

«В то же время особенности культуры, связанные с этногенезом, такие как погребальный обряд, сохраняют специфические черты у населения отдельных регионов, обусловленные принадлежностью его к различным этническим группам», - отмечает В.А. Могильников. Это замечание основано на изучении этногенетических процессов монгольского времени на Алтае (Степи.., с. 194). Если погребение имеет оригинальные, выделяющие его из круга типичных памятников, черты именно эти признаки могут оказаться этнокультурными маркерами. Среди таких черт выделяется двухкамерная конструкция могильной ямы, отмеченная в высокогорских курганах.

Г.А. Фёдоровым-Давыдовым учтено одно погребение с деревянной перегородкой. Это комплекс с западной ориентировкой человека и восточной – коня, лежащего севернее человека за деревянным забором из вертикально поставленных плах (тип БХХ) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 125). К сожалению, нам не удалось познакомиться с этим памятником и привлечь его для типологического сопоставления. Поиск подобных погребений в Поволжье и заволжско-уральском регионе не увенчался успехом.

Аналогии погребальным сооружениям могильника Высокая Гора, причём более близкие, чем погребение типа БХХ, известны на Алтае. Погребения с «забором» в яме, за которым лежали лошади, описали Л.А. Евтюхова и С.В.Киселев в IV Курайской группе курганов, датированной VI-VIII вв. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 103, 107, рис. 43). Д.Г. Савиновым выделена курайская археологическая культура V-X вв. Данная культура сформировалась в результате проникновения на Алтай собственно тюркских племен и племен теле. Для нее характерно помещение в могилу лошадей, располагавшихся на невысокой приступке сбоку (справа или слева) от человека за стеной из каменных плит или лиственничных досок, ориентировка погребенных - северная и северо-восточная. Погребения курайской культуры совершались под круглыми каменными насыпями диаметром 6-8 м и высотой до 1 м (Савинов Д.Г., 1984, с. 66).

Северная ориентировка погребенных на Алтае в XIII-XIV вв. признана реликтом именно этих, ранних, традиций. Обычай помещения в могилу коня в монгольское время, как известно, исчезает, причем повсеместно (Степи.., с. 194). Наиболее известен из кочевнических древностей средневекового Алтая могильник Кудыргэ, исследованный А.А. Гавриловой. Для курганов XIII-XIV вв. этого могильника, группу которых обозначили как «позднее Кудыргэ», характерен обычай северной ориентировки погребенных. Все такие погребения, совершены в широких могильных ямах (Гаврилова А.А., 1965, с. 44). Широко известно одно из погребений этого могильника, имеющее курайские черты - перегородку, обозначенную несколькими камнями (рис. 65, 1) (Гаврилова А.А., 1965, таблица XVI А; Степи.., 73, 10,11), открыты могильные ямы, в том или ином виде оформленные камнем, но не имеющие перегородки (Гаврилова А.А., 1965, таблица XXX, XXXI).

Не вдаваясь в реконструкцию особенностей этнокультурного процесса на Саяно-Алтае, отметим приемлемость использования в качестве одной линии сопоставления памятников курайской культуры V-X вв. и памятников позднего Кудыргэ, имеющих курайские черты.

Помимо широкой могильной ямы с невысокой приступкой рядом с человеком и стеной-перегородкой погребение Высокая гора Г с позднекудыргинскими погребе-

ниями сближает ряд менее определённо атрибутированных признаков. Это использование камня при сооружении насыпи, отмеченная выше северная ориентировка погребенного, а также некоторые особенности вещевого комплекса. Орнаментальные мотивы встреченные на поясном наборе из погребения Высокая Гора 2 (рис. 54, 4,5) - изображение цветка лотоса – характерны именно для позднекудыргинской художественной культуры (Гаврилова А.А., 1965, с. 60). Продолжая рассмотрение поясного набора, обратим внимание на такой весьма оригинальный элемент орнамента, как изображение птицы (рис. 54, 1-3). В китайских источниках имеются свидетельства ведущей роли в истории тотемов тюркских племен Памиро-Алтая именно тотемов птиц. Известны и древнетюркские каменные изваяния с птицами (Бернштам А.Н., 1952, с. 145). Оригинальны и детали пояса, оборудованные подвижными кольцами для приторачивания кресала и прочих бытовых предметов (рис. 65, 2). Принцип их устройства аналогичен конструкции колец для приторачивания на позднекудыргинских седлах (Степи.., с. 246, рис. 73, 11). Подобными приспособлениями оснащены и седла могильника Олень-Колодезь (рис. 20, 15, 16, 19; 22, 8, 10, 11).

Наконец, интересно совпадение признаков богатства вещевого комплекса и широкой формы могильной ямы в погребальных памятниках Среднего Подонья: такие погребения, если только не ограблены, фиксируются как «богатые» (Олень-Колодезь 7, Олень-Колодезь 9, Новомеловатка). Ограблены погребения Лесное1, 1 Власовский 3/2, Олень-Колодезь 6, при этом факт ограбления косвенно свидетельствует в пользу их предполагаемого богатства. Типичность для погребений с широкими могильными ямами богатого набора вещей показательна, благодаря следующему наблюдению: в описании А.А. Гавриловой позднекудыргинских памятников мы заметили совпадение именно этих признаков - широкая яма и богатый вещевой комплекс (Гаврилова А.А., 1965, с. 44-45).

Отметим также, что и ориентировка длинными сторонами ям-кенотафов вокруг погребения Высокая Гора 3/2 на северо-восток также соответствует обрядовой практике кочевников Алтая (Савинов Д.Г., 1984, с. 66). Северо-восточную ориентировку покойника можно предполагать и в погребении Лесное 1 (рис. 26, I, 1-4; рис. 40, I, 1).

Таким образом, погребения могильника Высокая Гора имеют черты этнокультурной близости к алтайским памятникам позднего Кудыргэ. Однотипными с погребениями Высокой Горы являются памятники могильника Олень-Колодезь. Это выражено в совпадении признаков по ряду параметров.

Отсутствие деревянной перегородки в могилах Олень-Колодезя едва ли отрицает типологическую аналогичность погребений. Исчезновение из погребального обряда обычая помещать в погребение лошадь, видимо, лишает актуальности её сооружение. К тому же не во всех погребениях и эталонного могильника Кудыргэ имеются двухкамерные конструкции.

Выше мы обратили внимание на достаточно четко выраженный социальный признак - «широкая яма», которую следует признать этносоциальным признаком, маркирующим особенности социальной организации в конкретной этнической среде. В этой связи возможны попытки выявления родственных позднекудыргинским погребений среди памятников с обычными, неширокими, ямами и северной и северо-восточной ориентировкой погребенного. Сделать это не просто, так как при известной универсальности конструкции полагаться приходится на этнически атрибутированные вещи. Поиск предметов-признаков, несущих этническую нагрузку, сложен в условиях

унификации материальной культуры в мире кочевников золотоордынского времени, возрастания роли ремесленных центров.

С тем, чтобы определить своеобразие погребений в широких ямах, не отделяя их в этнокультурном плане от родственных им памятников не аристократического облика, мы предлагаем ввести обозначение их как **погребений высокогорского типа** - по могильнику Высокая Гора, в золотоордынских курганах которого этносоциальные черты проявились особенно рельефно.

Могильники типа II.
Этнокультурная характеристика кочевников по материалам могильников Третьяки и Глазуновский

Характеристика населения, оставившего могильники Третьяки и Глазуновский возможна через оценку степени их близости с памятниками, этнокультурная принадлежность которых установлена достаточно определённо.

Сравнение могильников Третьяки и Глазуновский наряду с общими чертами, такими как одинаково широкое распространение ножей, показывает и яркие черты отличия, в том числе – отсутствие в Глазуновском могильнике предметов сбруи, более широкое распространение западной ориентировки. Население Поволжья и заволжских степей золотоордынского времени рассматривается в качестве единого этнокультурного массива (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 149-150; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 66). А.Ф.Яминовым выявлено наличие тесной типологической связи между курганами Волго-Донского междуречья вообще и заволжскими и приуральскими могильниками (Яминов А.Ф., 1995, с. 20-22). В одной типологической цепочке оказываются памятники Волго-Донского междуречья и заволжско-приуральского региона. Вопрос заключается в выявлении особенностей населения Среднего Подонья в рамках большой этнокультурной общности.

Для сопоставления могильников Третьяки и Глазуновского и их сравнения с курганами Заволжья (западная, восточная, быковская и царевская группы) нами использованы *перечень признаков и сравнительная таблица признаков погребального* обряда кыпчакских курганов Южного Урала и Заволжья, разработанные В.А. Ивановым и В.А. Кригером (Иванов В.А., Кригер В..А., 1988, с. 81-90) (таблица15). В таблице 16 отмечены случаи совпадения или относительной близости показателей распространённости признаков выявленные при работе с таблицей 15.

Сопоставление признаков не позволило «привязать» среднедонские могильники к какой-либо одной группе. Курганы могильников Третьяки и Глазуновского демонстрируют черты типологической близости к курганам как западной, так и восточной групп Приуралья, а также к могильнику Быково III. Нельзя отрицать и их связи с Царевским могильником.

Рассмотрим вопрос связи исследуемых могильников с царёвской группой и быковскими курганами, признанными своего рода эталонными могильниками, где чистота типичных для золотоордынского периода признаков выражена очень чётко. Вопрос отличия между этими двумя эталонными могильниками исследователями решается по-разному. В.А. Иванов и В.А. Кригер отметили наличие связи между царевскими курганами и курганами западной группы, между быковскими курганами и курганами восточной группы, то есть нашли объяснение в этнографических особенностях групп кочевников (Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 60-62).

На основе результатов сопоставления этих же четырёх групп источников (западная, восточная группы, Быково, Царёв) А.Ф. Яминов пересмотрел объяснение своеобразия Царевского могильника в Заволжье, данное В.А.Ивановым и В.А.Кригером. Если отличие курганов у Царёва от массы других памятников эти исследователи объяснили особенностями этнокультурного порядка, то А.Ф. Яминов говорит о влиянии фактора социально-политического. По его мнению, в Царёвском могильнике наиболее полно представлены возможные раннемусульманские черты, в то время как в других памятниках в большей степени консервируются языческие реминисценции. Последние выражаются в наличии кострищ, костей животных, деревянных конструкций в насыпях, углей и золы в могильных ямах, присутствии конской сбруи, захоронения в колоде, северо-восточной ориентировке погребённых, наличии подстилки из коры или луба, заупокойной пищи в могиле (Яминов А.Ф., 1995, с. 20-22). Этой точке зрения не противоречат, на наш взгляд результаты исследования Г.Н. Гарустовичем, В.А. Ивановым и В.А. Кригером курганов западной группы, показавшее наличие во многих из них значительной доли раннемусульманских признаков (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989) столь чётко представленных в курганах Царева.

Не претендуя на решение вопроса о своеобразии Царевского могильника, отметим, что для этнокультурной характеристики кочевников доно-хоперского региона достаточно выявления связи с особенностями групп памятников каких-либо территорий, вне зависимости от того, в результате каких (религиозных, этнокультурных) процессов эти особенности сложились. На оригинальность Царевского могильника обратил внимание Е.П.Мыськов, указав черты его отличия от кочевнических могильников Нижнего Поволжья (Быково III, Бережновский, Скатовка, Нагавский и др.) (Мыськов Е.П., 1990, с. 149-150). Сопоставив черты своеобразия царевских курганов, выделенные Е.П. Мыськовым, с характеристиками среднедонских могильников, получаем картину, представленную в таблице 17.

Могильники Среднего Подонья обнаруживают достаточно выразительные черты типологического сходства и с Царёвским некрополем, о чём говорит как количество аналогичных показателей, так и качественные черты. Глазуновский могильник выглядит даже более раннемусульманским, чем Царевские курганы. В нём полностью отсутствуют оружие, сбруя, захоронения лошадей. Могильник Третьяки по представительности признаков, маркирующих своеобразие Царева, также вписывается в нормы Царевского могильника, даже превосходя его по безынвентарным погребениям и погребениям без оружия.

Могильник Быково III отличается от реднедонских кочевнических некрополей наличием подбойных могил, захоронениями лошадей (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1994). Эти признаки в могильниках Подонья представлены эпизодически или отсутствуют вообще.

В Заволжье огненный ритуал фиксируется в качестве особенностей отдельных могильников (Гарустович В.А., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 179). Более того, огненный ритуал и остатки тризн исследователи называют как характерную черту Приуралья. Эти черты, как выяснилось, более распространены в Приуралье, чем в Поволжье, с особенностями кочевнической культуры которого принято было их связывать (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 64). Мы не имеем возможности судить об идентичности следов кострищ в Третьяках и других могильниках и ограничиваемся упоминанием в общем аналогичных случаев.

Таким образом, согласившись с выводами исследователей о связи памятников Волго-Донского междуречья с курганами Приуралья, отметим некоторые особенности курганных могильников Среднего Подонья:

отсутствие подбойных могил;
редкая встречаемость или отсутствие захоронений коня и сбруи;
редкая встречаемость или отсутствие оружия;
отсутствие кирпичных сооружений;
высокая доля погребений без вещей;
наличие следов огненного ритуала, тризн.

В памятниках фиксируется ряд языческих признаков, нетипичных для Царевского могильника. Вместе с тем, эти реминисценции компенсируются достаточно высокой степенью выдержанности других раннемусульманских черт.

Учитывая неоднозначность оценки особенностей Царевского могильника, вытекающей из различных подходов (В.А. Иванов, В.А. Кригер, А.Ф. Яминов), остановимся на признании этнокультурной идентичности среднедонских могил памятникам Поволжья и Заволжья и Приуралья вообще. Вероятна связь могильников Третьяки и Глазуновский с западной группой курганов Приуралья, объединяющей памятники с земляными насыпями (см. Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 47).

Сама по себе общность населения, оставившего курганы западной группы была сложной. В.И. Иванов и В.А. Кригер объясняют факт наличия в этих памятниках кострищ, тризн, прямоугольной простой формы ямы, западной и северной ориентировок влиянием кимако-кипчакского населения Западной Сибири. Более того, этническую природу населения волго-уральской степи исследователи определяют как кыпчакскую, уточняя ее специфику как кимако-кыпчакскую (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 181; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 66).

Таким образом, можно допустить принадлежность значительных групп населения Среднего Подонья кимако-кипчакской общности, различные группы которой освоили в золотоордынское время Доно-Волжское междуречье. Могильники Третьяки и Глазуновский уже одними своими масштабами заявляют об изменении демографической и геополитической ситуации в регионе. Вероятно, во второй половине XIV в. происходит резкое увеличение кочевого населения хопёрского участка лесостепи за счёт миграции кочевников Заволжья.

Могильники типов III и IV

Могильники, отнесённые к типам III и IV имеют смешанный характер. В компактной группе памятников присутствуют по одному погребению с широкой могильной ямой и погребения с узкими ямами.

Могильник Лесное отличается выдержанностью в группе погребений с узкими ямами западной ориентировки, поворотом головы к югу в мужских погребениях, во всех случаях, где позволяет сохранность памятника, отмечается наличие органической подстилки. Планиграфия могильника позволяет предполагать его принадлежность одной группе кочевников: все из пяти исследованных позднекочевнических курганов сосредоточены вокруг ранней насыпи (Цыбин М.В., 1986). В целом могильник типологически близок к рассмотренным выше могильникам типа 1 Глазуновскому, Третьяки. Это даёт основания предполагать по аналогии связь Лесного с кимако-кипчакскими группами. Но этнокультурные черты основной массы погребений могильника Лесное настолько снивелированы, что поиски аналогий проблематичны. Роль фрагмента зеркала с «овами» из погребения Лесное 5, аналогии которому известны в быковской и

царёвской группах курганов Заволжья, преувеличивать в этнокультурных определениях нельзя (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1994; Яворская Л.В., 1999).

Погребение Лесное 1, выделяющееся как структурой насыпи, так и типом погребального сооружения, сложно интерпретировать в этнокультурном плане. Можно предполагать его принадлежность к памятникам высокогорского типа, с которыми его сближает форма и ориентировка ямы, наличие каменных площадок. Каменная облицовка могильной ямы напоминает конструкцию позднекудыргинских могил, с которыми мы связываем погребения высокогорского типа (один из вариантов представлен на рис.65, 1; другие см.: Гаврилова А.А. 1965, Таблица XXX; XXXI).

Локализация групп-носителей признаков восточной группы с каменными насыпями отмечена в соседнем регионе – в Среднем Подонцовье. Исследованный К.И. Красильниковым могильник у с. Черемшино любопытен с точки зрения этнокультурных определений. Автор говорит об общих чертах подонцовских памятников не только с южноуральскими, но и южносибирскими племенами (Красильников К.И., 1985, с.219). Из четырех каменных курганов у Черемшино в трех отмечена западная ориентировка, узкие ямы. В одном (№3) – северо-восточная ориентировка и широкая яма. Набор признаков, связывающих курган с южносибирским населением, родственным памятникам типа позднего Кудыргэ, Часовенной горы (Гаврилова А.А., 1965) дополняет пиаловидный серебряный сосуд, также типичный для южносибирских кочевников. Могильник Черемшино аналогичен могильнику Лесное: погребения с широкой ямой и северо-восточной ориентировкой сопровождается погребениями с бедным инвентарем и ориентировкой на запад. Могильники отличает только тип насыпей: каменные конструкции в Лесном присутствуют только в кургане 1 (с широкой ямой). Черты сходства могильников Лесное и Черемшино дают возможность распространить предположение о южносибирском происхождении курганов и на памятники у Лесного.

Вместе с тем, сочетания широкой ямы и каменных конструкций в насыпи мы встречаем среди широтных могил с захоронением лошади в восточной группы курганов Приуралья (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 46). Курганы восточной группы, по мнению А.Ф.Яминова, достаточно чётко определяются как «памятники пришельцев» с территории Алтая и Центральной Азии. На основе совпадения данных археологии, этнографии и лингвистики исследователь предположил присутствие в районе восточной группы курганов непосредственных носителей монгольского языка (Яминов А.Ф., 1995, с. 24). Локализация могильника в хоперской части Среднего Подонья, на территории распространения памятников кимако-кипчакского облика также косвенно свидетельствует о соответствующем происхождении курганов у Лесного.

Таким образом, наиболее вероятной представляется принадлежность могильника у Лесного южносибирским группам. Особенности этой связи - непосредственная миграция кочевников из Южной Сибири, предгорий Алтая, или переселение тех из них, которые освоили восточное Приуралье (ареал каменных курганов) – остаются непонятными.

I Власовский могильник, отнесённый к типу III, характеризуется выдержанностью такого признак как впускной характер погребения. В этом могильнике не отмечено ни одного случая западной ориентировки, кыблы, безынвентарного характера погребения (табл. 5). В одном из погребений зафиксирована обугленность костей скелета. Ориентировки разнообразные и практически не повторяются: север, северо-восток, юг, северо-запад (?). В погребении 3/2 с широкой ямой в заполнении встречены угли. Погребение ограблено и не даёт достаточной для реконструкций информации. Ориентировки, уголь в заполнении соответствуют представлениям о западной группе курга-

нов. Хронологическая позиция могильника довольно «размыта» в пределах золотоордынского периода, не доказана его принадлежность к раннемусульманскому отрезку истории кочевников, в котором, по нашему мнению, происходит освоение Подонья заволжскими и приуральскими кочевниками. Вероятно и то, что население, оставившее Власовский могильник мигрировало в доно-хоперское междуречье ранее основной массы восточных кочевников, в первые десятилетия монгольского нашествия. Облик памятников не даёт оснований связывать их с местным, доордынским населением, и остаётся предполагать их принадлежность кимако-кипчакским группам.

Этнокультурная характеристика кочевников Среднего Дона

Выше, на основании данных могильников, где сущность культуры представлена в приемлемом для выявления общих тенденций материале, мы проследили особенности освоения территории Среднего Подонья в золотоордынский период. Картину дополняют одиночные курганы и погребения из фрагментарно сохранившихся могильников (Караяшник). Можно говорить о том, что во второй половине XIII в. на фоне сохранения местного половецкого элемента придонские маршруты кочевок занимают группы с чертами культуры алтайских кочевников. Эти группы оставили памятники высокогорского типа. Как известно, представителей знати было принято хоронить на собственной территории. И на юге (Высокая Гора) и на севере маршрута (Олень-Колодезь) отмечены аристократические некрополи.

Более чем вероятна связь с этими памятниками и погребений с северной ориентировкой Новомеловатка и Новый Буравль, которые расположены на этом же маршруте. Погребение Новомеловатка с широкой могильной ямой относится к типу ШАШ, содержит фрагмент кольчуги и позолоченного изделия.

Погребение у Нового Буравля с высокогорскими сближает наличие пиаловидного серебряного сосуда, типичного для южносибирских кочевников, казана, золотых украшений, принадлежность к одному маршруту кочевания. Подробного описания памятника нет. Мы уже высказывали предположение о его более поздней хронологической позиции по отношению к могильникам Высокая Гора и Олень-Колодезь, выразившейся в результатах эволюции аристократического вещевого комплекса, когда в погребении остаются в основном только социально атрибутированные предметы.

Что касается «рядовых» памятников этого периода, сосредоточенных в западной, придонской части региона, то к ним следует отнести могильник у села Караяшник. Его хронологическая позиция в рамках золотоордынского периода не вполне ясна. Не исключено, что он относится к раннемусульманскому времени. Впускное погребение с северной ориентировкой Лофицкое - ограблено. Оно находится недалеко от Высокой Горы. На этом же участке северостепного Подонья выявлен и курган с погребениями середины-второй половины XIV в. у Вервековки (Вервековский 2/1, 2/2). Эти памятники имеют ряд типичных для этого периода черт – западная ориентировка, небольшие объемные показатели сооружений. Не исключена их принадлежность к раннемусульманской культуре кочевников. С погребениями Высокой Горы их сближает такие признаки как кольцевой ров, размещение могильной ямы у основания ранее сооруженного кургана, устройство деревянной стены сбоку покойника (последнее, впрочем, может играть роль облицовки).

Учитывая освоенность этой территории кочевниками, оставившими погребения высокогорского типа (типа этносоциального порядка – объединяющего ряд этно-

культурных и социальных признаков), можно допустить связь с ними указанных памятников, но с уверенностью говорить об их этнокультурной идентичности нельзя.

Таким образом, ситуация в Среднем Подонье дополнила представления об освоении восточноевропейской зоны южносибирскими племенами. Но оценка места этих кочевников в этнокультурной картине остается проблематичной. К.И. Красильников объясняет сложности в этнокультурной характеристике населения Половецкой земли монгольского времени немногочисленностью пришлых групп (Красильников К.И., 1985, с.219).

Интерпретация материалов кургана у села Марки также сложна. Западную ориентировку погребения, датируемого по монете серединой-второй половиной XIV в. можно объяснять и влиянием известных религиозных реформ, и реликтовой чертой местной печенежско-торческой культуры. Последнее менее вероятно, так как известна слабая освоенность территории в домонгольское время. В первом же случае этнокультурная характеристика едва ли возможна. Погребённый может принадлежать как к половецкой общности, памятники которой известны в этой части лесостепи (могильник XIV в. в Ст. Калитве), так и к пришлым группам кочевников.

В восточной, прихоперской части среднедонского бассейна к началу монголо-татарского вторжения можно предположительно отнести происхождение I Власовского могильника. Остальные памятники имеют более зрелый облик, выглядят вышедшими из заволжско-уральского «этнического котла», население, хоронившее в этих могильниках, уже вступило на путь религиозной реформы. Погребения в кургане 1 III Шляховского могильника демонстрирует черты типологического сходства с курганами Быковской группы и Нижнего Поволжья. С близкой Быково восточной группой их связывает и наличие разнотипных стремян (см. № 168 в таблице).

Погребение Ветютнев 2/3 обнаруживает ряд черт типологического сходства с погребением I Власовский 10/2 (впускной характер, северо-восточная ориентировка, длинная яма). Можно предполагать его принадлежность к освоившим правобережье Волги кимако-кипчакским группам.

В раннемусульманском мавзолее под курганом 2 I Шляховского могильника мы видим памятник с практически утерянными этнокультурными чертами. Вероятна его близость к мусульманским могильникам кочевников волжского ареала.

Обращает на себя внимание ряд черт среднедонских памятников золотоордынского периода. Прежде всего, это особенности материальной культуры: отсутствие онгонов – фигурок человека; отсутствие типичного для урало-волжских кочевников устойчивого комплекса вещей: подвески типа VI, берестяные трубочки «бока», цилиндрические подвески и монет середины XIV-XIV вв. (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А ., 1989, с. 180); отсутствие орнаментированных накладок на колчаны. Из костяных украшений известны накладки на седло: одна - находка у с. Рыкань (рис. 54, II, 1) и из погребения I Власовский 15/3.

Столь распространённый как в Заволжье, так и в европейских степях продукт городской ремесленной культуры - орнаментированные накладки у кочевников Среднего Подонья отсутствует. С учётом достаточно высокой представительности среди погребенных людей с высоким социальным статусом, претендующим на столь качественные изделия, данная ситуация выглядит необычной. В мусульманский период теряется обычай помещать в могилы оружие, а вместе с ним и смысл в поиске орнаментированных колчанов. В языческий же период отсутствие таких накладок может свидетельствовать о недостаточной связи между населением Среднего Подонья и городскими центрами. Это косвенно подтверждает высказанное нами предположение о принад-

лежности ряда памятников Подонья восточным, алтайским группам, пришедшим из мест локализации домонгольского времени непосредственно и не освоивших элементы культуры урало-волжского бассейна (в том числе и использование орнаментированных колчанов). В то же время, ювелирные изделия – брошевидные нашивки на одежду – из могильника Высокая Гора имеют аналогии в пограничном с Поволжьем мавзолее (I Шляховский 2). Таким образом, затронутый вопрос остается открытым.

Отсутствие онгонов можно объяснить также на уровне гипотез. Можно предположить некоторую культурную обособленность Среднего Подонья от восточных территорий. В этих условиях консервация одних традиций, отказ от других и внедрение новых происходят не только в виде общих тенденций, но и как региональная особенность. Так, например, сохранение огненного ритуала и отказ от онгонов оказываются явлениями одного порядка, различными проявлениями эволюции культуры.

Приведенные наблюдения показывают, что процесс исламизации, хотя и шел по общим законам, проявившимся в примерно одинаковой популярности ряда раннемусульманских обычаев, отношение к этнически определённым языческим традициям было у кочевников евразийской степи неоднозначным. Следовательно, характер принятия ислама имел частные проявления.

Локальный характер процесса исламизации южноуральских кочевников, как волю сепаратистски настроенных после смерти Джанибека (1357 г.) «заяицких» правителей, предположили исследователи урало-волжских погребений (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 41; Гарустович Г.Н. и др., 1989, с. 180, 181). Принятие ислама мотивировалось в этом случае стремлением утвердить свою власть при помощи использования новой идеологии и преодоления старой, связанной с прошлыми государственными традициями. Вероятно, поэтому языческие пережитки как элемент преодолеваемой государственной идеологии в этом регионе изживаются столь активно, что теряются такие характерные черты как обычай огненного ритуала, тризны и другое.

Как было сказано, этническую природу населения волго-уральской степи исследователи определяют как кыпчакскую, уточняя ее специфику как кимако-кыпчакскую (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989, с. 181). Как известно, половцы, кыпчаки, команы - названия одного этноса, фигурирующие в древнерусских, восточных и западноевропейских источниках. Перешедшие в XII в. на Волгу группы попали в поле зрения древнерусского населения и были названы половцами.

Половцы и кыпчаки Заволжья и Приуралья имели свои этнокультурные особенности, различия в культуре, в частности, в погребальной практике, позволившие В.А.Иванову и В.А.Кригеру пересмотреть традиционную точку зрения о совпадении западных границ Половецкой земли и Дешт-и-Кыпчак. В качестве западной границы последней области исследователи принимают Волгу, которая является восточным рубежом Половецкой земли (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 68). Показательно, что и соседи половцев представляли их границы таким же образом, о чем можно судить по словам русской летописи: «Вся половецкая земля между Волгой и Днепром» (ПСРЛ, 11, с. 155).

Подчеркнутое своеобразие культур половцев и кыпчаков позволяет при этнокультурной характеристике кочевников Среднего Подонья использовать этноним «кыпчаки» как особое понятие, отличное от этнонима «половцы», обозначающего кочевников, пришедших в регион ранее, в XII - начале XIII вв. Выше мы приводили мнение о погребениях с сочетанием признаков западной ориентировки и захоронения целого остова лошади как исламских половецких. Вероятно, подобные погребения могильника Третьяки так же не следует безоговорочно характеризовать как половецкие.

Мы не располагаем соответствующей статистикой Заволжья, но в пограничных ему приуральских могильниках дважды отмечены погребения с захоронением лошади на горизонте древней поверхности, аналогично курганам могильника Третьяки (рис. 50, 1; 53, 1) (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, с. 86).

Таким образом, одно из направлений проникновения в донскую лесостепь ислама связано с приходом раннемусульманских кимако-кыпчакских групп. Поскольку нижняя хронологическая граница рассматриваемых религиозных процессов определена серединой XIV в., то есть смысл и прихоперские курганы датировать серединой - второй половиной XIV в. Наиболее вероятна связь кыпчаков, пришедших в Прихоперье, с населением, оставившим западную группу курганов Приуралья.

Отсюда следует вывод общего характера об усилении во второй половине XIV в. военно-политической активности Золотой Орды, связанной с освоением южнорусской лесостепи, где уже кочевали золотоордынские языческие группы алтайского происхождения, а также половцы. Причиной этой активности могли быть известные политические раздоры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги предпринятому исследованию курганов золотоордынских кочевников, отметим перспективность использования классификации погребений, основанной на комплексном учёте разнообразных характеристик памятника. Принятая типология позволила выйти на социальные и этнокультурные реконструкции, решить и поставить ряд вопросов.

Выделенные критерии различных аспектов социального статуса погребённых получили подтверждение в ходе изучения элементов общественной системы. Так социальная атрибуция посуды показала высокий статус погребённых в «бедных» могилах, послужила одним из критериев раннемусульманского характера погребений. В свою очередь выделенные раннемусульманские погребения демонстрируют исчезновение посуды из женских комплексов, объяснимое известным фактом более низкого в мусульманском, чем в языческом обществе статуса женщины. Это оправдывает использование посуды в качестве социального атрибута.

Анализ накопленного материала показал резкое увеличение кочевого населения в Среднем Подонье в золотоордынскую эпоху. Сохраняются половецкие кочевья. Территорию, во всяком случае её восточную часть осваивают кочевники волжского бассейна. Придонской маршрут кочевок занимают восточные группы, имеющие корни среди этносов алтайских предгорий. Этнополитическая активность в мире заволжско-уральских кочевников в XIV в. приводит к вторжению кимако-кипчакских групп памятники которых размещаются преимущественно в прихоперской части среднедонского бассейна.

Религиозно-конфессиональная ситуация развивается в среднедонском регионе по общестепным законам, связанным с привлечением ислама для решения политических задач. При этом следует предполагать не один - волжско-уральский, а, по крайней мере, два центра исламизации. Нельзя исключать влияния на придонских кочевников мусульманской культуры оседлого населения (Красный хутор).

Изучение вопросов сосуществования на территории Среднего Подонья кочевых и оседлых групп сделает картину более полной, но эта проблема выходит за рамки рассмотренной темы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГПИ	–	Воронежский государственный педагогический институт
ВГПУ	–	Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ВУАК	–	Воронежская ученая архивная комиссия
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ДА	–	Донская археология
ЗРАО	–	Записки Русского археологического общества
ИАК	–	Императорская археологической комиссии
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии наук
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ	–	Московский государственный университет
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
ТД	–	Тезисы докладов

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X - XIV вв. // СА. № 1.

Березуцкий В.Д., 1989. Новые данные о поздних кочевниках из левобережья Среднего Дона // Исследования памятников археологии Восточной Европы. - Воронеж.

Березуцкий В.Д., Кравец В.В.2005. Погребение половца на юге Воронежской области// Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж.

Бернштам А.Н., 1952. Историко-археологичесукие очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. - М.-Л.

Бойков А.А., Кравец В.В., 1991. Погребения золотоордынского времени из могильника «Высокая Гора»// Елец и его окрестности (ТД).- Елец

Бунятян Е.П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). - Киев.

Бранденбург Н.Е., 1895. К какому племени могут быть причислены те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойником погребены остовы убитых лошадей // Тр. ХАС. Т. 1. - М.

Васильева И.Н., 1988. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар (очерки ремесленной деятельности). - М.

Васильева И.Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды. - Куйбышев.

Винников А.З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – XI вв.). – Воронеж.

Винников А.З., Афанасьев Г.Е., 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. - Воронеж.

Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки // Археология Доно-Волжского бассейна. - Воронеж.

Гаврилина Л.М., 1986а. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X - XIV вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. н. - М.

Гаврилина Л.М., 1986б. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X - X1У вв. Дисс. ... канд. ист. н. - М.// Архив ИА РАН.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М., Л.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Кригер В.А., 1989. Курганные могильники ранних мусульман Южного Приуралья и Западного Казахстана // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. - Воронеж.

Горелик М.В., 1987. Ранний монгольских доспех (IX - первой половины XIV в.). // Археология. этнография и антропология Монголии. - Новосибирск.

Городцов В.А., 1907. Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. // Тр. XIII АС. Т.II. - М.

Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. - Новосибирск.

Добролюбский А.О., 1981. Кочевники конца IX - XIV веков на Западе Северного Причерноморья (проблемы этнического и социального развития по археологическим данным). Автореферат дисс. ... канд. ист. н. - Киев.

Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. - Киев.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв., 1950. - М.-Л.

Евглевский А.В., 1990. О влиянии ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца (ТД). - Луганск.

Евтюхова Л.А., Кисслев С.В., 1941. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. Вып. XVI., М.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. - М.

Ефимов К.Ю., 1999 а. К вопросу о взаимоотношениях оседлого и неоседлого населения Червленого Яра во второй половине XIII- начале XIV вв. (в свете новых археологических открытий) //Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. - Липецк.

Ефимов К.Ю., 1999б. Позднекочевническое захоронение в лодке у села Старая Калитва // Проблемы археологии бассейна Дона. - Воронеж.

Ефимов К.Ю., 2000. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // РА, №1.

Засецкая И.П., 1968. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА, № 2.

Зверев С.Е., 1893. Воронежские древности // Памятная книжка Воронежской губернии за 1893 год. - Воронеж.

Зяблин Л.П., 1955. О «татарских» курганах. // СА, XXII.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. - М.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988. Курганы Миусского полуострова.- Ростов на - Дону.

Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1-36.Ч. 2.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIIIвв. // САИ. Вып. Е 1-36. - Л.

Кравец В.В., 2001а. Погребения кочевников X-XIV вв. на юге Воронежской области // Верхнедонской археологический сборник. Вып.2. - Липецк.

Кравец В.В., 2001 б. Раннемусульманские погребения кочевников в Среднем Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж.

Кравец В.В., 2004а. О типологии погребальных памятников поздних кочевников Среднего Подонья. //Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж.

Кравец В.В., 2004б. Поясные наборы золотоордынских кочевников Среднего Подонья // Археологические памятники бассейна Дона . - Воронеж

Кравец В.В., Березуцкий В.Д, Бойков А.А., 2000. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая Гора» на юге Воронежской области. // Донская археология. №№ 3-4.

Кравец В.В., Бойков А.А., 1996. Металлическая посуда в погребениях кочевников золотоордынского времени в лесостепном Подонье. /Археологические исследования высшей педагогической школы. - Воронеж.

Крамаровский М.Г., 1974. Торевтика Золотой Орды XIII - XIV вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. н. - Л.

Крамаровский М.Г., 1976. К атрибутации золотоордынского ковша с тюркской надписью // Культура и искусство Индии и Дальнего Востока. Л.

Красильников К.И. , 1985. К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонцовье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15.

Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. – Волгоград.

Кызласов И.А., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв.// САИ. Вып. Е3-18.

Левашева В.П., Белореченские курганы // Тр. ГИМ. Вып. XXII. - М.

Левашева В.П., 1960. Золотоордынские памятники Воронежской области. // Тр. ГИМ. Вып. 37. - М.

Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII - XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. - М.

Мамонтов В.И., 1990. Могильники XIV в. Заволжья и Волго-Донского междуречья // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца (ТД). - Луганск.

Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1994. Средневековые погребения курганного могильника Быково III // Древности Волго-Донских степей. Вып.4. –Волгоград.

Массон М.Е., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). - Л.

Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979. Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области //Археология Восточноевропейской лесостепи. - Воронеж.

Матвеев Ю.В., Цыбин М.В., 1999. Таганский грунтовой могильник // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий.- Липецк.

МедведевА.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII - XIV вв.// САИ. Вып. Е 1-36. - М.

Мельник В.И., 1993. Погребальный обычай и погребальный памятник. // РА, №1.

Мец Н.Д., 1948. К вопросу о торках // КСИИМК. Вып XXII. - М.

Минасян Р.С.,1980. Четыре группы ножей Восточной Европы //АСГЭ, № 21.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И., 1990. Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск.

МыськовЕ.П.,1990. Курганный могильник у Царевского городища // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца (ТД). - Луганск.

Нестеров С.П., 1988. Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск.

Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж, 2002.

Ольховский В.С., 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. №1.

Ольховский В.С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2.

Отчет ИАК за 1905 год., - СПб, 1908.

Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, № 62.

Плетнева С.А., 1962. Половецкие погребения в урочище Каменная Балка //Археологические раскопки на Дону. - Ростов н/Д.

Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е - 1-19.

Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е - 4-2.

Плетнева С.А., 1982. Кочевники Средневековья. - М.

Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV-XIII вв. – Воронеж.

Погорелов В.И., 1985. Раскопки курганов на юге Воронежской области // Археологические памятники на европейской территории СССР. - Воронеж.

Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. -Л

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв). М.

Синюк А.Т., 1993а. К вопросу о социальном устройстве ямно-катакомбного общества в бассейне Дона // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. ТД, Тула.

Синюк А.Т., 1995. Отчет к Открытому листу № 75 о проведении раскопок в Богучарском районе Воронежской области в 1994 году. - Архив ИА РАН

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. - Воронеж.

Синюк А.Т., Кравец В.В., 1999. Гуннское погребение на юге Воронежской области // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. - Липецк.

Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986. Исследования курганов в левобережье Среднего Дона // СА. № 1.

Спицын А.А., 1896. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // ЗРАО. Новая серия. Т.VII. Вып. 1-2

Спицын А.А., 1899. Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО. Новая серия. Т.II. Вып. 1 - 2.

Спицын А.А., 1914. Новые приобретения Саратовского музея // Изв. ИАК. Вып. 53.

Спицын А.А., 1927. Татарские курганы // Изв. Таврического об-ва археол. и этногр., т. 1.Симферополь.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.- М., 1981.

Татищев В.Н. История Российская. Т. 3. - М. - Л., 1965.

Тропин Н.А., 1999. Золотоордынские находки в Верхнем Подонье // Археология Восточно-европейской лесостепи. Вып. 13. Евразийская лесостепь в эпоху металла. - Воронеж.

Трунов М.П., 1902. Раскопки в Бобровском уезде // Труды ВУАК. Вып 1.

Фабрициус И.В., 1957. Археологическая карта Причерноморья. – М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. - М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1963. Кочевники Восточной Европы в X - XIV вв. Дисс. ... докт. ист.н. Т.3., М. // Научная библиотека МГУ.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. - М.

Федорова Н.В.,1991. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследование по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы.- Ижевск.

Цыбин М.В., 1986. Погребения средневековых кочевников X-X1У вв. в Среднем Подонье // СА. № 3.

Цыбин М.В., 1987а. Юго-восточная окраина Руси в X11-X1У вв. (по данным археологии). Автореферат дисс. ... канд. ист. н. - Киев.

Цыбин М.В., 1987б. Древнерусские памятники второй половины X111-X1У вв. в Среднем Подонье //Археологические памятники эпохи железа Восточно-европейской лесостепи. - Воронеж.

Цыбин М.В., 1993. Древнерусско-половецкое пограничье второй половины XII - XIV вв. в Подонье // Археология и история юго-востока древней Руси. Материалы научной конференции. - Воронеж.

Цыбин М.В., 1999. Половцы и Рязанская земля // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Европейская лесостепь в эпоху металла. - Воронеж.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Поорелья //Курганы степного Поднепровья. - Днепропетровск.

Швецов М.Л., 1980. Котлы из погребений средневековых кочевников. //СА. №1.

Шенников А.А.,1987. Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIII-XIV вв. - Л.

Шоков А.Ф.,1960. К половецким древностям на Дону // Изв. ВГПИ. Т.31. - Воронеж.

Шоков А.Ф., 1964. Половецкие памятники Подонья // Изв. ВГПИ. Т.45. - Воронеж.

Шоков А.Ф., 1967. Каменное изваяние на кургане (к половецким памятникам Подонья) // Изв. ВГПИ. - Воронеж.

Яминов А.Ф., 1995. Южный Урал в XIII-XIV вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. н. - Ижевск.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕГО ДОНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII-XIV ВВ.)

1-2. Могильник Высокая Гора. Село Дьяченково, Богучарский район Воронежской области (здесь и далее см. карту, рис. 1).

1. Высокая Гора 2 (рис. 23). Погребение основное. Высота насыпи 1,46 м, диаметр по линии З-В - 34,0 м, по линии С-Ю - 29,0 м. Оплыв насыпи был значительнее в южном секторе (рис. 23, II). Стратиграфия: 0,1 - 0,15 м - дерн, ниже - однородная прослойка чернозема мощностью в центре до 1,5 м. Погребенная почва - гумусированная супесь (0,35 м), подстилающаяся слоем светло-коричневой глины (0,25 м) и, глубже, - щебнем (0,1 м), за которым следовал материк. Общая мощность напластований в центре составила 2,1 м.

Последовательность сооружения кургана представляется следующим образом: выкид из единственной могильной ямы в центре был тщательно утрамбован на погребенной почве. В плане выкид имеет вид подковы, ориентированной несомкнутой частью на запад. После засыпки могильной ямы была подсыпана из чернозема овальная площадка, направленная длинными сторонами по линии ССЗ-ЮЮВ. По периметру площадки были сделаны кладки из плоских камней (мелкозернистый песчаник). Одна из десяти кладок - с восточной стороны - отличается прямоугольной формой. Ее размеры - 3,7х3,0 м, толщина - 0,3 - 0,5 м. Длинными сторонами кладка ориентирована по линии С-Ю, возможно, служила жертвенником. Другие кладки не имели столь четких очертаний, а самая меньшая из них состояла всего из нескольких камней.

Между камнями всех кладок обнаружены древесные угольки - следы костров, а между камнями прямоугольной кладки встречены, кроме того, мелкие дробленые кости животного (животных ?). Затем вокруг могильной ямы была выполнена обваловка из прокаленного докрасна грунта. Эта насыпка с запада несомкнута, здесь она особенно широкая и накрывает собой каменную кладку. С внешней восточной стороны обваловка выступает тремя «мысами». Мощность ее колеблется от 0,5 до 0,8 м, в сечении пласт имеет форму линзы. Над могилой из жердей толщиной до 0,1 м была возведена шатрообразная конструкция, которая перед насыпкой кургана была сожжена (найдены угли, обгорелые плахи, ориентированные радиально).

Могильная яма имела прямоугольную форму с сильно закругленными углами 2,65х3,45 м и была ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 23, II, III). По длинной оси яма разделена перегородкой на две камеры - восточную и западную. Западная камера приподнята над восточной на 0,1 м. Перегородка представляла собой хорошо сохранившуюся деревянную конструкцию: почти вертикально, с небольшим уклоном в южную сторону поставленные плахи толщиной 0,15-0,2 м подпирались у основания положенным с запада бревном. Для лучшего закрепления перегородки с севера и юга на стенках были устроены небольшие пологие уступы во всю глубину ямы. Западная стена имеет небольшой уклон ко дну, северо-восточный и юго-восточный углы ее имели небольшие подбои. В северо-восточном подбое выявлены остатки органики светло-коричневого и коричневого цветов толщиной 2-4 см. Глубина западной части ямы 1,4-1,65м, восточной 1,55-1,75 м. Пол хорошо зачищен, а в восточной камере обмазан глиной серого цвета и выкрашен мелом.

Западная часть ямы оказалась пустой. В восточной половине стоял гроб (следов крышки не отмечено). Его длина 2,3 м, ширина торцевых сторон 0,8 (северная) и 0,5 м (южная). Боковые стенки изготовлены из двух слоев досок, сшитых коваными

железными скобами с кольцами и гвоздями по всему периметру (рис.23, *1*). Дощатый пол состоял из пяти-шести досок шириной 0,1-0,15 м и толщиной 3-5 см. Торцевые части изготовлены из цельных хорошо обтесанных кусков бревен, в которых были устроены пазы для крепления длинных стенок. Пол был застелен войлоком. Севернее гроба находились остатки органики светло-коричневого и коричневого цветов.

Погребенный мужчина примерно 35-40 лет высокого (до 2,0 м) роста лежал вытянуто на спине головой на север (рис. 23, III). Руки его вытянуты вдоль скелета, правая кисть положена на таз, голова слегка наклонена к левому плечу. Под черепом органика была особенно обильной, вероятно, здесь находилась войлочная подушка (рис. 23, III, *30*). Правая нога согнута в колене из-за положенной под нее железной кольчуги (рис. 23, III, *32*). Сохранность ее неудовлетворительная, удалось проследить лишь несколько звеньев, где фиксируется соединение колец. Диаметр колец 8 мм, сечение круглое - 2,0 мм, вес кольчуги 18 кг.

В северо-восточном углу гроба находился железный шлем (рис. 24, *15*), оснащенный железной бармицей, которая была подвернута внутрь. Внутри шлема найдены остатки головного убора из войлока и кожи. Наступательное оружие представлено наконечниками копья (тип I) и стрел (в берестяном колчане), кольцом для стрельбы из лука (рис. 23, *17, 7-14*). Положение наконечника копья свидетельствует о его первоначальном местонахождении на гробе. На него была насажена крупная птица (сохранились кости) (рис. 23, III, *35*).

У левой руки лежал берестяной колчан, на котором видны следы крепления: пробитые или проколотые отверстия и деревянные накладки с деревянными шипами. Кольцо для предохранения пальца при натяжении и спуске тетивы (рис. 24, *14*) найдено в колчане, судя по положению, оно было надето на оперение стрелы.

Шесть наконечников стрел, находившихся в колчане представлены следующимитипами (рис. 24, *7-12*): остролистный с гофрированным у перехода в перо черенком, пропорции пера 1 : 3 (близок к типу 61) (рис. 24, 10); ромбовидный с прямыми сторонами и плечиками с наибольшим расширением в верхней части (тип 52) (рис. 24, *11*); кунжутолистный (тип 72) (рис. 24, 12); три наконечника относятся к бронебойным (рис. 24, *7-9*). Их сохранность плохая. Наконечники реконструируются как узкие шиловидные или пирамидальные квадратного, ромбического и треугольного сечения (близки к типу 95). Характерный перехват не прослежен, возможно, из-за коррозии. Сохранился также фрагмент древка с вырезом для тетивы. Кинжал в деревянных ножнах, лежал на левом бедре у кисти руки (рис. 23, *18*; 24, *18*).

Набор бытовых предметов включал кресало брусковидной фигурной в сечении формы с кремнем (рис. 24, *4,3*), которые находились в кожаном чехле на правом бедре погребенного (рис. 23, *3,4*) и двусторонний деревянный гребень, лежавший чуть ниже головы умершего (рис. 23, *16*; 24, *16*). Кроме того, в могиле обнаружены два металлических сосуда. Под локтем правой руки, перевернутая вверх дном лежала серебряная шаловидная чаша (рис. 23, *6*; 24, *6*). В юго-восточном подбое вверх дном, накрывая кости барана, лежал бронзовый казан (рис. 23, *19*; 25, *19*). Дно и стенки сосуда закопчены, имеют следы ремонта.

Пара стремян располагалась севернее гроба (рис. 23, *20*; 25, *20*). Их расположение таково, что они, вероятно, были брошены в яму. Стремена близки к типу BII. На одном из них и на некоторых участках скелета находились куски ткани, прошитые золотой нитью по предположительно шелковой основе. На правой руке погребенного лежали кольца уздечки и звенья двусоставных удил (рис. 23, *2,5*; 24, *2,5*).

В ногах найдена кожаная подошва сапога с заостренным носком и бусина из черного стекла, которая была, вероятно, нашита на сапог (рис. 23, *31*; 25, *31*). Остатки матерчатой сумки отмечены в районе пояса погребенного. Здесь же зафиксирован поясной набор (рис. 23, *21-29*; 25, *21-29*). Пряжка его отсутствовала (не сохранилась?) Бляхи выполнены из серебряного сплава с позолотой: квадратные (3 экз.), в форме геральдического щита (2 экз.), трехлопастные без колец (8 экз.), трехлопастные с подвижным кольцом (2 экз.), скобовидные (3 экз.), конечная бляха. Крепление всех блях штифтовое. Порядок их расположения на поясе не установлен. Слева от черепа найдена золотая проволочная серьга диаметром 3,0 см. (тип I) (рис. 23, *30*; 25, *30*).

По вещевому комплексу погребение кургана 2 датируется второй половиной XIII-XIV вв. Уточнить хронологию позволяют облик древка, которое по глубине выреза и характерному утолщению (рис. 24, *13*) следует отнести к середине XIII-первой половине XIV вв. (Медведев А.Ф., 1966, с131, табл. II, рис. 6-7), и деталей пояса, техника украшения которых типична для золотоордынского времени, причем в большей степени для XIV века (Крамаровский М.Г., 1974, с. 18-19). Наиболее вероятной является принадлежность памятника концу XIII - началу-первой половине XIV вв.

2. Высокая гора 3/2 (рис. 26, 27). Высота насыпи от современной поверхности составляла в восточной части 1,65 м, в западной 0,95 м. Диаметр по линии С-Ю 32,0 м, запад-восток 14,0 м (рис. 26, *1*). Визуально до раскопок наблюдались три едва выделявшиеся вершины насыпи. Стратиграфия наслоений следующая: под дерновым слоем залегала однородная насыпь из гумусированной супеси мощностью в центре до 1,4 м. Погребенная почва (0,2 м) имела серый цвет и четко фиксировалась визуально. Материк - плоский щебень и однородная желтая глина.

При сооружении кургана был разрушен и перекрыт насыпью курган скифского времени. До устройства насыпи был выкопан кольцевой ров шириной 1,0 - 1,1 м и глубиной 0,5 - 0,6 м в материке. Его диаметр 12,0 - 13,0 м. Заполнение состояло из чернозема, а в восточной и южной частях встречались небольшие меловые и песчаниковые камни. Погребение с северной, западной, южной и юго-восточной сторон было окружено прямоугольными ямами-«кенотафами», вырытыми с уровня погребенной почвы. Длинными сторонами они ориентированы по линии СВ-ЮЗ (рис. 26, I, *1-4*). Ямы имели длину от 1,0 до 1,8 м в материке. Заполнение состояло из чернозема. Вокруг ям были уложены плоские песчаниковые и меловые камни. В яме 3 на дне найдена песчаниковая плита 0,4 х 0,7 м толщиной 0,25 м. Выкид из впускного погребения имеет в плане форму подковы с закругленными краями, ориентированными на юг - юго-запад. После создания погребального сооружения, устройства погребения и ям-«кенотафов» курган был досыпан однородным черноземом.

Захоронение имеет черты культурно-хронологической и социальной идентичности с погребением кургана 2 этого могильника. Здесь была похоронена женщина 20 - 25 лет в могильной яме 2,45 х 2,6 м почти квадратной формы с закругленными углами (рис. 26, II). Глубина ямы 1,75 м в материке, длинной осью она ориентирована по линии С-Ю.

Конструктивные особенности ямы почти такие же, как кургане 2. Перегородка представляет собой вертикально поставленные плотно пригнанные деревянные плахи высотой 1,3 - 1,5 м и шириной 0,15 - 0,2 м. Крайние плахи входят в пазы северной и южной стен. Бревно, подпирающее перегородку снизу (как в погребении кургана 2) отсутствовало. Западная стена ямы пологая, восточная с небольшим уклоном, почти вертикальная. В северной и южной стенах устроены подбои. Западная камера приподнята над восточной на 0,05 - 0,15 м, в результате чего образовалась ступенька.

В восточной камере на остатках органической подстилки светло-коричневого и коричневого цвета стоял деревянный гроб без следов крышки (рис. 26, II). Его длина 2,1 м, ширина северной торцевой стенки 0,7 м, южной 0,5 м. Каждая из боковых и торцевых стенок представляла собой хорошо обработанную доску. Стенки крепились железными гвоздями. По периметру гроб был скреплен скобами с кольцами (по три с торцевых и по шесть с боковых сторон), а также тонкими (0,5 - 1,0 мм) и неширокими (1,5 - 2 см) железными полосами, образовавшими своеобразную сетку под днищем гроба и на стенках. Пол сделан из хорошо пригнанных четырех-пяти досок шириной 0,1 - 0,15 м и толщиной 2 - 4 см, застелен войлоком толщиной 2 - 4 мм, как и пол под ним.

Погребенная женщина лежала вытянуто на спине головой на север. Руки вытянуты вдоль скелета. Голова слегка повернута к левому плечу (рис. 26, II). Под черепом, на правом плече и левой кисти скелета наблюдались остатки одежды, предположительно, шелковой (сохранить ее не удалось). Обшлага рукавов от локтя до запястья были вышиты в виде вертикально петляющей линии серебряной нитью с мелким бисером (рис. 27, *23*). В нереконструируемых остатках одежды найдены серебряные позолоченные крючки на тонких пластинках из фольги, служившие для застегивания рукавов (рис. 26, *13*, *21*; 27, *13, 21*). У правой ключицы находились нашитые на одежду две янтарные бусины близкой к биконической формы (рис. 26, *11,12*; 27, *11, 12*). В складках одежды под нижней челюстью лежали две проволочные золотые подвески (тип VI) (рис. 26, *14,15*; 27, *14,15*). На среднем пальце левой руки находился золотой перстень со стеклянной вставкой на подквадратном щитке и орнаментом-сканью (рис. 26, *19*; 16, *19*). В области шеи обнаружена нашивка на одежду квадратной формы с петлями для крепления (рис. 26, *4*). Серебряный пластинчатый с профилированными краями браслет обнаружен между правой рукой и тазовыми костями (рис. 26, *20*; 27, *20*).

В области тазовых костей погребенной найдены золотые украшения, которые крепились к поясу или собственно одежде. Нашивки представлены следующими типами: брошевидные - 3 экземпляра (рис. 26, *6*; 27, *6*), в виде восьмилепестковой розетки с завитками орнамента - 3 экземпляра (рис. 26,*7*; 27, *7*); в виде восьмилепестковой розетки с неорнаментированными лепестками - 2 экземпляра (рис. 26, *5*; 27, *5*). На одежде в области груди найдены три квадратные вставки из стекла от несохранившихся украшений (рис. 26, *16, 17*; 27, *16, 17*). Между позвоночником и правой рукой погребенной найдены золотые цилиндрические подвески в виде трубок треугольного и круглого сечений (рис. 26, *9,10*; 27, *9,10*). Концы трубок были закрыты деревянными пробками, внутри одной из них находился небольшой кусочек железа. На груди умершей лежал двусторонний деревянный гребень в берестяном чехле (не сохранился) (рис. 26, *22*; 27, *22*). В северо-западном углу гроба в остатках кожаной сумки лежало билоновое зеркало (тип К1) в футляре из капа березы, обтянутом кожей (?) (рис. 14, *6*). У локтя левой руки находилась серебряная чаша в виде пиалы (рис. 26, *3*). Сохранились фрагменты кожаного футляра с кольцами для подвешивания. В ногах погребенной стоял бронзовый казан (рис. 26, *1*). Он хорошо сохранился, за исключением железных ушек и дужки. Сосуд не закопчен, выглядит новым и неиспользованным.

По инвентарю погребение датируется второй половиной XIII-XIV вв., признаки культурно-хронологической и социальной идентичности с погребением кургана 2 этого могильника позволяют ограничить хронологию рассматриваемого памятника концом XIII-началом XIV вв. (Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000).

3-5. Могильник у с. Олень-Колодезь. Каширский район Воронежской области.

3. Олень-Колодезь 7, Каширский район Воронежской области (рис. 28-31). Погребение основное. Диаметр насыпи 18 м, высота 0,3 м. Насыпь в плане округлая. Могильная яма имеет в плане форму неправильного овала размером 1,55 х 2,5 м , вытянутого по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 28, *1*). Глубина ее от уровня материка 1,0 м. Вдоль западной стены находилась ступенька высотой 0,4 - 0,45 м, шириной 0,35 м. Заполнение могилы состояло из перемешанного с черноземом материкового грунта.

Погребенный лежал в гробовище со стенкам из цельного дуба. В восточной части гробовища зафиксирована прямоугольная его форма. Дно было изготовлено из отдельных досок. Перекрытие не сохранилось за исключением одного положенного поперек бруска.

Умерший был положен головой на север. Скелет его сильно поврежден грызунами. В северном конце гроба лежала свернутая в рулон кольчуга, кольца которой имеют следы позолоты (рис. 28, II, *1*, *1а*). Кольчуга была завернута в циновку. Рядом с кольчугой лежал железный шлем с бармицей (рис. 28, II, *2*). Возле шлема, в том месте, где находился череп, найден небольшой наконечник стрелы (тип 72) (рис. 28, II, 3). Здесь же лежала золотая подвеска (тип VI), ее общая длина 3,4 см, диаметр кольца 1,5 см (рис. 28, II, *4*). В северо-восточном углу гробовища на кольчуге лежала стеклянная подвеска-«амулет» в позолоченной оправе (рис. 28, II, *5*).У западной стенки стоял серебряный ковш с ручкой в виде дракона (рис. 17, II, *6*). Южнее ковша лежал напильник в деревянном футляре (рис.28, II, *6*). Рядом с ковшом найдено полукольцо диаметром 3,5 см из железного прута толщиной около 0,5 см плохой сохранности. У восточной стенки недалеко от кольчуги острием на северо-восток лежал наконечник копья (тип I) (рис. 28, II, *8*). Втулка наконечника крепилась к древку двумя гвоздями длиной 1,0 см. Шляпки представляют собой свернутые в кольца концы гвоздей.

В погребении найдены серебряные с позолотой детали наборного пояса (рис. 30, *1,5*): пряжка, конечная бляха, три подквадратные бляхи, в том числе две - со скобами для подвесных ремней, девять овальных блях; кроме того, серебряный шаровидный бубенчик (рис.19, *7*), синяя пастовая бусина с полосатым орнаментом (рис. 309, *8*). У восточной стенки гробовища лежал кинжал в деревянных ножнах (рис. 30, *9*). Рядом с кинжалом найдены два кожаных шнура шириной 3 мм, толщиной 1 мм, один из которых завязан в узел бантиком и железная пряжка полукруглой формы с остатками кожаного ремня (тип IIAII) (рис. 30, *17*). Юго-западнее острия кинжала находились остатки неизвестного кожаного предмета, в складках кожи найдены три железные детали, назначение которых не установлено (рис. 30, *13-15*). Рядом с кожаным предметом в ряд в 2-3 см друг от друга лежали: железная квадратная пряжка с остатками кожаного ремня, обернутая парчовой тканью железная прямоугольная накладка с четырьмя заклепками в углах и куском кожаного ремня, и железная накладка оконечности ремня, также обернутая парчовой тканью (рис. 30, *16*), круглая пряжка подковообразная с остатками ремней (тип AIII) (рис 30, *12, 10, 11*). Северо-западнее этого изделия находились нож с бронзовым перекрестьем (тип III Б) (рис. 30, *18*), инкрустированный золотом железный топорик (рис. 29, *1*). У западной стенки, выше топора обнаружены остатки колчана из трех слоев бересты, скрепленных железными скобами (рис. 29, *5-16*). Внутри колчана находились пять наконечников стрел, представленных тремя типами (52, 67, 72) (рис. 29, *2-4*). На всех черешках наконечников сохранились фрагменты древков, обернутые тонкой золотой фольгой. В южном углу гробовища лежали остатки седла (рис. 29, *2-4*). Под седлом и рядом с ним лежали принадлежности упряжи: удила (тип ГI). Два стремени (тип EI), седельные железные крепежные кольца с плоскими щитками различной конфигурации, железные пластинчатые и полусферические ре-

менные заклепки, уздечные кольца, железные пряжки (рис. 31, *1 - 21*). Многие детали были обернуты парчой или шелком. Рядом с седлом на поверхности южной стенки гробовища лежала кожаная плетка, связанная в узел.

Памятник датируется по инвентарю концом XIII-XIV вв., при этом более вероятна его принадлежность к началу XIV века, которому соответствуют пропорции наконечника типа 72 (Ефимов К.Ю., 2000).

4. Олень-Колодезь 9 (рис. 32, 33). Погребение основное. Диаметр насыпи 18 м, высота 0,3 м. В плане имела округлые очертания. На уровне древней дневной поверхности, вероятно, была совершена тризна (найдены кости животных). Могильная яма имела в плане прямоугольную с закругленными углами форму размерами 1,3 х 2,9 м. Яма вытянута по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 32, *1*). Глубина от уровня древней дневной поверхности 1,2 м. В северо-восточном и северо-западной стенах ямы сделаны по небольшой (около 15 см) нише, в каждой из которых лежали «в анатомическом порядке» кости ног барана.

В яме находилось прямоугольное в плане гробовище размерами 0,8х2,3 м, сделанное из цельного дуба, дно выложено дубовыми брусками. Гробовище перекрывалось вдоль досками. В нем находился плохо сохранившийся скелет взрослой женщины. Умершая была положена головой на ССВ. Справа от черепа обнаружен берестяной обтянутый шелком сапог (рис. 32, II, *1*). Вероятно, к сапогу крепилась плоская прямоугольная и цилиндрическая подвески, выполненные из серебряной позолоченной фольги (рис. 32, II, *2,3*). На сапоге находилась также россыпь стеклянного бисера голубого и синего цветов (рис. 32 , II, *4,5*). Короткоцилиндрический стеклянный бисер голубого и синего цветов и три небольшие стеклянные бусины найдены в области шеи, видимо, это остатки ожерелья (рис. 32, II, *7*).

На левом запястье лежал пластинчатый серебряный с позолотой браслет, украшенный чеканным орнаментом. На костях правого запястья также был серебряный пластинчатый браслет, орнаментированный продольными ребрами, пальметкой и изображениями львиных морд (рис. 32, II, *8,9*). На правой руке был и золотой перстень с прямоугольным щитком (рис. 32, II, *10*). Южнее перстня на дне гробовища между двумя кусками парчи вверх дном лежала серебряная пиаловидная чаша, украшенная чеканным орнаментом (рис. 32, II, *11*). В 30 см южнее чаши обнаружены железные шарнирные ножницы (тип II) в кожаном обтянутом парчой футляре, обломки железного шила и небольшой железный нож (тип 3Б) с бронзовым овальным упором (рис. 32, II, *1-14*). Ножницы были накрыты куском парчовой ткани, на котором лежало билоновое зеркало (тип ЖI). Зеркало помещалось в парчовом чехле (рис. 32, II, *15, 16*). Примерно, в области правого колена выявлен фрагмент кожаного предмета плохой сохранности продолговатой формы длиной до 25 см, шириной 10 см. расположенного длинными сторонами вдоль гроба. Здесь же находились два железных предмета непонятного назначения. В юго-западном углу обнаружена сумка, сшитая из двух кусков толстой кожи, у ее верхнего края найдена заклепка (рис. 33, *1, 2*). В южном углу гробовища стоял медный кованый казан (рис. 33, *3*). Севернее казана на гробовище лежала конская упряжь: удила (тип ГII) (рис. 33, 3), пара стремян (тип EI) (рис. 33, *5,6*), остатки деревянного обтянутого кожей седла с железными крепежными кольцами и пластинчатыми ременными заклепками, небольшие фрагменты кожаных ремней (рис. 33, *7-13*). Удила и стремена при этом помещались под седлом.

Погребение датируется второй половиной XIII-XIV вв. на основании облика погребального инвентаря. Учитывая культурно-хронологическую и социальную иден-

тичность памятника с курганом 7, можно предположить его принадлежность к XIV веку (Ефимов К.Ю., 2000).

5. Олень-Колодезь 6. Погребение основное. Ограблено. Диаметр насыпи 16 м, высота 0,3 м. Могильная яма имела трапециевидную в плане форму с закругленными углами. Длина 3,35 м, ширина в северной части 1,4 м, в южной - 2,0 м, глубина от уровня материка 1,1 м. Заполнение представляло собой перемешанный с углями чернозем. Встречены также плахи, часть которых обожжена. На глубине 0,25 - 0,35 м находились столбики. Встречены мелкие фрагменты металлических предметов.

Погребение может быть датировано второй половиной XIII-XIV вв. по признакам культурно-хронологического сходства с локализованными во времени погребениями курганов 7 и 9: широкая яма, ориентировка ямы длинными сторонами по линии ССВ-ЮЮЗ. (Ефимов К.Ю., 2000).

6-7. Могильник у с. Караяшник. Ольховатский район Воронежской области.

6. Караяшник 2 (рис. 34, *1*). Погребение основное. Диаметр кургана 6 м, высота 0,7 м. Погребение разрушено. Форма и ориентировка могильной ямы не фиксировалась. Найдены кости человека, железные удила (тип ГI) и треугольная плоская подвеска из листовой бронзы (рис. 34, I, *1,2*). Памятник датируется второй половиной XIII- XIV вв. по аналогии: подобные подвески найдены в кургане 6 этого же могильника, датируемом по инвентарю и ориентировке золотоордынским периодом (Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979).

7. Караяшник 6 (рис.34, II).Погребение основное. Диаметр кургана 7 м, высота 0,55 м (рис. 34, II, *1,2*). Могильная яма имела прямоугольную в плане форму размерами 2,0 х 0,6 м. Глубина ее 1,65 м. Длинные стороны ямы ориентированы по линии СВ-ЮЗ. Погребенный лежал головой на северо-восток. У его правого бедра находился берестяной колчан с тремя стрелами длиной 72 см. Один из наконечников определяется типом 67 (рис. 34, II, *3*). У левого колена найдены две треугольные каплевидные подвески из листовой бронзы (рис. 34, II, *5,6*). Возможно, они были нашиты на обувь, кожаные остатки которой достигали середины бедер. У ступней погребенного лежала бронзовая модель казана (рис. 34, II, *4*) и железное изделие (подток ?).

По облику погребального инвентаря погребение датируется второй половиной XIII - XIV вв. (Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979).

8-9. Вервековский могильник (III Богучарский). Село Вервековка, Богучарский район Воронежской области.

Курган 2 содержал два погребения поздних кочевников (рис. 35).В плане насыпь имела яйцевидную форму с направлением приостренного края на север. Диаметр по линии С-Ю 13,5 м, по линии З-В (в наиболее широкой части) – 10 м, высота до 0,34 м. Система курганных наслоений выглядела так: 0 - 0,1-0,15 м - дернина, 0,1-0,15 -0,5 м - насыпной чернозем, 0,5 - 0,75 м - погребенная почва, перекрытая на некоторых участках материковыми выкидами, 0,75 м и ниже - материковая желтая глина.

8. Вервековский 2/1 (рис.35, *2*). Погребение основное. Размещено у подножия ранее сооружённого кургана, содержавшего погребение Вервековский 2/2. Могильный выкид с южной стороны лежал непосредственно на погребенной почве, с северной - на краю основной насыпи. Могильная яма в плане прямоугольной формы (2,6 х 0,5 м) ориентирована по линии З-В. Глубина ее от материка 0,9 м. Стенки отвесные, южная облицована деревом. На полу на берестяной подстилке лежал хорошо сохранившийся скелет мужчины, ориентированный черепом на запад. Руки умершего были несколько согнуты в локтях и обращены к тазу. Правая нога также незначительно со-

гнута. Отсутствовали кости кистей рук и стоп. Погребение было ограблено, сохранились только мелкие коррозированные фрагменты неизвестных предметов.

Следы грабительского вмешательства хорошо прослеживались при раскопках. Яма была вскрыта по всей площади, южная стена при этом была нарушена, пострадала деревянная облицовка. У исследователей сложилось впечатление, что могила была вскрыта вскоре после совершения погребения, и у еще неразложившегося трупа были отчленены стопы и кисти рук в спешке ограбления (Синюк А.Т., 1995). Яма затем была засыпана смешанным грунтом - черноземом с материковой глиной. Слой материкового выкида частично перекрывает засыпанную грабителями могилу, вероятно, это следствие естественных процессов, переместивших некоторые пласты. Погребение датируется второй половиной XIII-XIV вв. стратиграфически - по отношению к датируемому по инвентарю погребению 2 этого кургана (Синюк А.Т., 1995; Кравец В.В., 2001а).

9. Вервековский 2/2 (рис. 35, I, *3*). Погребение основное. Располагалось в 2,6 м к северу от впускного. Могильная яма аналогичная по форме и ориентировке яме погребения 1. Ее площадь 2.5 х 0,8 м, глубина от уровня материка 0,9 м. Погребение ограблено. Грабительский лаз выходил за пределы ямы и имел вид двух углов ступеней. По всей площади ямы на разных уровнях ее заполнения были разбросаны кости человека и задних ног лошади. Таким образом, ограбление случилось не сразу после захоронения, а когда труп успел уже разложиться. Человеческий череп хорошей сохранности остался, видимо, на своем месте у западной стены ямы. Очевидно, покойник лежал головой на запад, а у его ног лежала задняя часть туши коня. Размеры могильной ямы едва ли допускают присутствие целого остова или чучела коня, кости которых за исключением задних ног могли быть выброшены на поверхность при ограблении. В заполнении центральной части ямы были найдены железные удила с большими кольцами в цилиндрических окончаниях звеньев (тип промежуточный между ГII и ГIV) (рис. 35, *4*). В заполнении грабительского лаза обнаружена серебряная монета. Монета датируется серединой-второй половиной XIV в. (1342-1343 гг. (743 г.х.), отчеканена при Джанибеке в Сарай ал-Джедиде) (рис. 35, 5). (Синюк А.Т., 1995; Кравец В.В., 2001а).

10-11. Могильник на западной окраине с. Старая Калитва. Россошанский район Воронежской области

10. Ст. Калитва 2 (рис. 36). Погребение обнаружено при проведении земляных работ, специалистами при этом не исследовалось. Сведений об устройстве курганной насыпи нет, не установлено, было погребение основным или впускным. Размеры и форма могильной ямы не зафиксированы, глубина ее от современной поверхности - около двух метров. Погребенный лежал в деревянном гробу неустановленной конструкции головой на восток (точный азимут не определен). Возле черепа находилась золотая подвеска в виде проволочного кольца типа I (утеряна). Рядом с погребенным находился кожаный саадак (налучье). Внутри него лежала шелковая тетива лука. На погребенном был наборный пояс, от которого сохранились серебряные детали: разъемная пряжка («особая»), две квадратные бляхи с рамками для подвесных ремней, пять плоских квадратных блях со скобовидным креплением. Изделия украшены изображениями цветов, выполненными тонкой гравировкой (рис. 36, *1 а, б, в*). Не исключено, что отдельные детали были утеряны. У правой ступни покойника лежала серебряная чаша с железной дужкой (близкая к чашам типа BI по Г.А.Федорову-Давыдову). Сосуд был обернут тканью (рис. 36, *2*). В погребении найдена также железная пряжка (тип AII) (рис. 36, *3*) (Кравец В.В., 2001 а).

11. Ст. Калитва 1/3 (рис. 37). Погребение впускное. Могильная яма в плане имела линзовидную с усеченными концами форму (рис. 37, *1*). Длина ее 2,25 м, ширина 0,87 м, глубина от вершины кургана 1,6 м. длинными сторонами яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Северо-западная стена разрушена норами, вдоль остальных стен сохранилась деревянная облицовка, выполненная из дерева толщиной около 1,5 см. С северо-восточной стороны к яме примыкала ступенька высотой до 0,4 м от дна, вырезанная в материковой глине. Длина ступеньки 1,7 м, ширина до 0,4 м. На ступени обнаружены остатки костяка низкорослой лошади, положенной передней частью на юго-восток. Найдены кости задних ног и ребра. Не установлено, была ли на ступеньку положена целая лошадь или только часть туши.

На дне могильной ямы в остатках плоскодонной лодки длиной 1,94 м и шириной до 0.5 м лежал сильно потревоженный грызунами скелет женщины, ориентированный черепом на ЮВ. Правая сторона скелета и грудная клетка были полностью разрушены. Череп повернут лицевой частью на юго-восток, а часть ребер и одна лопатка перенесены в крайнюю юго-восточную часть лодки, где обнаружено логово небольшого грызуна. Левая рука погребенной была согнута в локте. Кисть ее лежала рядом с левой тазовой костью.

В области грудной клетки и логове грызуна в переотложенном состоянии найдены остатки ожерелья, состоящего из гагатовых, хрустальных, сердоликовых, янтарных и пастовых бусин (рис. 37, *2-8*). В области грудной клетки найден фрагмент шелковой ленты шириной 12 мм и длиной 45 мм со следами швов (рис. 37, *9*). У локтя левой руки находились два фрагмента бронзового трубчатого кольца неясного назначения (рис. 37, *10*). Диаметр его по внешнему контуру 32 мм, диаметр трубки в сечении 4,5 мм. Рядом с черепом в переотложенном состоянии лежали три нашивные бляшки от роговидного украшения головного убора, изготовленные из позолоченных снаружи серебряных пластин (рис. 37, *11-13*). В юго-восточном конце погребения найдены в переотложенном состоянии сегментовидный кусок мела - белила, небольшой железный нож без упора со следами деревянной ручки (тип 4) (рис. 37, *14*) (Ефимов К.Ю., 1999).

12. Новомеловатка. Калачеевский район Воронежской области (рис. 38). Погребение впускное. Диаметр кургана 14 м, высота 0,75 м. Могильная яма фиксировалась сразу под пахотным слоем, благодаря меловой забутовке, в центре кургана с небольшим смещением к западу (рис. 38, *1,2*). Яма прямоугольной формы, очень широкая, так что скелет лежал вдоль коротких стен (рис. 38, *2*). Размеры ямы: по линии З-В - 2,75 м, по линии С-Ю - 2,15 м, глубина 2,0 м. Стенки пологие и на уровне материка размеры ямы составляли 2,2х1,6 м.

Вдоль западной стенки лежал скелет мужчины, сильно разрушенный грызунами. Погребенный ориентирован головой на север. В области грудной клетки лежал не полностью сохранившийся железный нож (тип 2). Его длина 8,3 см, ширина лезвия 1,7 см (рис. 38, *4*). У костей таза с левой стороны обнаружена серебряная золотоордынская монета - джучидский дирхем Узбек-хана второй четверти XIV в. (рис. 38, *5*). Диаметр ее 1,4 см, вес 1,41 г. Здесь же находился конусовидный обломок костяной (конусовидной) проколки длиной 2,7 см (рис. 38, *7*). У юго-восточного угла ямы найден железный предмет в виде стержня длиной 10 см и сечением 0,5 см с дугами на концах (рис. 38, *8*). В центре ямы обнаружены остатки предмета, основой которого служила кованая железная пластина в виде скобы шириной 3,0 см с расширяющимися закругленными концами (рис. 38, *6*). С обеих сторон в 1,5 см от края выкованы ушки,

видимо, для крепления ремня. Предмет был украшен позолоченной металлической накладкой. (Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1986).

13. Марки. Каменский район Воронежской области (*рис. 39, 1*). Погребение [illegible] Погребенный лежал в неглубокой яме головой на запад. Около головы находился наконечник копья (тип II) (рис. 28, I, *1*), на тазовых костях лежало кресало (тип БIII) (рис. 39, I, *2*), кремень, лопата, в ногах - остатки седла, удила (тип ГI) (рис. 39, *3*) и стремена (тип ЕI) (рис. 39, I, *4*). Двусоставные удила имеют длину 16 см. Диаметр трензельных колец 3,5 см. Высота стремени 13 см, ширина 13 см, ширина овальной подножки 10 см. Найдена серебряная монета (Науруз, Гюлистан, 763 г.х. (1361-1362 гг.). Погребальный инвентарь кроме того включал железную пряжку овальной формы (близка к типу IIAI) (рис. 39, I, *5*), серебряную чашу (модель казана ?) (рис. 39, I, *6*), две железные скобы (рис. 39, I, *7,8*), обломок деревянного бруска длиной 10,5 см, шириной 2,5 см, треугольного в сечении. (Цыбин М.В., 1986).

14. Нов. Буравль. Бобровский район Воронежской области

Погребение находилось в небольшом кургане, раскопанном М.П.Труновым в начале XX века. При исследовании были обнаружены следы тонких жердей, перекрываших могилу. На глубине 0,35 м встречены толстые бревна с железными скобами. Еще через 0,35 м обнаружен погребенный, лежавший между двумя досками головой на северо-запад, кости рук и ног не сохранились. Тело умершего было покрыто тканью, от которой сохранилась золотая сетка. Остатки подушки, свернутой из такой же ткани, находились под черепом.

Справа от черепа найдена золотая серьга в форме двух колец и фрагмент кости в виде клыка длиной 3 см. Около правой плечевой кости находились железная пряжка и небольшой кусок согнутой плоской проволоки. На груди погребенного лежала опрокинутая чаша из белого металла (серебро ?) с примесью меди. Сосуд был накрыт куском парчи на подкладке. Справа у ног находился медный кованый казан, в нем два фрагмента от металлического предмета (вероятно, остатки дужки). Около бревен, окружавших могилу, кроме железных скобок обнаружены несколько обрывков проволоки, видимо, золотой. (Цыбин М.В., 1986).

15. Лофицкое. Богучарский район Воронежской области.

Погребение впускное (рис. 39, II). Диаметр кургана 40 м, высота 1,6 м. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами. Длина 1,86 м, ширина 0,94 м, глубина 2,15 м, от уровня материка 0,38 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии север-северо-запад - юг-юго-восток. Погребение ограблено. В заполнении найден наконечник стрелы (тип 67) (рис. 39, II, *2*). Вероятна северная ориентировка погребенного (Погорелов В.И., 1985).

16-20. Могильник у с. Лесное. Балашовский район Саратовской области. Исследовано пять позднекочевнических курганов, сосредоточенных вокруг кургана эпохи бронзы. Таким образом, планиграфия предполагает единую культурно-хронологическую позицию памятников.

16. Лесное 1 (рис.40, I). Погребение основное. Диаметр кургана 10 м. высота 0,35 м. В насыпи округлосферической формы встречены отельные камни, деревянные плашки, иногда обожженные. В юго-западном секторе кургана найден обломок ребра лошади. В северо-восточном, юго-восточном и северо-западном секторах на материке обнаружено несколько групп камней, образующих полукольцо вокруг центра кургана. Могильная яма, разрушенная грабительским шурфом, имела трапециевидную в плане форму с закругленными углами. Она вытянута по линии СВ-ЮЗ. Размеры ямы - 2,4x1,55 м, глубина от уровня погребенной почвы 0,7-0,8 м. Судя по расположению

камней, стены ямы были обложены ими в некоторых местах (рис. 40, I,*1*). Кости погребенного найдены в западной части грабительского шурфа. В южном углу могильной ямы найдены два стремени арочнй формы (тип EI). Высота стремян 12,5 см, ширина 12 см (рис. 40, I, *2*).

17. Лесное 2 (рис. 40, II). Погребение основное. Диаметр кургана 10 м, высота. 0,65 м. Поверхность ровная, сферическая. В северо-западном секторе на глубине 0,37 м отмечено золистое пятно с угольками, его диаметр0,5 м. В северо-восточном секторе насыпи найдено ребро и кость животного, вероятно, барана. Здесь же встречены фрагменты дерева. В юго-западном секторе на глубине 0,83 м в 1,25 м к югу от центра кургана найдено звено удил длиной 10см, диаметром 4,5 см (тип ГII) (рис. 40, II, *5*).

Могильная яма находилась в центре кургана, западная ее часть разрушена грабительским шурфом. Она имела прямоугольную форму 2,1х0,5 м, глубина от уровня погребенной почвы - около 1,2 м (рис. 40, II, *2*). Возможно, с южной стороны ямы была приступка шириной 0,25 м, высотой 0,15 м. Скелет мужчины лежал черепом на запад на подстилке из коры. Череп повернут лицевой частью к югу. Справа от голени погребенного находилось стремя арочной формы (тип EI), другое такое же найдено в заполнении ямы. Размеры одного из стремян : высота 14,5 см, ширина 12,5 см, ширина подножки 6 см, другого соответственно 14,5, 14,0 и 7 см (рис. 40, II, *3,4*).

18. Лесное 3. Погребение основное. Диаметр кургана 6 м, высота 0,2 м. в насыпи встречены отдельные угольки и зубы лошади. Могильная яма в плане прямоугольная с закругленными углами, узкая. Размеры 1,7х 0,56 м, глубина от уровня погребенной почвы 0,42 м. Яма ориентирована по линии запад-юго-запад -восток-северо-восток. В заполнении западной части могилы встречена кость лошади.

Погребенный (мужчина) лежал головой на запад-юго-запад (рис. 41, I, *1,2*). Правая рука была немного согнута в локте, кисти находились на тазе. На правом бедре погребенного найдены остатки берестяного колчана прямоугольной формы с железным кольцом и пряжкой (тип IIAIII) (рис. 41, I, *3, 4*). В колчане лежали три стрелы, от которых сохранились обломки древков и два железных черешковых наконечника, положенных в колчан остриями вверх. Один наконечник листовидной формы (тип 61), его длина 7,5 см; второй ромбический (тип 52) длиной 8 см, ширина пера 3,8 см (рис. 41, I, *5,6*). В области таза найдены два железных предмета, напоминающих крючки, и обломки двух железных предметов продолговатой формы (рис. 41, I, *7,8*). Под лучевой костью правой руки найден железный нож плохой сохранности длиной 7,0 шириной 1,5 см (тип 4?) (рис. 41, I, *9*).

19. Лесное 4 (рис. 41, II). Погребение основное. Диаметр кургана 12 м, высота 0,3 м. Форма сферическая. Погребение ограблено. Грабительский шурф полностью разрушил могильную яму. В заполнении шурфа найдено несколько костей человеческого скелета. В юго-восточной части шурфа на дне сохранилось несколько обломков черепа, под которыми найдена 21 бусина (рис. 41, II).

20. Лесное 5 (рис. 41, III). Погребение основное. Курган имел сферическую форму, вытянутую в широтном направлении (рис. 41, III, *1,2*). Диаметр 8-10 м, высота 0,4 м. Грабительский шурф разрушил западную часть могильной ямы, расположенной в центре кургана, а также верхнюю часть скелета. Судя по сохранившейся восточной части, могильная яма была вытянута по линии З-В с незначительным отклонением к югу. Вероятная длина ямы 2 м, ширина 0,9 м, глубина от уровня погребенной почвы 0,82 м. В ненарушенном положении сохранились кости ног человека, который лежал головой на запад. Фиксировалась подстилка из коры. Около правой бедренной кости найдены железные шарнирные ножницы (тип II) длиной 19 см (рис. 41, III, *3*). Между

колен лежал осколок серебряного зеркала диаметром 8 см с растительным орнаментом (рис. 41, III, *4*) (Цыбин М.В., 1986).

21-24. I Власовский могильник. Село Власовка, Грибановский район Воронежской области.

21. I Власовский 3/1 (рис. 42, II, III). Впускное погребение. Было обнаружено под слоем дерна. Скелет женщины был ориентирован головой на ЮЮЗ. Форма могильной ямы не выявлена. Правая рука умершей была согнута в локте, кисть покоилась на тазе. Левая рука вытянута вдоль костяка. Справа от черепа находились остатки сгнившего дерева. Рядом обнаружены фрагменты бронзового зеркала (тип CI) (рис. 42, III, *2*). Рядом с зеркалом лежал наперсток с отверстием у основания (рис. 42, III, *2*). Слева от черепа найден бронзовый бубенчик (рис. 42, III, *4*). Под скелетом в некоторых местах прослеживались остатки от одежды или подстилки. В области груди и позвоночника обнаружены древесные угли

22. I Власовский 3/2 (рис. 42, *1*) Погребение впускное. Обнаружено в центре кургана. Могильная яма прямоугольной формы 2,0x2,15-2,5 м, стенки вертикальные, углублена в материк до 0,3 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Могила ограблена. Кости взрослого человека были разбросаны у юго-восточной стены. Здесь же найдены: овальное кресало с внутренней овальной прорезью (тип AII); железные кольца; фрагменты железных предметов с остатками кожи и ткани; железные гвозди; пирамидальный наконечник стрелы (тип 76), шарообразная пастовая бусина бледно-желтого цвета с перистым орнаментом, нанесенным голубой нитью. Здесь же, у юго-восточной стены, обнаружены угольки.

23. I Власовский 10/2 (рис. 43). Погребение впускное, наложено на сарматскую могилу, и большей частью разрушило ее. При этом в погребении были оставлены сарматские кувшин и миска. Длина могильной ямы 2,9 м, ширина 1,0 м, глубина от уровня материка 0,2 м. Форма ямы в плане близка к прямоугольнику, углы закруглены. Яма вытянута по линии СВ-ЮЗ. В северо-восточной части на несколько сантиметров глубже. В яме находился скелет женщины, ориентированный черепом на СВ. Руки погребенной были вытянуты вдоль туловища (рис. 43, II). В северо-восточном и юго-восточном углах лежало два камня из песчаника. Один из них плоский (в юго-восточном углу), другой пирамидальной формы. камни не имеют видимых следов обработки.

У правой руки погребенной находилась бронзовая модель казана (рис. 43, III, *1*), рядом лежали остатки сильно коррозированного железного предмета, вероятно, дужки сосуда. У правой руки найден также железный предмет непонятного назначения (рис. 43, III, *2*). У левой ноги располагался следующий набор: железное шило в кожаном чехле (рис. 43, III, *3*); два железных пинцета, на одном из которых сохранились следы ткани с золотой нитью (рис. 43, III, *4,5*); шарнирные ножницы (типIII) в остатках деревянного чехла (рис. 43, III, *7*) ; фрагмент одностороннего рогового гребня (не сохранился); остатки железного ножа (тип3А) (рис. 43, III, *6*). Над погребенной в разных местах найдено более 20 железных гвоздей с полусферической шляпкой (рис. 43, III, *8,9*). На гвоздях сохранились следы дерева, очевидно от дощатого перекрытия. Судя по длине гвоздей, толщина досок не превышала 2 см. Скелет из сарматского погребения залегал ниже уровня позднекочевнической могилы и поэтому, за исключением черепа и костей правой руки, которые были замечены и выброшены, остался нетронутым.

24. I Власовский 15/3 (рис. 44, 45). Погребение впускное. Совершено в центре кургана в яме прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 44, *1*). Размеры ямы 1,6x0,85 м, глубина в материке 0,7 м . Длинными сторонами яма ориентирована по

линии С-Ю (рис. 44, *2*). В заполнении (глина с примесью чернозема) на разной глубине найдены мелкие фрагменты дерева; в юго-восточной части ямы - три наконечника стрел (типы 70, 67) (рис. 44, *3-6*); костяной колпачок (рис. 44, *7*);в северо-западном углу ямы обнаружен наконечник стрелы, костяная пуговица (тип БII) (рис. 44, *8*); кость ноги и лопатка овцы.

Погребенный - юноша ростом 1,45 м - лежал вытянуто на спине головой на север с незначительным отклонением на ССВ (рис. 44, *2*). Руки погребенного были вытянуты вдоль тела. При погребенном был разнообразный набор вещей.

У головы обнаружены два стремени с арочным контуром и широкой подножкой (тип EI) (рис. 44, *9*), двусоставные удила (тип Г IV) (рис. 44, *10*) и железная подпружная пряжка с рамкой сегментовидной формы (тип II1AII). На стременах, удилах и пряжке сохранились остатки ткани. У северной стенки найдено седло, фиксируемое в виде обильного древесного тлена, нескольких дощечек и костяных декоративных пластин (рис. 35, I, *6-8*). Костяные детали крепились к деревянной основе костяными и железными гвоздями (рис. 35, *4,5*), забитыми в некоторых местах попарно. К седлу относятся и коррозированные фрагменты железных деталей со следами дерева и ткани (рис. 45, *2,3*). Костяные накладки трапециевидной формы и с изображением скачущего оленя (рис. 45, *6,7*) находились в разных местах - на противоположных сторонах седла.

Справа на линии локтевого сустава погребенного, у ребер лежал железный конусовидный полый предмет, свернутый из листового железа, высотой 4,5 см и диметром около 3 см с остатками ткани (рис. 44, *14*). Это изделие является, вероятно, навершием головного убора - шишаком. Рядом с ним найден бесформенный кусок окислившегося железа. в области таза найдены серебряные детали наборного пояса (рис. 45, *9*). У правой руки погребенного лежал нож в остатках деревянных ножен (тип 3А). Длина лезвия 12 см, черешка - 3,5 см, ширина лезвия - до 2 см (рис. 44, *12*). В области груди погребенного найдены фрагменты ткани. У кисти левой руки лежало калачевидное кресало (тип БII) (рис.44, *13*) (Березуцкий В.Д., 1989).

25-34. Могильник у с. Третьяки. Борисоглебский район Воронежской области.

В числе курганов различных эпох исследовано 10 погребений поздних кочевников.

25. Третьяки 1/1 (рис. 46). Погребение 1 - основное. Диаметр кургана 13 м, высота 0,7 м. Насыпь состояла из чернозема. На глубине 0,95 м в юго-восточной части кургана на уровне древней дневной поверхности зафиксированы следы кострища в виде овальной в плане площадки обожженного докрасна грунта площадью 3 х 7 м. В юго-западной части насыпи встречено несколько костей животных.

Могильная яма находилась в центре кургана. В плане она узкая, имеет форму прямоугольника с закругленными углами. Площадь ямы 2,3х0,55 м, глубина от уровня древней дневной поверхности 0,5-0,55 м, от уровня материка - до 0,17 м (рис. 46, 2). Длинными сторонами яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Заполнение состояло из перемешанного с глиной чернозема. Само погребение в юго-западной части существенно повреждено норами грызунов.

Погребенный мужчина лежал головой на север с отклонением на СВ, руки вытянуты вдоль туловища. Справа от погребенного у северо-западной стены на дне ямы стояла медная чаша (рис. 46, *8*). Над правым локтевым суставом располагался нож (тип I). Его длина 15,8 см (рис. 46, *6*). На лучевых костях правой руки погребенного параллельно друг другу лежали пять пластинок. Длина сохранившихся двух пластинок 5 и 3,1 см, ширина 1,4 см, толщина 1 мм. В каждом изделии имеется небольшое отвер-

стие (рис. 46, *3,4*). На правой тазовой кости лежало кресало из овального в сечении прута (тип БIII). Длина кресала 7 см (рис. 46, *7*). На его поверхности хорошо сохранились следы кожи и ткани. Под правой тазовой костью найден железный наконечник стрелы, острием направленный внутрь костяка (тип 61) (рис. 46, *5*). Обломок железного предмета обнаружен около крестца.

Погребение 2 этого кургана выявлено в насыпи в 3 м к юго-востоку от центра. Контуры могильной ямы не прослеживались. От костяка сохранился лишь фрагмент нижней челюсти. Культурно-хронологическая принадлежность погребения 2 неясна.

26. Третьяки 4/1 (рис. 47). Погребение основное. Диаметр кургана 8м, высота 0,44 м (рис. 47, *1*). Насыпь состояла из чернозема. В ее юго-восточной части примерно на уровне древней дневной поверхности выявлены следы кострища в виде овальной площадки обожженного докрасна грунта. Размеры площадки 1,8х3,6 м. В юго-западной части встречено несколько мелких фрагментов костей животных и четыре камня. На глубине 1,2 м под центром кургана встречены небольшие деревянные плашки, ориентированные длинными сторонами по линии СЗ-ЮВ. Длина плашек до 0,5 м. Вероятно, они являются остатками перекрытия могильной ямы погребения 1.

Погребение 1 находилось в центре кургана. Могильная яма в плане узкая и длинная, углы закруглены, юго-восточная стена неровная (рис. 47, *2*). Размеры 0,6-0,9х2,34 м. Глубина от уровня древней дневной поверхности 0,5 м., от уровня материка - 0,25 м. На дне ямы находился сильно поврежденный скелет мужчины зрелого возраста, положенного головой на северо-восток. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища.

Внутри грудной клетки найдены две округлые бусины из белой стеклянной массы (рис. 47, *4,5*). Их диаметр 1,3 и 1,2 см, высота 0,6 см. У локтевого сустава левой руки на поясе в правой половине грудной клетки найдены четыре обломка железного стержня. Справа от плечевой кости левой руки лежала железная заклепка (рис. 47, *3*). На костях ног, облегая их, и рядом с правым коленом небольшими кусками лежали остатки ткани.

Погребение 2 этого кургана, являвшееся впускным, обнаружено в 3,5 м к ССВ от центра кургана. Оно совершено в подпрямоугольной яме размерами 1х1,35 м, глубиной в материке 0,13 м. На дне могильной ямы в сильно скорченном положении на правом боку лежал костяк взрослого мужчины. Инвентарь отсутствовал. Культурно-хронологическая принадлежность этого погребения не ясна.

Погребение 1 датируется второй половиной XIII-XIV вв. по фиксируемым чертам погребального обряда, имеющим аналогии в датируемых по инвентарю курганах могильника (курганы 7, 20, 24, 25). Датируемые по аналогии курганы 1 и 4 с ним сближают остатки огненного ритуала в виде площадок прокаленной докрасна почвы, размеры насыпей и могильных ям, их характер (все основные), наличие следов тризны (курган 20). Курган 1 идентичен курганам 7 и 20 по ориентировке погребенных.

27. Третьяки 7 (рис. 48). Погребение основное. Диаметр кургана 10 м, высота 0,5 м. На уровне погребенной почвы практически на всей площади кургана фиксировались следы действия сильного огня: погребенная почва и местами материк были прокалены (рис. 48, *1*).

На глубине 1,1 м были встречены четыре деревянные плашки, южные концы которых уходили в заполнение могильной ямы. Вероятно, это остатки ее перекрытия. Могильная яма в плане имеет подпрямоугольную форму. Площадь ее 0,98х2,17 м, глубина в материке до 0,4 м, от уровня древней дневной поверхности - до 0,6 м. заполнение состояло из желтой глины с небольшой примесью чернозема.

Скелет женщины зрелого возраста лежал черепом на север, руки умершей были вытянуты вдоль туловища. Погребенная лежала на древесной подстилке, возможно, это были остатки гроба. Под левой височной костью погребенной лежали две бронзовые проволочные подвески в виде знака вопроса (тип VI) (рис. 48, *5,6*). Свободный нижний конец одной из них расплющен, стержень другой обвит тонкой проволокой. У левого плеча лежал железный нож в деревянных ножнах (тип I). Его длина 15 см (рис. 48, *8*). В 0,2 м к северу от черепа в изголовье лежали ножницы (типII), на них зеркало в кожаном футляре (тип А II), на зеркале нож (тип3А) (рис. 48, 3,4, 7). Зеркало диаметром 6,8 см с петелькой, на обратной стороне выделяются два валика. Длина ножа 15,3 см.

28. Третьяки 20 (рис. 39). Погребение основное. Диаметр кургана 8 м, высота 0,44 м. На уровне погребенной почвы на большей части площади кургана фиксировались следы действия сильного огня. Местами прокаленным докрасна оказался и материк. В восточной части кургана на погребенной почве слабо выделялся материковый выброс из могильной ямы. В разных местах насыпи встречены три мелких обломка костей животного, а также квадратный камень-песчаник (рис. 49, *1*).

Пятно могильной ямы фиксировалось уже на уровне древней дневной поверхности, благодаря провалившемуся в могилу перекрытию, и вместе с ним чернозема, лежавшего выше. Яма подпрямоугольной в плане формы размерами 1х2,5 м, глубиной в материке до 0, 35 м, а от уровня древней дневной поверхности – до 0,6 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии С-Ю (рис.49, *2*). Заполнение состояло из материковой глины с включениями чернозема.

Скелет молодой женщины лежал на органической подстилке черепом на север. Руки умершей были вытянуты вдоль туловища (рис. 49, *2*). Справа от черепной крышки лежал обломок железной пластины. Под правой височной костью находились две бронзовые подвески в виде знака вопроса (тип VI). Стержни подвесок имеют проволочную обмотку (рис. 49, 5,6). У левого плеча лежали обломки железных шарнирных ножниц (тип II) (рис. 49, *3*). На концах ножниц сохранились лоскутки ткани и кусочки дерева, вероятно, остатки футляра. Рядом с ножницами тыльной стороной вниз лежало зеркало из белого сплава с незначительной примесью меди (рис. 49, *4*). Орнамент тыльной стороны перекрестно-арочный, петелька отломана в древности, диаметр зеркала 5,5 см (тип ЖI). У левой голени найден предмет, изготовленный из листовой меди (рис. 49, *7*). Вероятно, это оковка деревянного предмета, тлен которого тянулся от нее к стопам ног. Две противоположные сравнительно прямые стенки оковки соединены сильно коррозированным железным стержнем (гвоздь или заклепка).

29. Третьяки 24 (рис.50). Погребение основное. Диаметр кургана 10 м, высота 0,32 м. на уровне древней дневной поверхности в западной половине зафиксированы следы кострища в виде двух площадок прокаленного докрасна грунта. Эти площадки занимали практически всю западную половину кургана (рис. 50, *1*). На уровне древней дневной поверхности в 1,5 м к северу от центра кургана находился целый скелет лошади, положенной головой на запад с подогнутыми ногами.

Могильная яма находилась в центре кургана. Ее размеры 0,7х2,2 м, глубина от уровня древней дневной поверхности до 0,7 м, от уровня материка 0,7 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии З-В. Заполнение представляло собой чернозем, перемешанный с глиной. Скелет женщины лежал черепом на запад. Руки умершей были вытянуты вдоль туловища, кисти рук положены на таз (рис. 50, *2*).

У правой ноги лежали друг на друге небольшая железная лопатка с деревянной ручкой (рис. 40, *5*), осколок серебряного зеркала диметром 7,4 см. С тыльной сто-

роны заметны плохо сохранившиеся знаки, край оформлен валиком (рис. 50, *3*). Здесь же найдена костяная трубка длиной 6,7 см, хорошо отполированная, с остатками кожи внутри (рис. 50, *4*). У левого виска погребенной найдено височное кольцо из серебряной проволоки диаметром 1,8 см (тип I) (рис. 50, *6*).

30. Третьяки 25 (рис. 51). Погребение основное. Диаметр кургана 6 м, высота 0,22 м. В северной части кургана на глубине 0,5 м отмечены следы кострища в виде округлой площадки прокаленного грунта (рис. 51, *1*). В центре площадки обнаружено значительное количество мелких угольков, а рядом с площадкой деревянная плаха, две плашки, которые найдены на этой же глубине в южной части кургана. Над погребением обнаружен небольшой камень.

Могильная яма прямоугольной в плане формы ориентирована длинными сторонами по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 51, *2*). Размеры ямы 0,9х2,8 м, глубина 1,25 м. В заполнении встречены небольшие деревянные плашки, мелкие фрагменты костей человека. На дне ямы лежал скелет взрослого мужчины черепом на ЮЮВ. Левая рука погребенного была вытянута вдоль тела, а правая согнута и положена кистью на пояс. У ног на деревянной плашке лежал небольшой железный нож (тип 3А), (рис. 51, *3*).

31. Третьяки 31. Погребение основное. Диаметр кургана 6м, высота 0,17 м. Могильная яма в плане овальной формы, размерами 0,98х2,35 м, длинными сторонами ориентирована по линии ВСВ-ЗЮЗ. На дне ямы лежал костяк взрослого мужчины, руки были вытянуты вдоль туловища, кисти положены на бедра. Скелет ориентирован черепом на запад. Череп лицевой частью обращен к югу. Погребальный инвентарь отсутствовал.

32. Третьяки 32 (рис. 52). Погребение основное. Диаметр кургана 6 м, высота 0,1 м. Могильная яма располагалась под центром кургана. В плане она имела форму, близкую к узкому прямоугольнику с закругленными углами (рис. 52, 1). Площадь ямы 0,65х1,95 м, глубина 0,6 м. Длинными сторонами могильная яма ориентирована по линии З-В. Заполнение - чернозем. Погребенная женщина была положена на спине в вытянутом положении головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Под скелетом и слева от него обнаружены деревянные плашки, вероятно, остатки гробовища. Под черепом погребенной лежал железный нож с бронзовым перекрестием и остатками деревянной ручки на черенке (тип 3Б) (рис. 52, *2*). Длина ножа 11,5 см. Справа у виска лежала фаянсовая пуговица бирюзового цвета (тип BI) (рис. 52, *4*). Ее диаметр 1,6 см, толщина 0,4 см, диаметр отверстия 0,25 см. У левого виска обнаружена бронзовая проволочная подвеска в виде знака вопроса (тип VI) (рис. 52, *3*). У правого локтя лежали ножницы (тип II) (рис. 52, *5*) и железное шило с остатками деревянной ручки (рис. 52, *6*).

33. Третьяки 69/1 (рис. 43). Погребение впускное. В 2 м на ССЗ от центра кургана на глубине 0,1-0,4 м находился костяк лошади, положенной вытянуто полубоком головой на запад с небольшим отклонением к югу на овальной в плане площадке из материковой глины. Глина вынута из расположенной в 1 м южнее могильной ямы. Размеры площадки 3,65 х 2,2 х 0,15 м.

Могильная яма в плане имела форму неправильного сильно вытянутого овала длиной 2,7 м и шириной до 0,95 м (рис. 53, *2*). Общая глубина ямы 1,2 м. Могильная яма длинной осью вытянута по линии ВСВ-ЗЮЗ, параллельно костяку лошади. Заполнение состояло из чернозема, перемешанного с материковой глиной. Западная часть ямы сильно разрушена грызунами. После совершения захоронения курган был досыпан.

На дне могильной ямы находился костяк взрослого мужчины, положенного вытянуто на спине головой на ЗЮЗ. Костяк сильно нарушен. У правой голени умершего было положено железное стремя (тип Е I) (рис. 53, *3*), а около левого колена железный предмет, напоминающий миниатюрную грубо изготовленную чашечку.

34. Третьяки 81 (рис. 54). Погребение основное. Диаметр кургана 5 м, высота 0,7 м (рис. 54, I, *1*). Насыпь округлая в плане. В ней встречены отдельные деревянные плашки. Погребение обнаружено в западной части кургана. Оно совершено в узкой длинной могильной яме, ориентированной по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 54, I, *2*). Площадь ямы 0,75х2,35 м, глубина 1,3 м. Захоронение совершено в деревянной колоде. Умерший лежал на спине головой на ЗСЗ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Череп повернут лицевой частью на юг. Погребальный инвентарь отсутствовал. (Винников А.З., Ефимов К.Ю.. Цыбин М.В., 1993).

35. Рыкань. Новоусманский район Воронежской области (54, II).

Описание памятника неизвестно. В научном обороте находятся детали колчана - костяной декоративной накладки и костяной петли типа А VII (рис. 54, II, *2*). Накладка орнаментирована фигурой оленя (рис. 54, II, *1*). Кроме того, в погребении найдена подвеска типа IV (по Г.А.Фёдорову-Давыдову).

36. Мелик. Балашовский район Саратовской области. (17, *2*).

Особенности зафиксированных при раскопках черт погребального обряда не известны. Погребальный инвентарь содержал серебряный ковш пиаловидной формы, с плоским дном, утолщением по венчику, плоской ручкой. Диаметр по верху 8,8 см, глубина 3 см. Растительный орнамент на тулове типичен для культуры золотоордынского периода.

37-38. III Шляховский могильник, курган 1. Хутор Шляховский, Фроловский район Волгоградской области. Расположен в 1,5 км к юго-западу от указателя «116 км» шоссе «Волгоград-Москва». Курган 1, содержавший два погребения поздних кочевников имел высоту 0,46 м, диаметр 32 м (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993).

37. III Шляховский 1/1 (рис.55). Впускное в насыпь современного ему погребения (3-й Шляховский 1/2. Находилось в 4,7 м к ЮЮЗ от центра. Могильная яма имела прямоугольную форму с закруглёнными углами. Ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Площадь ямы 2,4х1,15 м. Глубина от современной поверхности кургана 1,98 м. в восточной стене устроен подбой (2,4х0,8 м). На дне подбоя выкопано прямоугольное углубление размерами 2,1х0,8х0,12 м.

В заполнении входной ямы на глубине 0,8 м от поверхности были обнаружены кости быка - лежащие в сочленении передние и задние конечности, лопатки. На них уложен череп животного (рис. 55, *2*).

На дне входной ямы, опираясь на западную стенку, располагался ориентированный черепом на ССЗ целый остов лошади, положенный на брюхо с подогнутыми конечностями (рис. 55, *3*). В челюстях черепа коня были зажаты железные удила типа ГII. Длина звеньев 10,9 см. Диаметр колец 4,8 см. (рис. 55, *8*). На крупе лошади были обнаружены фрагменты деревянного седла с кусочками кожи и ткани малинового цвета на них. С обеих сторон коня лежали по арочному стремени с расплющенными вверху дужками для прорези и плоскими подножками. У одного стремени края подножки были опущены вниз, образуя лопасти. Размеры стремян 13,6х13 см; 13х12,6 см. размеры подножек 6 и 4,5 см (рис. 55, *9,10*). Возле задних конечностей лошади найдена железная подпружная пряжка типа IIAIII диаметром 2,2 см. (рис. 55, *5*).

На дне подбоя в углублении на подстилке лежал скелет женщины старческого возраста. Тип черепа монголоидный. Погребённая прикрыта тонким слоем дерева. Положение скелета – на спине. Ориентировка - на ССЗ. Кости рук располагались вдоль туловища, кисти – у пояса.

За головой погребённой находились остатки берестяного накосника длиной 32 см. справа и слева от черепа находились бронзовые проволочные подвески со стеклянными лазоревыми бусинами. Сечение проволоки 0,5 мм, диаметр бусин 0,3 см. пять подвесок – в виде вопросительного знака (тип VI), бусиной украшен стержень одной из них. Четыре подвески – крестовидные с одной-тремя бусинами на трёх лучах (рис. 1, *6,7*). На левом плече погребённой лежали железные шарнирные ножницы с кольцами-скобами (тип 2). Длина ножниц 22 см (рис. 55, *11*). На правом плече располагалось бронзовое зеркало диаметром 7 см и высотой умбона 0,4 см. на тыльной стороне бортик. Орнамент – рыбы и растения. Относится к типу HI. (рис. 55, *4*). На голенях ног прослеживались остатки кожи от сапог. Здесь же был найден фрагмент серебряной пластины.

38. III Шляховский 1/2 (рис. 56). Основное. Располагалось в центре кургана (рис. 1,*1*). С западной стороны могильной ямы на погребённой почве зафиксированы следы материкового выкида мощностью до 0,35 м. С северной стороны ямы на уровне древней дневной поверхности обнаружены череп, ориентированный на запад и кости передних и задних ног коня. Вместе с ними найдены два железных арочных стремени, аналогичных паре из погребения 3-й Шляховский 1/1. размеры одного стремени 13,5х14,5 см. Высота сохранившейся части другого - 11,5 см, ширина 13,5 см. Ширина подножек 5 и 4,5 см (рис. 56, *6,7*). Вместе с костями лошади, ближе к краю могилы, лежала деревянная плаха.

Могильная яма имела прямоугольную форму. Длинными сторонами ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Размеры ямы 2,57 х 1,1 м, глубина от погребённой почвы 1,7 м. вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 0,15-0,2 м, высотой от дна 0,1 м (рис. 56,*1*).

На дне могилы, главным образом в её западной половине, обнаружены разбросанные кости мужчины старческого возраста. Среди костей находились фрагменты берестяного колчана и его железных деталей, в том числе крепление, пряжки, две круглые бляхи (рис. 56, *4-5*). В центральной и северо-восточной частях ямы найдены фрагмент наконечника стрелы тип BXI, обломок черешка другого наконечника, черешковый железный нож (рис. 56, *2,3*). В северо-восточном же углу ямы лежал бронзовый казанок с железной дужкой. Размеры 23х20 см, высота 6,2 см (рис. 56, *8*). На тулове сосуда присутствуют следы неоднократного ремонта.

39. I Шляховский 2. Хутор Шляховский, Фроловский район Волгоградской области.

Курган 2 имел высоту 0,16 м, диаметр 23 м. Насыпь распахана. На поверхности и в пахотном слое встречалось большое количество битых обожженных кирпичей. Непосредственно под пахотным слоем в центре кургана выявлена тонкая ровная прослойка серо-коричневого суглинка с размерами 7,5х5,0 м, мощностью 0,1 м., располагавшаяся над выявленной ямой и на древней погребенной почве вокруг нее. В насыпи кургана обнаружены несколько фрагментов костей мелких животных, угли (рис. 58, *1*).

Обнаруженное в центре кургана погребальное сооружение состояло из основной центральной камеры и ведущего к ней входа-коридора (рис. 58, *3*). Камера имела продолговатую форму, ориентированную углами по сторонам света. Длина сторон - 2,65 м (восточная), 2,7 м (северная и западная), 2,8 м (южная). Глубина от современной

поверхности 1,82 м. Сооруженный с восточной стороны входной коридор имел прямоугольную форму, длинной осью ориентирован по линии восток-запад. Его размеры: 2,45х1,53-1,33 м. В коридоре под легким наклоном от входа к камере были оставлены четыре ступеньки высотой 0,13; 0,23; 0,2; 0,36 м.

На дне северной половины камеры в один горизонтальный ряд были уложены обожженные квадратные кирпичи (размеры 23,5х23,5х7,0 см). Стены камеры и, частично, входного колодца также в один горизонтальный ряд были обложены подквадратным обожженным кирпичом. Для скрепления конструкции по углам использовались половинные кирпичи. Кладка была разрушена. Частично сохранились лишь два вертикальных ряда вдоль северной стенки камеры, четыре – вдоль западной, 16 – вдоль южной. У восточной стенки, к югу от входа в камеру, прослежено 11 рядов кирпичей, а к северу от него - четыре. Все кирпичи укладывались с перекрытием швов подстилающего ряда. В юго-восточном углу кладка под углом в 45° наклонена внутрь сооружения. Подобные конструкции, вероятно, первоначально имелись во всех углах, но оказались разрушены (рис. 59).

Сооружение было плотно заполнено битым обожженным кирпичом. Частично в засыпи камеры, а также на ее дне в переотложенном состоянии были обнаружены череп со следами бронзовых окислов на лбу и отдельные кости скелета взрослой женщины 30-35 лет (монголоид) и фрагменты черепа ребёнка 2-3-х лет. В заполнении также найдены: зуб домашнего животного, обломок железного гвоздя, стеклянная бусина зеленого цвета диаметром 0,55 см. Кроме того, из черепа женщины была извлечена бронзовая, покрытая позолотой ажурная нашивка в виде шестилепестковой фигуры (рис. 58, *2*). К её лицевой стороне крепились четыре гнезда для вставок. Центральное, большое, гнездо было изготовлено в виде цилиндра с тремя вертикально напаянными пластинами. В его основании содержалась дисковидная бронзовая пластинка с напаянными на нее восьмеркообразными проволочками. В гнезде с помощью пластин закреплена бирюзовая вставка. В двух из трех маленьких боковых гнездах также имелись вставки – одна из зеленого стекла, вторая из жемчуга. К лепесткам нашивки припаяны три фигурные розетки, две из которых имели по девять проволочных лепестков, а одна – десять. С обратной стороны нашивки к центральному гнезду напаян еще один цилиндрик, от которого отходят шесть дуг, обмотанных тонкой проволокой, противоположными концами крепившихся к основаниям боковых гнезд, к розеткам. Размеры нашивки 3,2х3,2 см. В засыпке, на полу, а также между кирпичами прямо в кладке были обнаружены шесть серебряных монет. Пять из них отчеканены в Сарай-ал-Джедиде при Джанибеке – по одной в 743, 746, 754 г.х. (1342/43, 1345/46, 1353/54 гг.) и две монеты – в 750-х г.х.(1350-н гг.). Одна монета чеканена в Гюлистане в 751 г.х. (1350/51 гг.). Погребение является развалинами мусульманского мавзолея (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993).

40. Ветютнев 2/3. Хутор Ветютнев, Фроловский район Волгоградской области.

Впускное погребение в кургане, расположенном в 4,5 км к ВЮВ от х. Ветютнев в группе из 10 исследованных насыпей. Диаметр кургана 42 м, высота 1,07 м. Погребение 3 расположено в 2.1 м к северу от центра кургана.

Могильная яма имела подпрямоугольную форму, углы закруглены. Длинными сторонами ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Площадь ямы 3,0х1,0 -0,9х1,35 м. В заполнении прослежены остатки деревянного перекрытия, сооружённого из длинных жердей диаметром до 10 см, которые были уложены вдоль ямы. Брёвна держались на поперечных плахах шириной до 7 см. Вдоль северо-западной стены сохранились три

бревна и три поперечные плахи, положенные на расстоянии 0,75 и 0,65 м друг от друга. Часть перекрытия рухнула в могилу, придавив колоду.

Размеры колоды 2,6 х 0,55 х 0,35 м (рис. 57,*1*). В колоде лежал скелет мужчины 55-60 лет. Погребённый ориентирован головой на СВ. Череп склонён вправо. Руки погребённого вытянуты вдоль туловища (рис. 57, *2)*.

На берцовых костях левой ноги лежал берестяной колчан, положенный устьем к колену. Его длина 0,68 м. По длинным сторонам колчана имеются двойные отверстия для прикрепления деревянного каркаса (рис. 57, *12*). Под левой бедренной костью найдены обломки железных деталей колчана (рис. 57, *13,14,16,17,20*). Между бедренными костями найдена железная пряжка близкая к типам IIAII или IIAIII. Размер пряжки 2,5х2,7 см (рис. 57, *15*). Возле дна колчана обнаружены четыре железные наконечника стрел типов BIV (2 экз.), BIX(1 экз.), BXI (1 экз.) (рис. 57, *8-11*). Внутри колчана найден деревянный черешковый наконечник стрелы ромбической формы, в сечении подовальный или линзовидный. Его длина 8,4 см, ширина 2,2 см (рис. 57, *8-11*). Здесь же лежали фрагменты древков стрел диаметром 0,8 см. Длина наиболее сохранившегося фрагмента 38,5 см (рис. 57, *5*). Один фрагмент содержал конечный участок с вырезом для тетивы. Под кистью правой руки лежало железное однолезвийное калачевидное кресало с выгнутыми наружу концами и выступом на внутренней стороне (тип БII). Размер кресала 7,5х3,4 см (рис. 57, *18*). Вместе с кресалом найден кремень (рис. 57, *19*). У кисти левой руки лежал обломок бронзового рыболовного крючка длиной 1,2 см (рис. 57, *6*). На колене и под правой бедренной костью найдены фрагменты нереконструируемых железных изделий. С внешней стороны правой берцовой кости на куске войлока лежала кожаная сумка. Сверху на сумке крепилась бронзовая обойма. На костях ступней ног прослежены остатки кожи от сапог. В ногах у края колоды найден железный нож с прямым лезвием, треугольный в сечении, с прямым черенком. Длина ножа 10,6 см (рис. 57, *7*). (Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993).

41-52. Глазуновский могильник. Станица Глазуновская, Кумылженский район Волгоградской области. Могильник расположен в 2 км южнее станицы Глазуновская. Состоит из 56-ти курганов, из которых изучено 16. 12 курганов относятся к средневековью. Недалеко расположено средневековое селище и следы постройки, предположительно мечети.

41. Глазуновский 1. Погребение основное. Диаметр кургана 8,8 м, высота 0,7 м. Яма прямоугольной формы ориентирована по линии С-Ю. Площадь ямы 2,2х1,1 м, глубина 1,1 м. На дне ямы на тонкой деревянной подстилке обнаружены кости погребённого, лежащего в вытянутом положении на спине, ориентированного на север. Череп покоился на затылке. Кости левой и правой рук, слегка согнутые в локтях, лежали на тазовых костях (рис. 60, *1*). У правого плеча погребённого лежали фрагменты железного ножа. Рукоятка деревянная, длиной 3,1 см. Лезвие ножа – в кожаном чехле. Рукоять у перекрестья ограничена бронзовым кольцом (рис. 62, *3*). Железное кольцо (вероятно, пряжка типа IIAIII) найдено между ног погребённого. Диаметр его 3,2 см (рис. 63,*3*).

42. Глазуновский 2. Погребение основное. Диаметр кургана 8 м, высота 0,5 м. В насыпи встречены мелкие древесные угольки. Могильное пятно прямоугольного очертания с закруглёнными углами. Длина ямы 2,6 м, ширина 1,1 м., глубина 0,5 м. Яма ориентирована длинными сторонами по линии З-В (рис. 61, *5*). На дне ямы на тонкой подстилке из дерева в вытянутом положении лежал женский скелет, ориентированный головой на запад. Кости рук вытянуты вдоль туловища. Вещей в погребении не обнаружено.

43. Глазуновский 3. Погребение основное. Диаметр кургана по линии С-Ю 10 м, по линии З-В – 8 м. высота 0,4 м. Могильное пятно прямоугольной формы, ориентировано длинными сторонами по линии запад-восток. Площадь ямы 2х0,88 м, глубина 0,4 м. На дне ямы в вытянутом положении лежал мужской скелет, ориентированный черепом на запад. Кости рук лежали на тазовых костях (рис. 60, *4*). Вещей в погребении не обнаружено.

44. Глазуновский 4. Погребение основное. Диаметр насыпи по линии С-Ю 10 м, по линии запад-восток -7,9 м. Высота 0,4 м. На уровне погребённой почвы в 1 м. на ЮВ от центра кургана были обнаружены фрагменты кувшина гончарной работы. Кувшин имеет прямой венчик, переходящий в округлое тулово. На плечике и по широкой части тулова проходят параллельные горизонтальные линии. Кувшин имел широкую ручку, сломанную в древности. Диаметр дна сосуда 8 см. Тесто в изломе жёлтое (рис. 63,*1*). В северном секторе кургана обнаружено могильное пятно прямоугольного очертания с закруглёнными углами, ориентированное по линии З-В. Длина 2,19 м, ширина 0,8 м, глубина 0,6 м. Яма перекрыта тонким слоем плах, уложенных по длинной оси ямы. Погребённый лежал на подстилке из куги вытянуто на спине. Ориентировка западная. Кости правой руки согнуты в локте (рис. 60, *2*). Вещей в погребении не обнаружено.

45. Глазуновский 5. Погребение основное. Диаметр кургана 10 м, высота 0,6 м. В центре кургана на глубине 0,25 м от вершины найден фрагментированный железный серп. Длина серпа 32 см. (рис. 62, *2*). В центре кургана обнаружена могильная яма, ориентированная длинными сторонами по линии З-В. Яма имела деревянное перекрытие. Вдоль всех стен на уровне перекрытия лежали железные сферические клёпки (рис. 64, *6*) и железные гвозди с широкой шляпкой (рис. 64, *11*). На дне ямы на подстилке из дерева лежал женский скелет, ориентированный головой на запад. Череп лицевой частью обращён к югу. Руки погребённой вытянуты вдоль туловища (рис. 60, *3*). У правого локтя лежали кости барана.

При погребённой находился довольно многочисленный и разнообразный набор вещей. Железные ножницы длиной 15 см лежали у северной стены ямы на уровне перекрытия (рис. 63, *6*). Обнаружены фрагмент серебряного изделия, бронзовые ажурные бляхи-нашивки сердцевидной формы из тонкой бронзовой проволоки с зернью. Размеры 1,5х1,1 см. Одна бляха лежала в юго-западном углу ямы (рис. 64, *14*). Под черепом погребённой найдена серебряная височная подвеска в виде знака вопроса (тип VI). На конце стержня – тетраэдр (рис. 62, *5*). На шейных позвонках выявлены стеклянные бусины цилиндрической и округлой формы (рис. 65, 3). У правой ноги погребённой собран бисер (рис. 62, 12-15). В юго-западном углу ямы лежал однолезвийный железный нож, на котором сохранились следы деревянного футляра. Длина ножа 7,4 см (рис. 63, *4*). В погребении был ещё один нож - фрагмент длиной 6,5 см (рис. 64, *2*), лежал в кожаной сумочке.

Бронзовое фрагментированное зеркало лежало в юго-западном углу ямы. На тыльной стороне имеется бортик, орнамент имеет неясные очертания. Диаметр 10,4 см (рис. 64, *3*). Зеркало лежало в ажурной кожаной сумке (рис. 64, *6*). Сумка сшита из двух половин. Роль декоративного фона выполняет ткань. Бронзовая квадратная бляшка обнаружена в юго-восточном углу ямы. Изготовлена из двух тонких бронзовых пластин, которыми обтянут кусок бересты. На внешней стороне – растительный орнамент, на тыльной стороне имеется три петли, по краям бляхи – три сквозные отверстия (рис. 64, *7*). Квадратная серебряная бляха-нашивка лежала у правой ноги погребённой. Размеры 3,8 х 4 см. орнамент растительный. Имеются две петли для крепления (рис. 64,

9). Бронзовый перстень был надет на палец левой руки. Диаметр кольца 2 см, размеры щитка 0,5х1 см. На щитке слабо различим геометрический орнамент (рис. 64, *4*). На груди погребной выявлены бронзовые пуговицы в виде полого шарика с высокой петлей (рис. 62, *4*).

В ногах погребённой лежал бронзовый сосуд (рис. 62,*1*). Венчик изломан. Контур тулова сегментовидный. Диаметр 18 см, высота 7 см. дно имеет отверстие диаметром 0,7 см, заткнутое деревянной пробкой. Внутри сохранились остатки деревянной прокладки. Дно сосуда закопченное.

Найден элемент украшения бокки – крестовидная железная основа, обтянутая вокруг бронзовой проволокой с нанизанным на неё мелким бисером. Имеется штырь для крепления со следами древесных волокон (рис. 65, *5*). Рядом с этими деталями лежали стеклянные вставки диаметром 0,7 см (рис. 64, *10*). Фрагмент серебряной фибулы длиной 8 см находился у правой руки погребённого (рис. 64, *5*). Найденный в погребении амулет представляет собой деревянный цилиндр, обтянутый материей. По всей поверхности цилиндр покрыт ажурным орнаментом из крученых нитей. К цилиндру прикреплён глазок из стекла в бронзовой обойме (рис. 65, *2*).

46. Глазуновский 6. Погребение основное. Диаметр кургана 9 м, высота 0,4 м. В насыпи кургана на глубине 0,2 м на юго-запад от центра были обнаружены фрагменты лепной керамики.

Могильное пятно ориентировано по линии З-В. Площадь ямы 2,15 х 0,8 м, глубина – 0,7 м.

Мужской скелет лежал на подстилке из куги в вытянутом положении черепом на запад. Череп лежал на левой стороне, обращённый лицевой частью на север. Кисти располагались на лобковых костях (рис. 61, *1*). Вещей в погребении не обнаружено.

47. Глазуновский 9. Погребение основное. Диаметр кургана 9,1 м, высота 1 м. прямоугольная могильная яма ориентирована длинными сторонами по линии С-Ю. Длина ямы 2,15 м, ширина 1,05 м, глубина 0,65 м. В заполнении прослежены остатки перекрытия, уложенного вдоль ямы.

Погребённая женщина лежала головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища (рис. 60,*5*). Под черепом погребённой найдена бронзовая подвеска в виде знака вопроса (тип VI). Основание сломано в древности. На стержень намотана тонкая проволока. Длина 2.3 см (рис. 62, *17*).Две стеклянные вставки диаметром 0,8 см находились у головы и у левого колена погребённой. Одна вставка зелёного цвета диаметром 1,2 см лежала у правой тазовой кости (рис. 62, *10*). Набор бус собран у шейных позвонков. Диаметр бусин – 0,3 см. Одна бусина сделана из фрагмента керамики с голубой поливой (рис. 62, *16, 18, 19*). Две белые стеклянные бусины найдены у правой кисти погребённой. Диаметр 0,6 см (рис. 62, *9*). Тонкие бронзовые штампованные бляхи-нашивки сердцевидной формы были встречены на дне в разных местах ямы: сердцевидная, оконтуренная валиком, размер 1,5х1,5 см (рис. 64, *13*); округлая, с изображением цветка, диаметр 0,5 см (рис. 64, *12*). В бляхах имеются отверстия для пришивания. Кроме того, найден фрагмент бронзовой бляхи-нашивки, склепанной на берестовой основе. Орнамент представляет собой рельефное изображение двух сидящих собак, обращённых друг к другу. По краю бляхи проходит выступающий валик. На внутренней стороне выполнены три петли для крепления (рис. 62, *7*). Фрагментированный железный нож со следами кожаного футляра на лезвии лежал под правым локтем, острием к ладони. Длина фрагмента 2,5 см. На ногах погребённой обнаружены фрагменты кожаных изделий.

48. Глазуновский 10. Погребение основное. Диаметр кургана 3,5 м, высота 0,65 м. Могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Длина ямы 2,5 м, ширина 0,86 м, глубина 0,56 м. На тонкой деревянной подстилке (волокна вдоль ямы) лежал скелет мужчины головой на ССВ. Руки погребённого вытянуты вдоль туловища (рис. 60, *6*). У правой кисти погребённого лежал фрагмент железного ножа (рис. 63, *2*). Два фрагмента железной пластины – предметы неопределённого назначения – лежали у пяточной кости правой ноги и между позвоночником и левой рукой погребённого. Длина фрагмента 3 см (рис. 64, *15*).

49. Глазуновский 12. Погребение основное. Диаметр кургана 8,5 м, высота 0,6 м. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии З-В. Длина ямы 2,54 м, ширина 0,95м, глубина 0,95м. Погребённая женщина ориентирована головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ладонями к бёдрам (рис. 61, *2*). Несколько выше правого плеча погребённой лежала бронзовая височная подвеска в виде знака вопроса (тип VI). Длина 4,7 см. На стержень намотана тонкая бронзовая проволока. На нижней части стержня две белые стеклянные бусины (рис. 63, *7*).

50. Глазуновский 14. Погребение основное. Диаметр кургана 8 м, высота 0,7 м. Прямоугольная могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Длина ямы 2,4 м, ширина 0,65 м, глубина 0,5 м. В заполнении ямы встречены мелкие угольки. Скелет мужчины лежал черепом на северо-восток. Кости правой руки лежат вдоль туловища, левой – на левой тазовой кости (рис. 2,3). В погребении найден железный однолезвийный нож. Длина лезвия 10 см, длина черешка 2,3 см (рис. 3,8). На костях ног находились фрагменты неопределённого железного предмета.

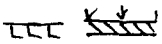
51. Глазуновский 15. Погребение основное. Диаметр кургана 7,5 м, высота 0,5 м. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Длина ямы 2 м, ширина 0,93 м, глубина 0,53 м. Женский скелет лежал черепом на СВ. Кисти – на тазе (рис. 61, *4*).

Под челюстью погребённой с правой стороны обнаружена серебряная подвеска в виде знака вопроса со сломанным стержнем. Часть стержня обмотана тонкой проволокой. Длина подвески 6 см. диаметр кольца 2,4 см (рис. 63, *5*). За головой погребённой находились фрагменты железного предмета (рис. 65, *4*). Между туловищем и левой рукой умершей - фрагмент ножниц (рис. 64, *1*). На правой тазовой кости лежал бронзовый напёрсток современного облика (рис. 62, *8*).

52. Глазуновский 16. Погребение основное. Диаметр кургана 7 м, высота 0,3 м. В насыпи встречены фрагменты керамического сосуда. Тесто в изломе красноватого оттенка, поверхность залощена. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Длина ямы 2,05 м, ширина 0,7м, глубина 0,7 м. Скелет мужчины ориентирован на СВ. Руки погребённого вытянуты вдоль туловища (рис. 62, *11*).Вещей в погребении не обнаружено. (Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993).

53-54. Могильник у х. Шемякинский, Новохоперский район Воронежской области. Могильник исследовался в начале 1890-х годов. Материалы раскопок не сохранились. Были исследованы два позднекочевнических кургана. Курганные насыпи сооружены с использованием камня. Над могильными ямами устроены каменные своды. В обоих погребениях погребенные лежали в деревянных гробах головой на восток. В погребениях найдены бронзовые серьги (тип ?), кольца, наконечник копья (тип?), бусы, бараньи кости в разбитых кувшинчиках. Хронологическая позиция в пределах XII-XIV вв. неопределённая (Цыбин М.В., 1986).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Условные обозначения

 – дерн

– чернозем

– могильный выкид

 – погребенная почва

 – деревянные обгорелые жерди

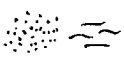
– ямы – кенотафы и каменные площадки

– дерево

– кости животного

– границы вторичной досыпки

– ровик в плане

 – органическая подстилка

 – материк

– камни

– уголь

– зола

– глина

– берестяная подстилка

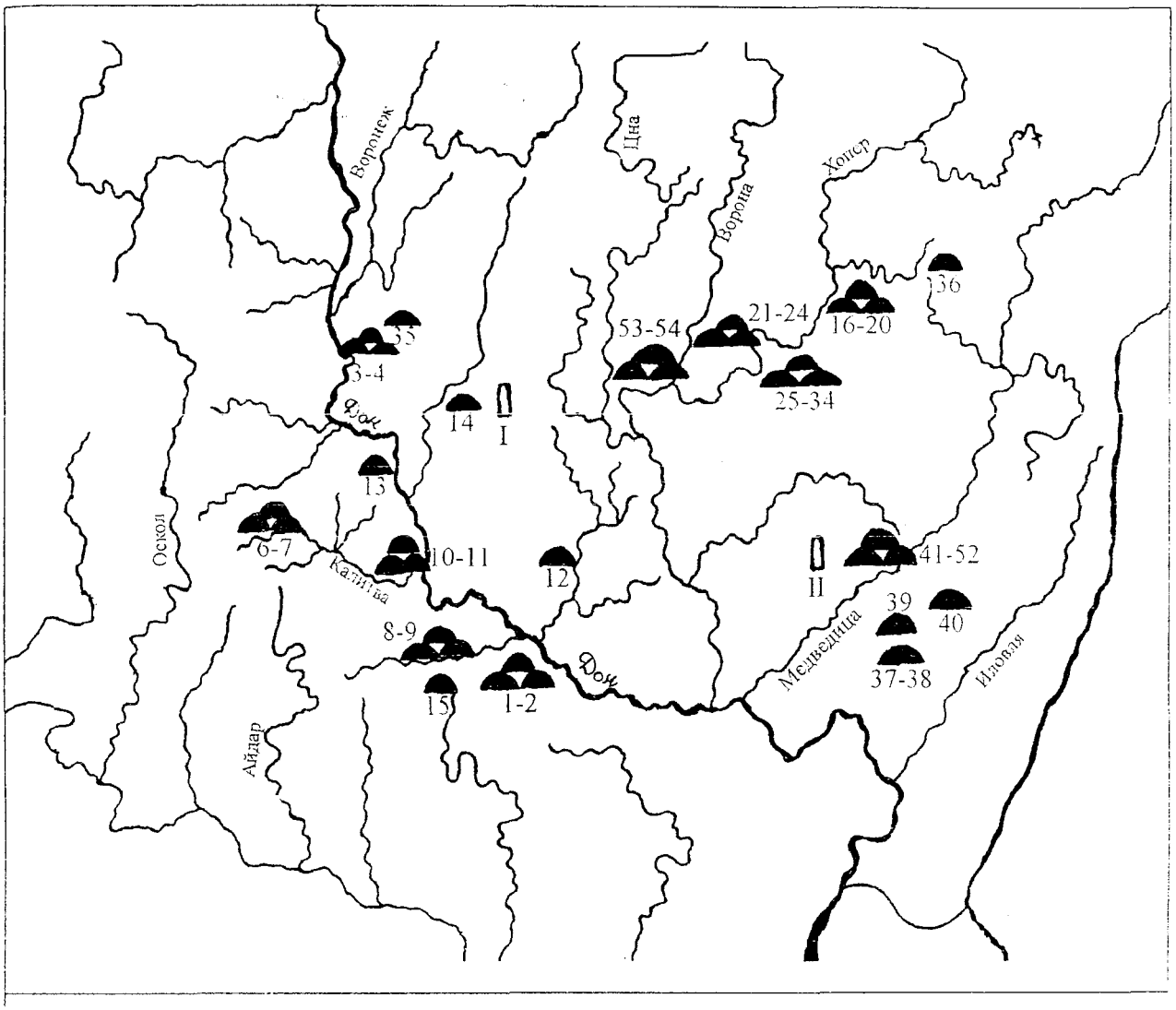
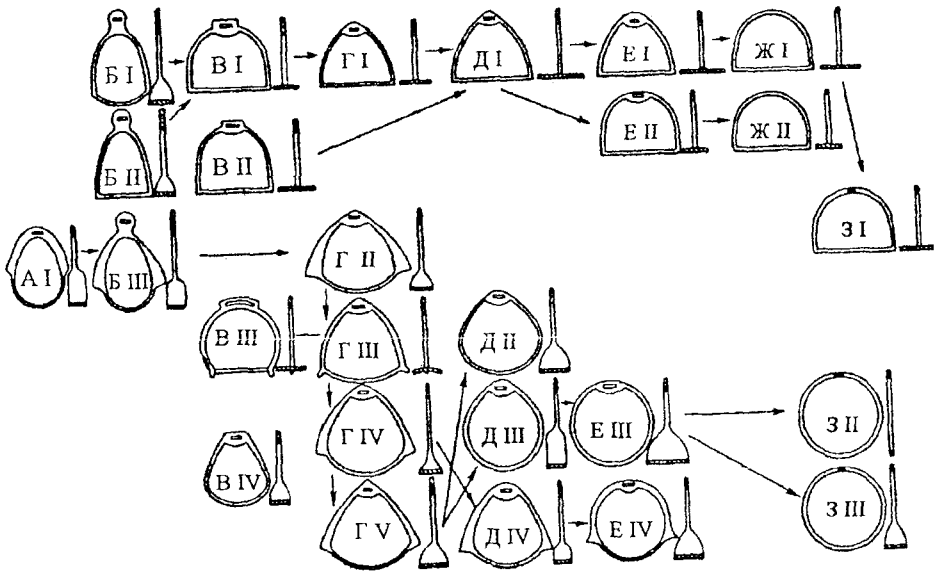


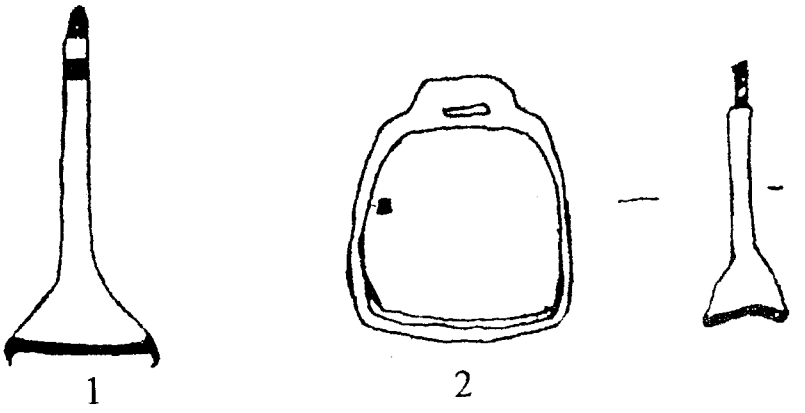
Рис. 1.

Памятники золотоордынского периода на Среднем Дону

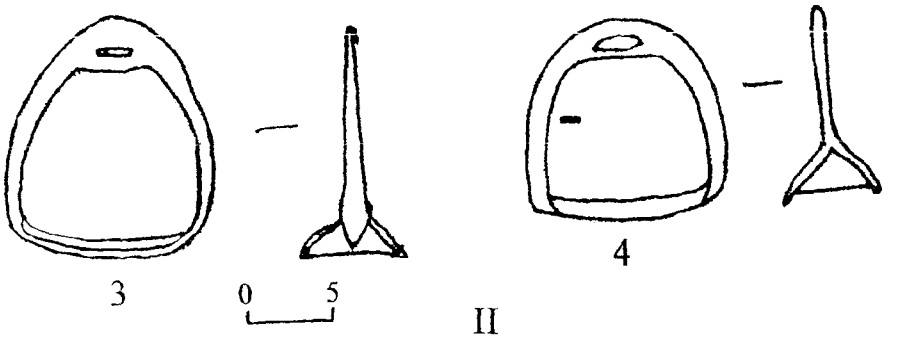
I – мавзолей-мечеть у Красного хутора; II – предполагаемая мечеть у Глазуновской. 1-54 – курганы: 1-2 – Высокая Гора; 3-5 – Олень-Колодезь; 6-7 – Караяшник; 8-9 – Вервековский (III Богучарский) могильник; 10-11 - Старая Калитва; 12 – Новомеловатка; 13 – Марки; 14 – Новый Буравль; 15 – Лофицкое; 16-20 – Лесное; 21-24 – I Власовский могильник; 25-34 – Третьяки; 35 – Рыкань; 36 – Мелик; 37-38 – III Шляховский могильник; 39 – I Шляховский могильник; 40 – Ветютнев; 41-52 – Глазуновский могильник; 53-54 – Шемякинский могильник



I



1 2



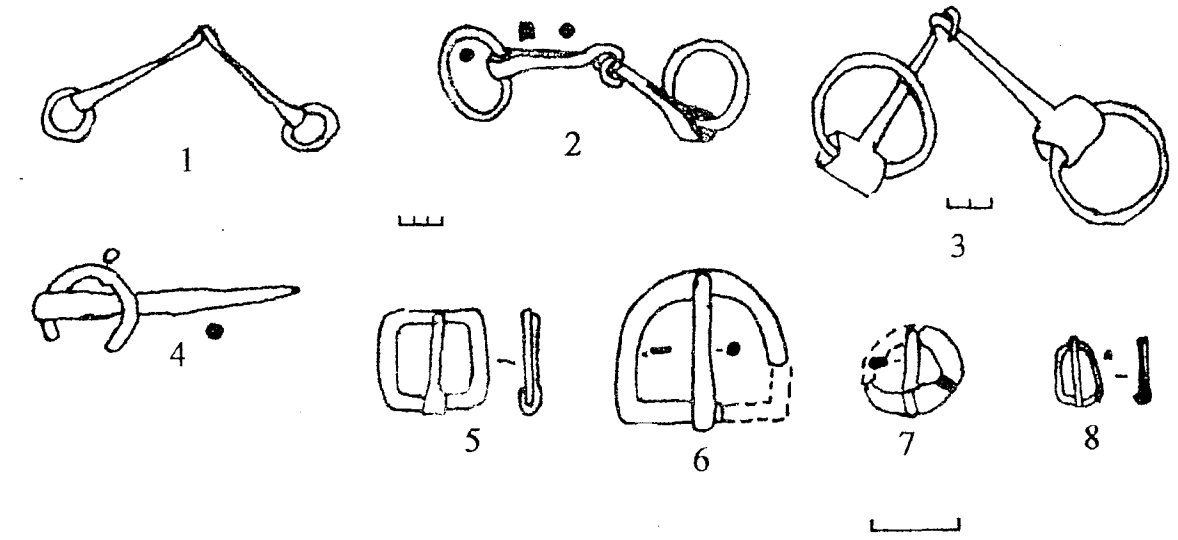
3 4

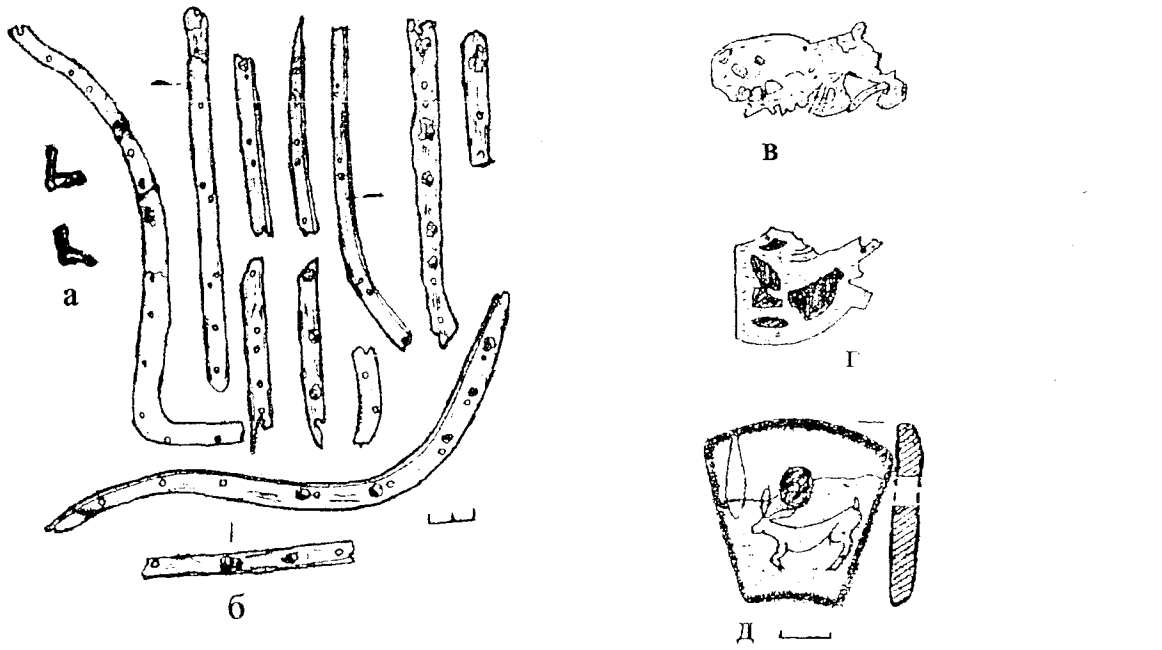
II

Рис. 2.

Типология вещей. Конская сбруя

I - стремена. Эволюционная схема (по Г.А.Фёдорову-Давыдову); II - стремена из погребений Среднего Подонья: 1 – вариант оформления подножки; 2 –тип, близкий к BII; 3 – тип ДI; тип EI





9

Рис. 3.
Типология вещей. Конская сбруя

1-4 – удила: 1 – тип ГI; 2 – тип ГII; 3 – тип ГII-ГIV; 4 – тип BI; 5-8 – железные пряжки: 5 –IIAI, 6 – IIAII, 7 – IIAIII, 8 – IIAIV; 9 – детали седла: а – железные предметы, б – костяные пластины-накладки, в, г, д – костяные поделки

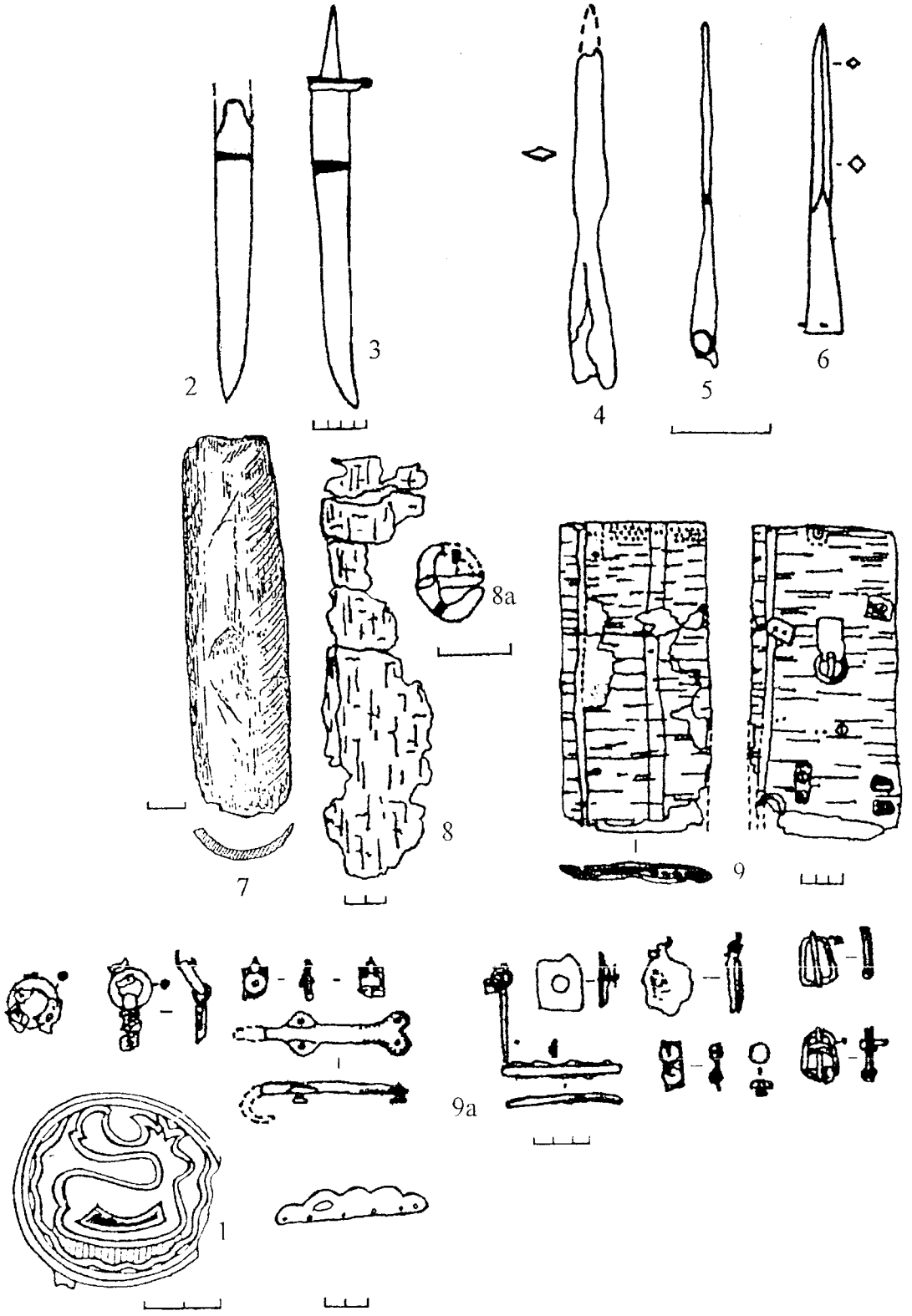


Рис. 4.

Типология вещей. Вооружение

1, 8-10 – детали колчанов: 1 – накладка (кость); 8, 9 – корпусы, 8а, 9а – железные детали; 11 – петля типа AVII (кость); 2, 3 – кинжалы (железо); 4-6 – наконечники копий: 4, 6 – тип I; 5 – тип II; 7 – срединная накладка на лук (кость)

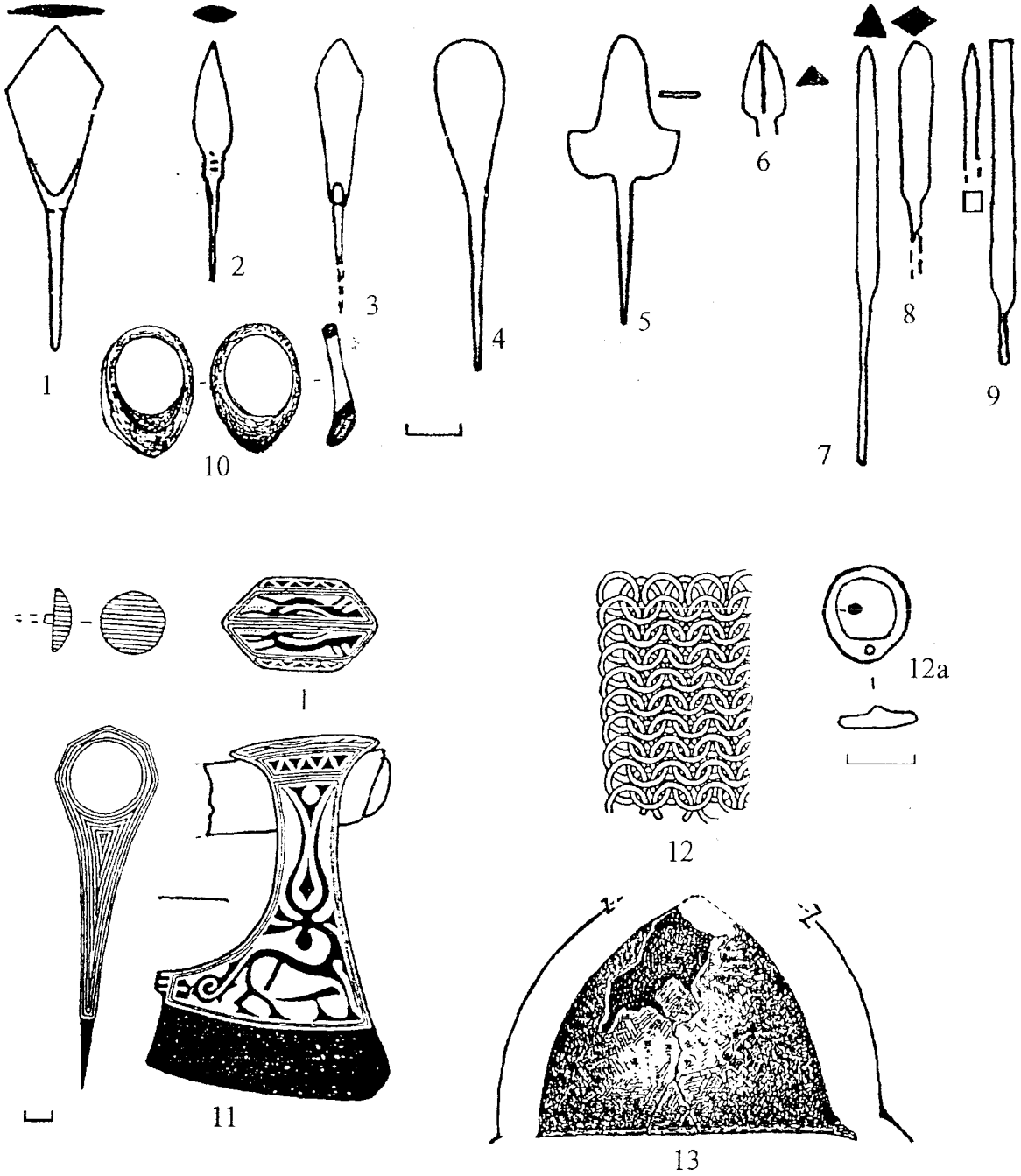


Рис. 5.
Типология вещей. Вооружение

1-9 – наконечники стрел (железо): 1 – тип BI (52); 2 – тип BI (61); 3 – тип 65; 4 – тип BXIII (67); 5 – тип 72; 6 – тип 76, вариант 3; 7–9 – тип 95; 10 – кольцо для предохранения пальца при натяжении и спуске тетивы (ракушка); 11 – боевой топор (железо, золотая инкрустация); 12, 12а фрагмент и кольцо кольчуги (железо, позолота); 13 – шлем (железо)

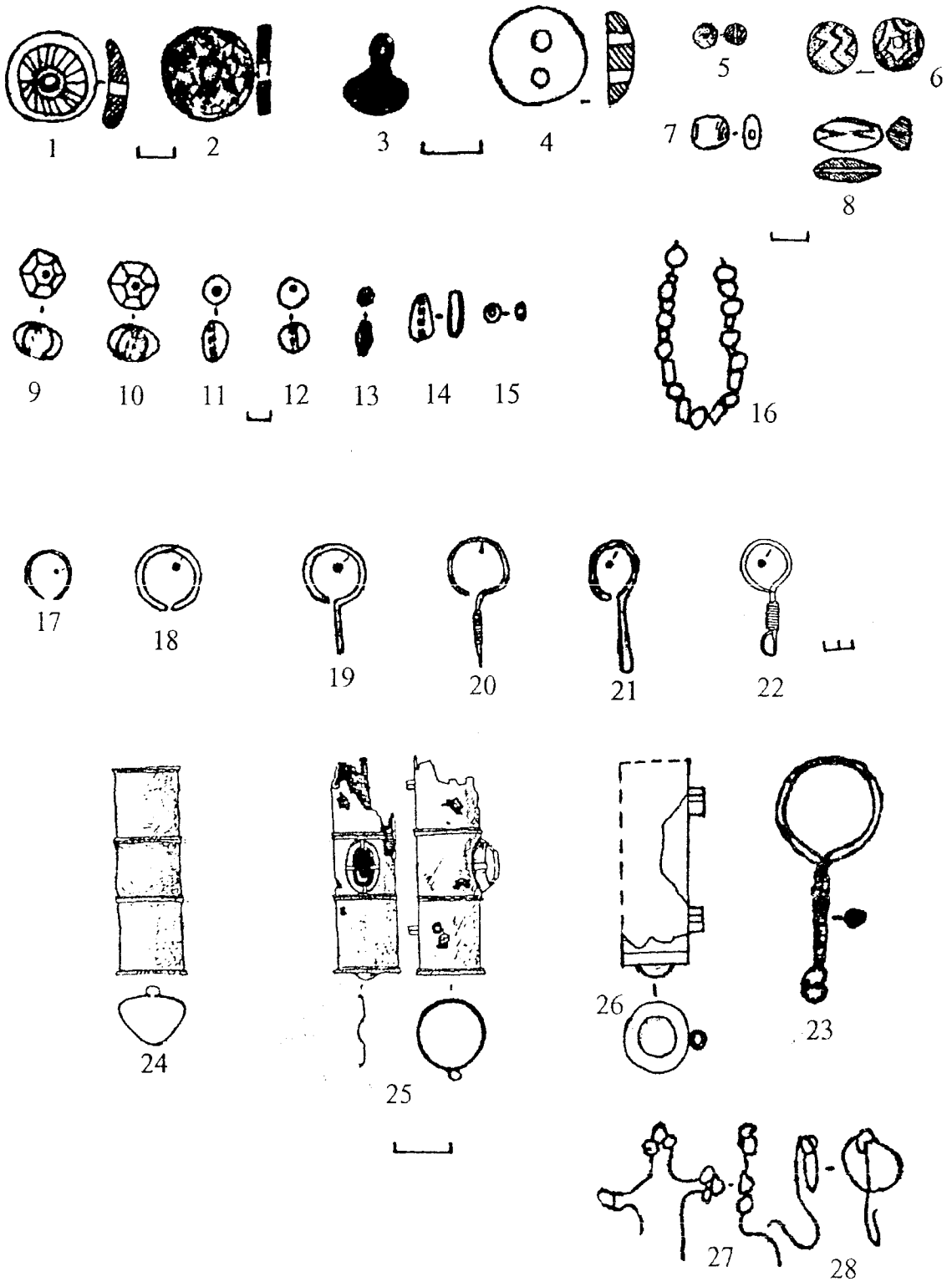


Рис. 6.

Типология вещей. Одежда и украшения

1-4 – пуговицы: 1 – БI; 2 –БII; 3 – AIV; 4 - BI (1, 2 – кость, 3 – серебро, 4 – фаянс); 5-16 – бусины (5, 7, 16 – стекло; 6, 15 – паста; 8, 14 – янтарь; 9, 10 – гагат; 11, 12 – хрусталь, 13 – сердолик); 17-22 – подвески: 17-18 – тип I; 19-23 – тип VI; 24-26 – цилиндрические (24 –золото; 25- серебро, стекло; 26 - серебро; 27- 28 – бронза)

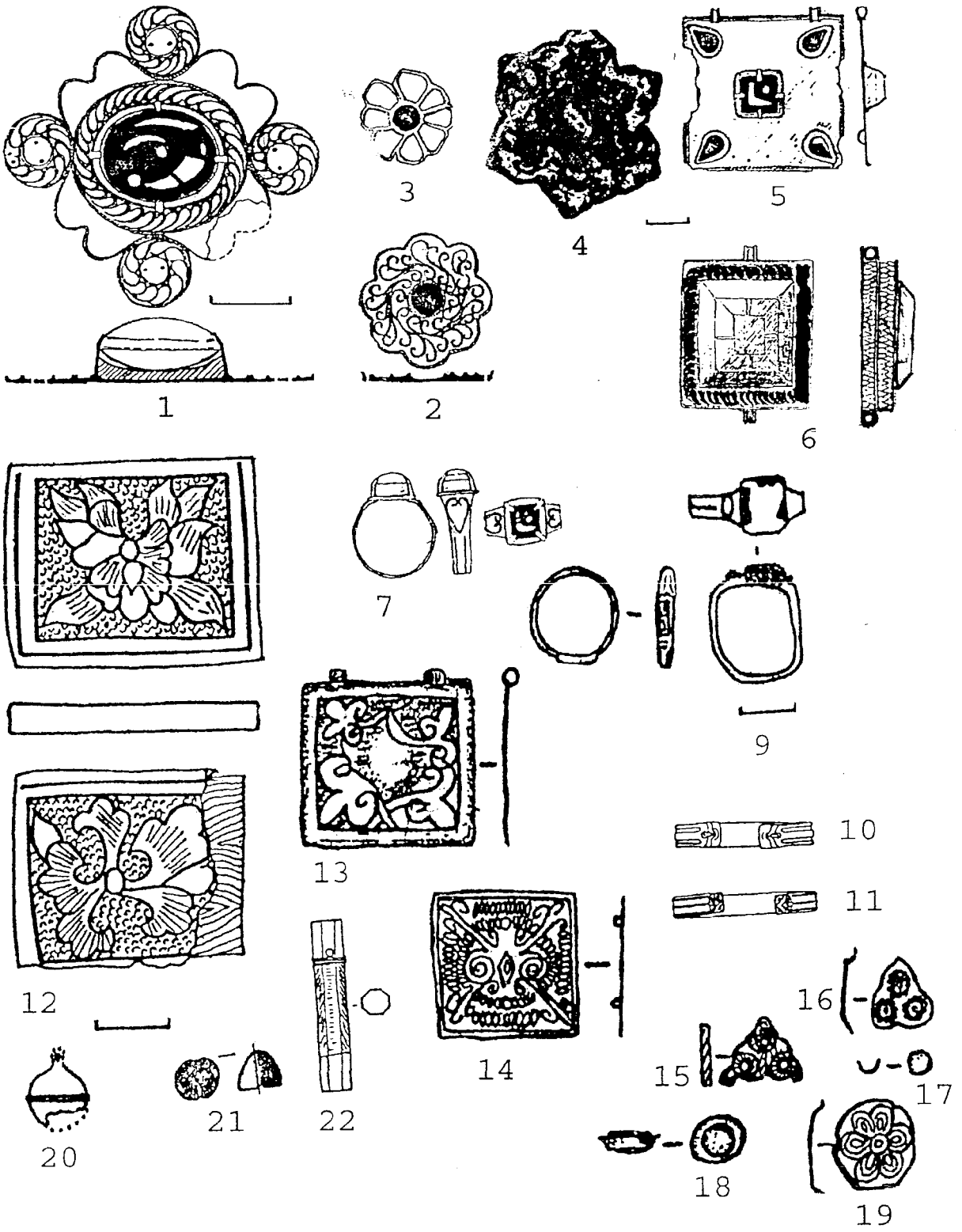


Рис. 7.
Типология вещей. Одежда и украшения

1-6, 12-19 – бляхи-нашивки на одежду (золото серебро, бронза, стекло); 7-9 – перстни (7, 9 – золото; 8 – бронза); 10-11 – браслеты (серебро); 20-21 – бубенцы (20 – серебро, 21- бронза), 22 – амулет (стекло, позолоченное серебро)

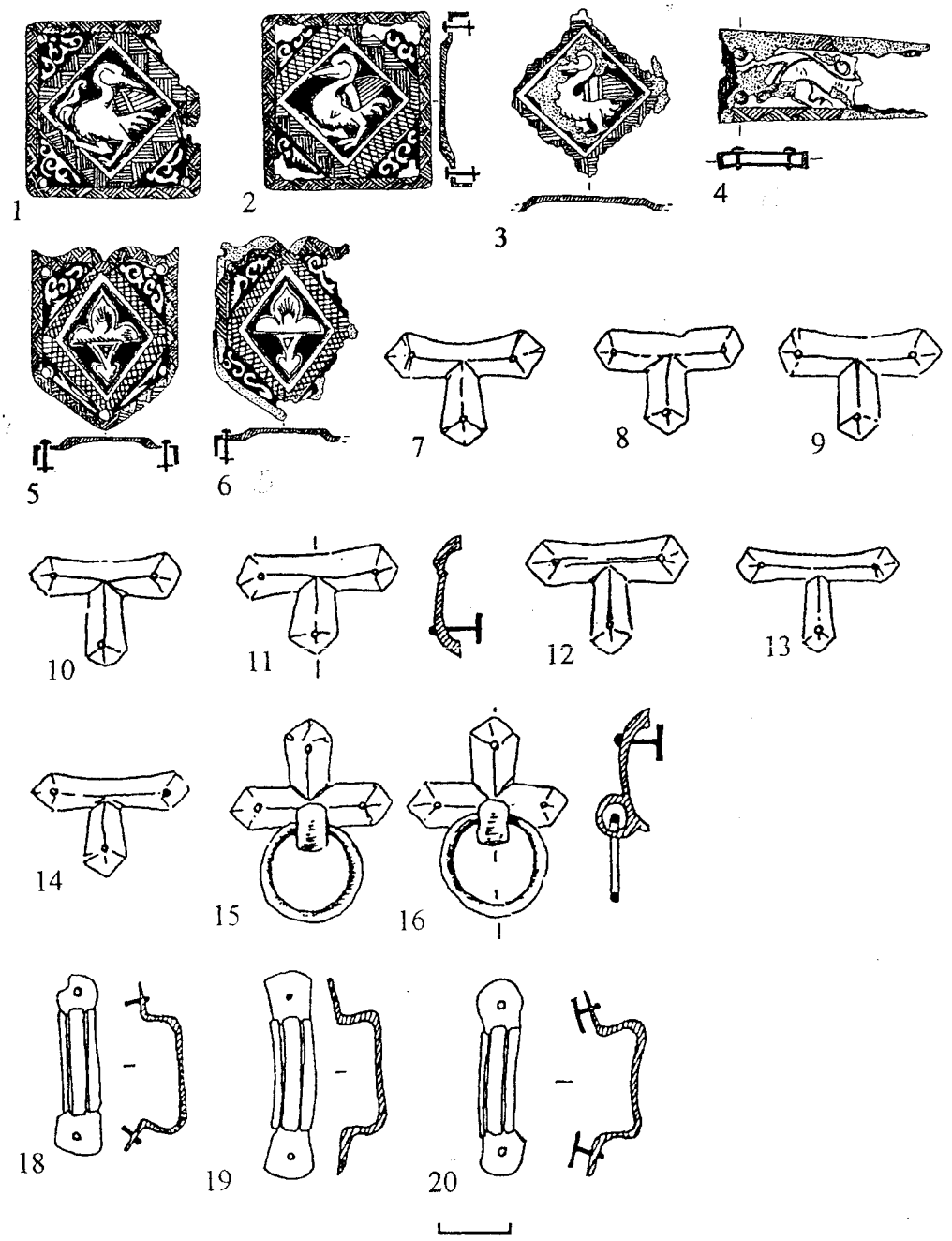


Рис. 8.
Типология вещей. Одежда и украшения.
Поясной набор (Высокая гора 2/1)

Детали (серебряный сплав): 1-3 квадратные плоские; 5,6 – в форме геральдического щита; 4 – конечная бляха; 7-16 – трехлопастные (два варианта); 18-20 – скобовидные.

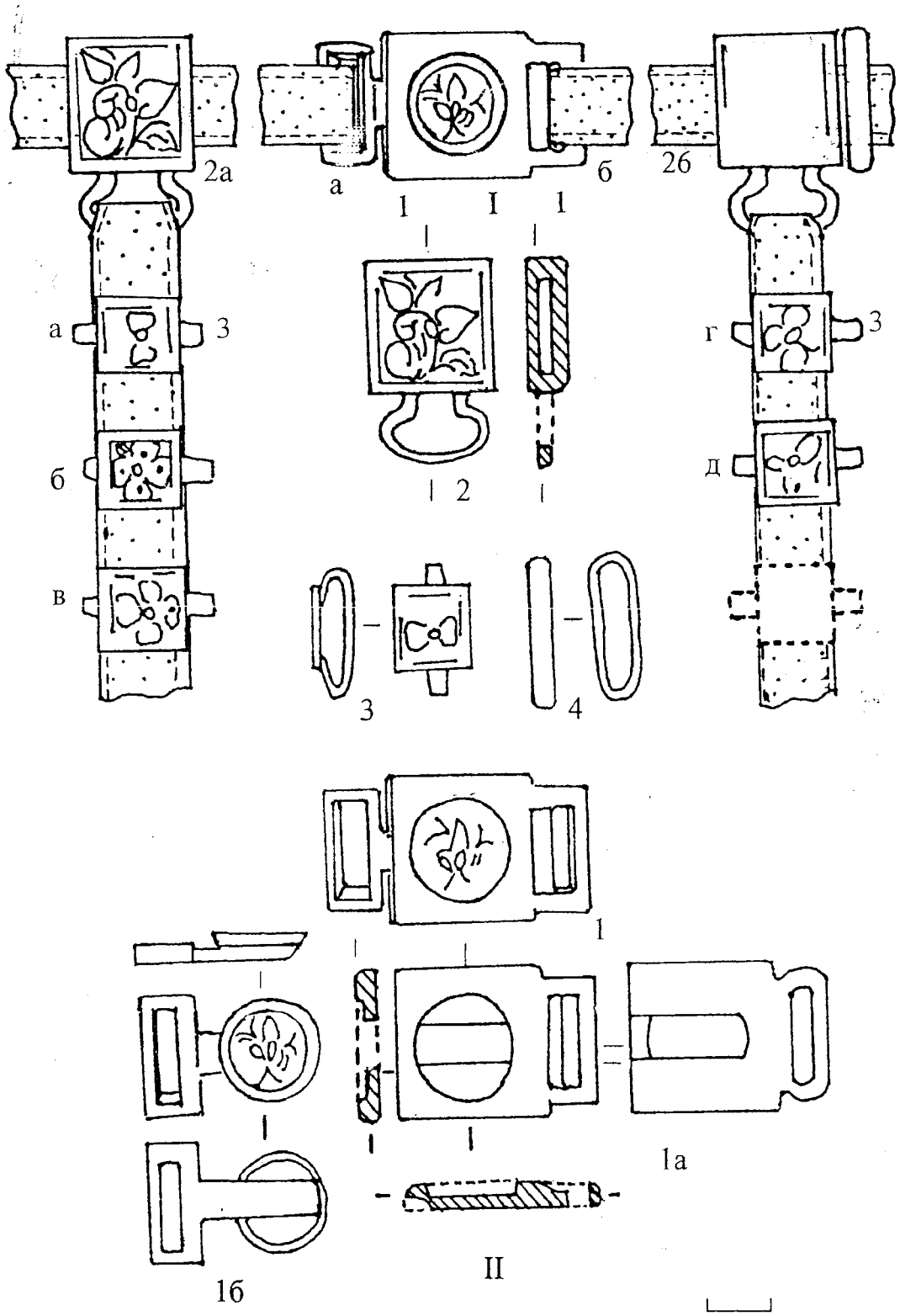
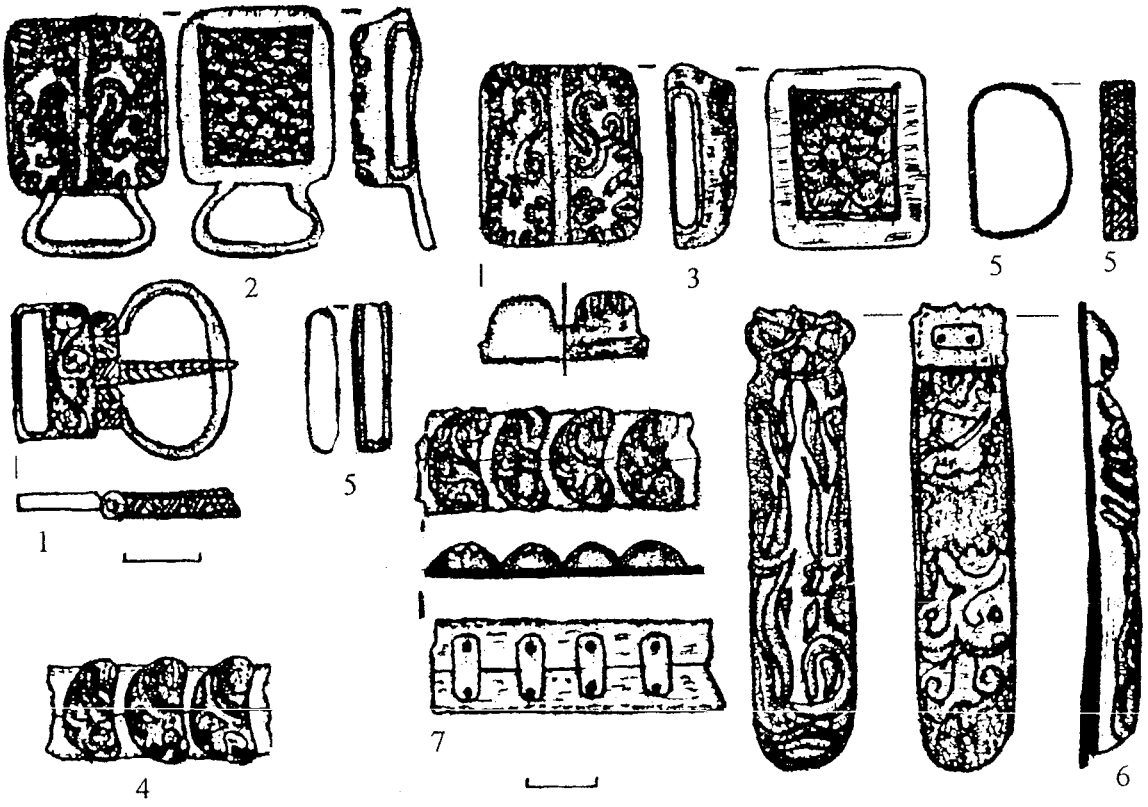


Рис. 9.

Типология вещей. Одежда и украшения. Поясной набор (Ст. Калитва 2/1)

I - Наборный пояс (реконструкция). II – Детали пояса (серебро): 1 – пряжка в сомкнутом виде; 1а – основная часть пряжки, 1б – вставная часть пряжки; 2а, 2б – бляхи-обоймы со скобами, 3, 3 а-д - бляхи без скоб; 4 – кольцо



I

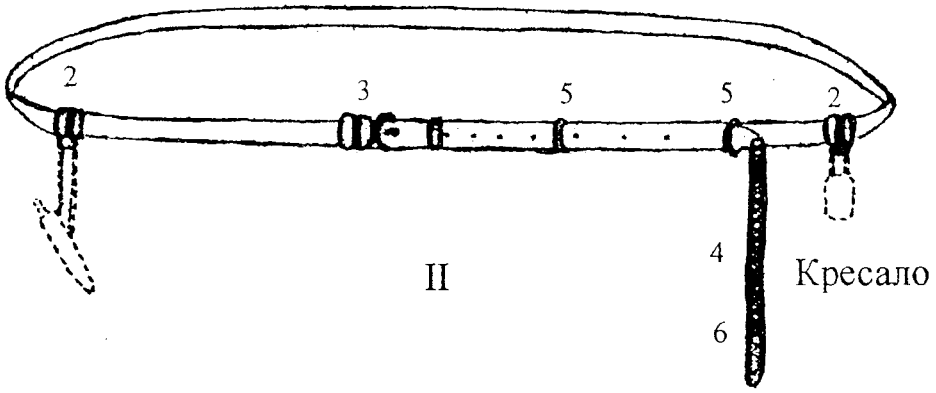


Рис. 10.

Типология вещей. Одежда и украшения. Поясной набор (I Власовский 15/3)

I - детали набора (серебро, костяная основа): 1 – пряжка; 2-3 – бляхи-обоймы; 4 – бляхи-полулунницы; 5 – кольцо; 6 – конечная бляха; 7 – образец крепления. II – наборный пояс (реконструкция)

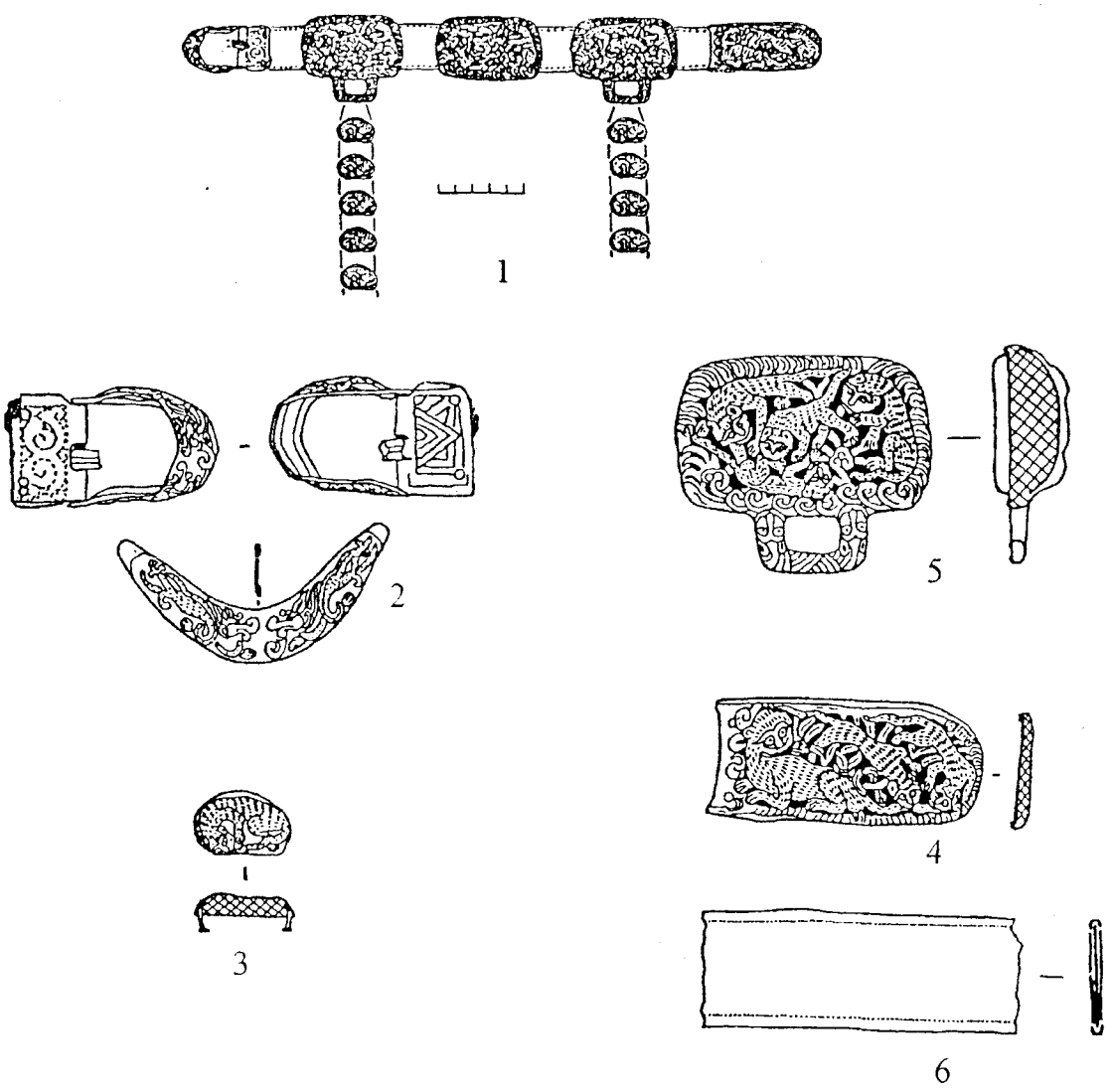


Рис. 11.

Типология вещей. Одежда и украшения. Поясной набор (Олень-Колодезь 7/1)

1 – наборный пояс (реконструкция); 2 – пряжка; 3 – бляхи-полулунницы; 4 – конечная бляха; 5 – бляхи-обоймы; 6 – образец крепления

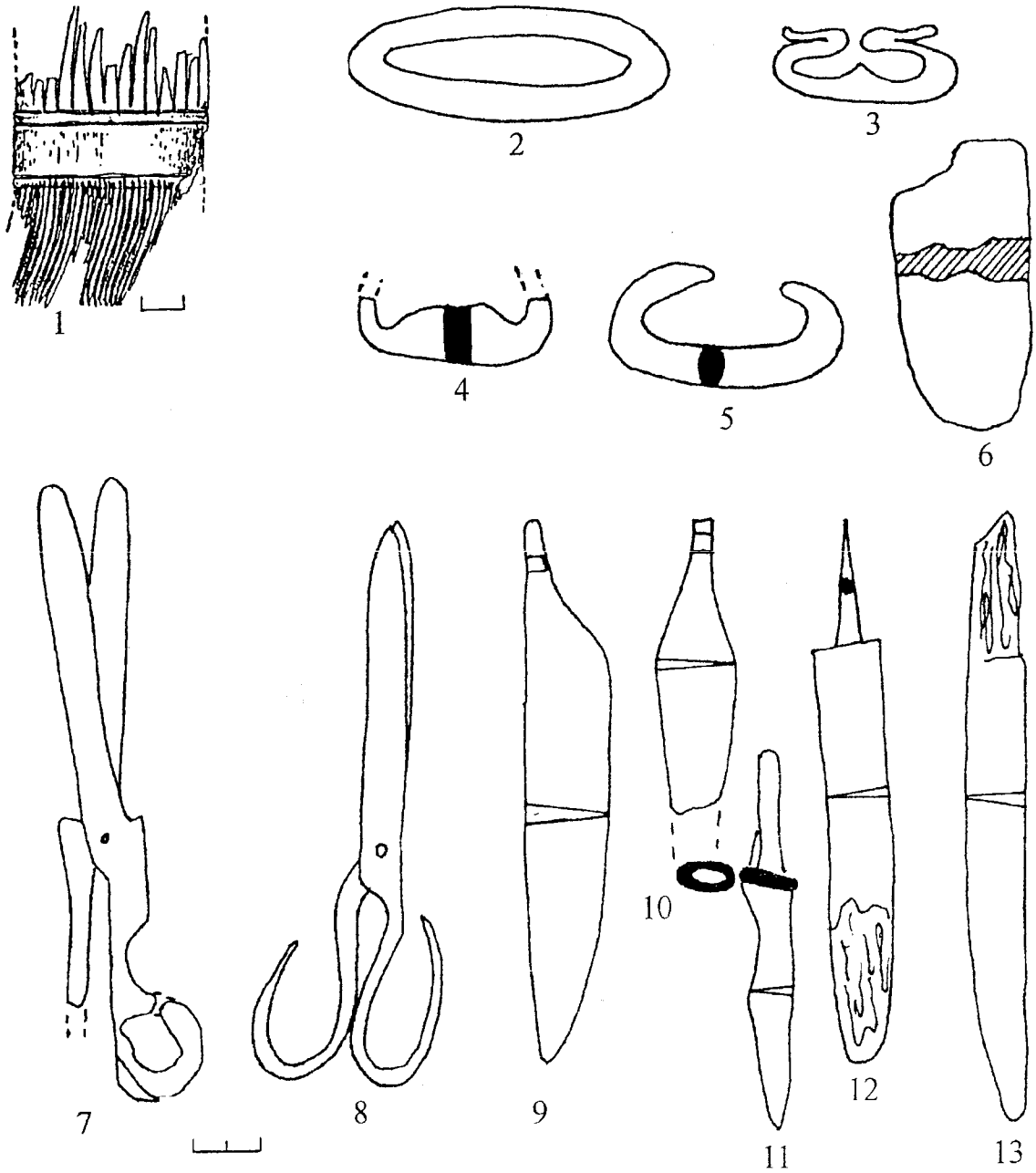


Рис. 12.
Типология вещей. Бытовые предметы

1 – гребень двусторонний (дерево); 2-6 – кресала (железо): 2 – тип АII; 3 – тип БII; 4 – тип БIII; 5 – тип БIII (?); 6 – кресало из погребения Высокая Гора 2/1; 7, 8 – ножницы (железо): 7 – тип III, 8 – тип II; 9-13 – ножи (железо, дерево, бронза): 9 – тип 1; 10 – тип 2; 11 – тип 3Б; 12 – тип 3А; 13 – тип 4

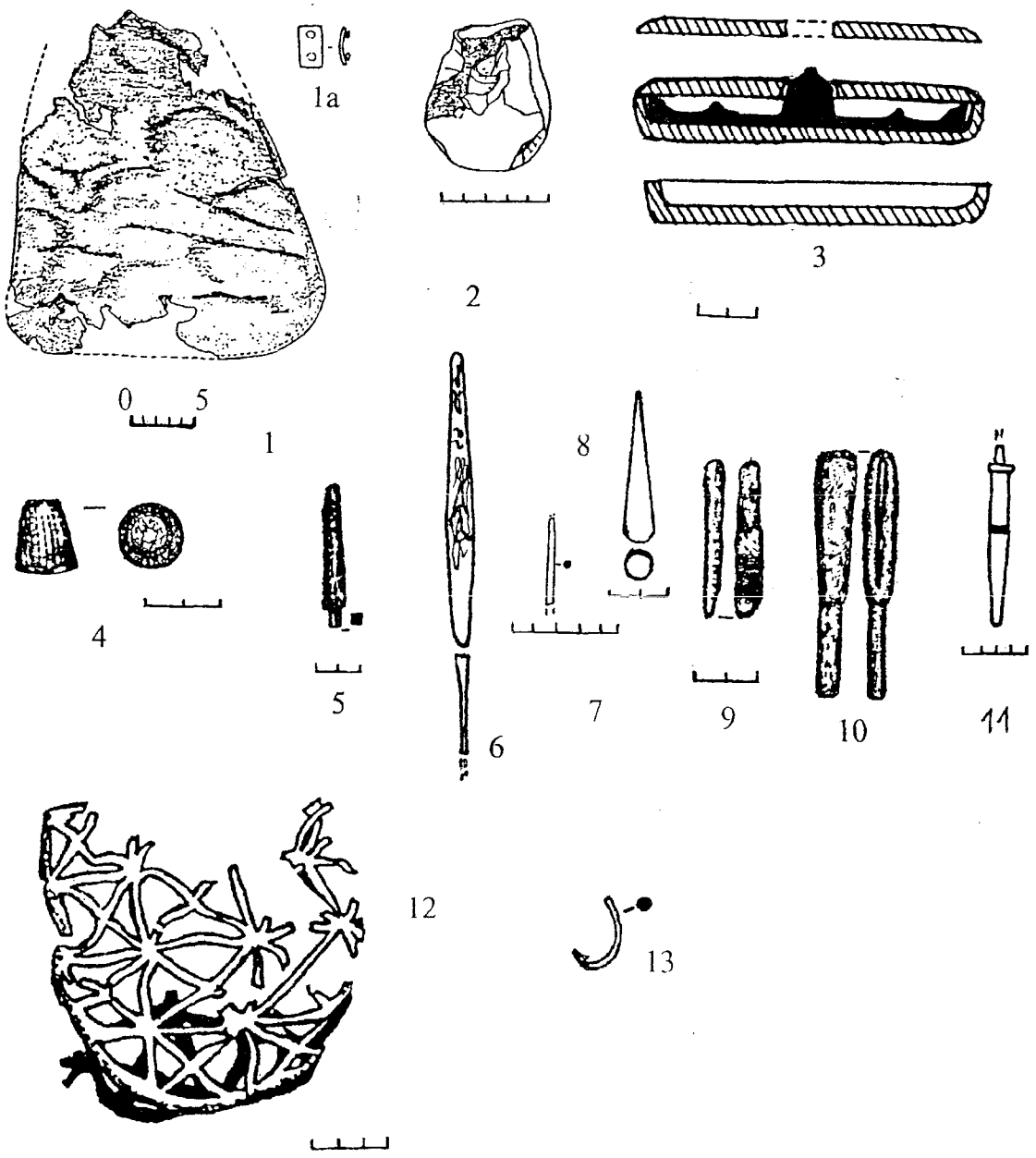


Рис. 13.
Типология вещей. Бытовые предметы

1- сумка (кожа); 1а – деталь сумки (железо); 2 – мешок для зеркала (парча); 3 – футляр для зеркала (кап березы); 4 – наперсток (бронза); 5-7 – шилья (железо, дерево); 8 - проколка, фрагмент (кость); 9-10 – пинцеты (железо); 11 – напильник (железо); 12 – сумка для зеркала, фрагмент (кожа); 13 – рыболовный крючок, фрагмент (бронза)

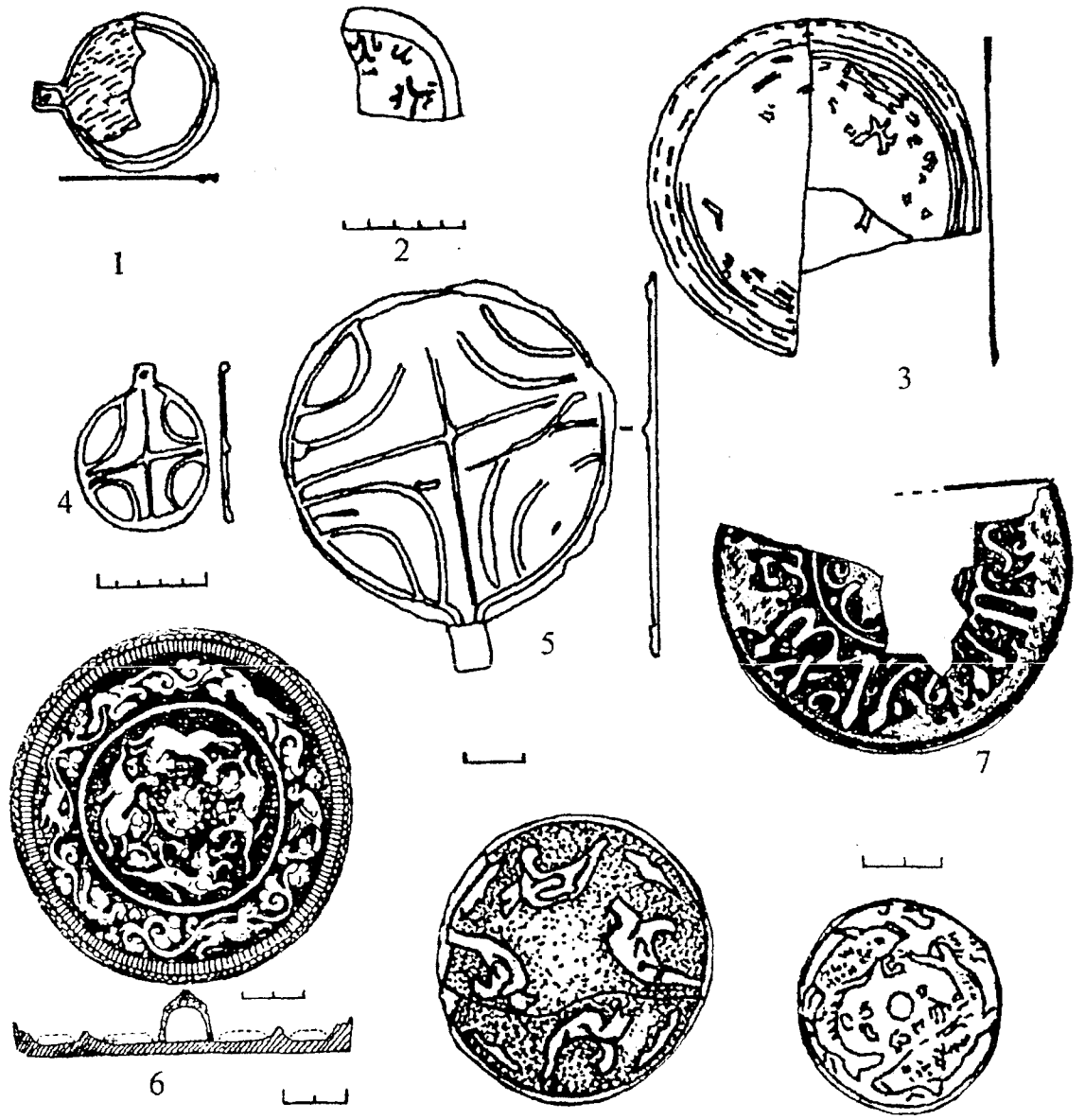


Рис. 14.
Типология вещей. Бытовые предметы. Зеркала

1- тип AIII (Третьяки 7/1); 2 – тип 4, подтип 1в по Л.В.Яворской (Лесное 5/1); 3 - (Третьяки 24/1); 4 – тип ЖI (Олень-Колодезь 9/1), 5 – тип ЖI (Третьяки 20/1), 6 – тип К I (Высокая Гора 3/2); 7 – тип CI (I Власовский 3/2); 8 – (Глазуновский 5/1); 9 –HI (III Шляховский 1/1)

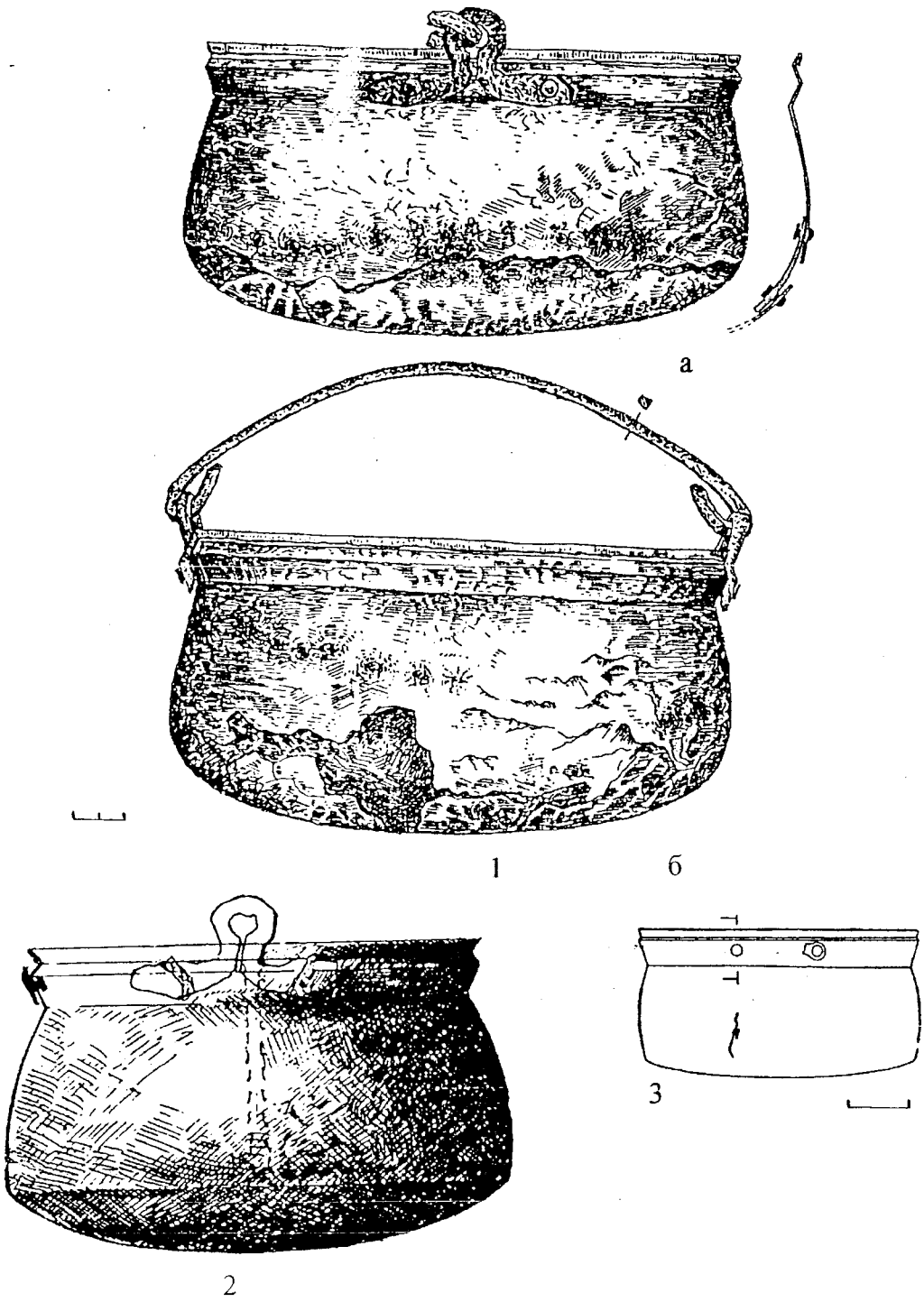


Рис. 15.
Типология вещей. Бытовые предметы. Посуда. Казаны высокогорского типа
1 – Высокая Гора 2/1; 2 – Высокая Гора 3/2; 3 – Олень-Колодезь 9/1

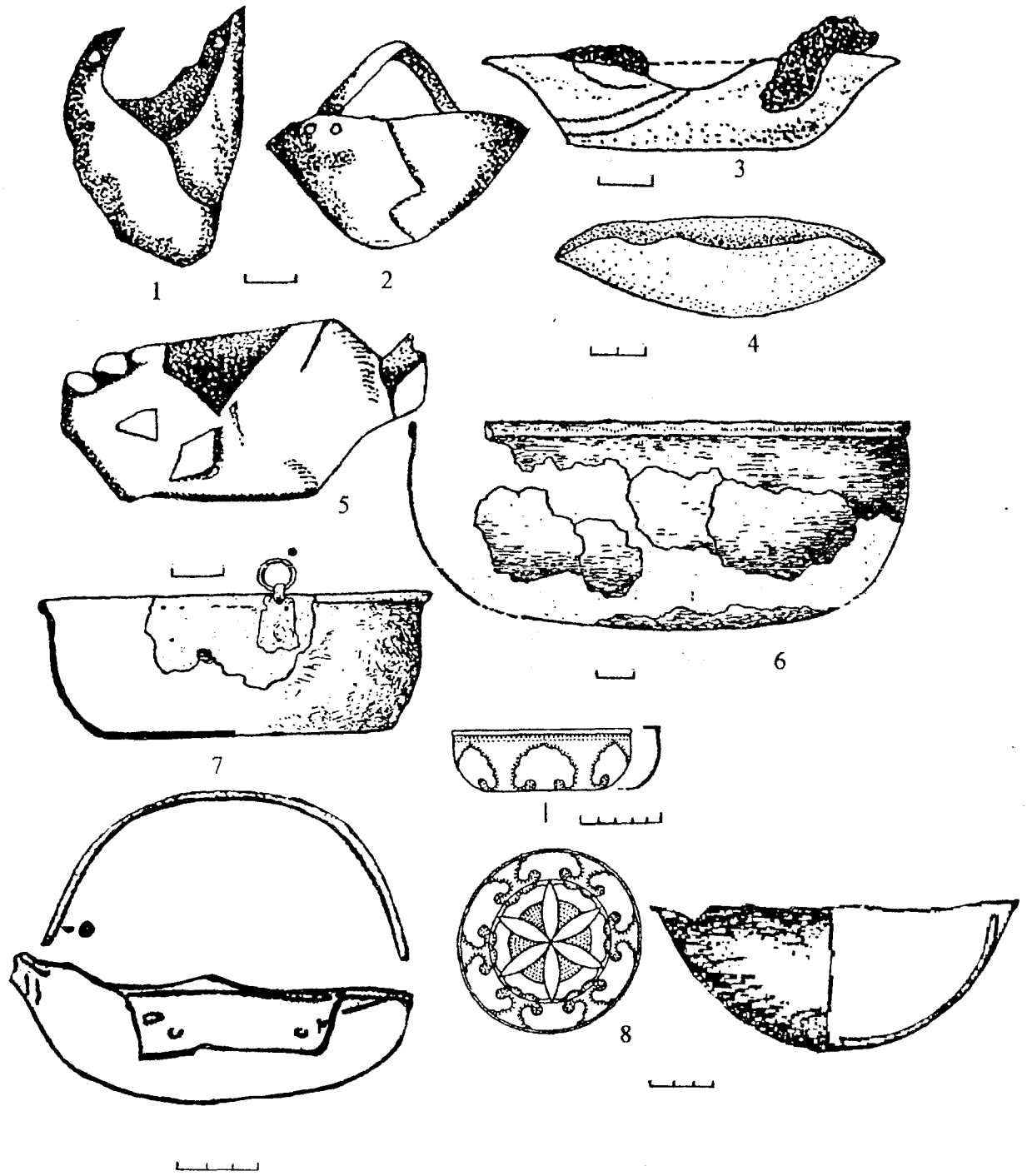


Рис. 16.

Типология вещей. Бытовые предметы. Посуда

1, 2 – модели казанов: 1 – I Власовский 10/2; 2 – Караяшник 6/1 (бронза); 3 – чаша с дужкой – Ст. Калитва 2/1 (серебро, железо); 4-8 – чаши: 4 – Марки 1/1; 5 - Третьяки 1/1 (медь); 6 - Высокая Гора 2/1 (серебро); 7 - Высокая Гора 3/2 (серебро), 8 - Олень-Колодезь 9/1 (серебро); 9- чашевидный сосуд (Глазуновский 5/1); 10 – казанок (III Шляховский 1/2)

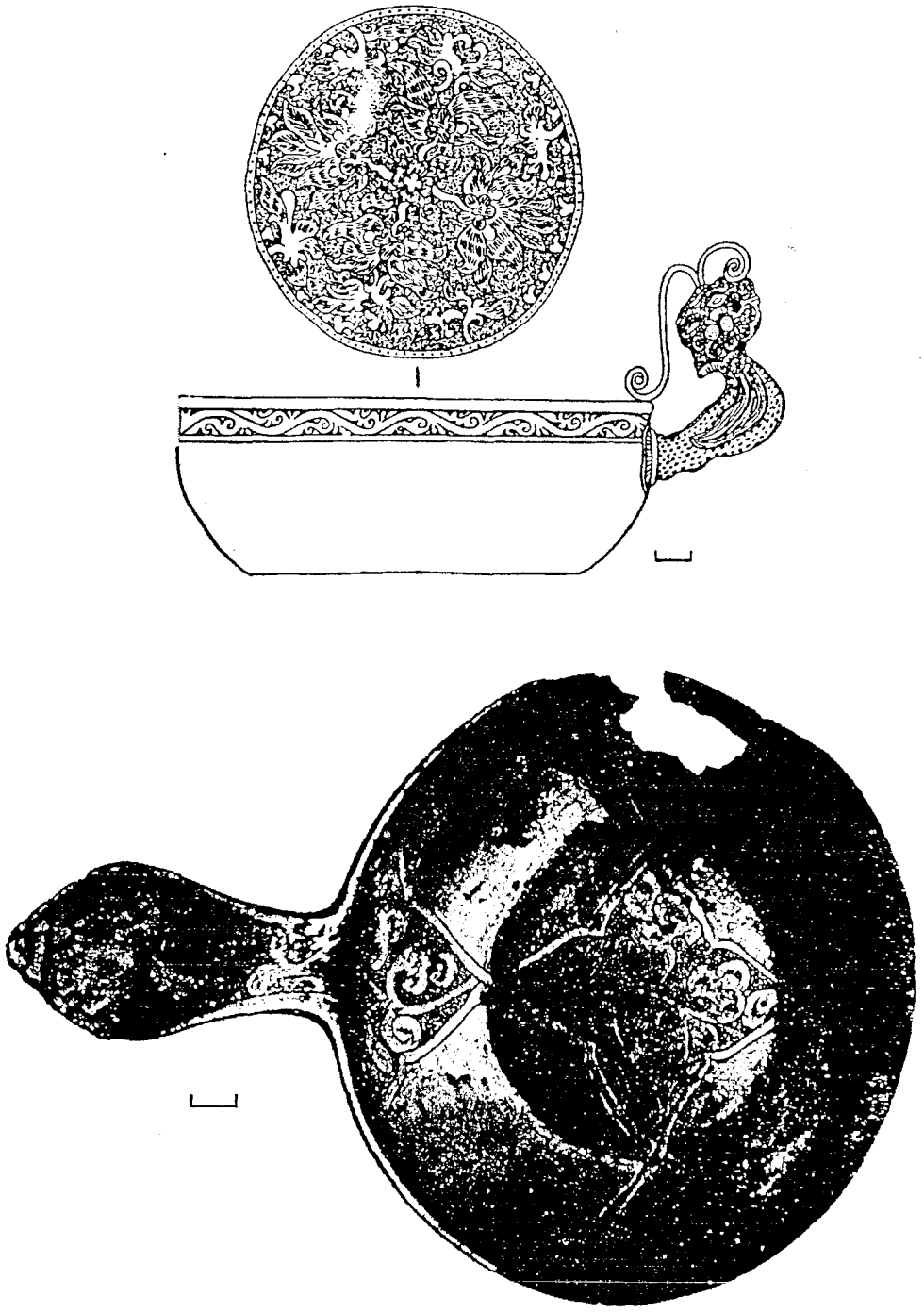
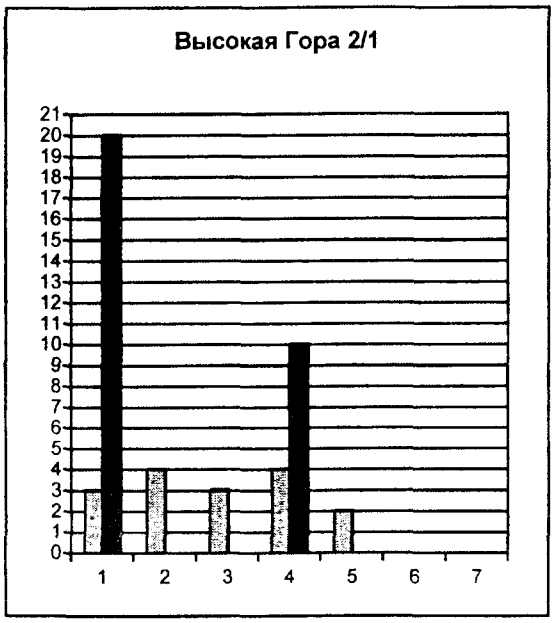
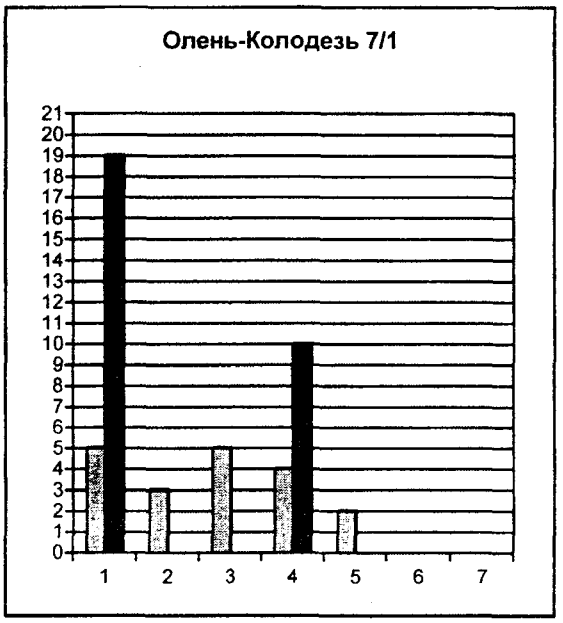
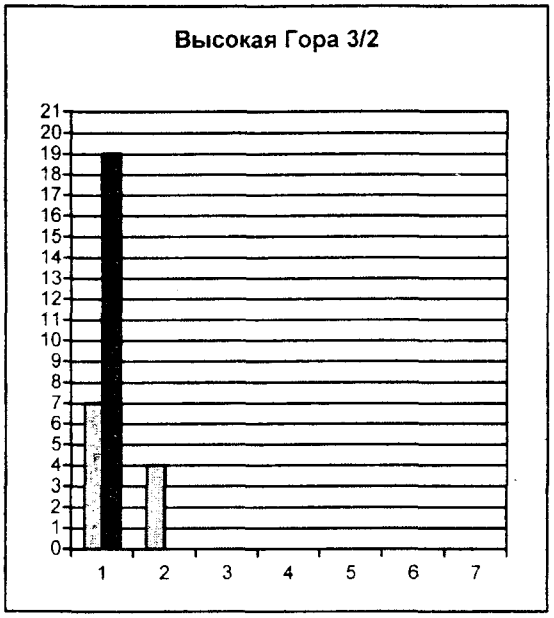


Рис. 17.
Типология вещей. Бытовые предметы. Посуда
Ковши: 1 – Олень-Колодезь 7/1 (серебро); 2 – Мелик (серебро).







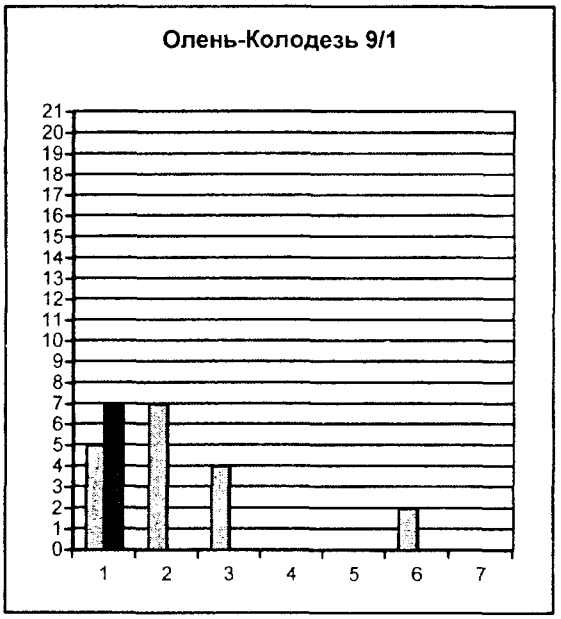


Рис. 18.

Типы вещевых комплексов в предметном и детальном выражении

По вертикальной оси – количество предметов (светлый столбец) и их деталей (темный столбец), по горизонтальной оси – представленные вещи: 1 – убранство погребенного; 2 – бытовые предметы; 3 – сбруя; 4 – оружие; 5 – доспехи; 6 – неопределенные предметы; 7 – монеты

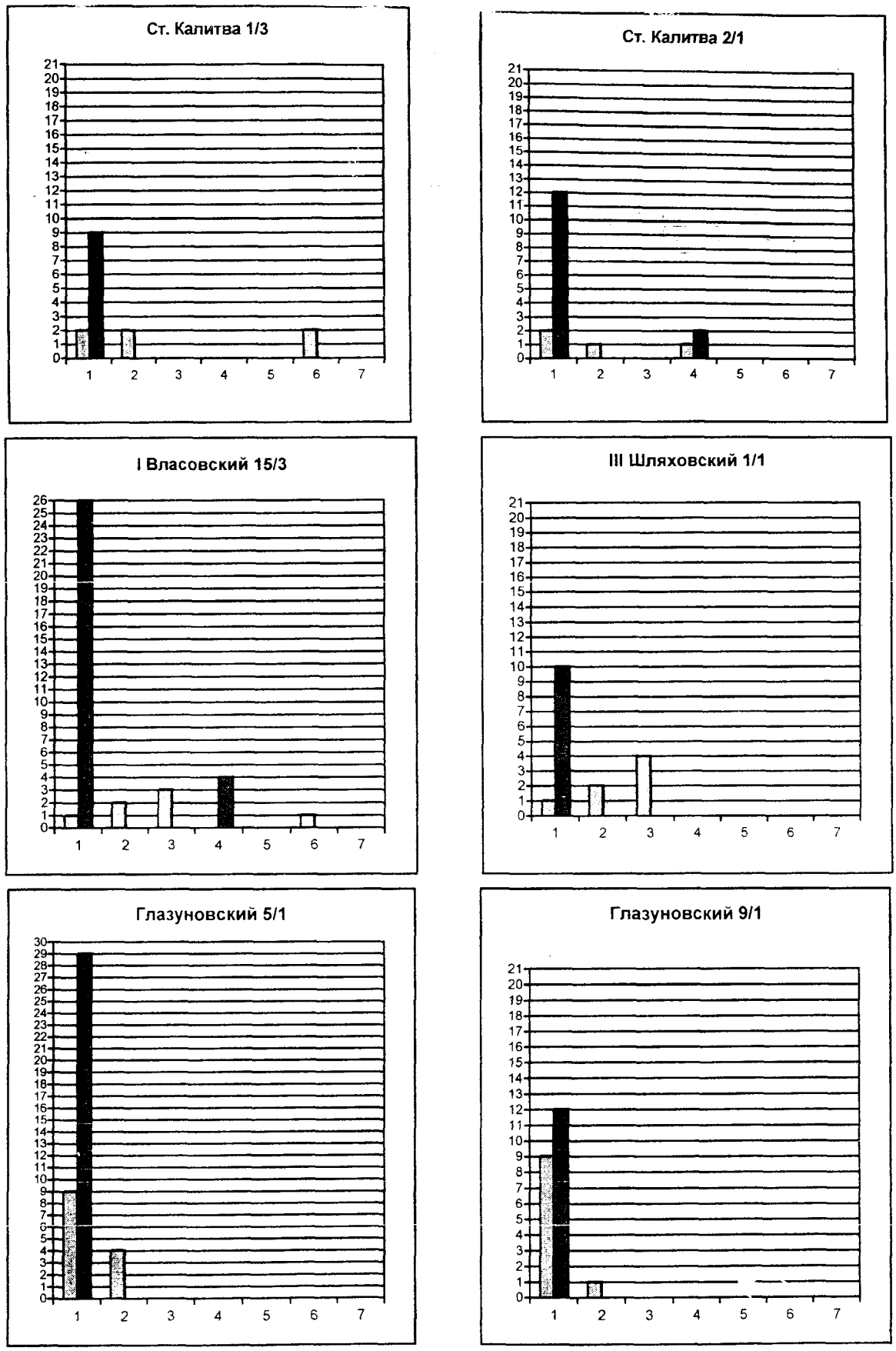


Рис. 19. Типы вещевых комплексов в предметном и детальном выражении (продолжение)

По вертикальной оси – количество предметов (светлый столбец) и их деталей (темный столбец), по горизонтальной оси – представленные вещи: 1 – убранство погребенного; 2 – бытовые предметы; 3 – сбруя; 4 – оружие; 5 – доспехи; 6 – неопределенные предметы; 7 – монеты

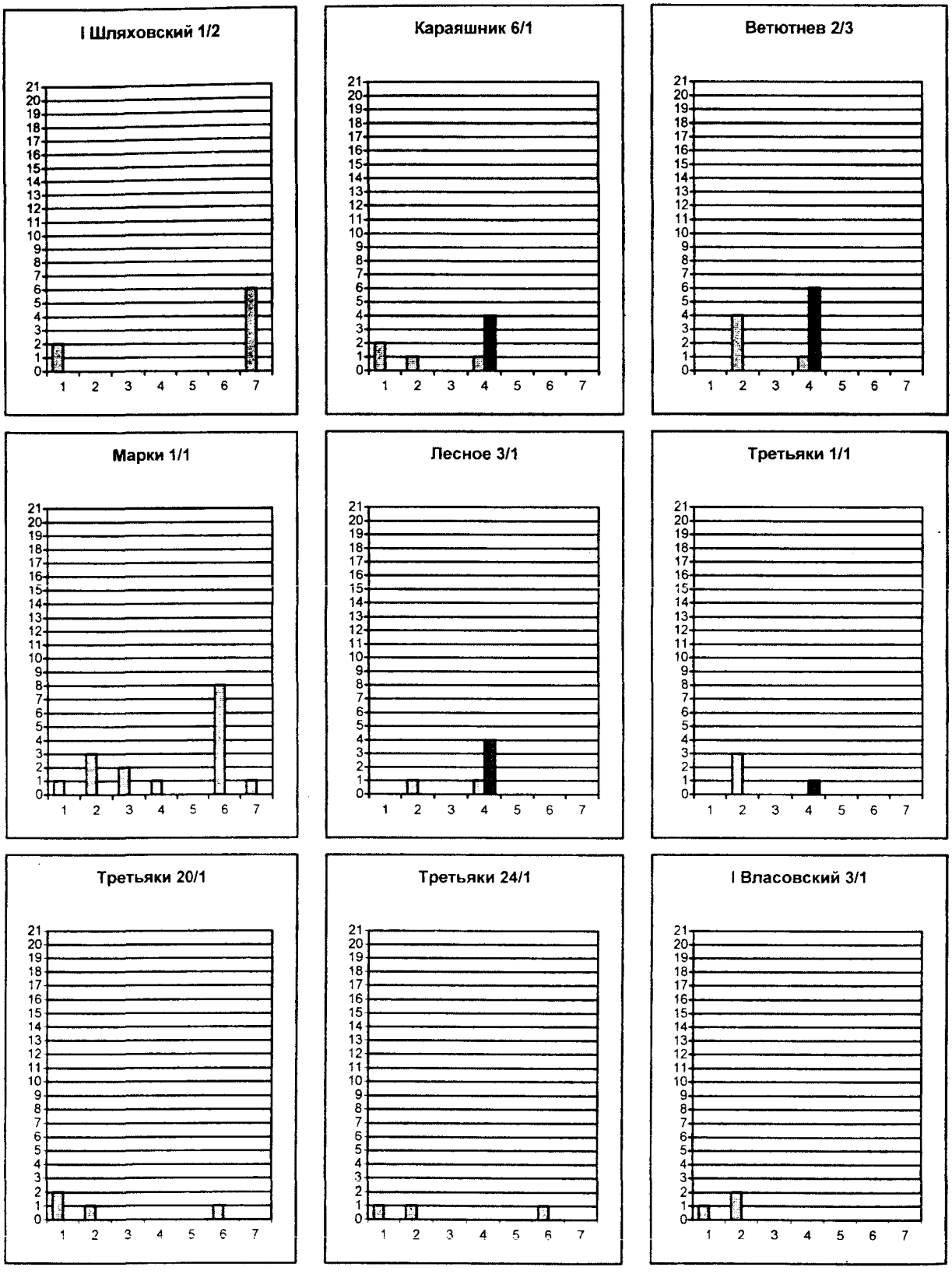
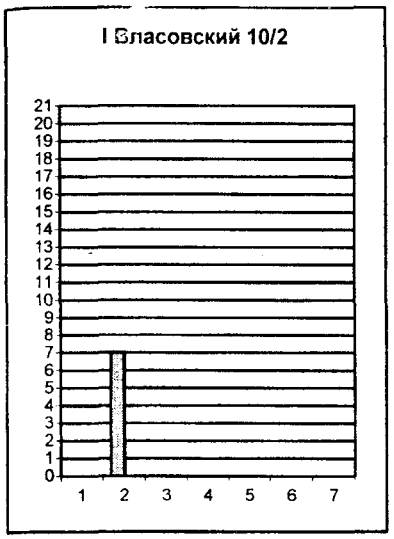
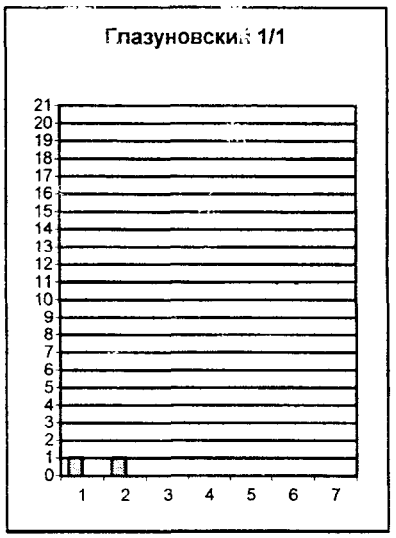


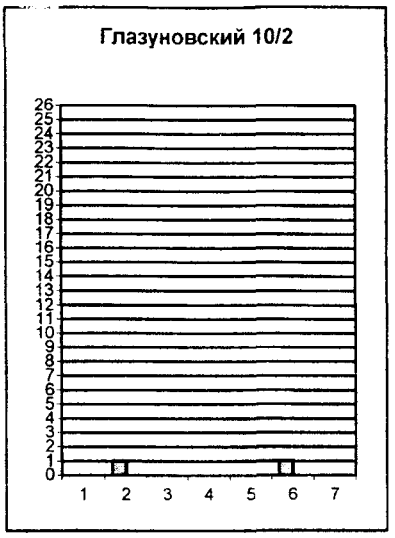
Рис. 20.

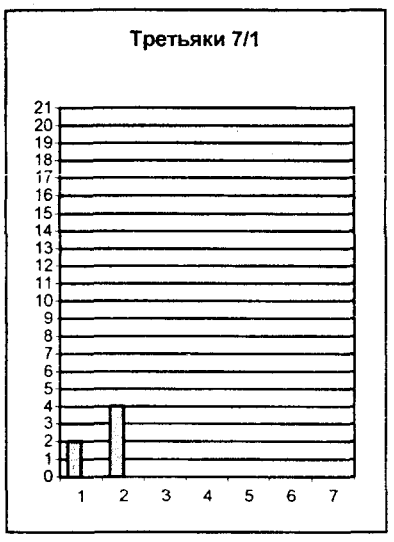
Типы вещевых комплексов в предметном и детальном выражении (продолжение)

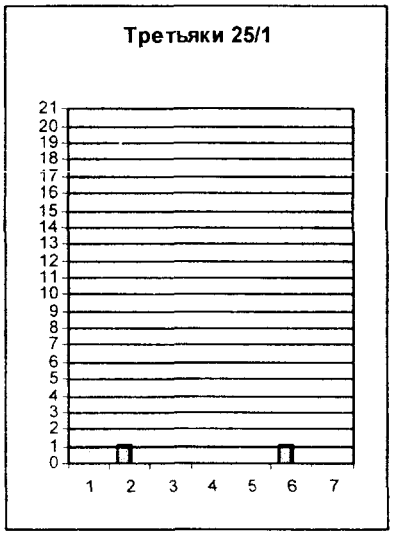
По вертикальной оси – количество предметов (светлый столбец) и их деталей (темный столбец), по горизонтальной оси – представленные вещи: 1 – убранство погребенного; 2 – бытовые предметы; 3 – сбруя; 4 – оружие; 5 – доспехи; 6 – неопределенные предметы; 7 – монеты

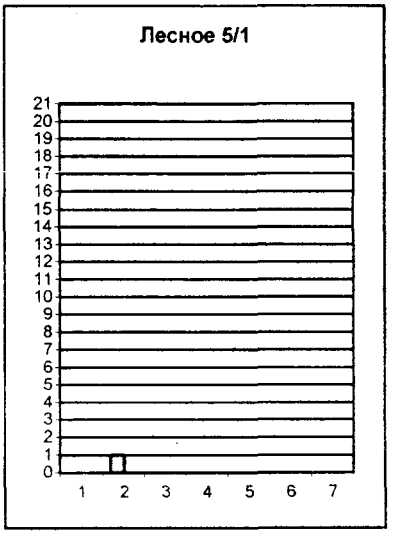


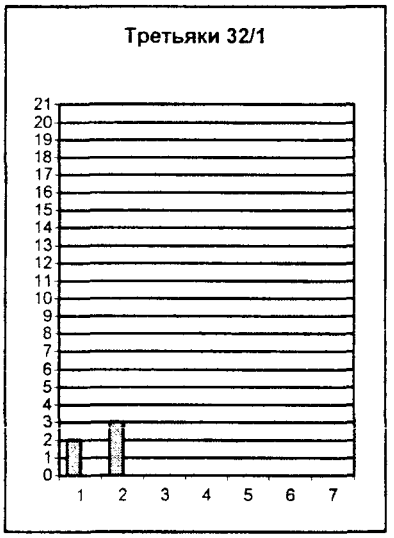


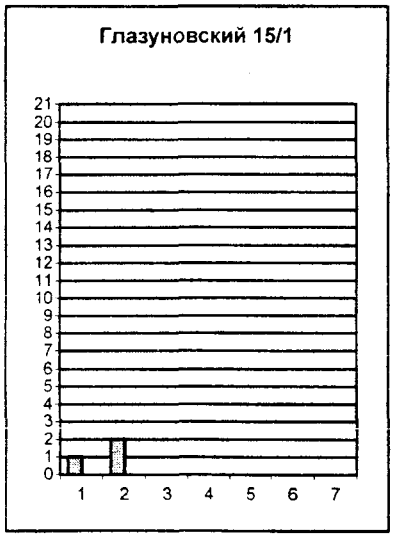












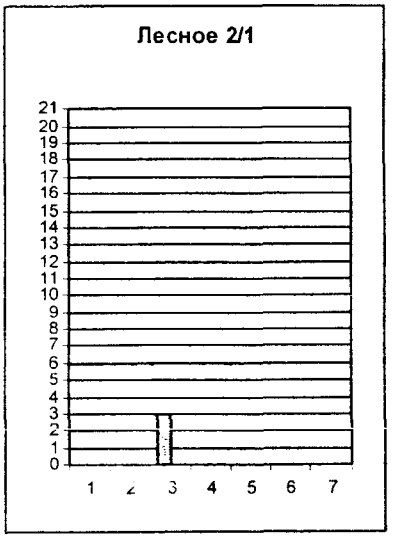


Рис. 21.

Типы вещевых комплексов в предметном и детальном выражении (продолжение)

По вертикальной оси – количество предметов (светлый столбец) и их деталей (темный столбец), по горизонтальной оси – представленные вещи: 1 – убранство погребенного; 2 – бытовые предметы; 3 – сбруя; 4 – оружие; 5 – доспехи; 6 – неопределенные предметы; 7 – монеты

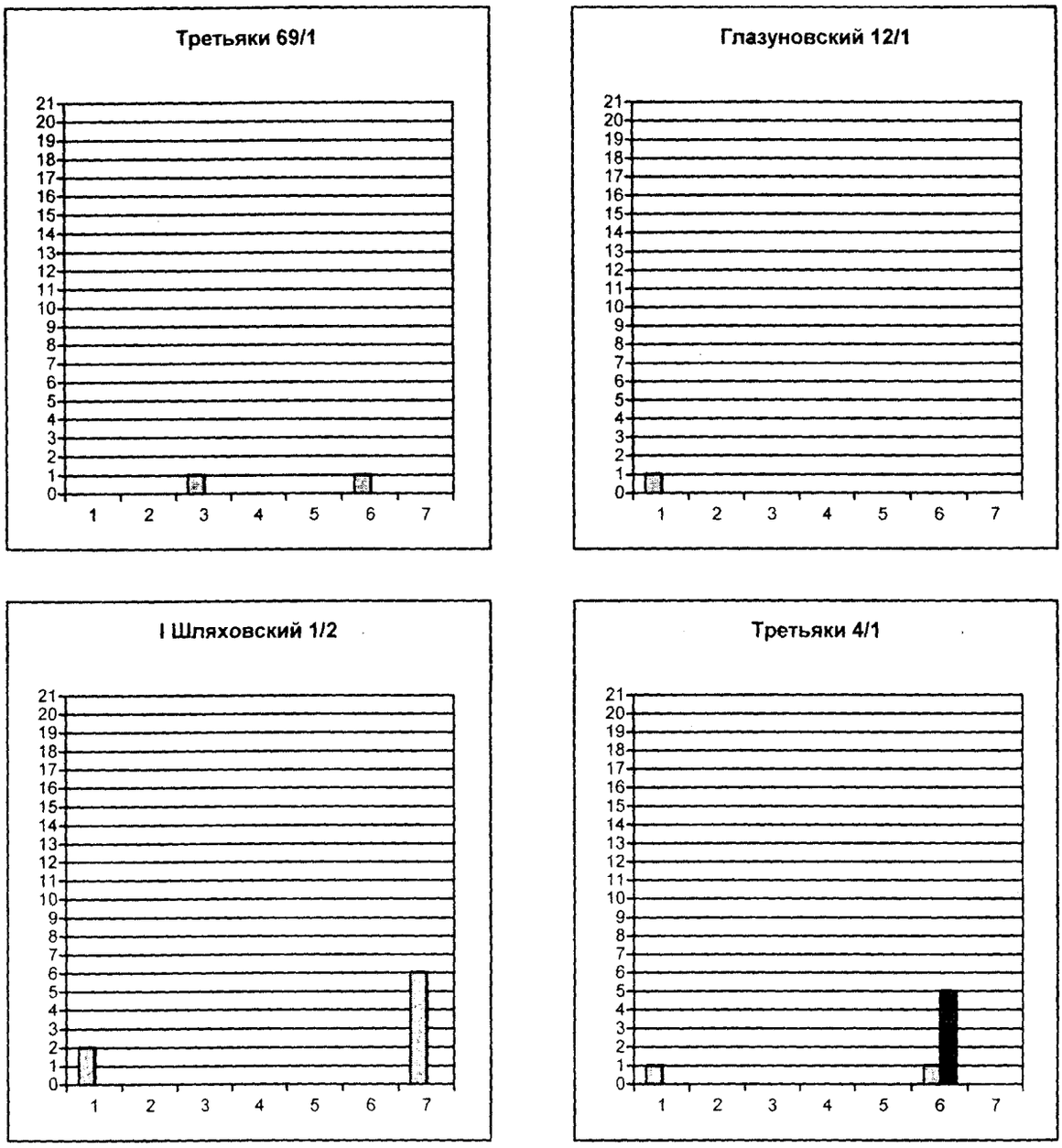


Рис. 22.

Типы вещевых комплексов в предметном и детальном выражении (продолжение)

По вертикальной оси – количество предметов (светлый столбец) и их деталей (темный столбец), по горизонтальной оси – представленные вещи: 1 – убранство погребенного; 2 – бытовые предметы; 3 – сбруя; 4 – оружие; 5 – доспехи; 6 – неопределенные предметы; 7 – монеты

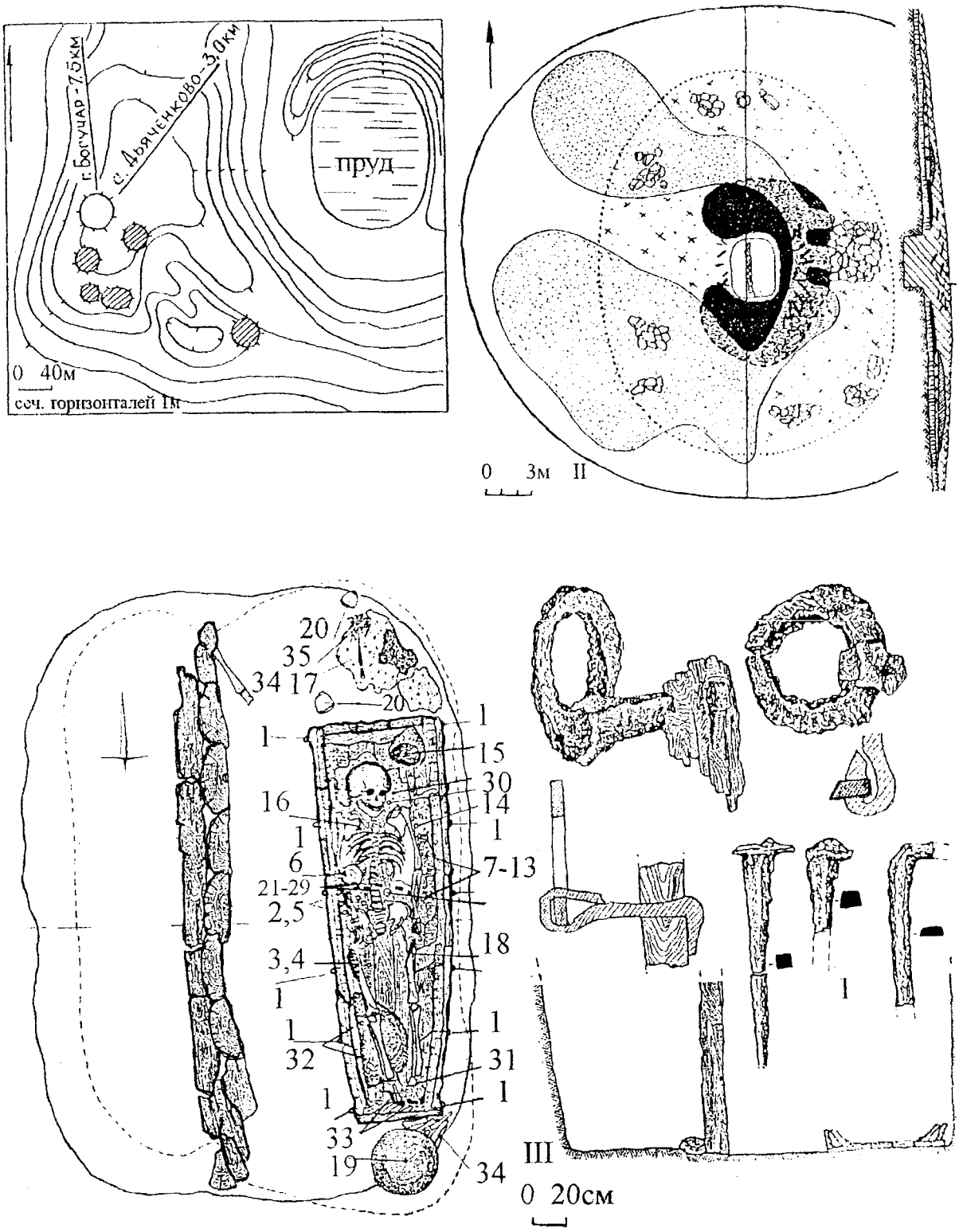


Рис. 23.

Могильник Высокая Гора

I - план могильника; II – Высокая Гора 2/1 (план кургана);III – Высокая Гора 2/1 (план и профиль погребения): 1 – детали гроба (железо); 2, 5 – детали узды (железо); 3 – кремень; 4 - кресало (железо); 6 – зеркало в футляре; 7 - 13 – берестяной колчан со стрелами; 14 – кольцо для стрельбы из лука (ракушка); 15 – шлем (железо); 16 – гребень (дерево); 17 – наконечник копья (железо); 18 – кинжал, ножны (железо, дерево); 19 – казан (бронза, железо); 20 – стремена (железо); 21-29 – детали поясного набора (серебряный сплав); 30 – подвеска (золото); 31 – бусина (стекло); 32 – кольчуга; 33 – остатки обуви; 34 – кость барана; 35 – кости птицы на копье.

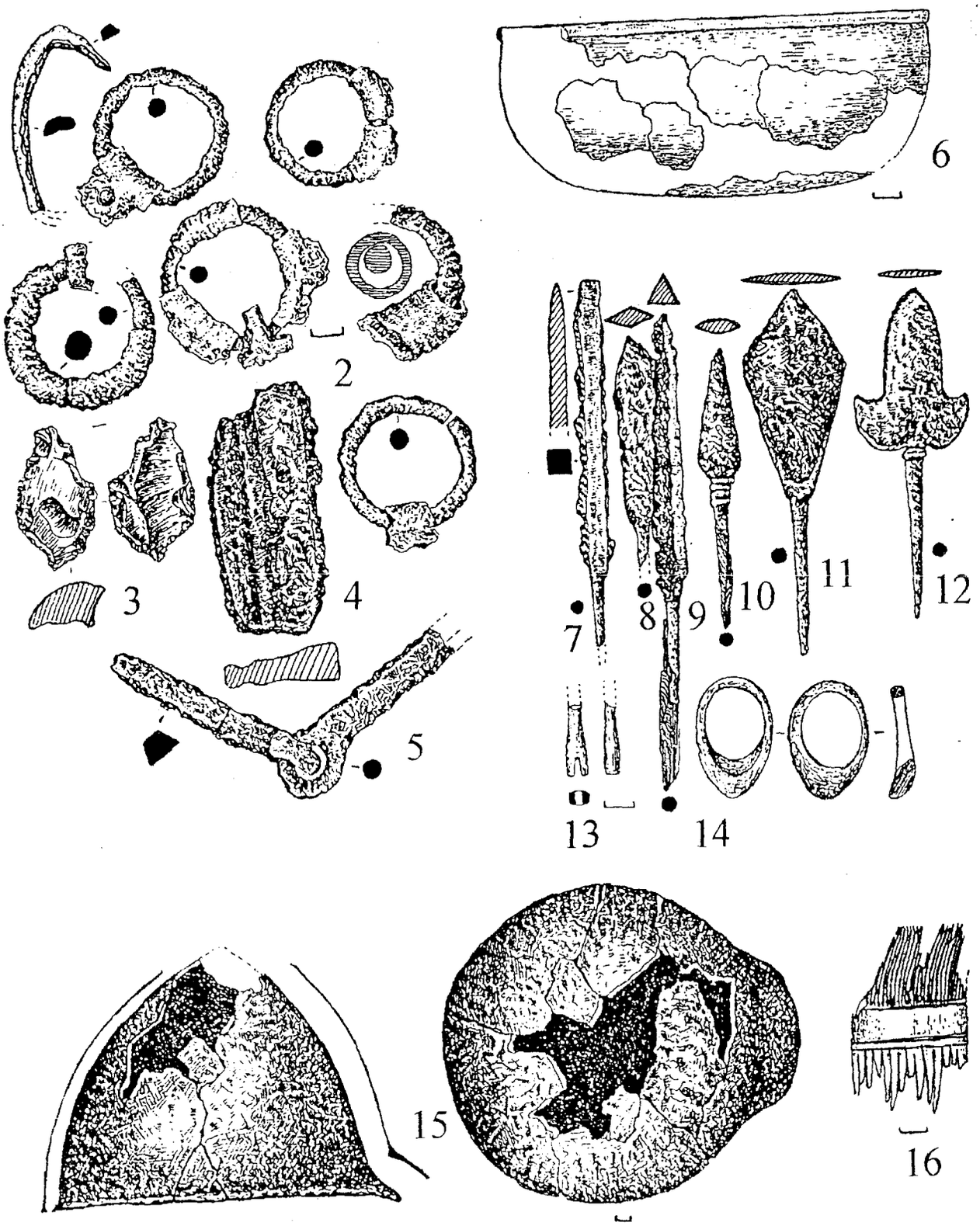
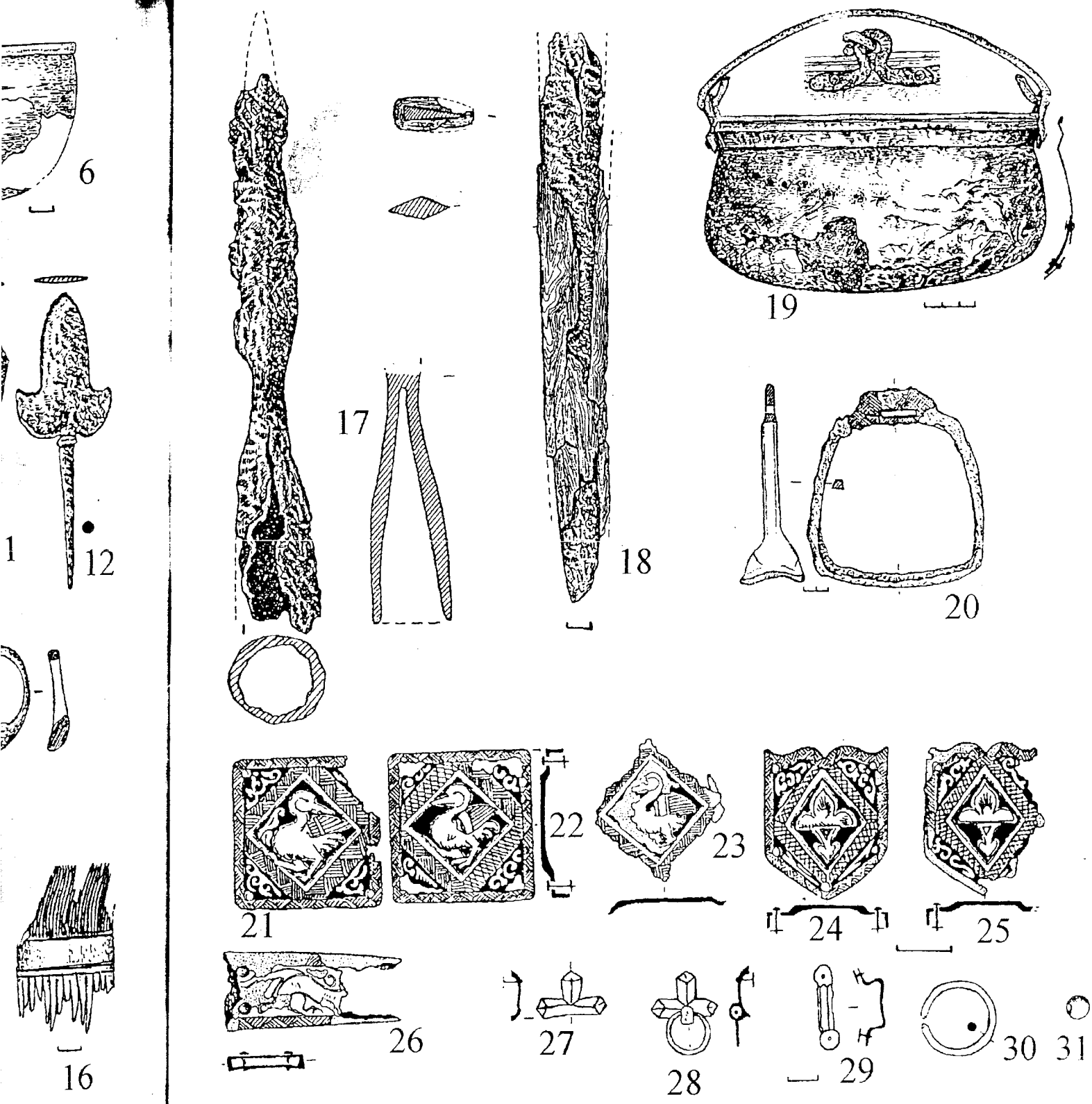


Рис. 24.
Высокая Гора 2/1

2 – детали узды (железо); 3 – кремень; 4 – кресало (железо); 5 – удила, фрагмент (железо); 6 – чаша (серебро); 7-12 – наконечники стрел (железо); 13 – древко стрелы, фрагмент (дерево); 14 – кольцо для стрельбы из лука (ракушка); 15 – шлем (железо); 16 – гребень (дерево).



– удила,
езо); 13 –
шка); 15 –

Рис. 25.
Могильник Высокая Гора. Погребение Высокая Гора 2/1

17 – наконечник копья (железо); 18 – кинжал в ножнах (железо, дерево); 19 – казан (бронза, железо); 20 – стремя (железо); 21- 29 – поясной набор (серебряный сплав); 30 – подвеска (золото); 31 – бусина (стекло)

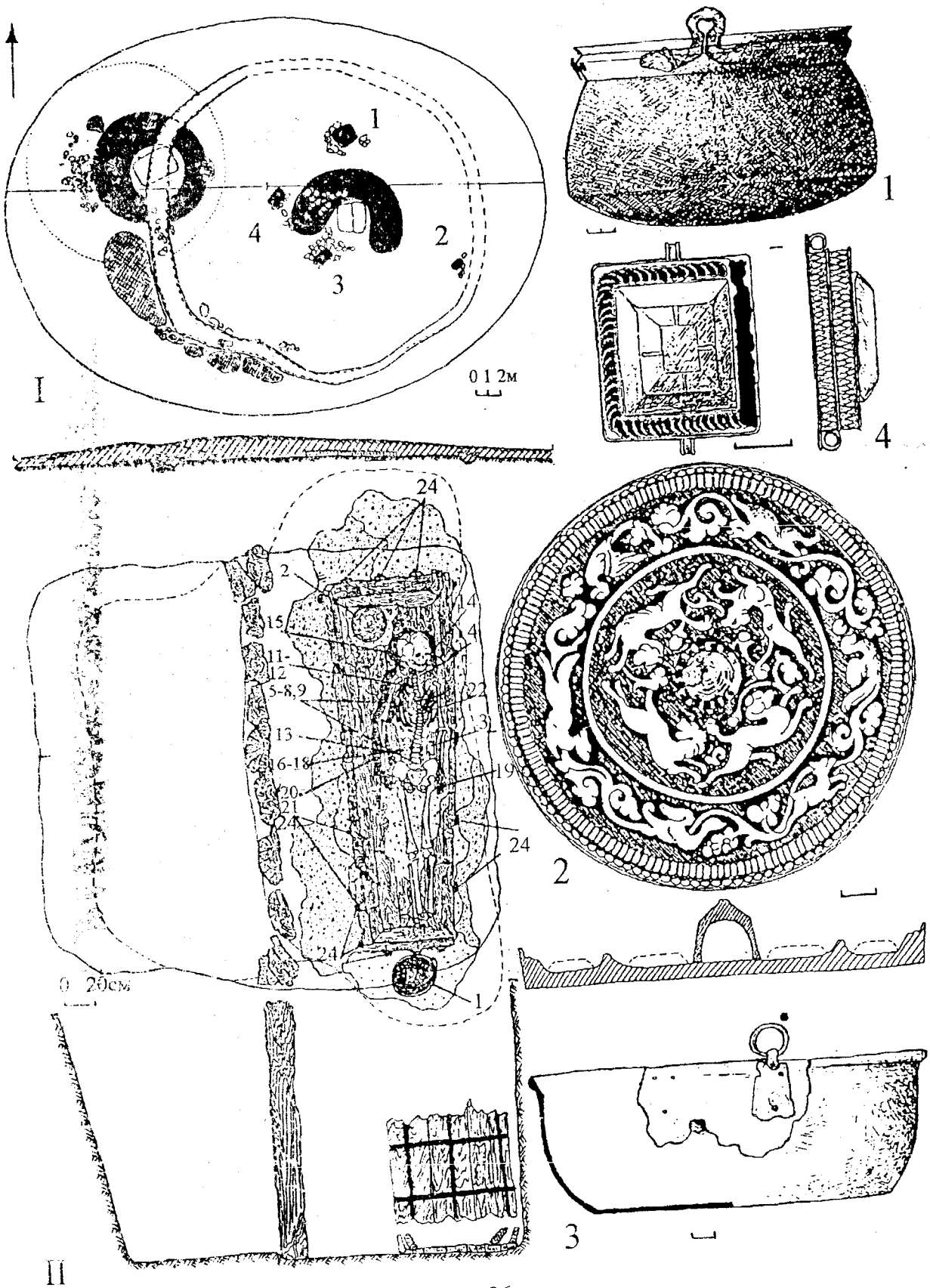


Рис. 26.
Высокая Гора 3/2

I – план и профиль кургана; II – план и профиль погребения; 1 – казан (бронза, железо); 2 – зеркало (билон); 3 - чаша (серебро) в остатках чехла (кожа, серебро); 4 – бляха-нашивка на одежду (золото, стекло).

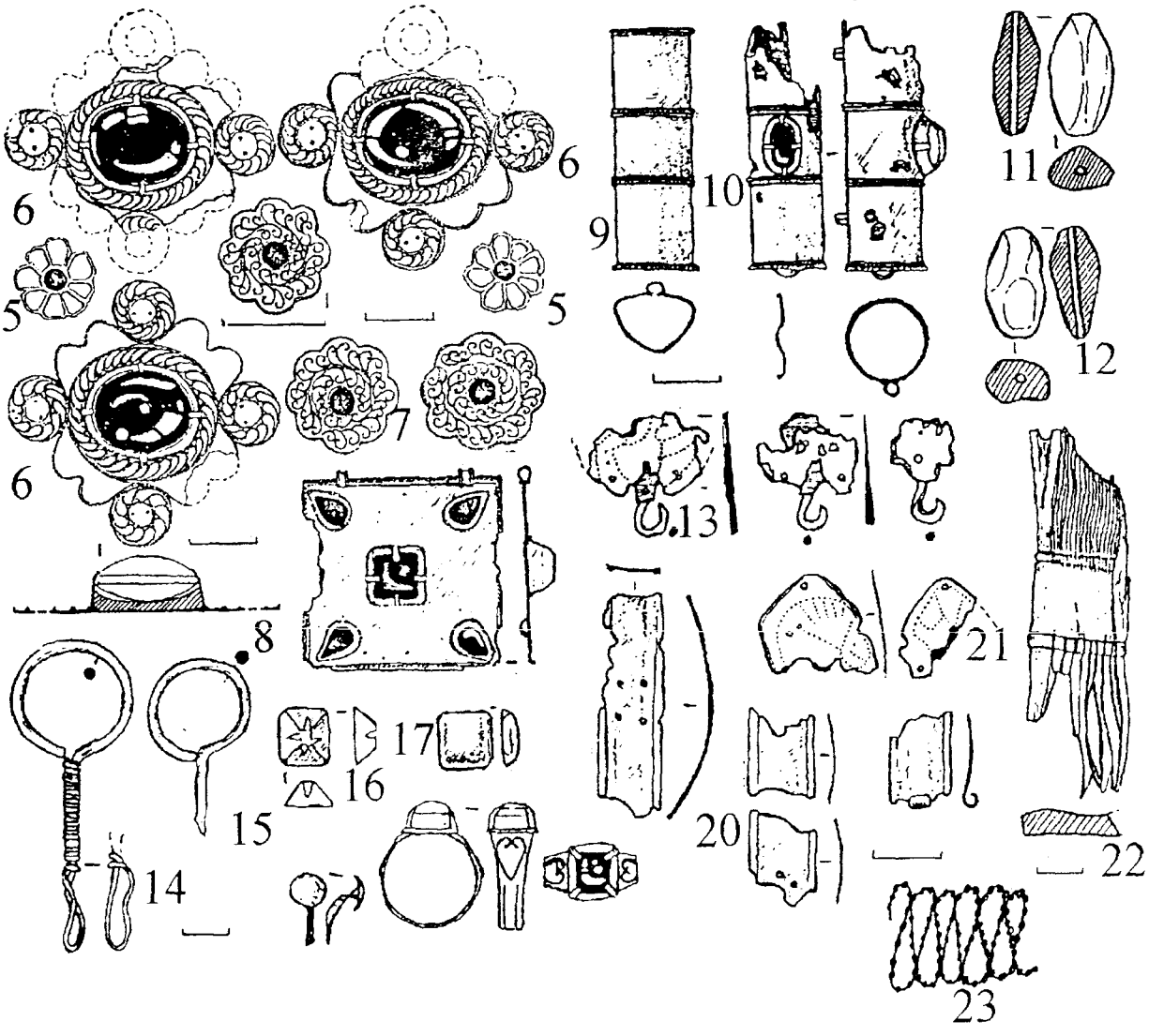


Рис. 27.
Могильник Высокая Гора. Погребение Высокая Гора 3/2.
Вещи из погребения (продолжение)

5-8 – бляхи-нашивки на одежду (5-7 – золото; 6 – золото, стекло; 8 – серебро, стекло); 9-10 – цилиндрические подвески (9 – золото; 10 – золото, стекло); 11-12 – бусины (янтарь); 13-21 - крючки-застежки рукавов (серебро, позолота); 14-15 – подвески (золото); 16-17 – детали украшений (стекло); 18 – гвоздь (серебро); 19- перстень (золото, стекло); 20 – браслет (серебро); 22 – гребень (дерево); 23 – реконструкция вышивки рукавов (бисер)

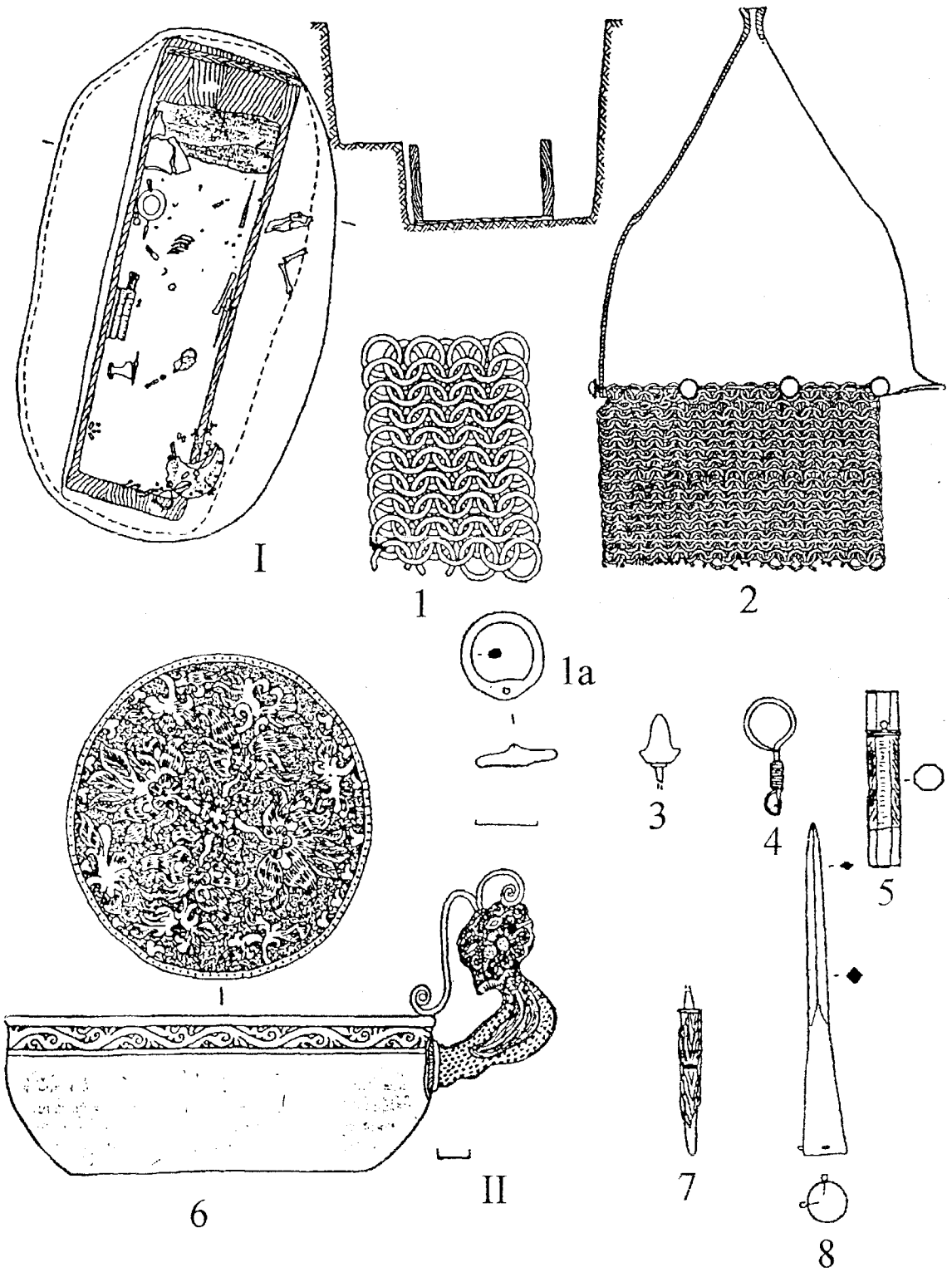


Рис. 28.
Могильник у с. Олень-Колодезь. Погребение Олень-Колодезь 7/1

I – план и профиль могильной ямы; II – вещи из погребения: 1 – фрагмент кольчуги; 1б – кольцо кольчуги (железо, позолота); 2 – шлем (железо); 3 – наконечник стрелы, найденной у шлема (железо); 4 – подвеска (золото); 5 – амулет (стекло, серебряная с позолотой фольга); 6 – ковш (серебро); 7 – напильник в футляре (железо, дерево); 8 – наконечник копья (железо).

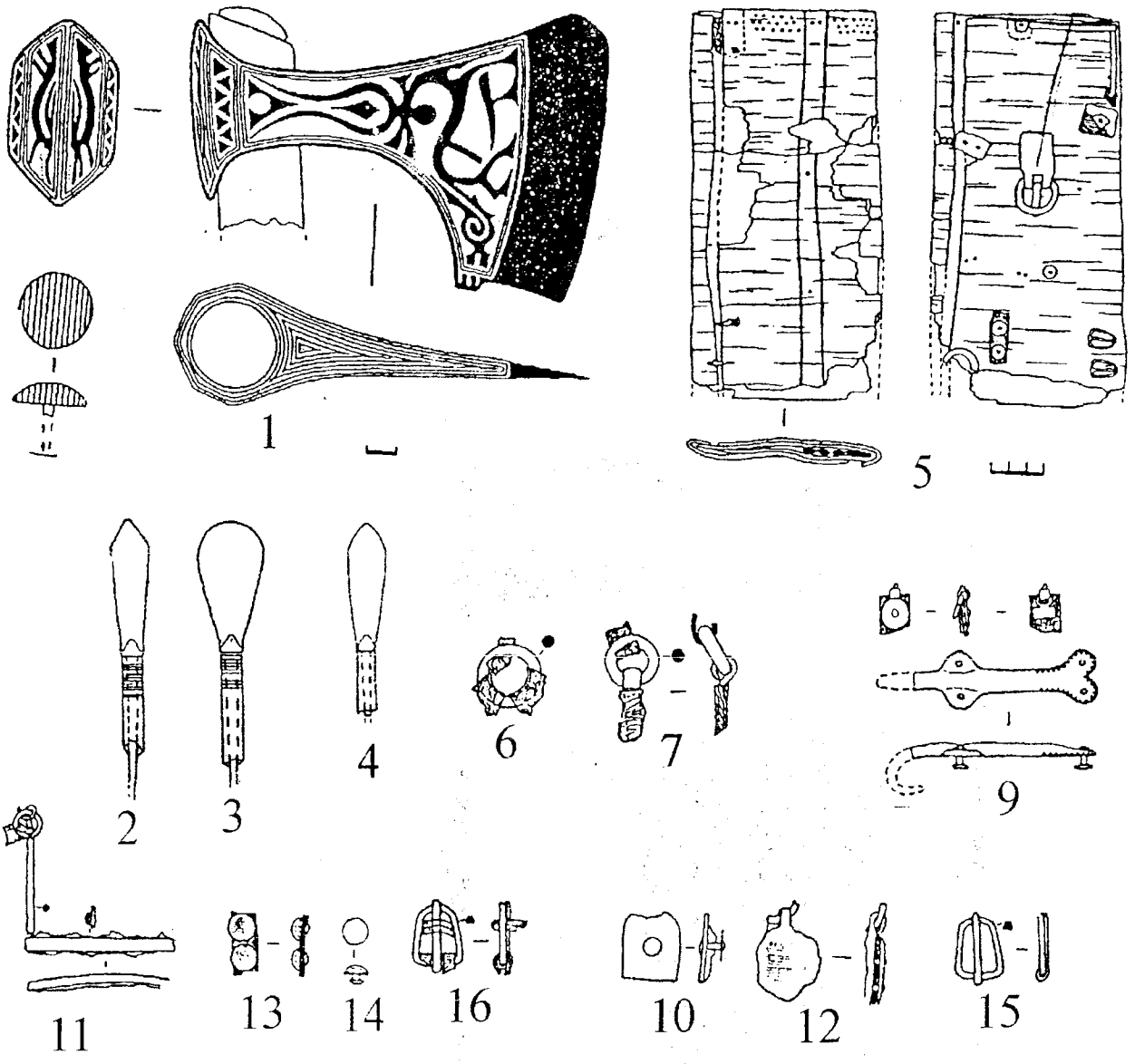


Рис. 29.
Могильник у с. Олень-Колодезь. Погребение Олень-Колодезь 7/1.
Вещи из погребения (продолжение)

1- боевой топор (железо, золото); 2-4 – наконечники стрел из колчана (железо); 5-16 – остатки колчана (береста, железо)

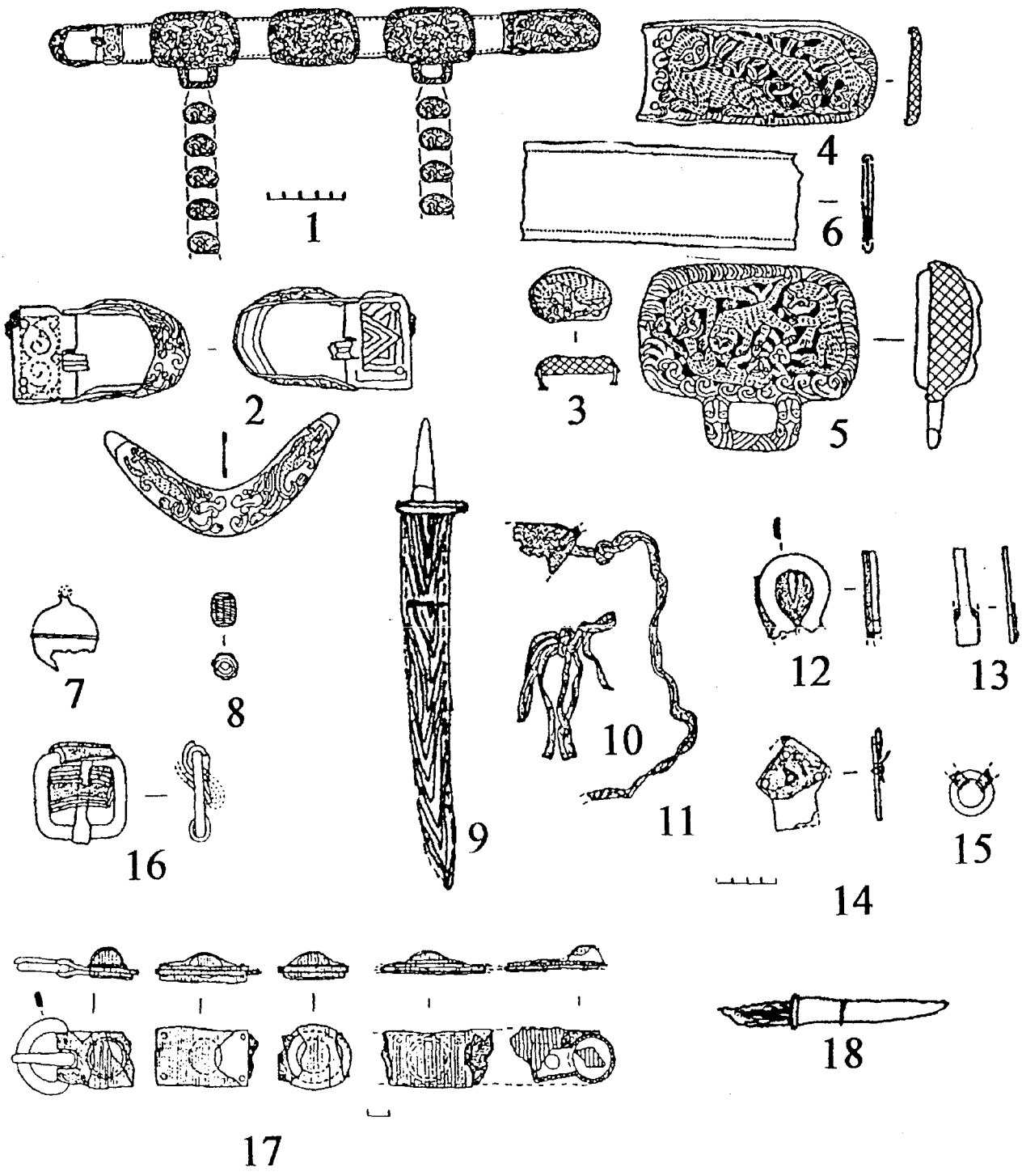


Рис. 30.
Могильник у с. Олень-Колодезь. Погребение Олень-Колодезь 7/1.
Вещи из погребения (продолжение)

1 – пояс (реконструкция); 2 – пряжка (серебро); 3-5 – бляхи (серебро); 6 – фрагмент пояса (кожа); 7 – бубенчик (серебро); 8 –бусина (стекло); 9 –кинжал в ножнах (железо, дерево); 10-11 – шнуры (кожа); 12 – пряжка (железо); 13-15 – предметы неопределенного назначения (железо, кожа); 16 – пряжка с остатками ремня (железо, кожа); 17 – пряжка, накладки, заклепки ремня (железо, парча); 18 – нож (железо, дерево)

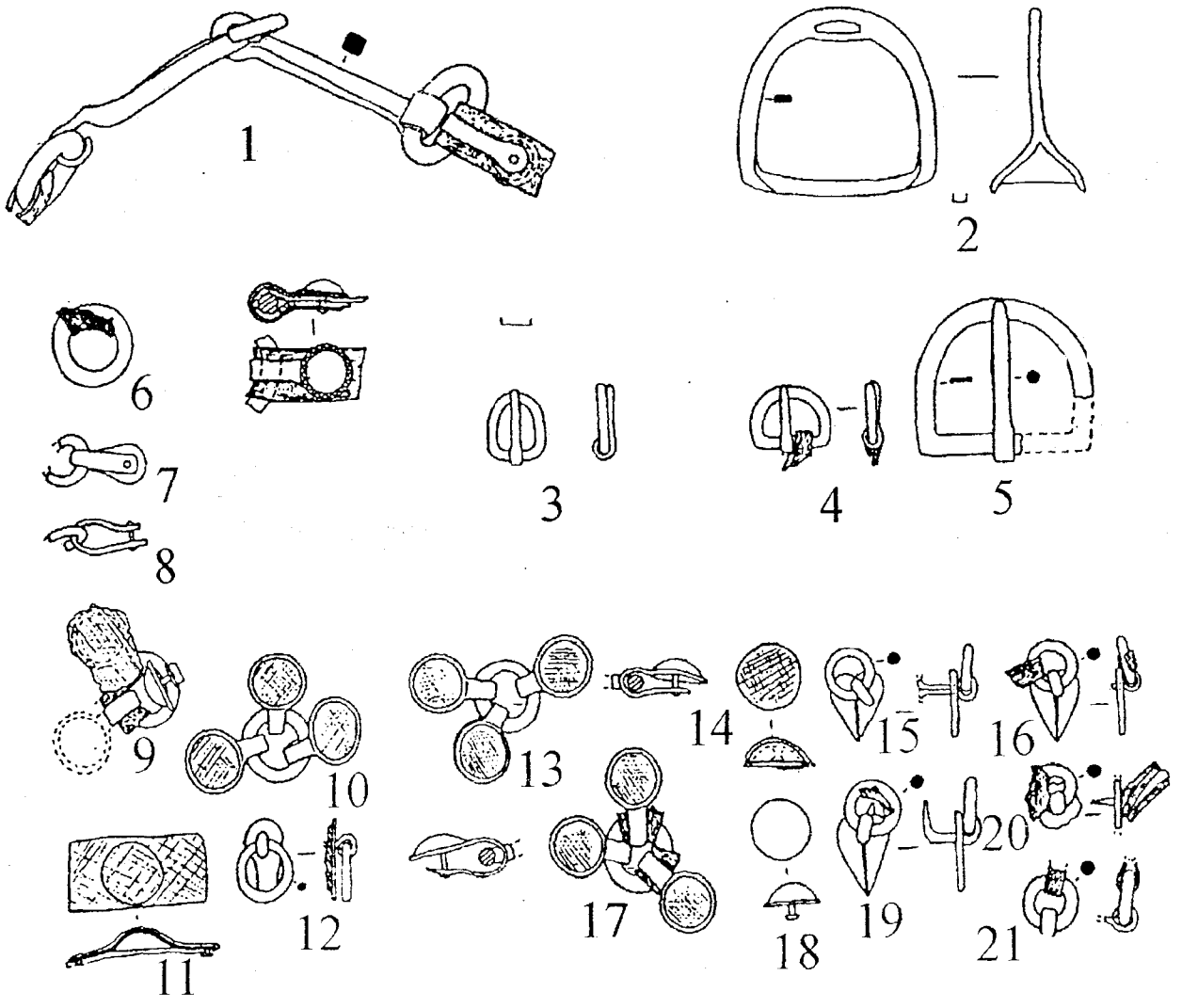


Рис. 31.
Могильник Олень-Колодезь. Погребение Олень-Колодезь 7/1.
Вещи из погребения (продолжение)

1 – удила с фрагментами узды (железо, кожа); 2 – стремя (железо); 3-5 – пряжки (железо); 9-21 – предметы с остатками ремней (железо, кожа)

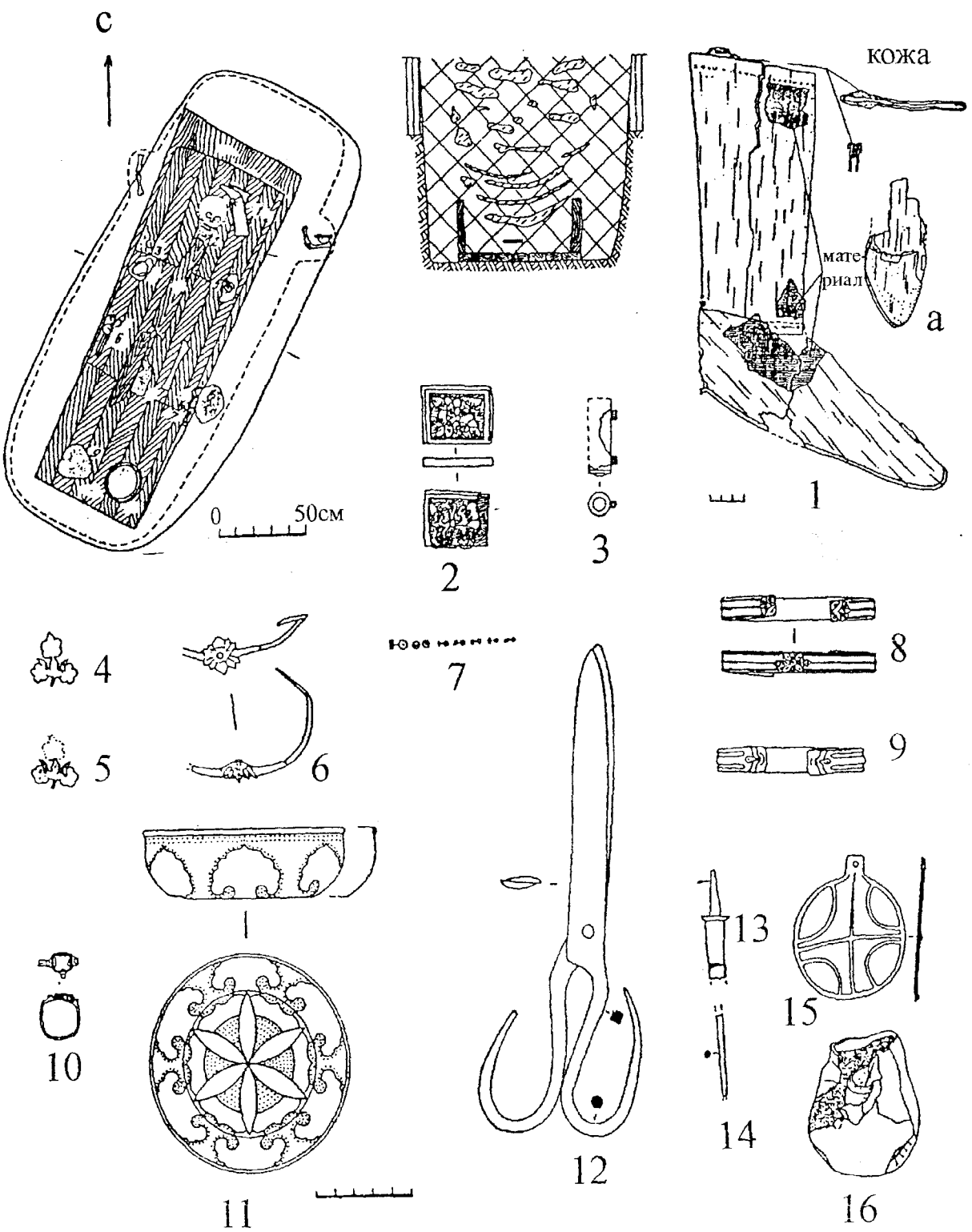


Рис. 32.
Олень-Колодезь 9/1

1 – план и профиль погребения; 2- 16 – вещи из погребения: 1,а – сапог (береста, кожа, ткань); 2 – бляха-нашивка (дерево, серебро); 3 – цилиндрическая подвеска (серебро); 4, 5 – декор сапога (кожа); 6 – «подвязка» от сапога (дерево); 7 – бусы, бисер (стекло); 8, 9 – браслеты (серебро); 10 – перстень (золото); 11 – чаша (серебро); 12 – ножницы (железо); 13 – нож (железо); 14 – шило, фрагмент (железо); 15 – зеркало (бизон); 16 – чехол от зеркала (парча).

кожа

а

8

9

6

а – сапог
прическая
рево); 7 –
1 – чаша
(железо);

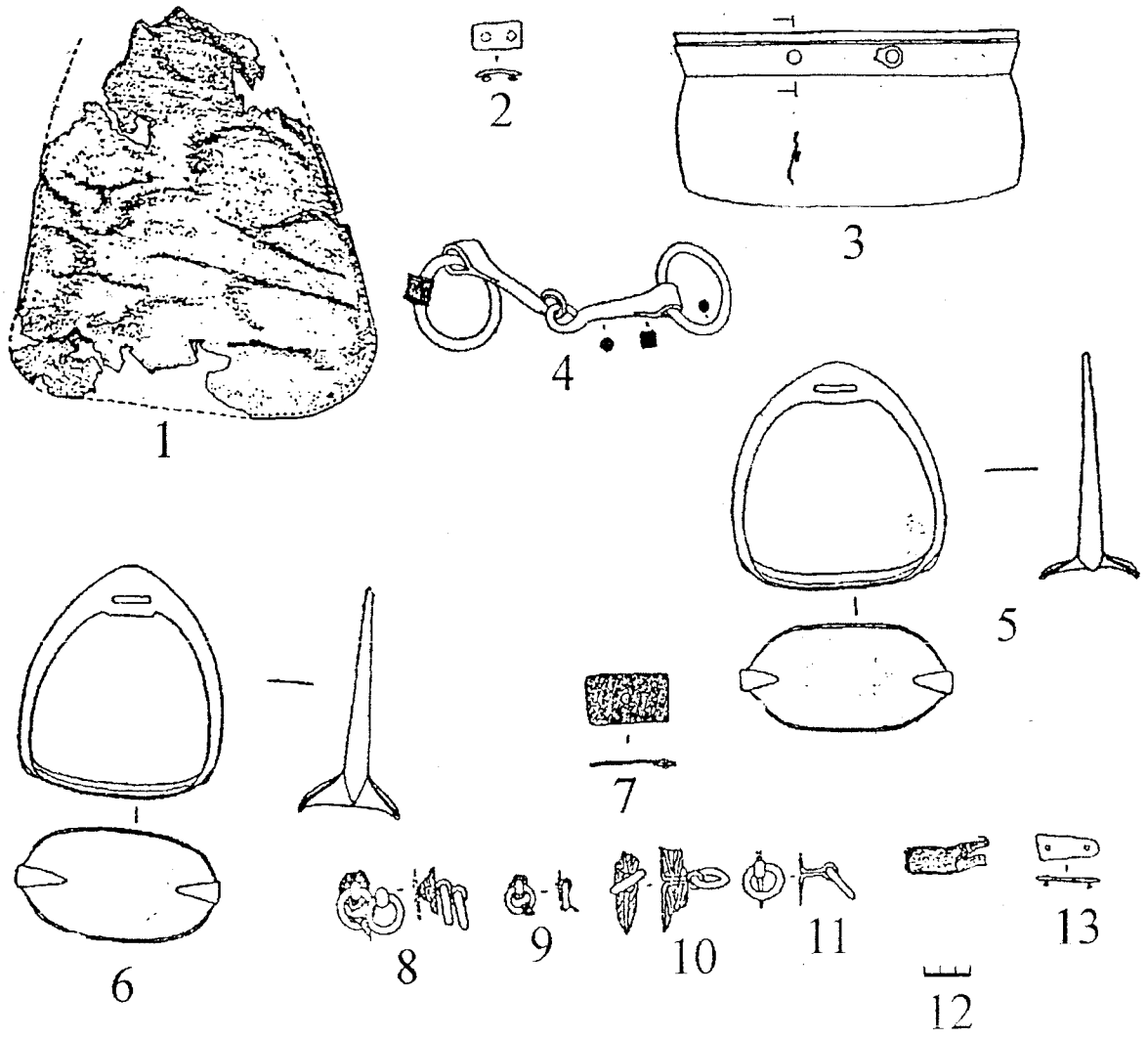


Рис. 33.
Олень-Колодезь 9/1

1 – сумка (кожа); 2 – заклепка от сумки (железо); 3 – казан (медь); 4 – удила (железо); 5, 6 – стремена (железо); 7-13 – остатки упряжи, седла (железо, кожа, дерево).

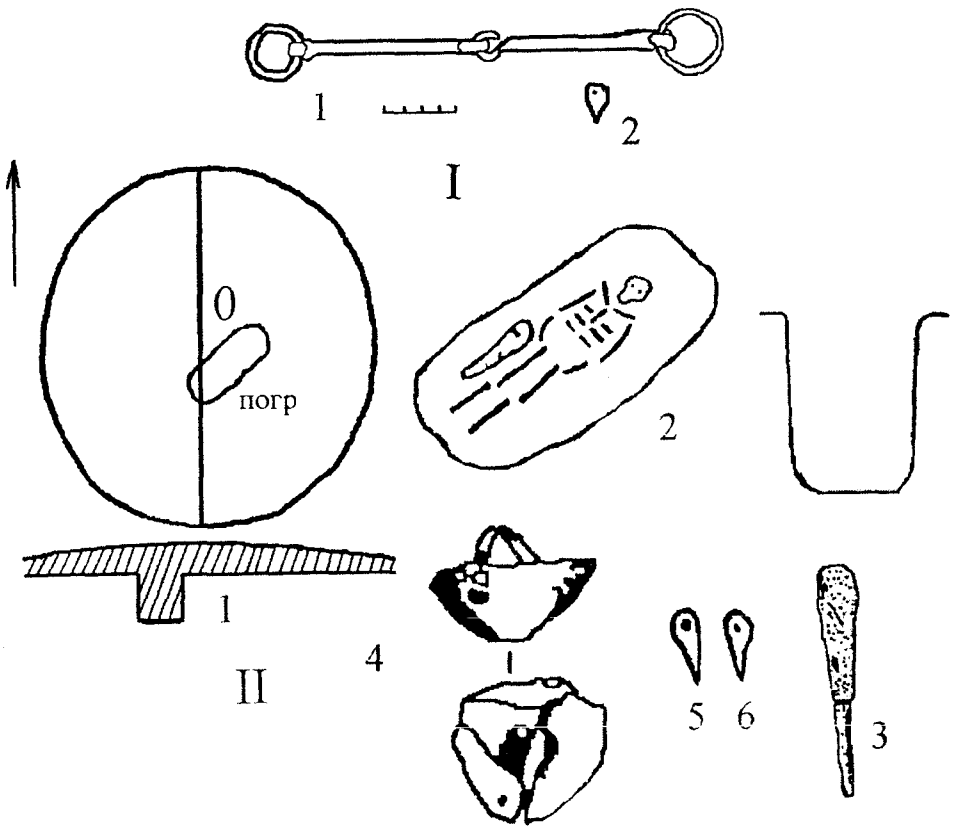


Рис. 34.
Могильник у с. Караяшник

I – Караяшник 2/1: 1 – удила (железо); 2 – подвеска (бронза). II – Караяшник 6/1: 1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль погребения; 3 – наконечник стрелы (железо); 4 – модель казана (бронза); 5-6 – подвески (бронза).

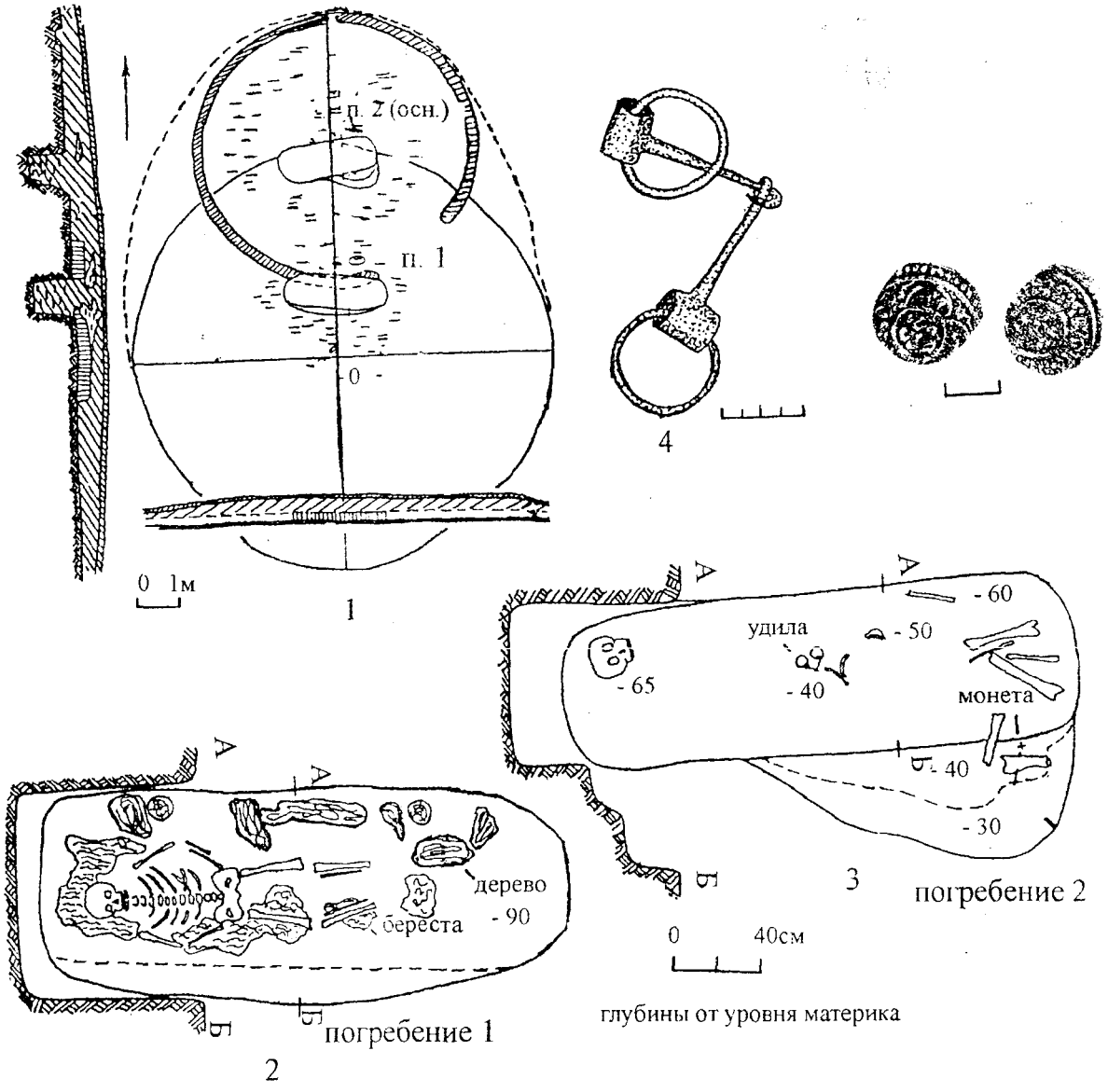


Рис. 35.
Вервековский (III Богучарский) могильник.
Вервековский 2/1, Вервековский 2/2

1 – план и профиль кургана 2; 2 — план и профиль погребения Вервековский 2/1; 3 – план и профиль погребения Вервековский 2/2; 4 – удила (железо); 5 – монета (серебро) (Вервековский 2/2)

Караяшник
наконечник

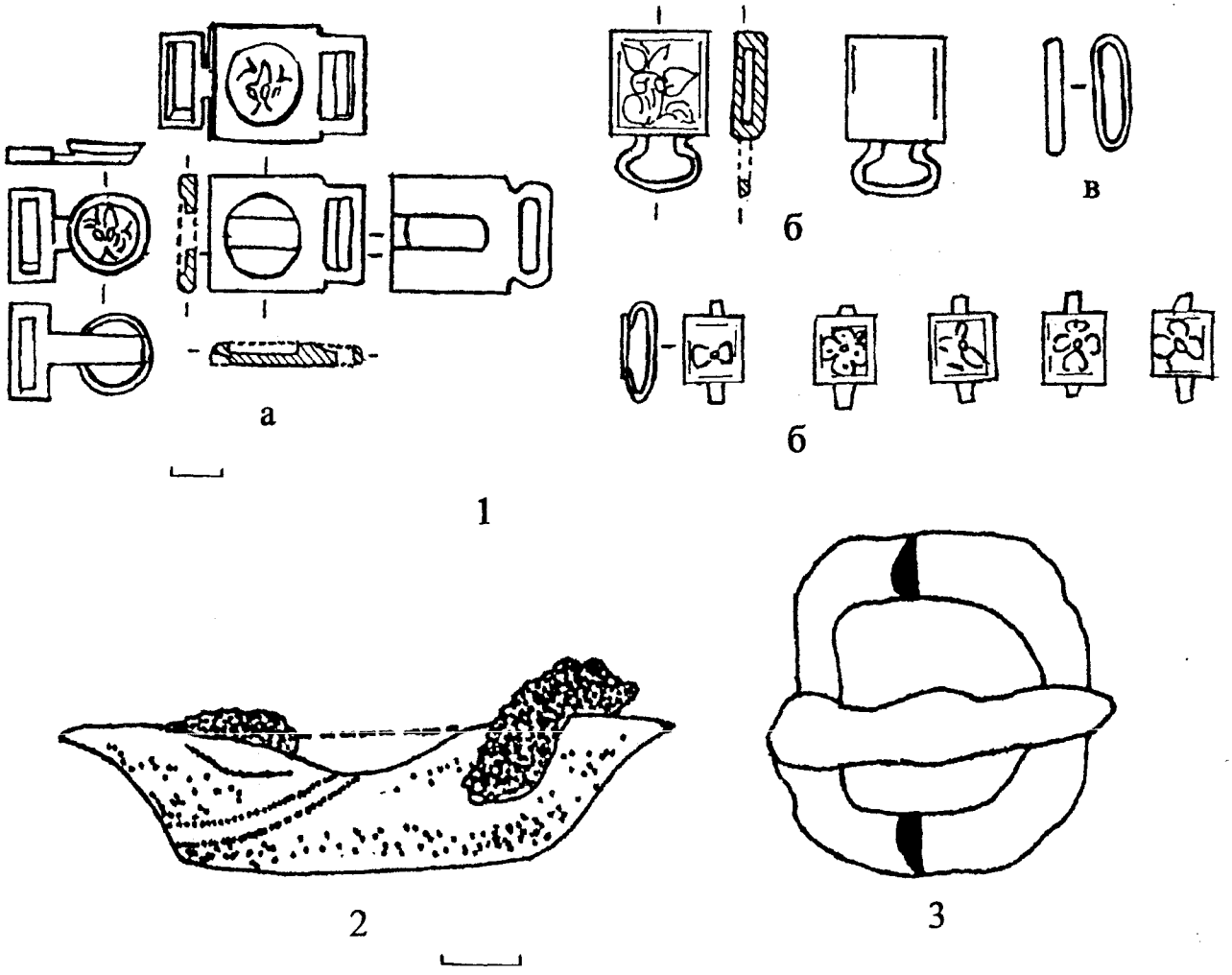


Рис. 36.
Могильник у с. Старая Калитва.
Ст. Калитва 2/1

1 – поясной набор (серебро): а – двусоставная пряжка, б – бляхи, в – кольцо; 2 – чаша с дужкой (серебро, железо); 3 – пряжка (железо).

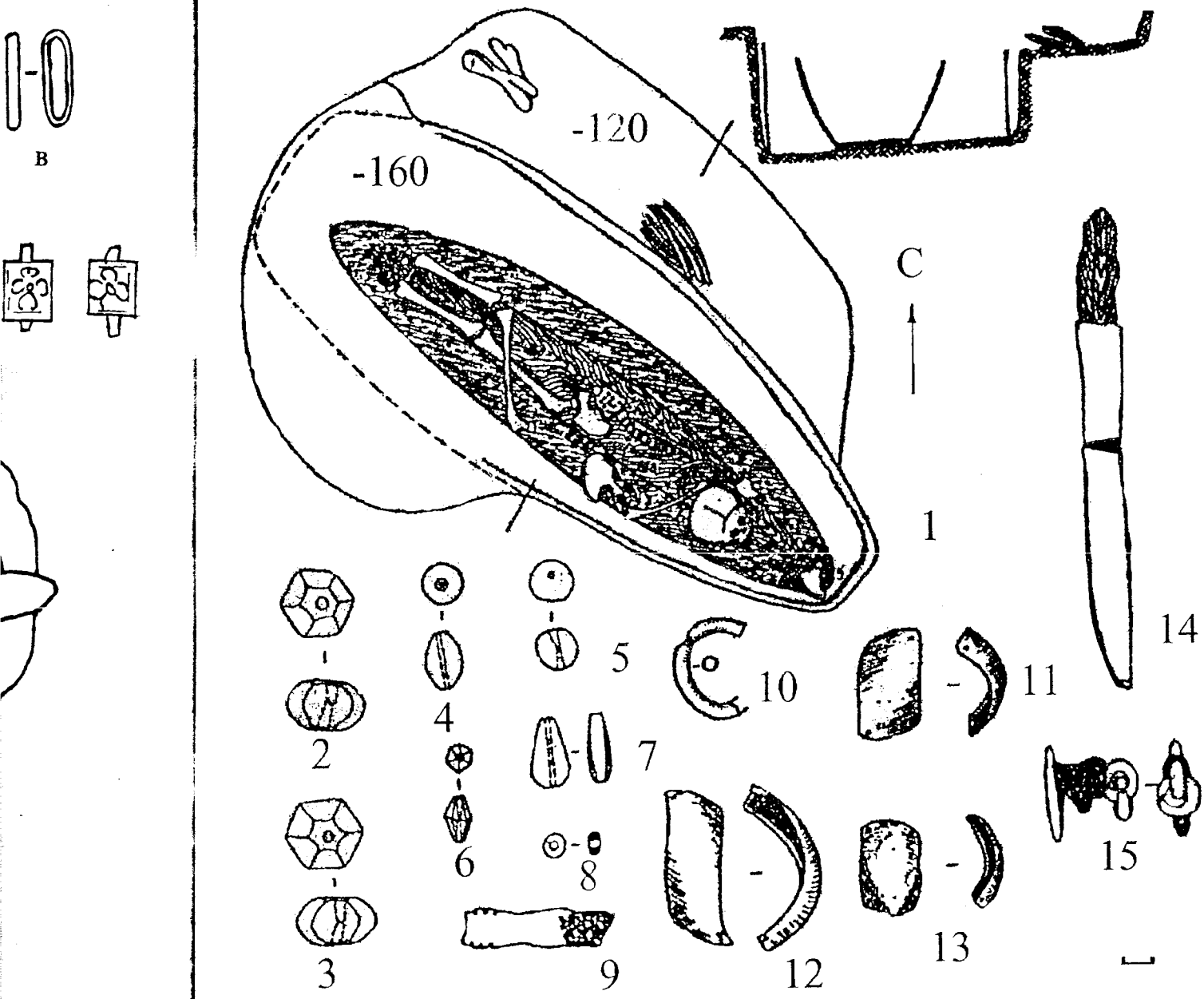


Рис. 37.
Ст. Калитва 1/3

1 – план и профиль могильной ямы; 2- 15 – вещи из погребения: 2-8 – бусы (стекло); 9 – лента (ткань); 10 полое кольцо (бронза); 11, 13 – нашивки роговидного украшения головного убора (серебро); 14 – нож (железо); 15 – крепежное кольцо лодки (железо).

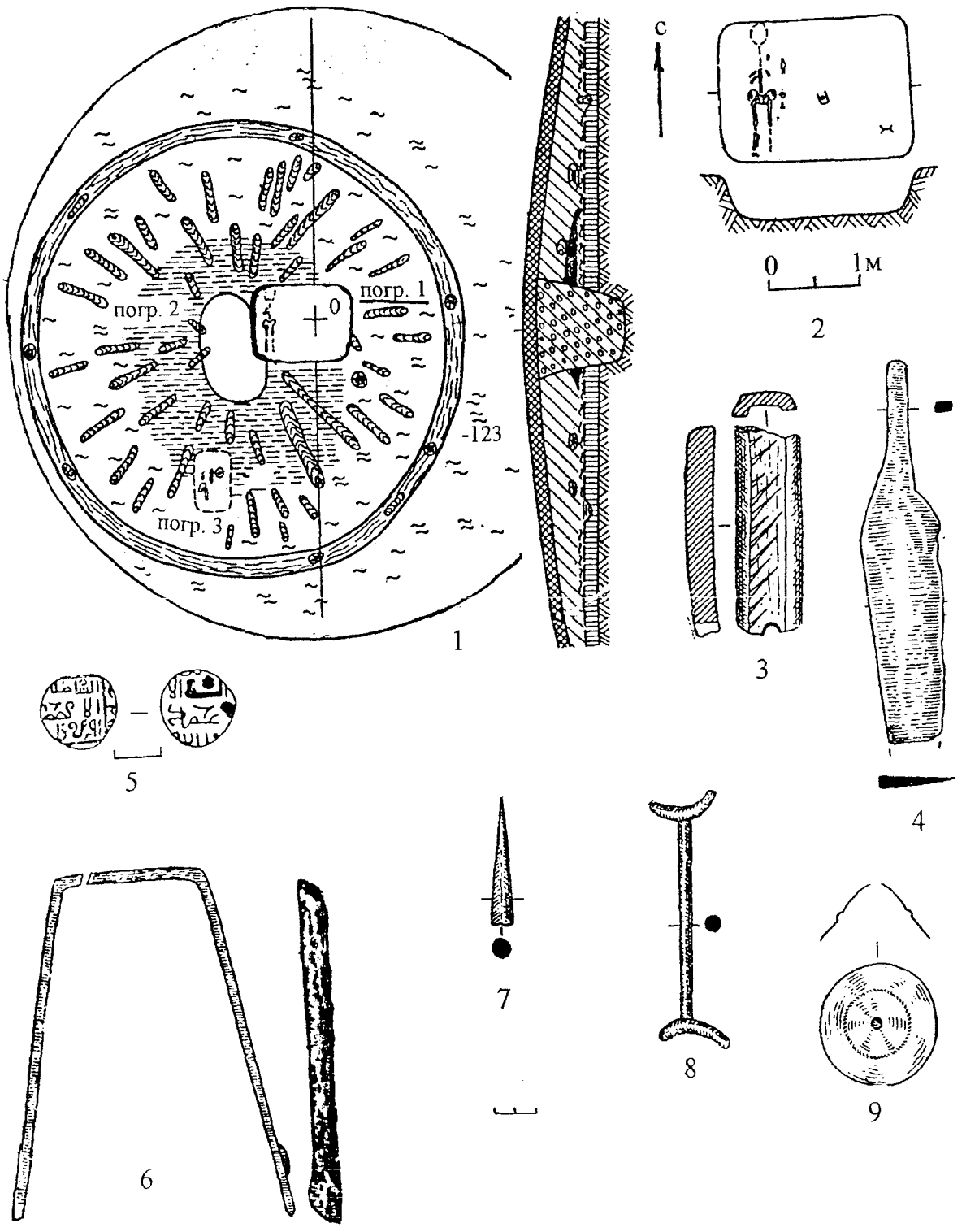


Рис. 38.
Курган у с. Новомеловатка 1/1
Новомеловатка 1/1

1 - план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3-8 – вещи из погребения: 3 – фрагмент неопределенного предмета (кость); 4 – нож (железо); 5 - монета (серебро); 6, 9 - детали неопределенного предмета (6 – железо, 9 – железо, позолота); 7 – проколка (кость); 8 – неопределенный предмет (железо).

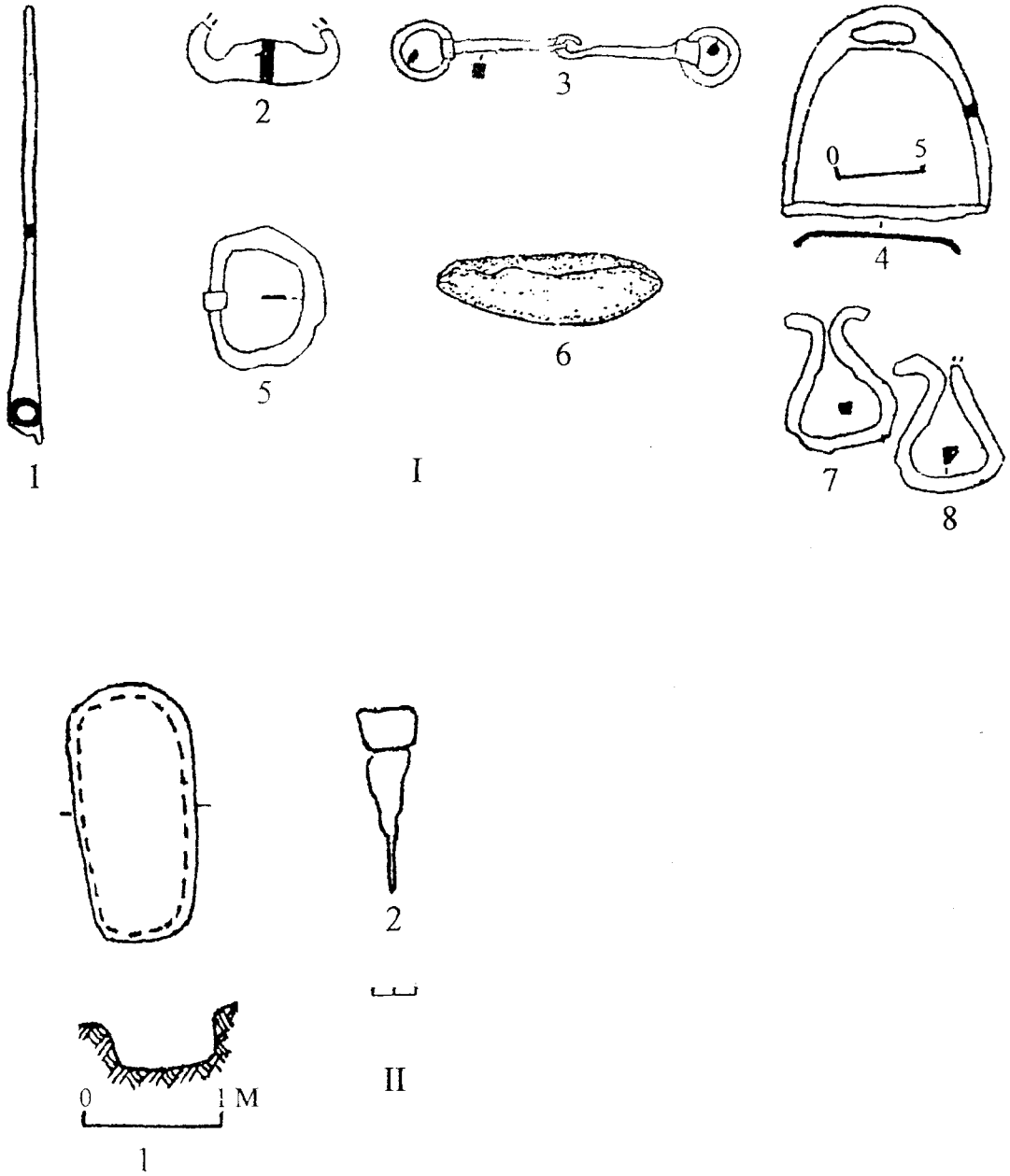


Рис. 39.
Поребения Марки 1/1 и Лофицкое 1/1

I – вещи из погребения Марки 1/1: 1 – наконечник копья (железо); 2 – кресало (железо); 3 – удила (железо); 4 – стремя (железо); 5 – пряжка (железо); 6 – модель казана (бронза); 7, 8 – скобы (железо). II – Лофицкое 1/1: 1 – план и профиль могильной ямы; 2 – наконечник стрелы (железо).

нечник стрелы (железо)

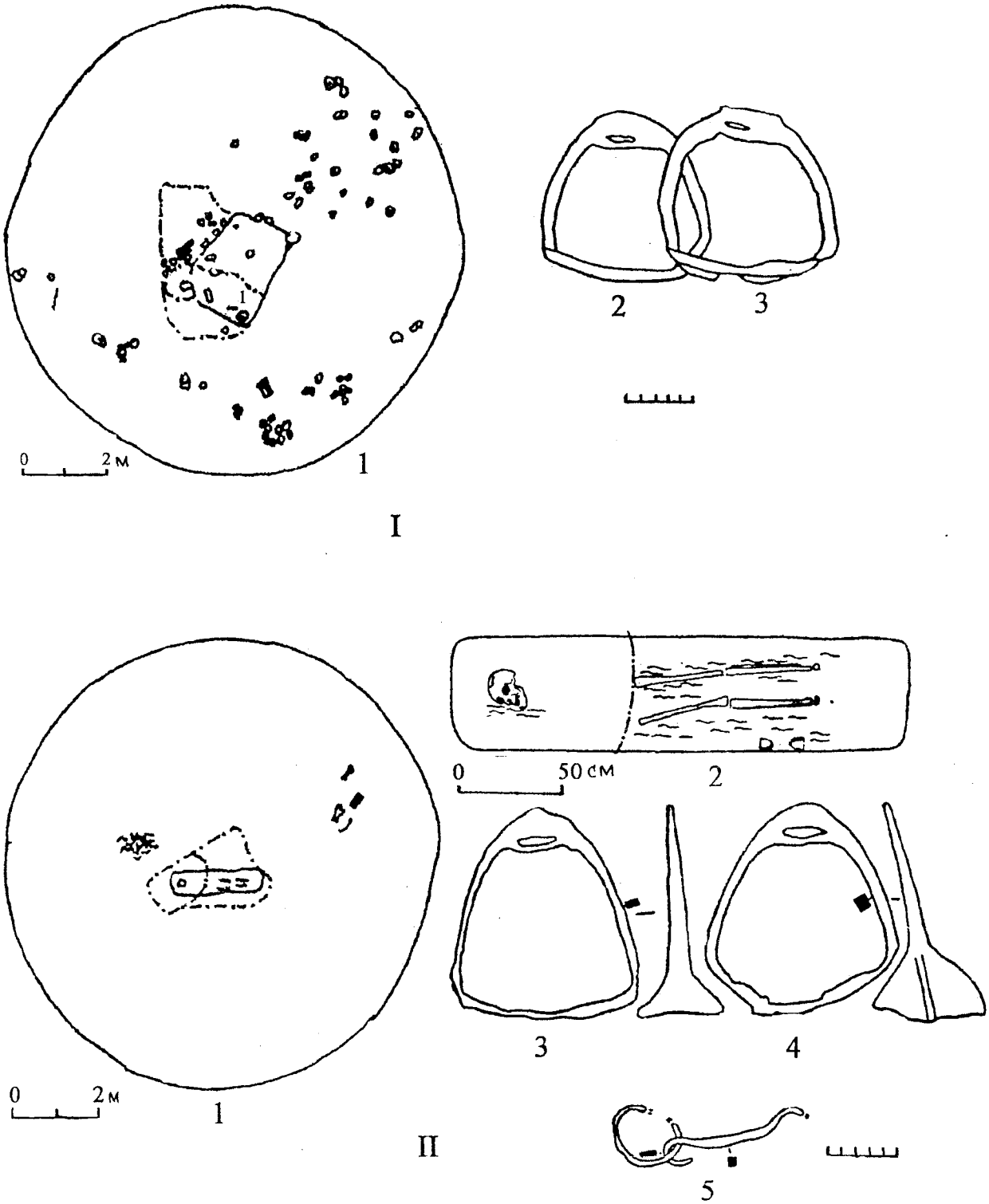


Рис. 40.
Могильник у с. Лесное.
Лесное 1/1 и Лесное 2/1

I - Лесное 1/1: 1 –план кургана; 2, 3 – стремена (железо). II - Лесное 2/1: 1 – план кургана; 2 – план могильной ямы; 3, 4 – стремена (железо); 5 – удила (железо).

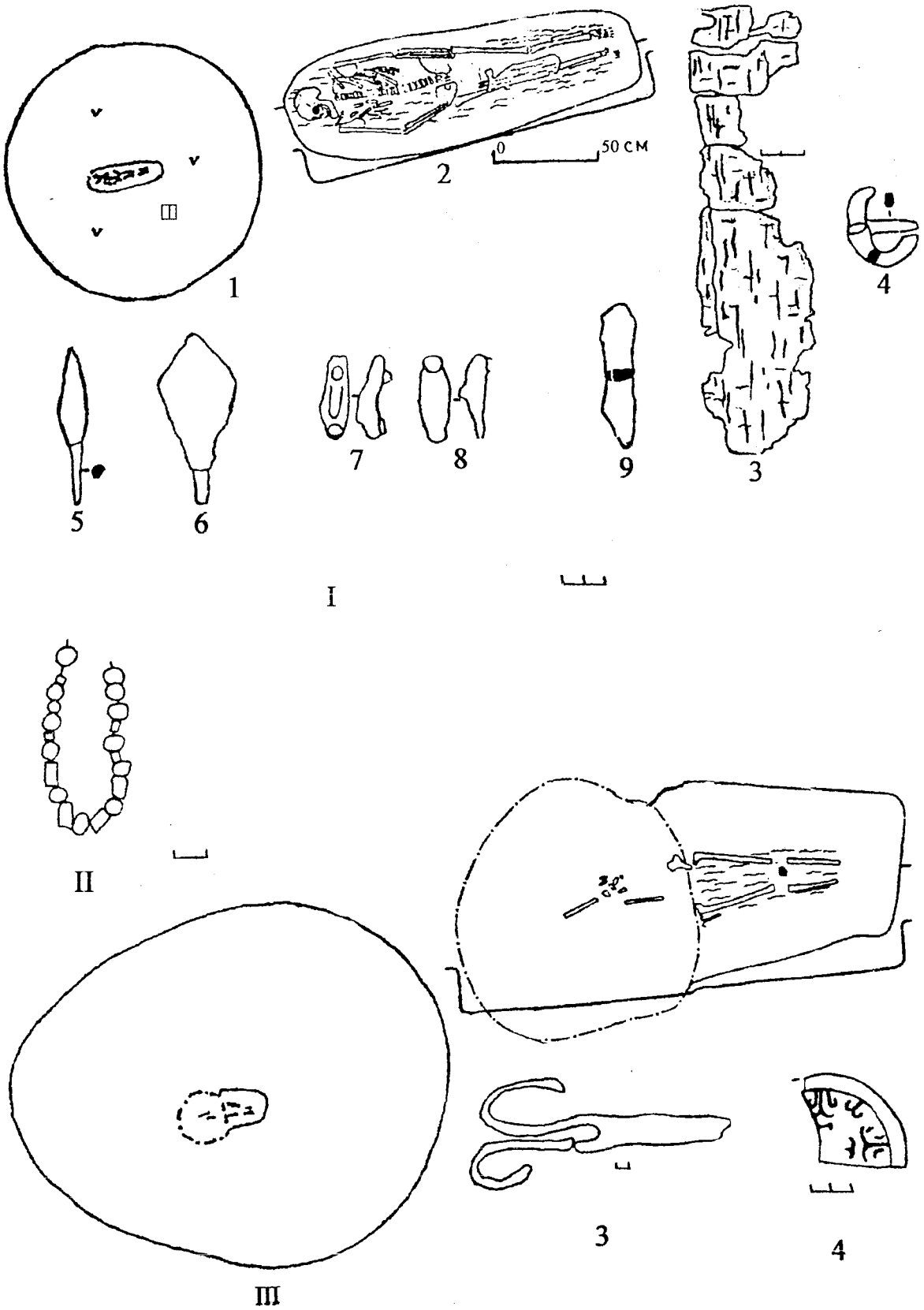


Рис. 41.
Могильник у с. Лесное.
Лесное 3/1, Лесное 4/1, Лесное 5/1

I - Лесное 3/1: 1 – план кургана; 2 – план и профиль погребения; 3 – колчан (береста); 4 – пряжка (железо); 5, 6 – наконечники стрел (железо); 7, 8 – неопределенные предметы (железо); 9 – нож (железо). II - Лесное 4/1: ожерелье (стекло с позолотой, мел, коралл (?). III - Лесное 5/1: 1 – план кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3 – ножницы (железо); 4 – зеркало, фрагмент (серебро).

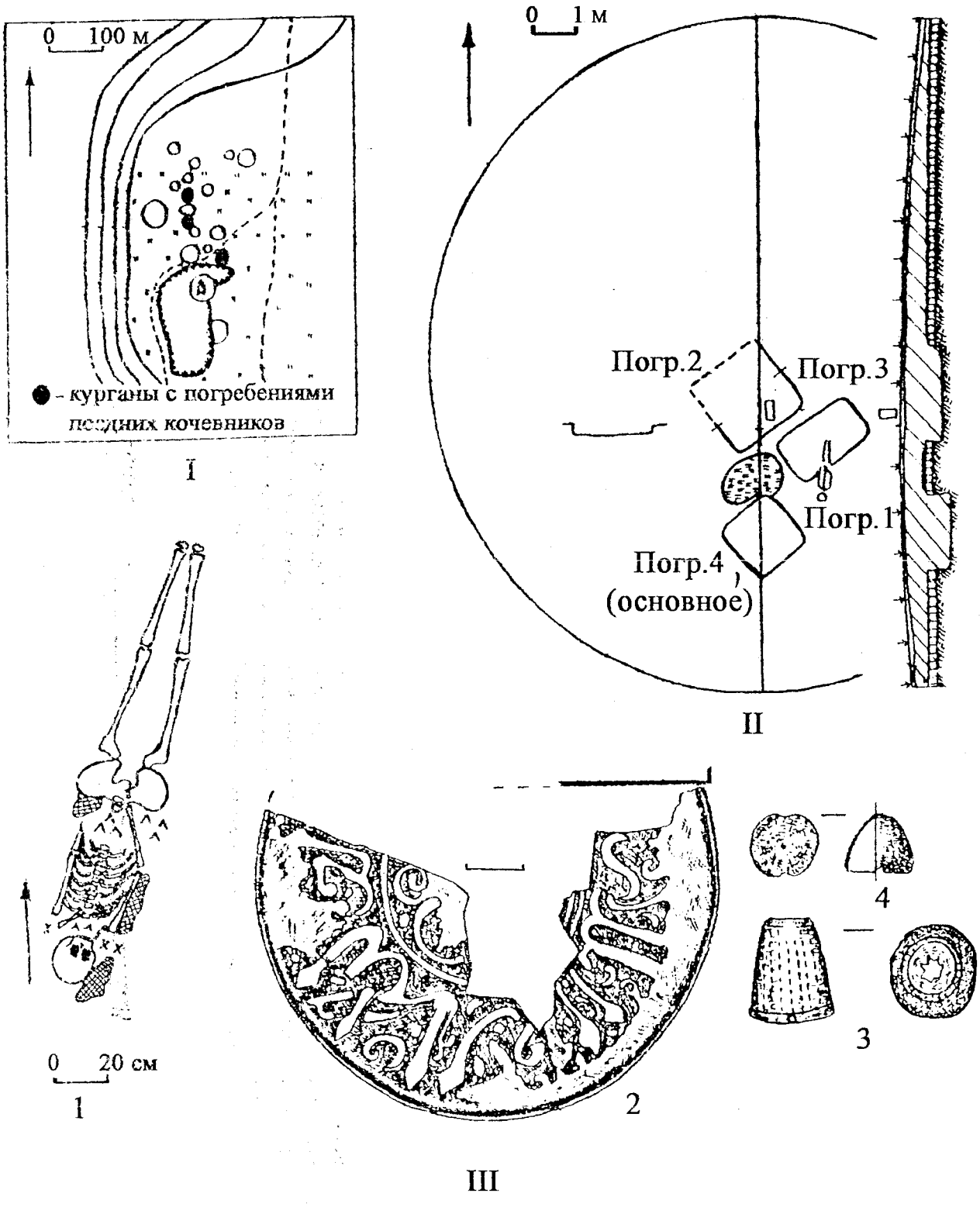


Рис. 42.
I Власовский могильник.
I Власовский 3/1

I - план могильника; II - курган 3 (план и профиль); III – I Власовский 3/1: 1 - план погребения; 2 – фрагмент зеркала (бронза); 3 – наперсток (бронза); 4 – бубенчик (бронза).

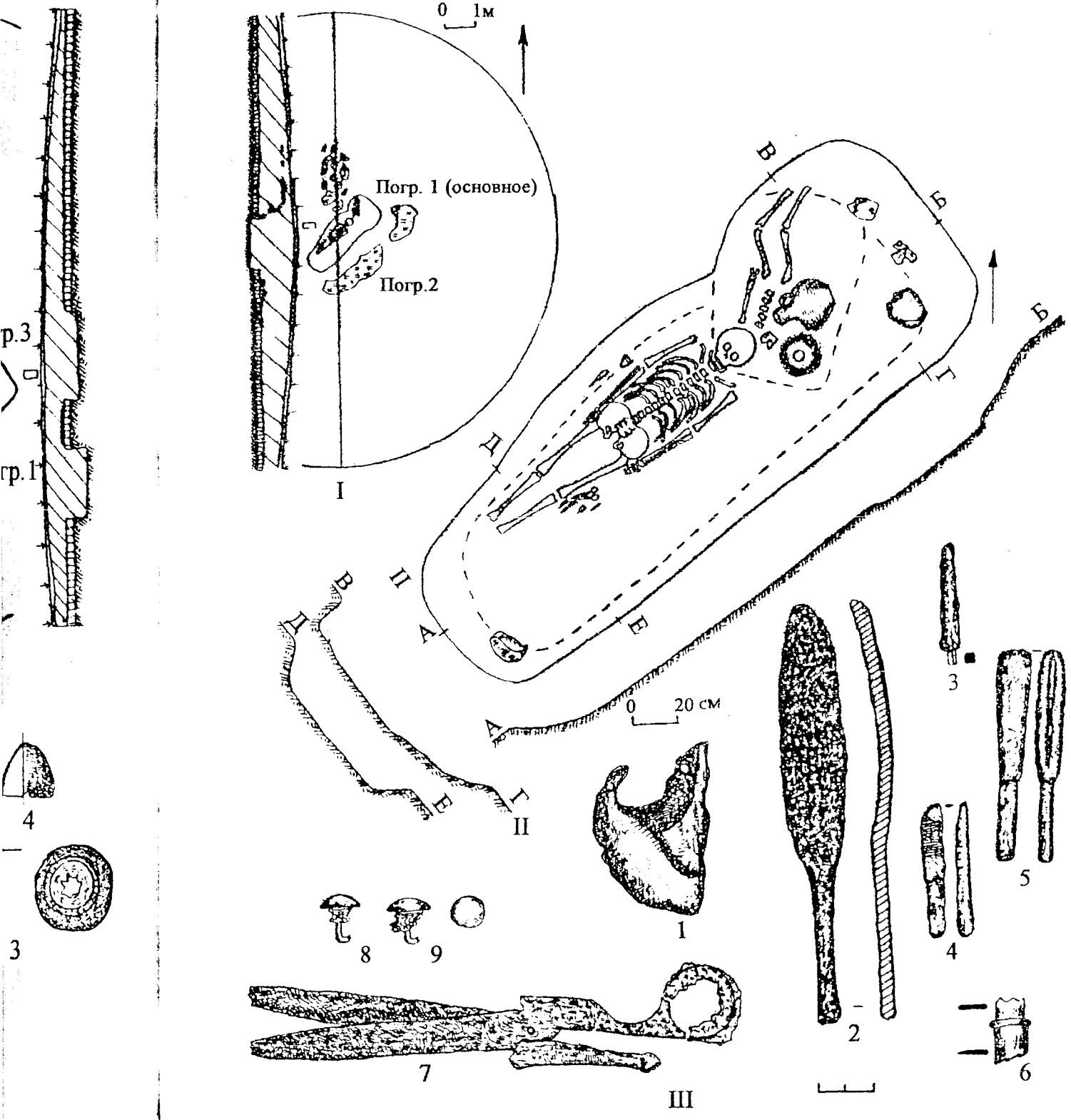


Рис.43.
I Власовский могильник.
I Власовский 10/2

I - план и профиль кургана 10; II - план и профиль могильной ямы; III - вещи из погребения: 1 – модель казана (бронза, железо); 2 – неопределенный предмет (железо); 3 – шило в чехле (железо, кожа); 4, 5 – пинцеты, (?), железо; 6 – фрагмент ножа (железо); 7 – ножницы (железо); 8-9 – гвозди (железо).

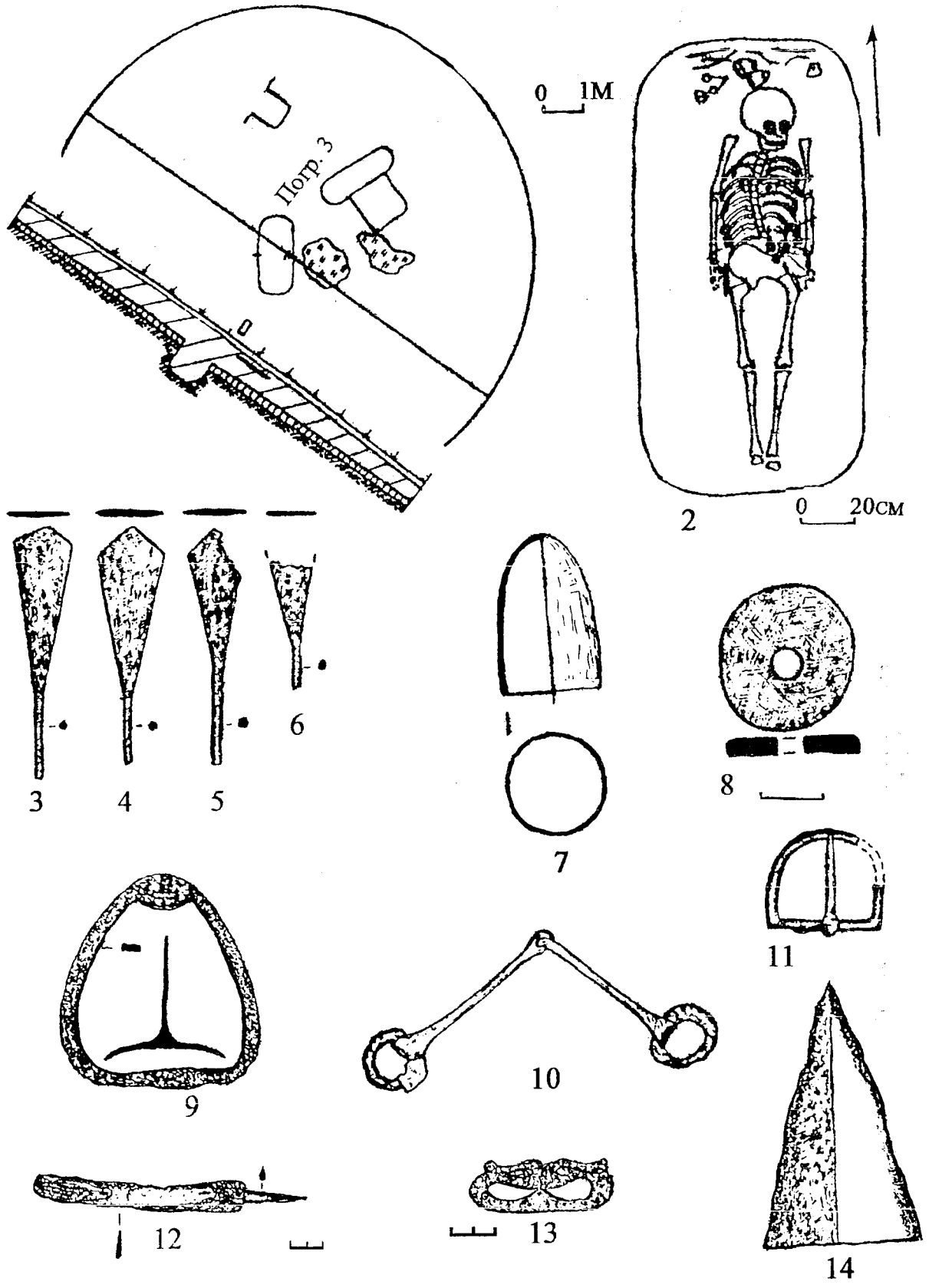
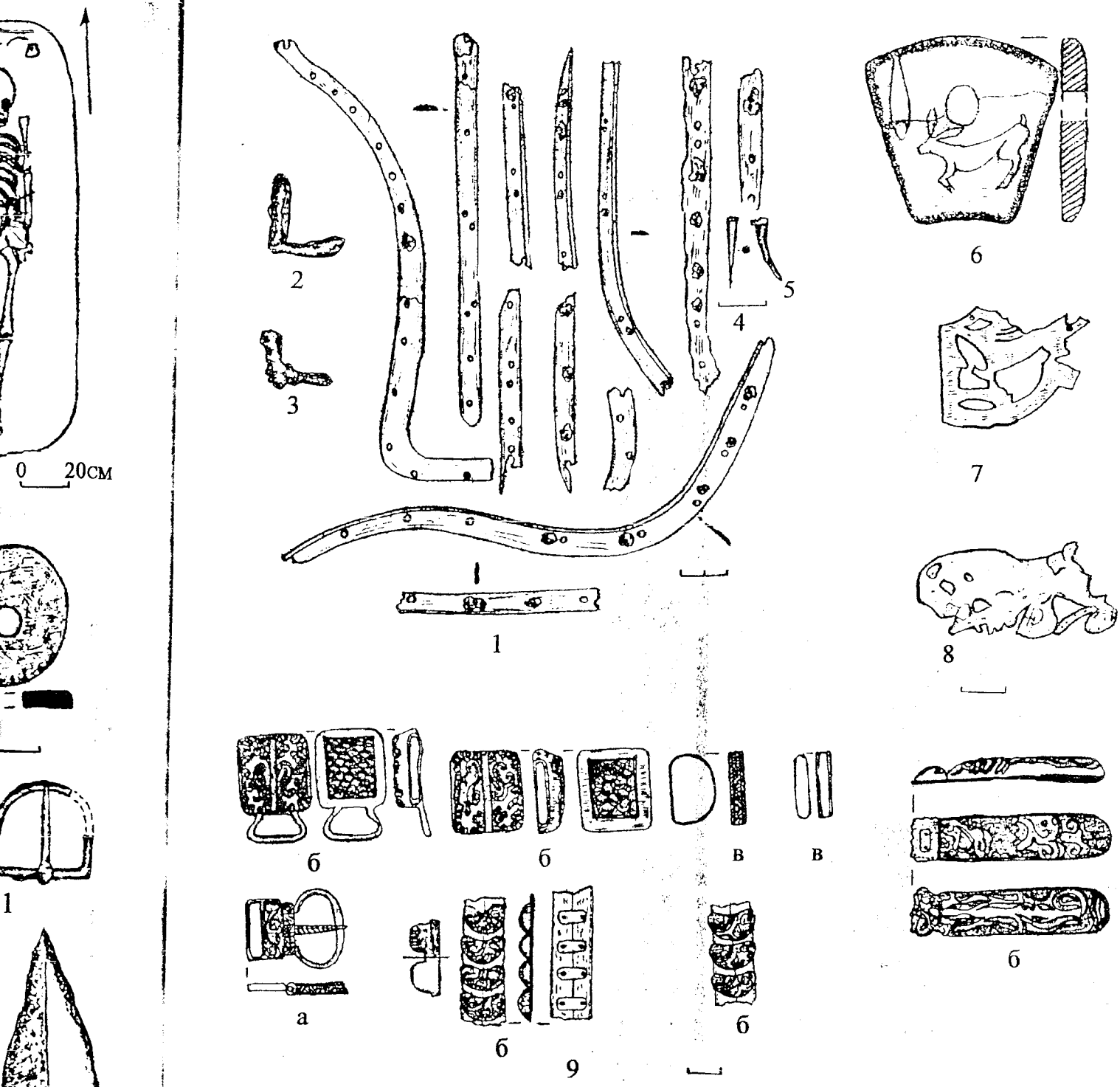


Рис. 44.
I Власовский могильник.
I Власовский 15/3

1 – план и профиль кургана; 2 – план могильной ямы; 3-14 – вещи из погребения: 3-6 – наконечники стрел (железо); 7 – колпачок (кость); 8 – пуговица (кость); 9 – стремя (железо); 10 – удила (железо); 11 – пряжка (железо); 12 – нож в ножнах (железо, дерево); 13 – кресало (железо); 14 – шишак (железо).



0 20см

1

14

вещи из
луговица
– нож в

Рис. 45.
I Власовский могильник.
I Власовский 15/3

1-8 – детали седла (1, 6-8 – кость, 2 - 5 - железо); 9 – поясной набор (серебро, кость): а – пряжка, б – бляхи, в – кольца

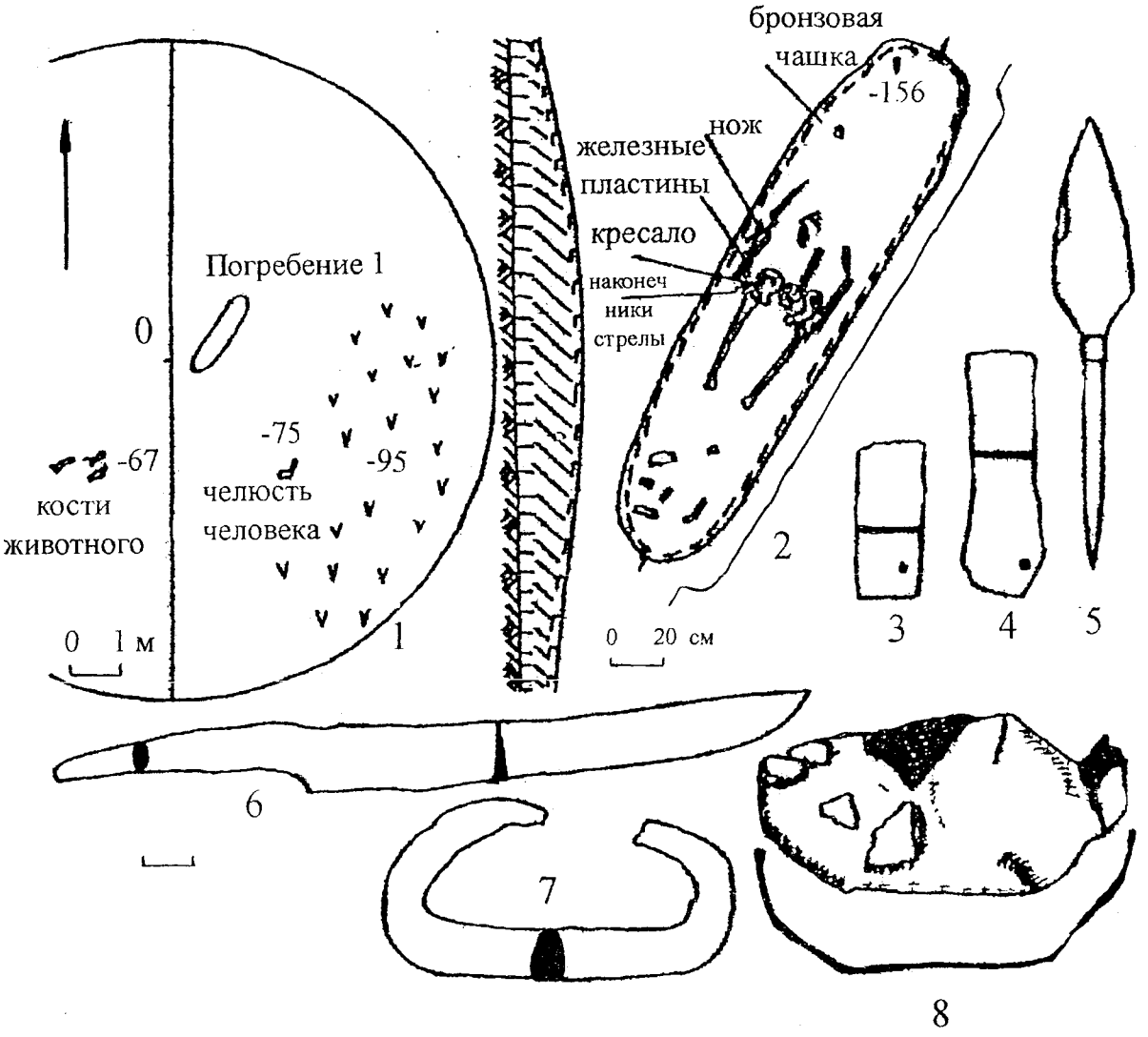
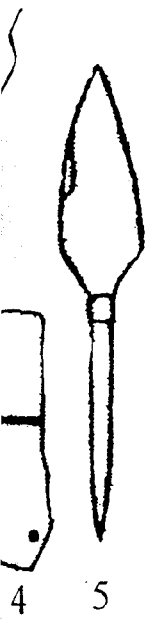


Рис. 46.
Могильник у с. Третьяки.
Третьяки 1/1

1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3-8 – вещи из погребения: 3, 4 – неопределенные предметы (железо); 5 – наконечник стрелы (железо); 6 – нож (железо); 7 – кресало (железо); 8 – чаша (медь).



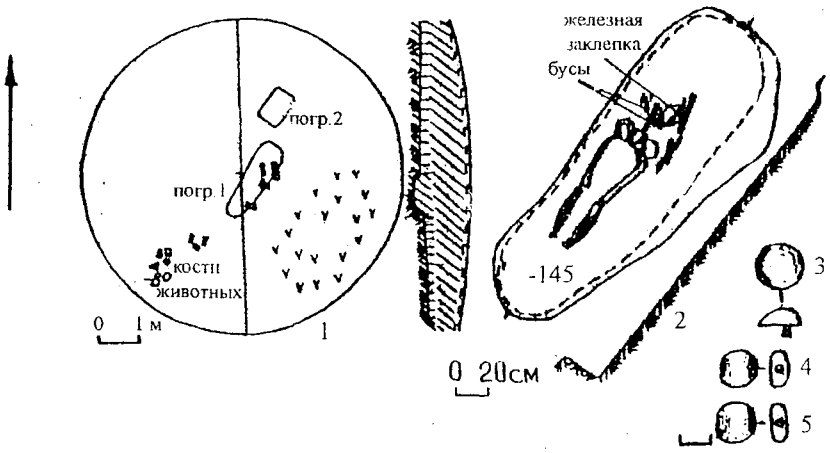


Рис. 47.
Могильник у с. Третьяки.
Третьяки 4/1.

1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3-5 - вещи из погребения: 3 – заклепка (железо): 4, 5 – бусины (стекло).

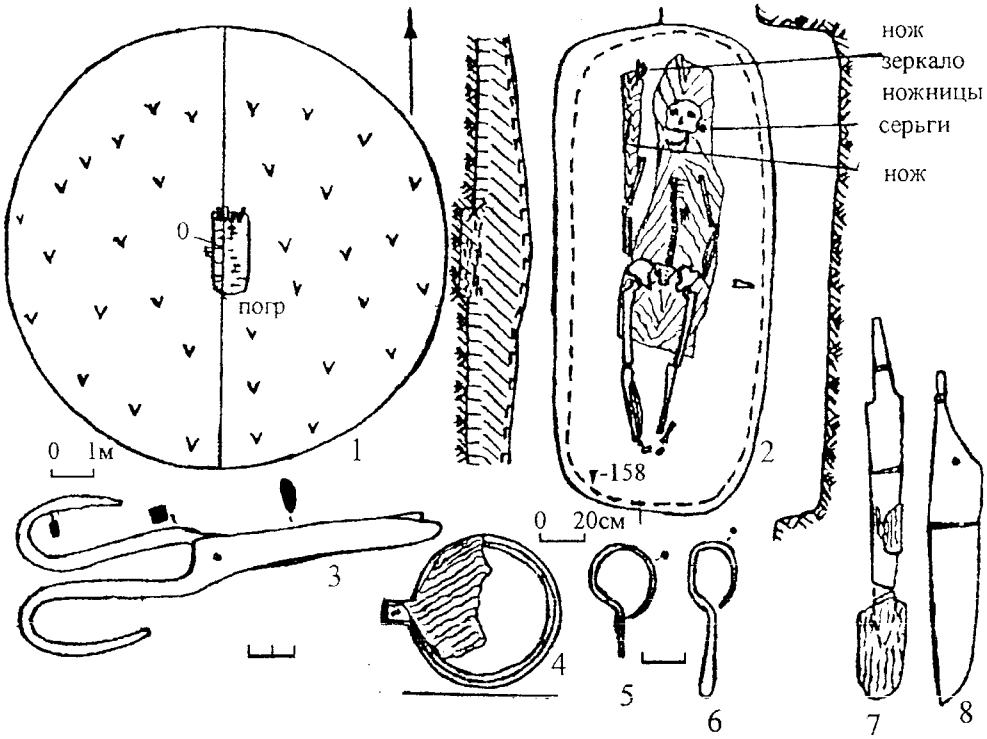


Рис. 48.
Могильник у с. Третьяки.
Третьяки 7/1

1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3-8 – вещи из погребения:3 – ножницы (железо); 4 – зеркало; 5, 6 – подвески (бронза); 7 – нож в ножнах (железо, дерево); 8 – нож – железо.

ещи из
стрелы

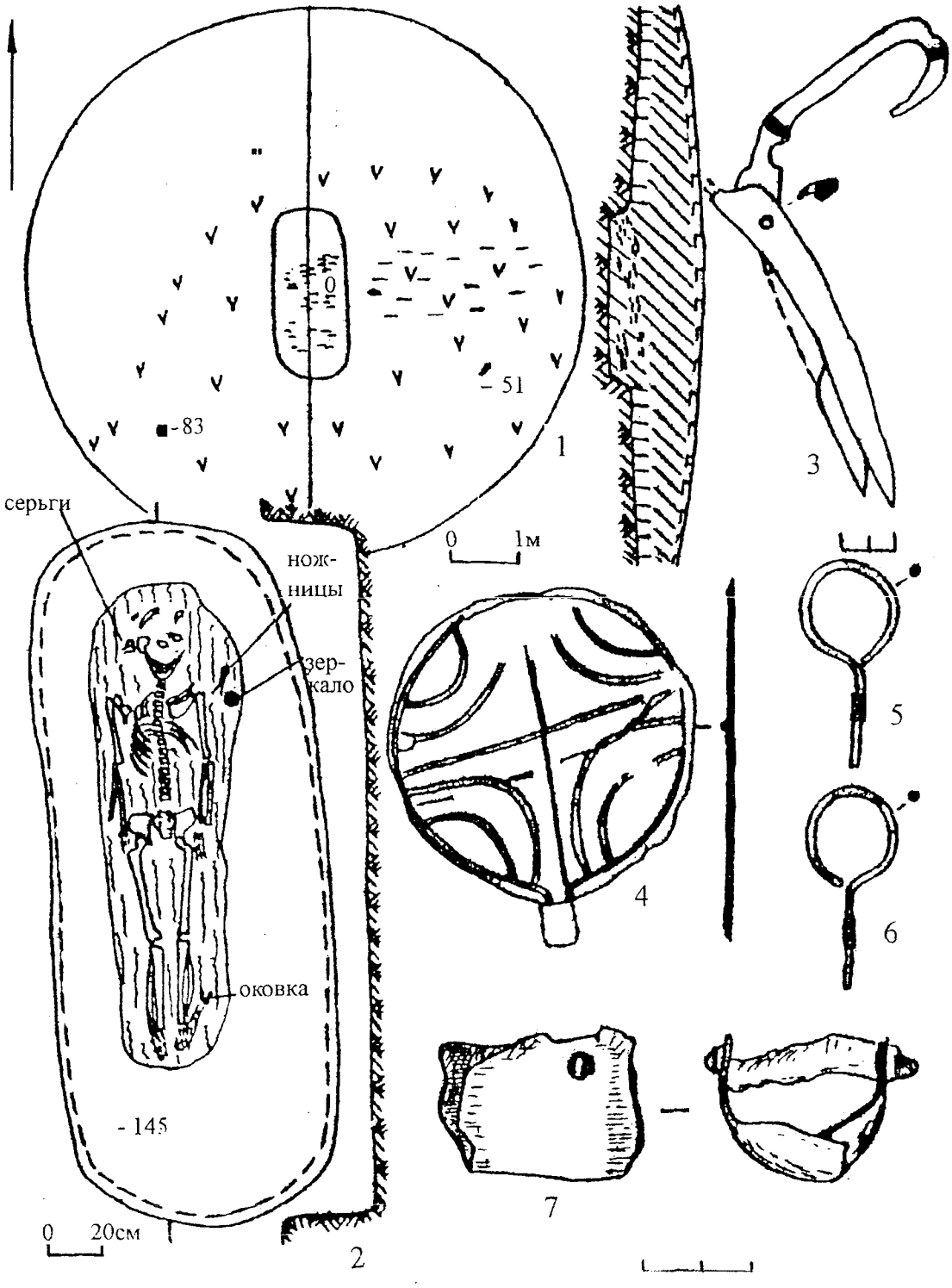
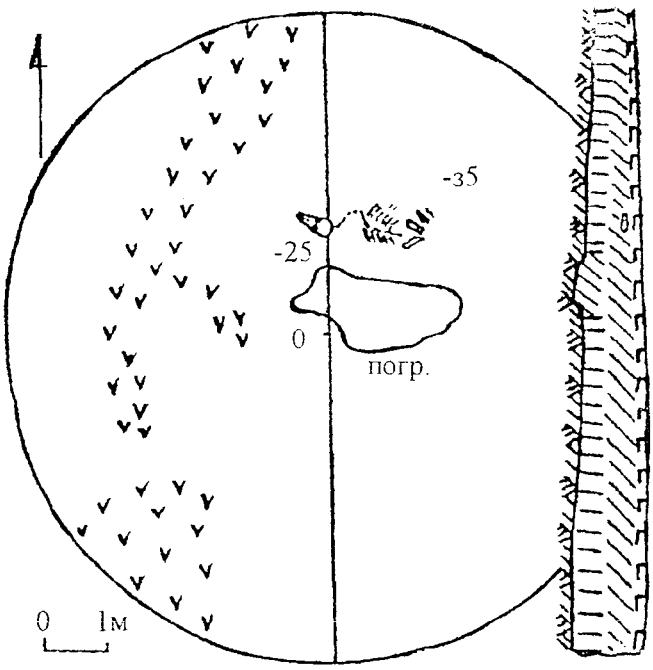
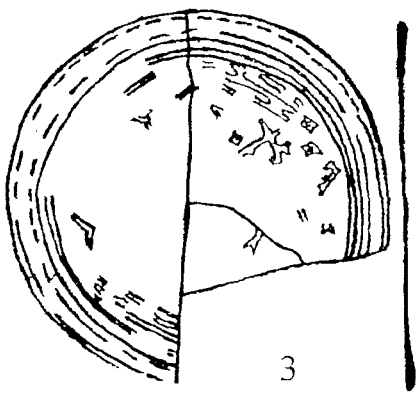


Рис. 49.
Могильник у с. Третьяки.
Третьяки 20

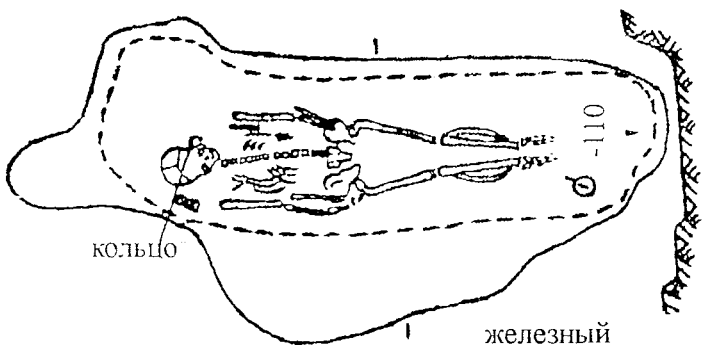
1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3 – ножницы (железо); 4 – зеркало (серебряный сплав?); 5-6 – подвески (бронза); 7 – неопределенные предметы (медь).



1

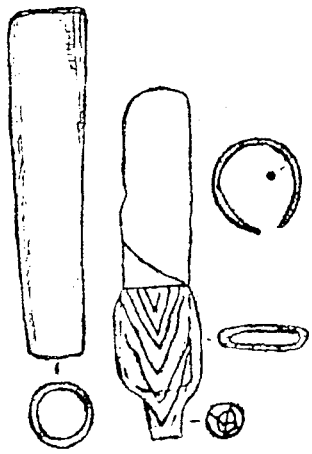


3



2

0 20см



4 5

железный предмет, зеркало, костяная трубочка

Рис. 50.
Могильник у с. Третьяки.
Третьяки 24/1

1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3-5 – вещи из погребения: 3 – зеркало (серебро); 4 – неопределенный предмет (кость); 5 неопределенный предмет-лопатка (железо, дерево); 6 – подвеска (серебро).

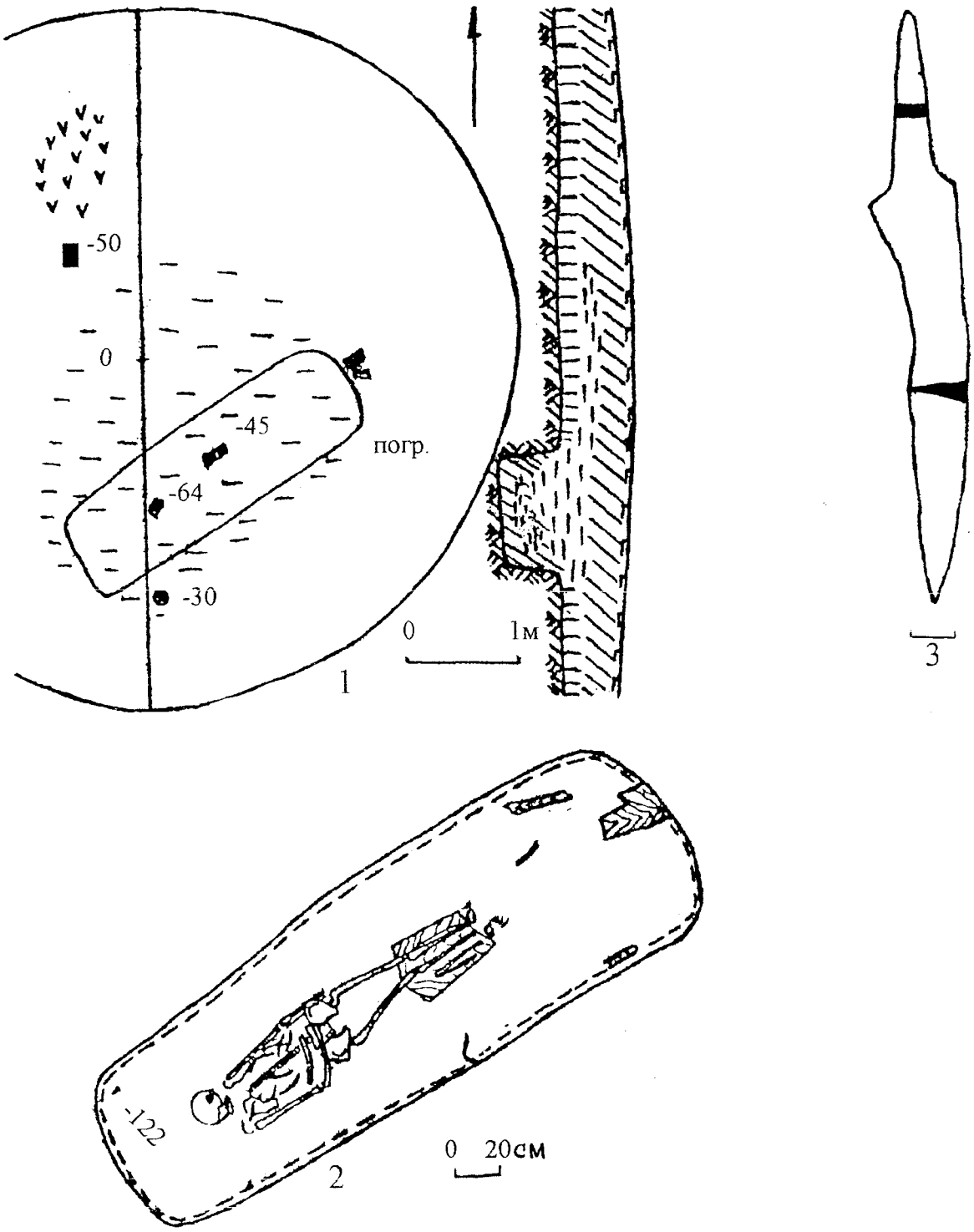


Рис. 51.
Могильник у с. Третьяки. Погребение Третьяки 25/1
1 – план и профиль кургана; 2 – план могильной ямы; 3 – нож (железо)

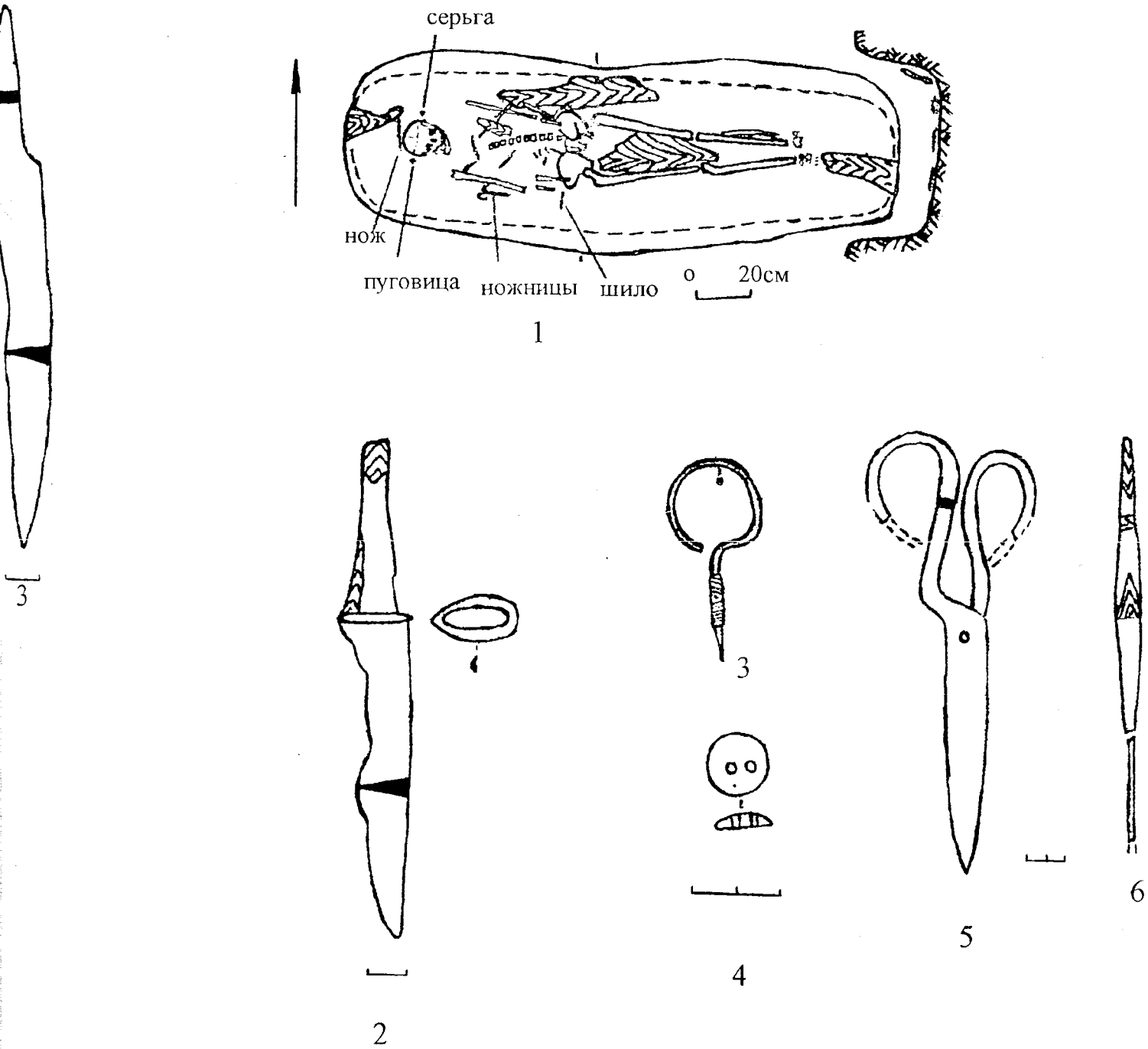


Рис. 52.
Могильник у с. Третьяки.
Третьяки 32/1

1 – план и профиль могильной ямы; 2-6 – вещи из погребения: 2 – нож (железо, бронза); 3 – подвеска (брочза); 4 – пуговица (фаянс); 5 – ножницы (железо); 6 – шило (железо, дерево).

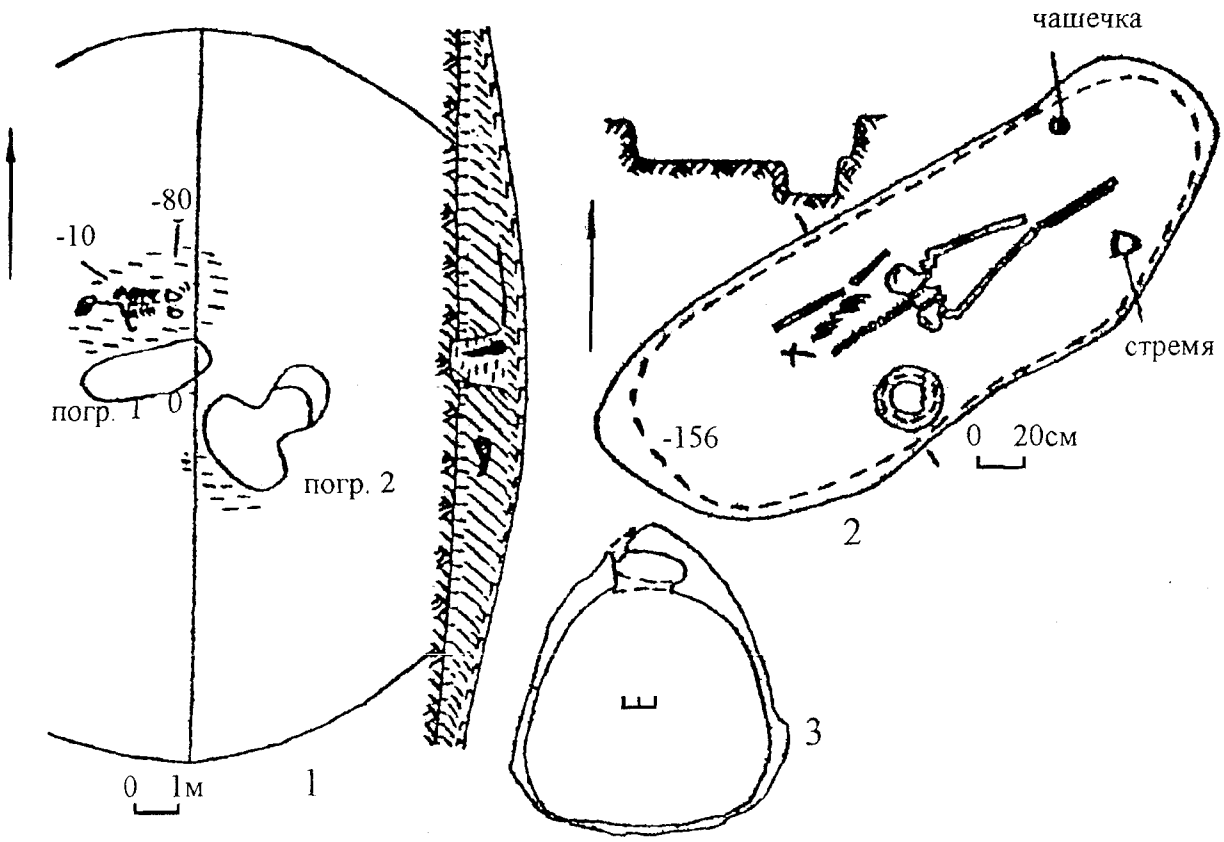
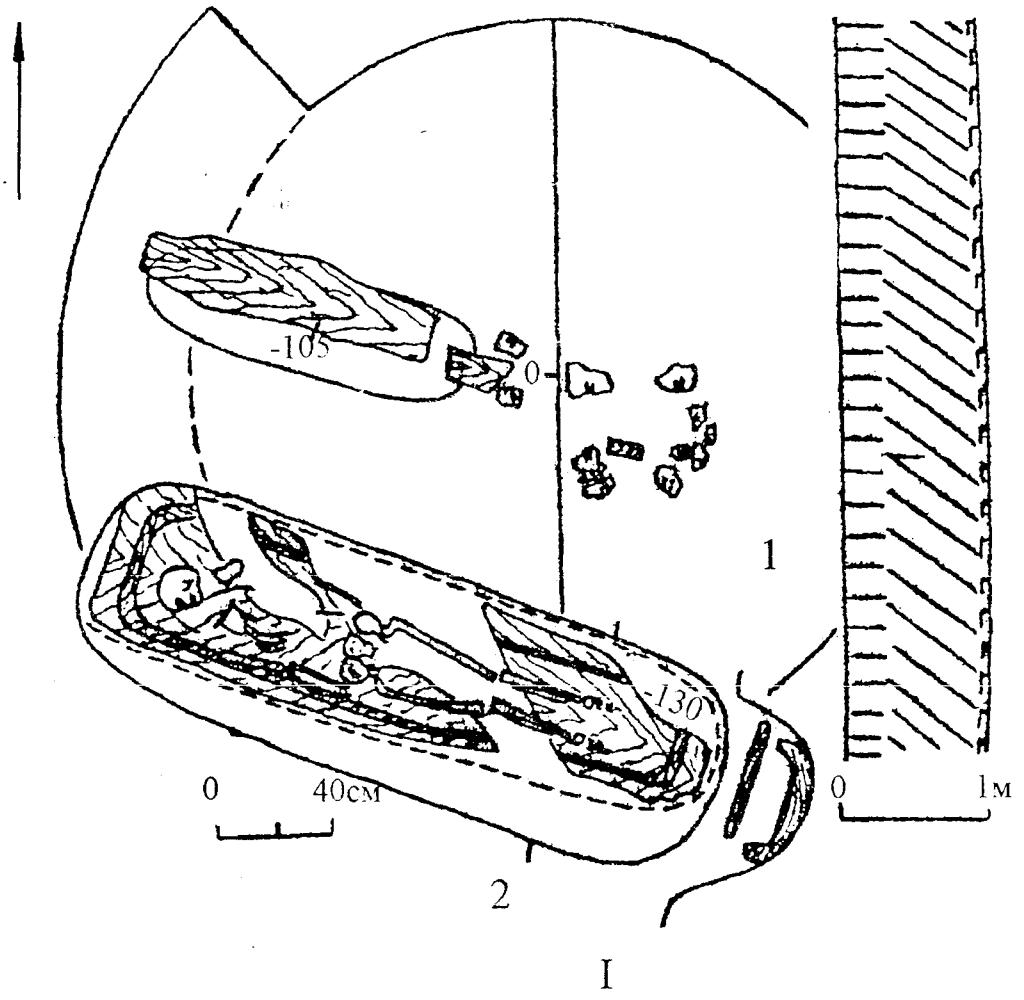


Рис. 53.
Могильник у с. Третьяки. Погребение Третьяки 69/1
1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3 – стремя (железо)

ечка

стремя



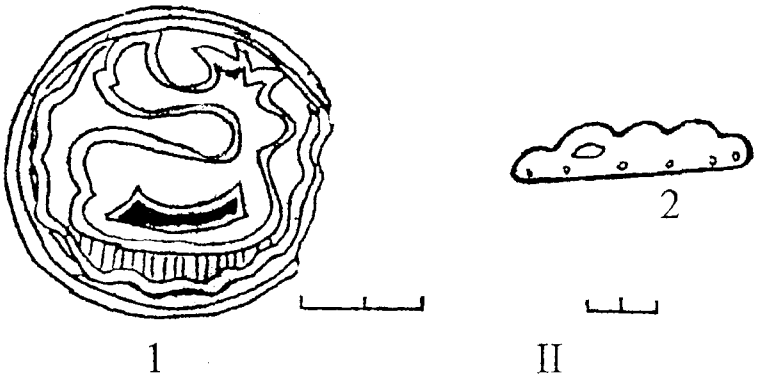


Рис. 54.
Третьяки 81\1. Кургана у с. Рыкань

I - Третьяки 81/1: 1 - план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы. II - Рыкань: 1 – декоративная накладка на колчан (кость); 2 – колчанная петля – (аналогия, кость).

елезо)

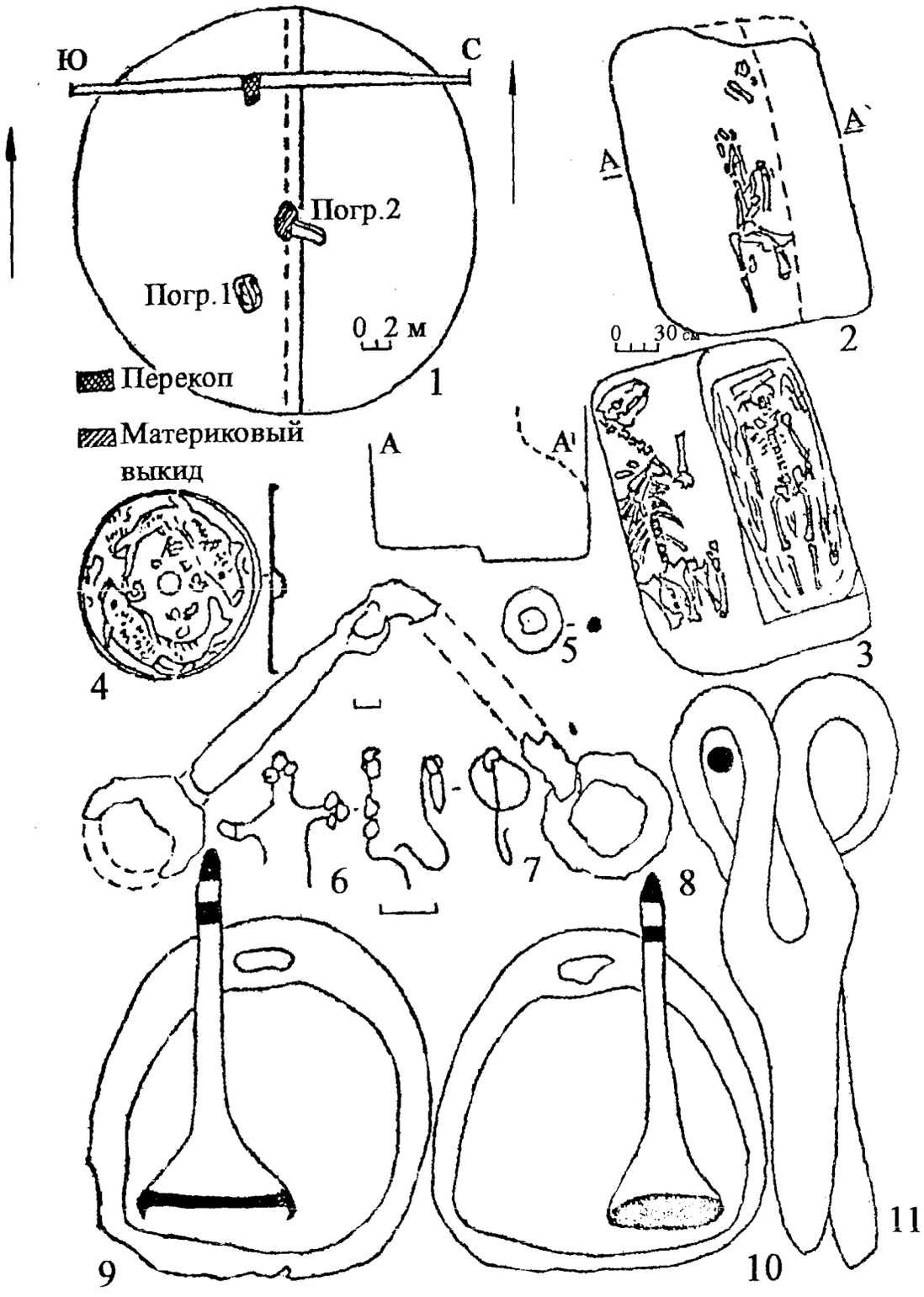


Рис. 55.
III Шляховский могильник.
III Шляховский 1/1

1 – план и профиль кургана; 2 – план могильной ямы, верхний горизонт; 3 – план могильной ямы, нижний горизонт; 4-11 – вещи из погребения: 4 – зеркало (бронза); 5 – подпружная пряжка (железо); 6, 7 подвески; 8 – удила (железо); 9, 10 стремена (железо); 11 – ножницы (железо).

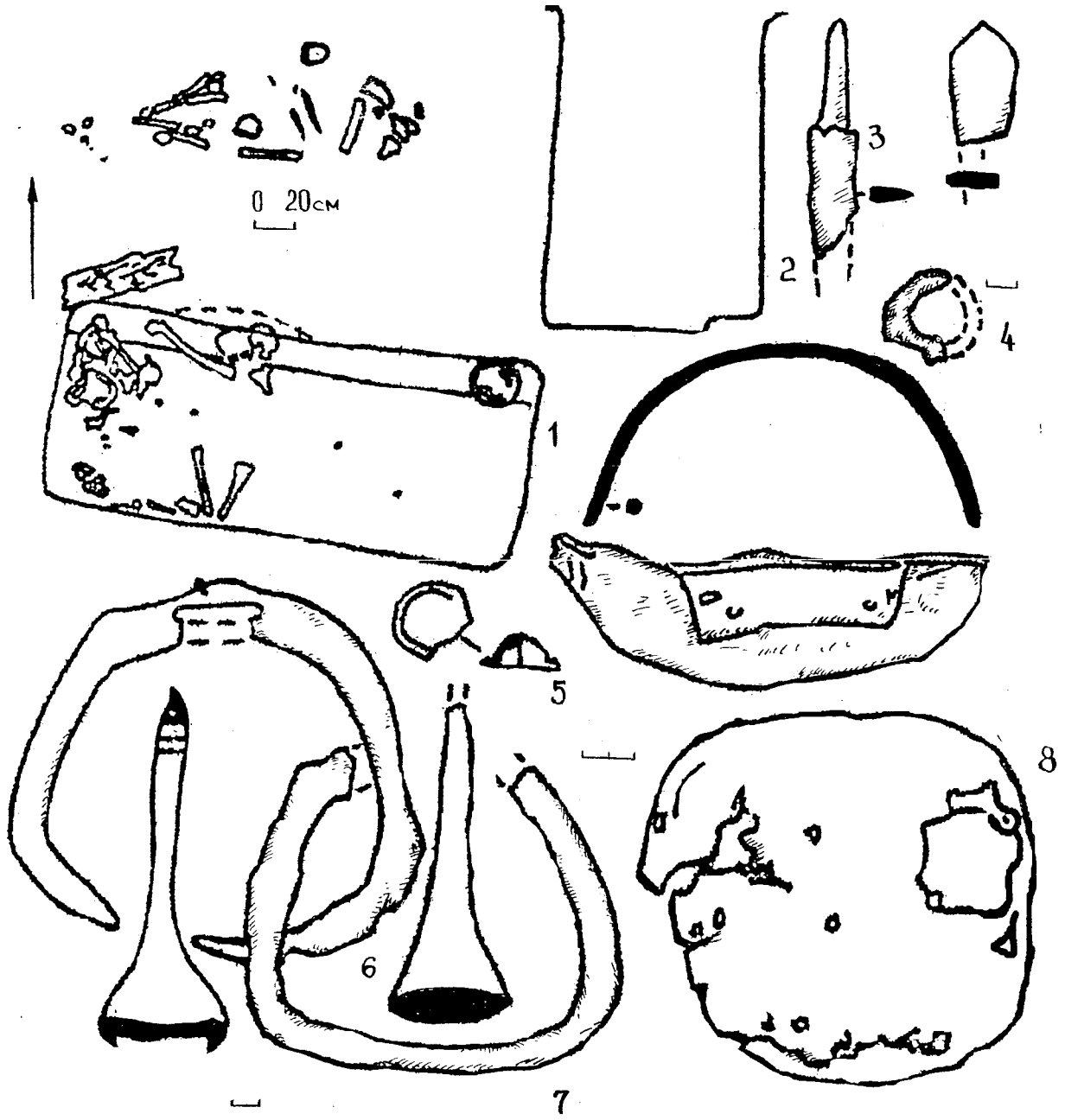


Рис. 56.
III Шляховский могильник.
III Шляховский 1/2

1 – план и профиль могильной ямы; 2-7 – вещи из погребения: 2 – нож, фрагмент (железо); 3- наконечник стрелы, фрагмент (железо); 4 –пряжка, фрагмент (железо); 5 – бляха (железо); 6, 7 – стремена (железо); казанок (бронза, железо).

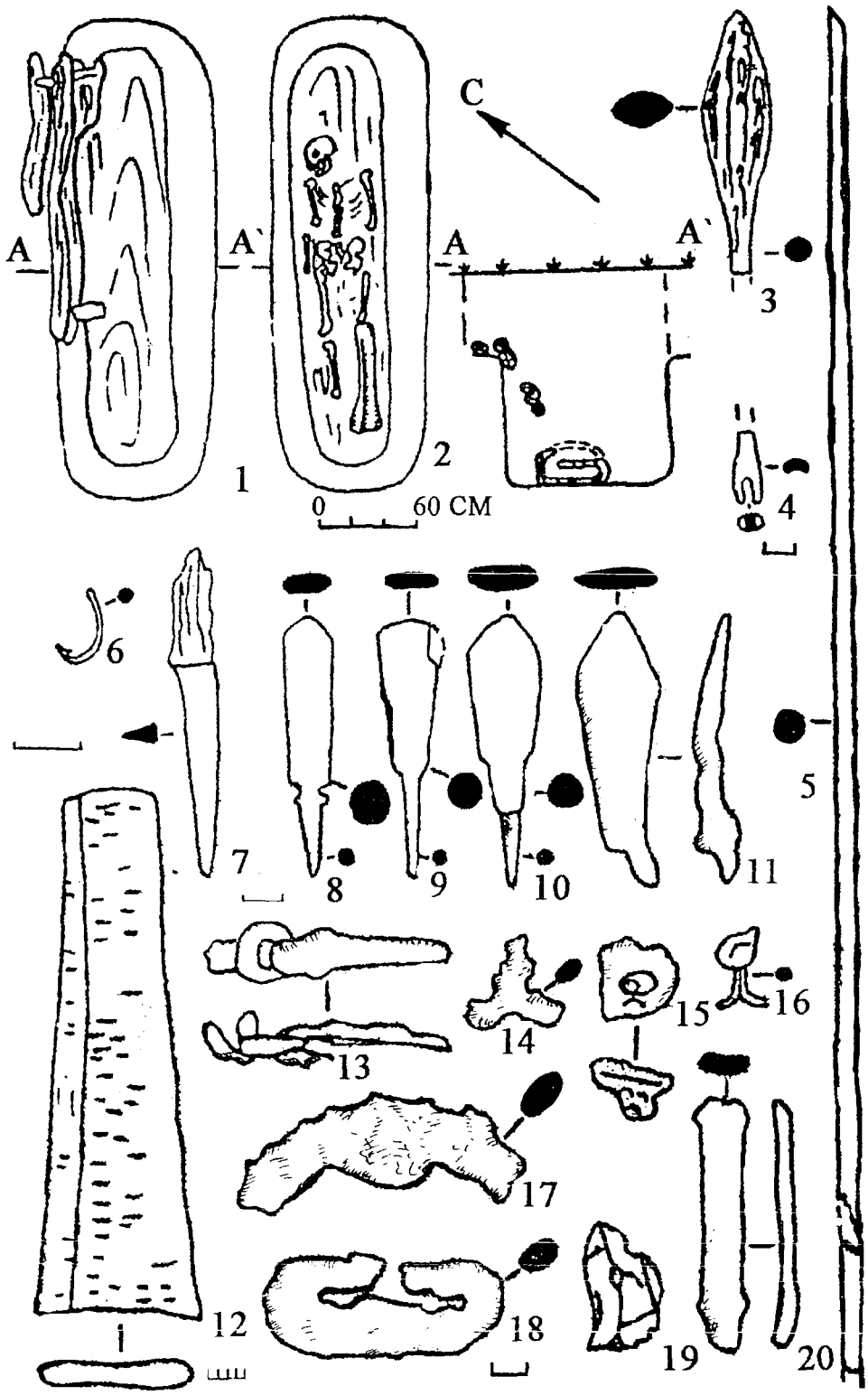


Рис. 57.
Погребение Ветютнев 2/1

1,2 – план и профиль могильной ямы; 3-20 – вещи из погребения: 3 – наконечник стрелы (дерево); 4, 5 – древки стрел, фрагменты (дерево); 6 – рыболовный крючок, фрагмент (бронза); 7 - нож (железо, дерево); 8-11 – наконечники стрел (железо); 12 – колчан (береста); 13, 14, 16, 17, 20 - детали крепления колчана (железо); 15 – пряжка (железо); 18 – кресало (железо); 19 – кремень.

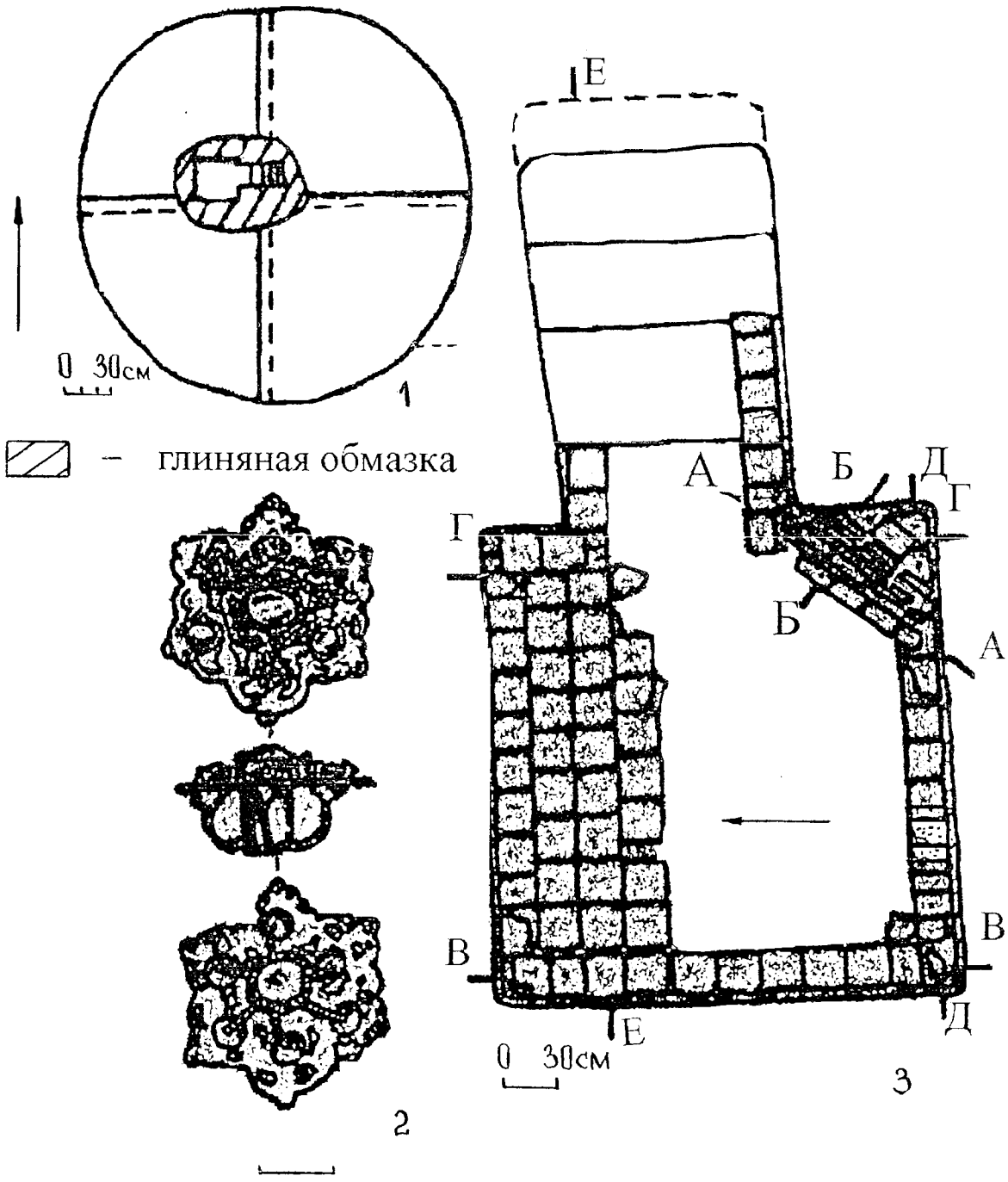


Рис. 58.
I Шляховский могильник.
I Шляховский 2/1

1 – план кургана; 2 – бляха-нашивка (бронза, стекло); 3 – план погребального сооружения (склеп).

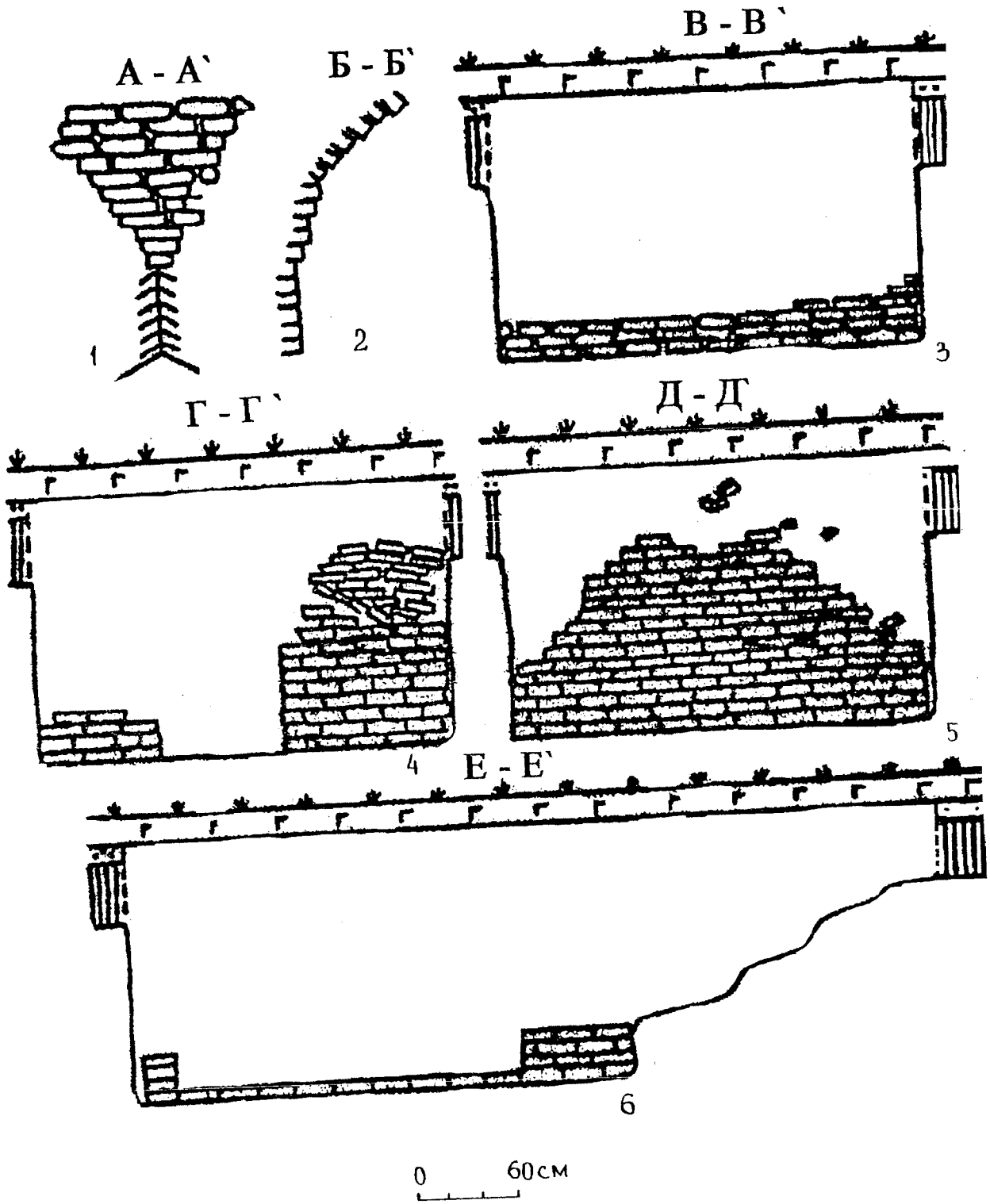


Рис.59.
I Шляховский могильник.
I Шляховский 2/1
Профили стен склепа.

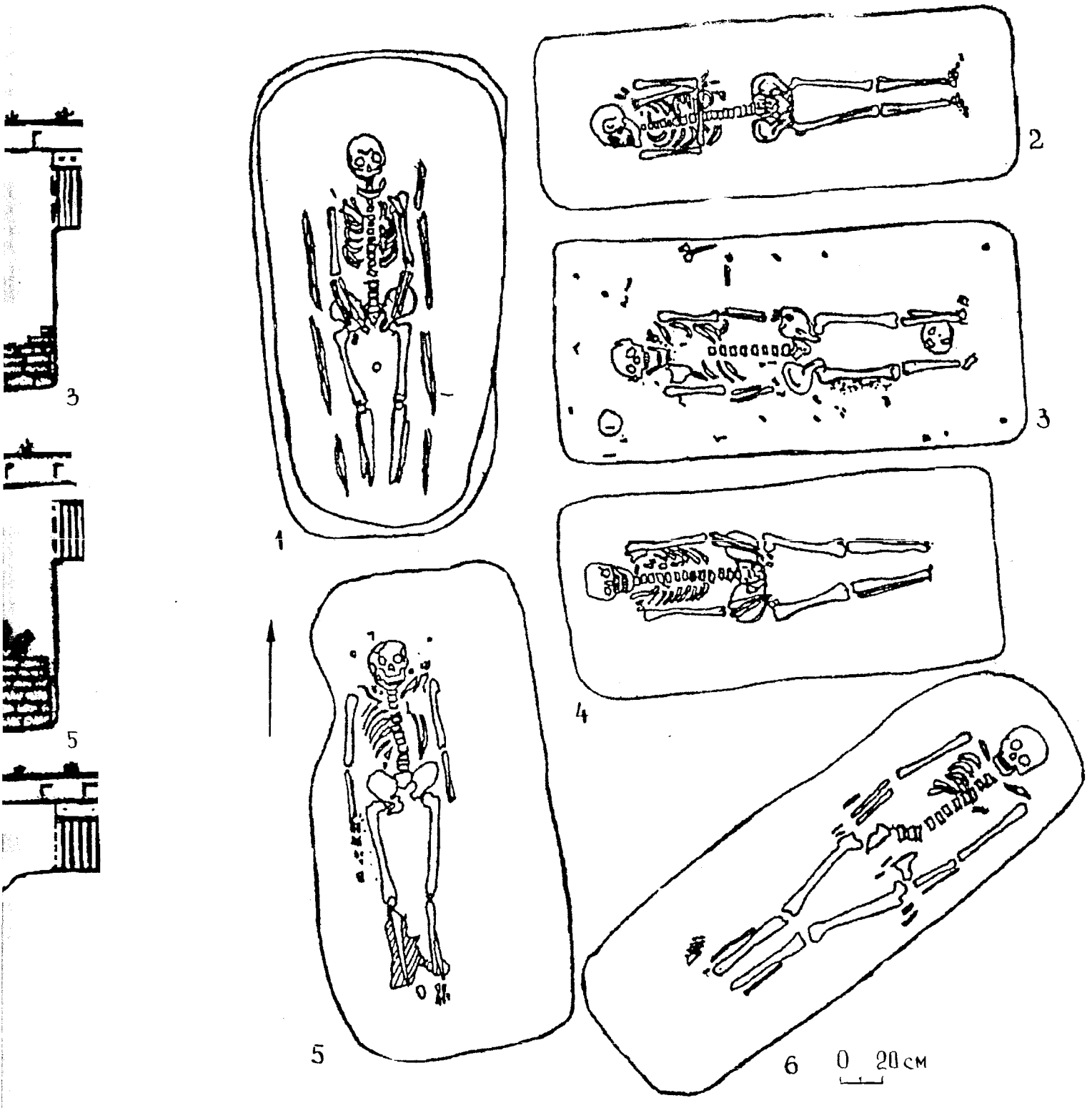


Рис. 60.
Глазуновский могильник. Планы погребений

1 – Глазуновский 1/1; 2 – Глазуновский 4/1; 3 – Глазуновский 5/1; 4 – Глазуновский 3/1; 5 – Глазуновский 9/1; 6 – Глазуновский 10/1.

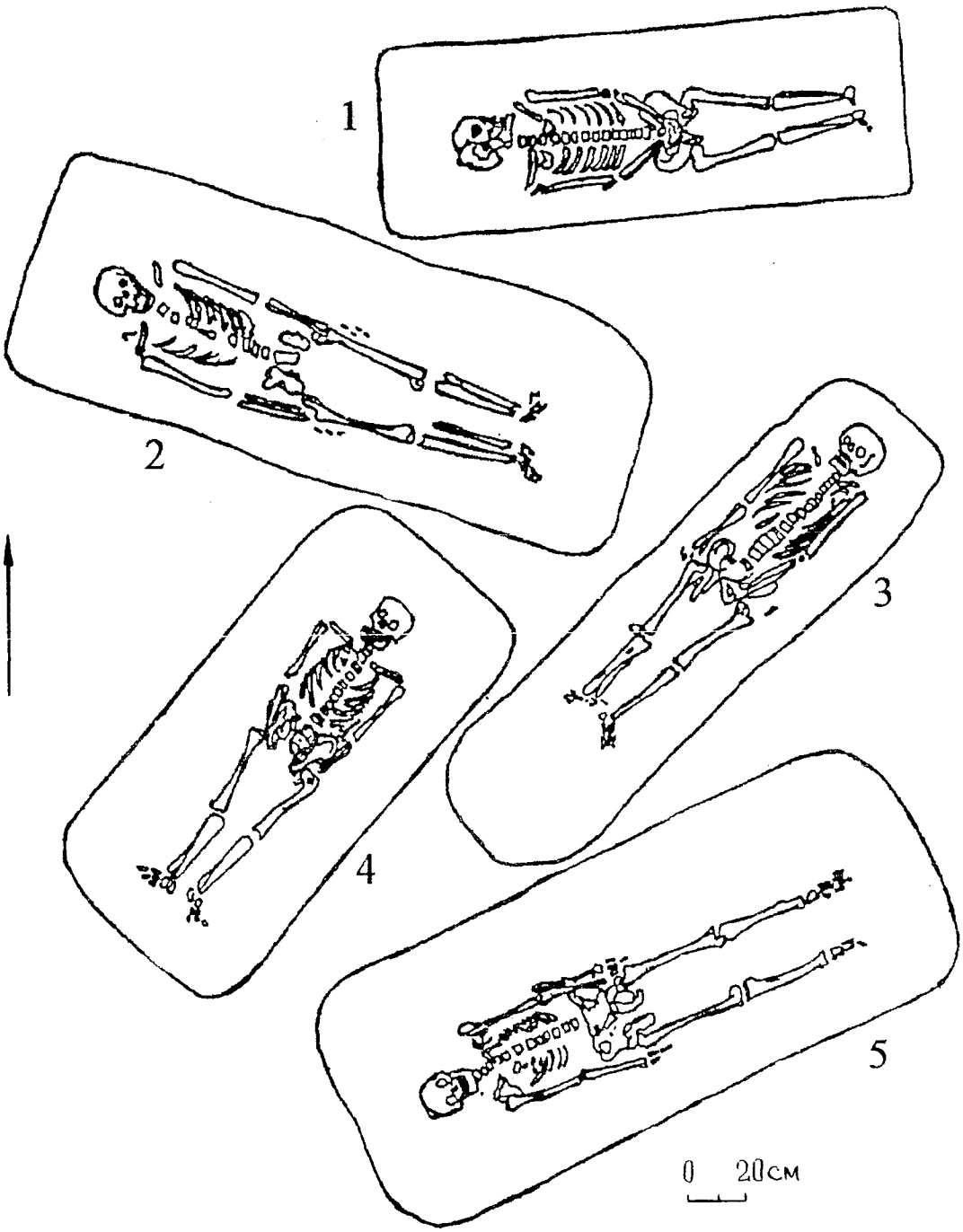


Рис. 61.
Глазуновский могильник. Планы погребений

1 - Глазуновский 6/1; 2 – Глазуновский 12/1; 3 – Глазуновский 14/1; 4 – Глазуновский 15/1; 5 – Глазуновский 2/1.

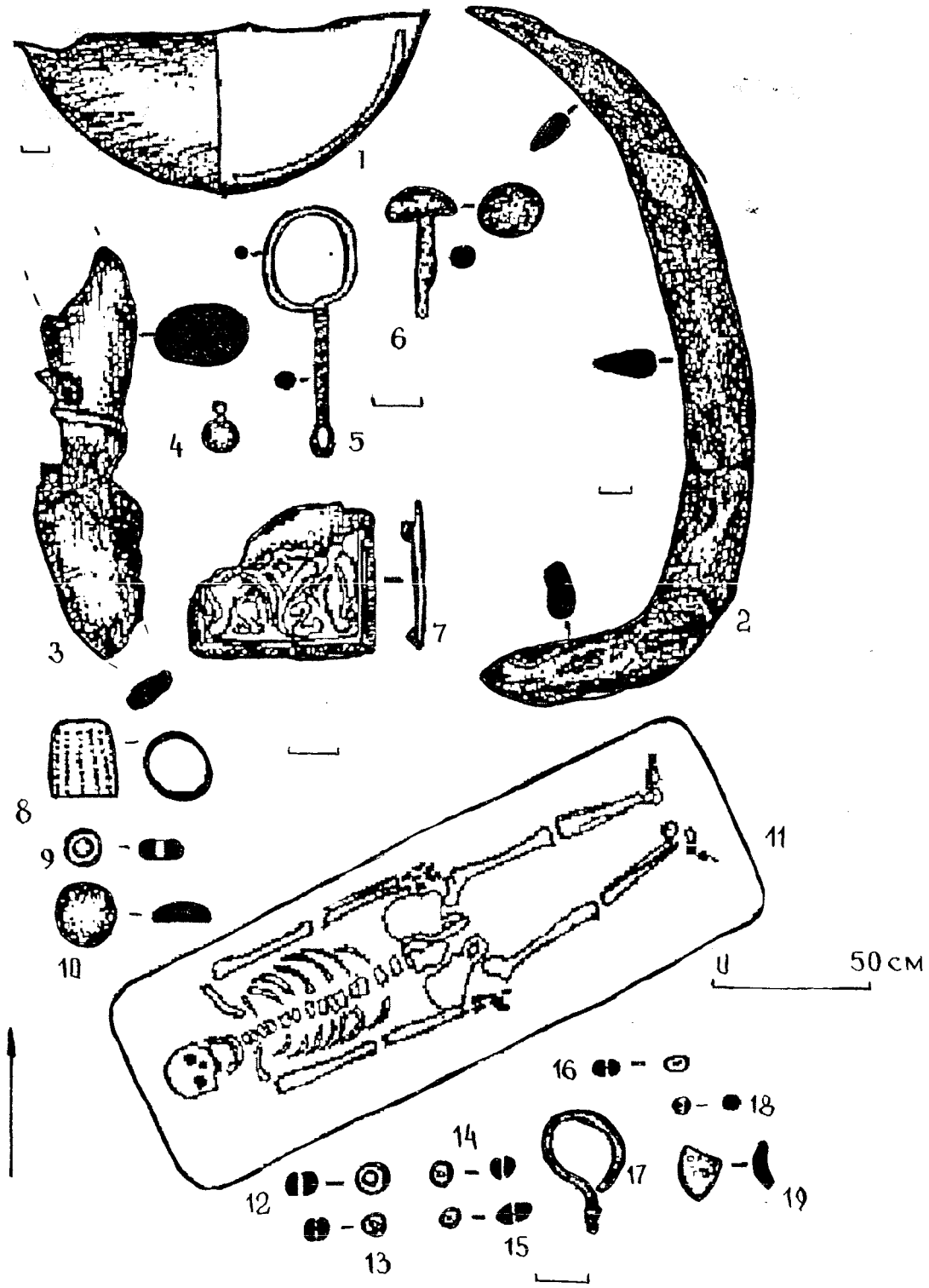


Рис. 62.
Глазуновский могильник

1-15, 17-19 – вещи из погребений. Глазуновский 5/1: 1 - чашевидный сосуд для приготовления пищи (бронза, дерево); 2 – серп, из насыпи (железо); 4 – пуговица (бронза); 5 – подвеска (серебро); 6 – клепка (железо); 12-15 – бисер. Глазуновский 1/1: 3 – нож (железо, бронза). Глазуновский 9/1: 7 – бляха-нашивка (бронза, береста); 9 – белая бусина (стекло); 10 – зеленая вставка (стекло); 16, 18, 19 – бусы (19 – керамика с голубой поливой); 17 – подвеска (бронза). Глазуновский 15: 8 – наперсток (бронза); 11 - план погребения Глазуновский 16/1.

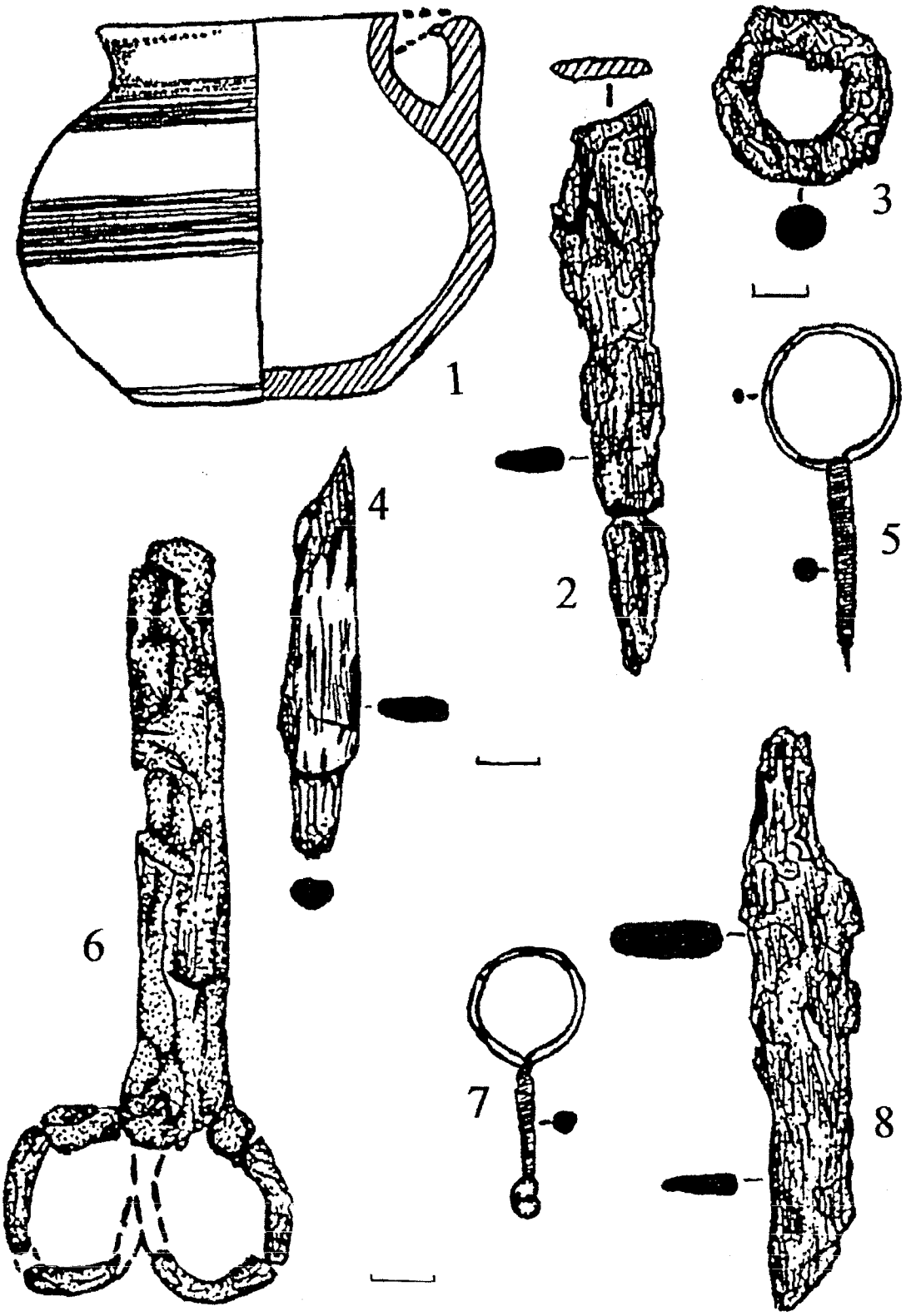


Рис. 63.
Глазуновский могильник

Глазуновский 4/1: - 1 – кувшин (из насыпи). Глазуновский 10/1: 2 - нож (железо); 3 – железное кольцо (пряжка?). Глазуновский 5/1: 4 – нож в ножнах (железо, дерево); 6 - ножницы (железо). Глазуновский 15/1: 5 – подвеска (серебро). Глазуновский 12/1: 7 – подвеска (бронза, стекло). Глазуновский 14/1: 8 – нож (железо).

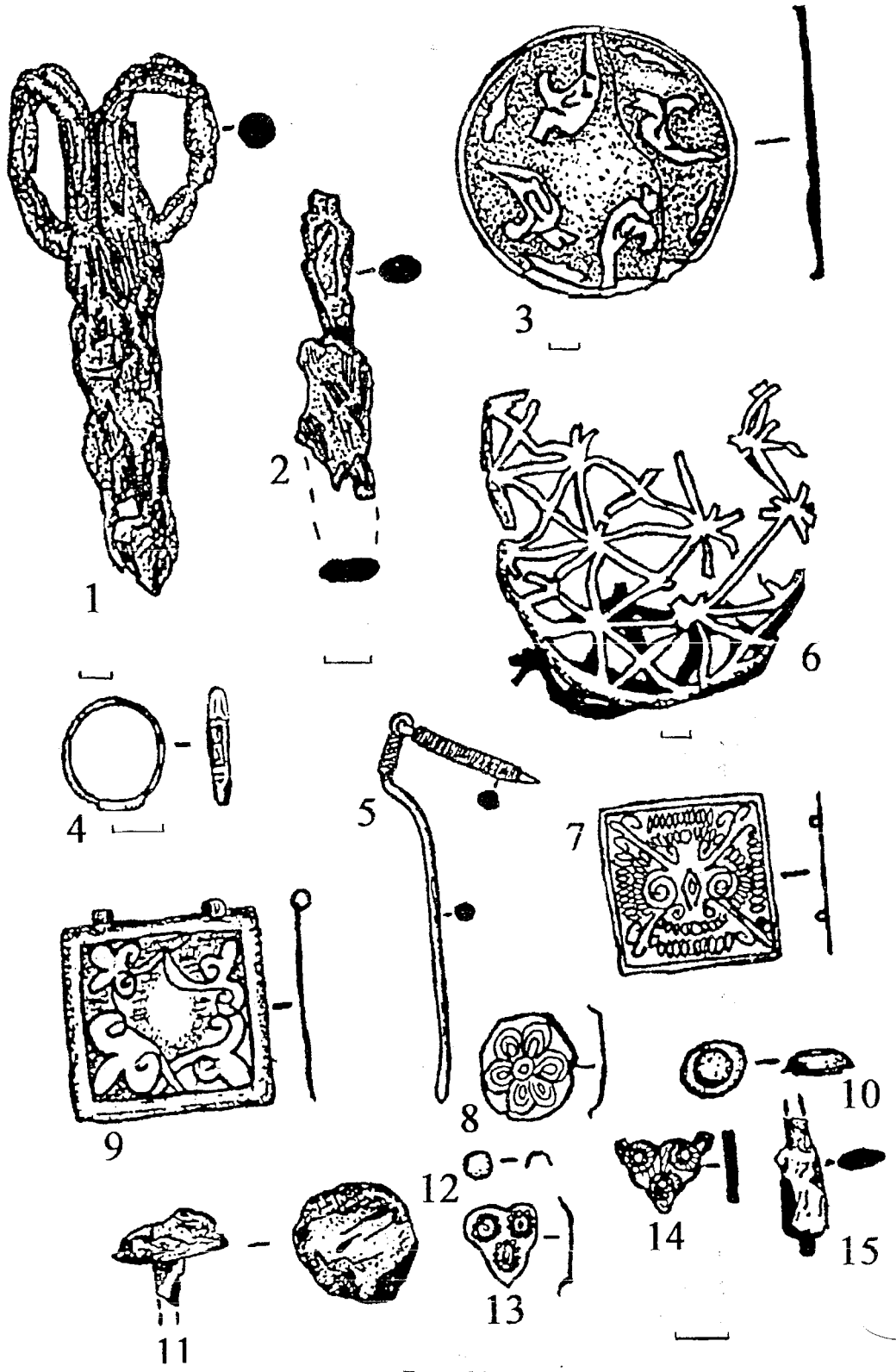


Рис. 64.
Глазуновский могильник

Глазуновский 15/1: 1 – ножницы (железо). Глазуновский 5/1: 2 – нож в ножнах (железо, кожа); 3 – зеркало (бронза); 4 – перстень (бронза); 5 – фибула, фрагмент (серебро); 6 – сумка для зеркала, внешняя часть (кожа); 7 – бляха-нашивка (бронза, береста); 9 – бляха-нашивка (серебро); 10 – вставки (стекло); 11 – гвоздь (железо); 14 - бляха-нашивка (бронза); Глазуновский 9/1: 8, 12, 13 – бляхи-нашивки (бронза). Глазуновский 10/1: 15 – пластина, неопределенный предмет (железо).

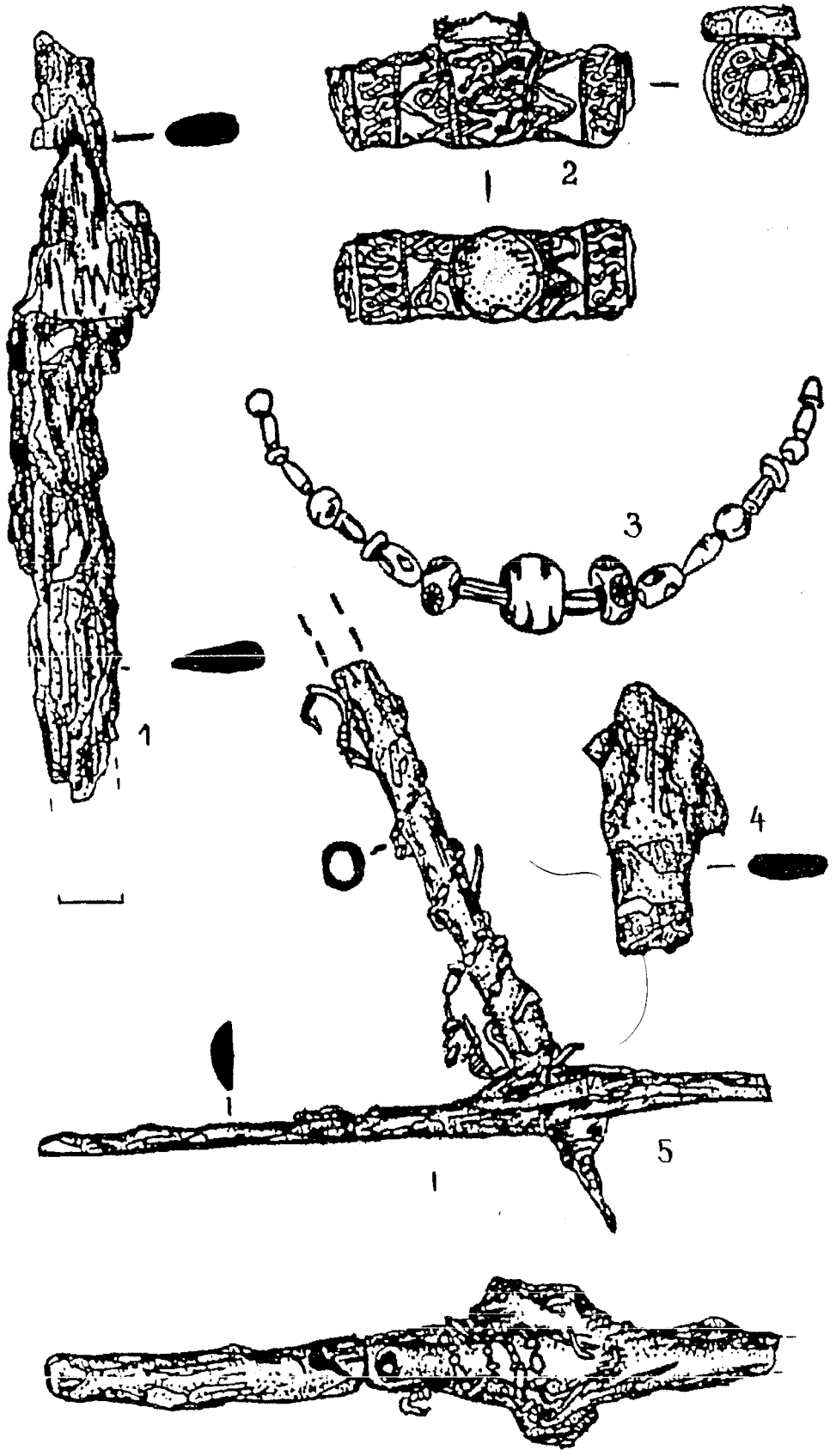


Рис. 65.
Глазуновский могильник

Глазуновский 5/1: 1– неопределенный предмет (нож) (?) (серебро); 2 – амулет (дерево, ткань, бронза, стекло); 3 – бусы (стекло); 5 – фрагмент украшения бокки (железо, бронза, стеклянный бисер). Глазуновский 15/1: 4 – неопределенный предмет (железо).

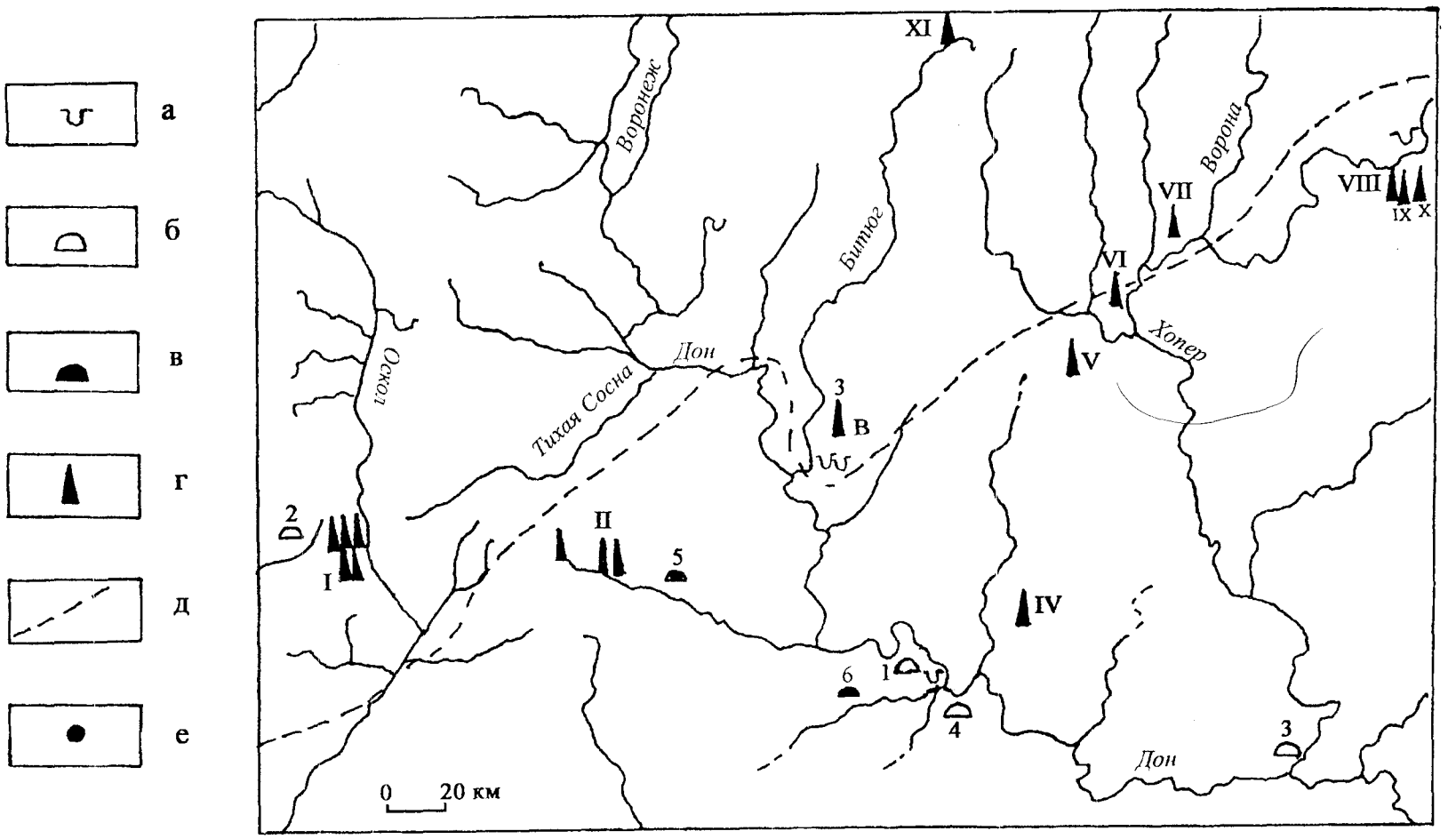


Рис. 66.

Памятники кочевников раннего средневековья, печенежско-торческого и половецкого периодов

а - грунтовые погребения VII-VIII вв., б - курганы печенежско-торческого периода, в – курганы половецкого периода, г - половецкие скульптуры, д – граница половецких кочевий (по М.В. Цыбину); I –Ниж. Лубянки, II – Марьевка, III – Ниж. Кисляй, IV – Ст. Криуша, V- Бурляевка, VI- Новохоперский р-н, VII - Борисоглебск, VIII – Балашов, X- Балашовский район, X – Завьяловка, XI- Политово; 1 – Воробьево, 2 – Гаевка, 3 - Высокая Гора 4/1, 5 - Ольховатка, 6 - Вервековский 5/1

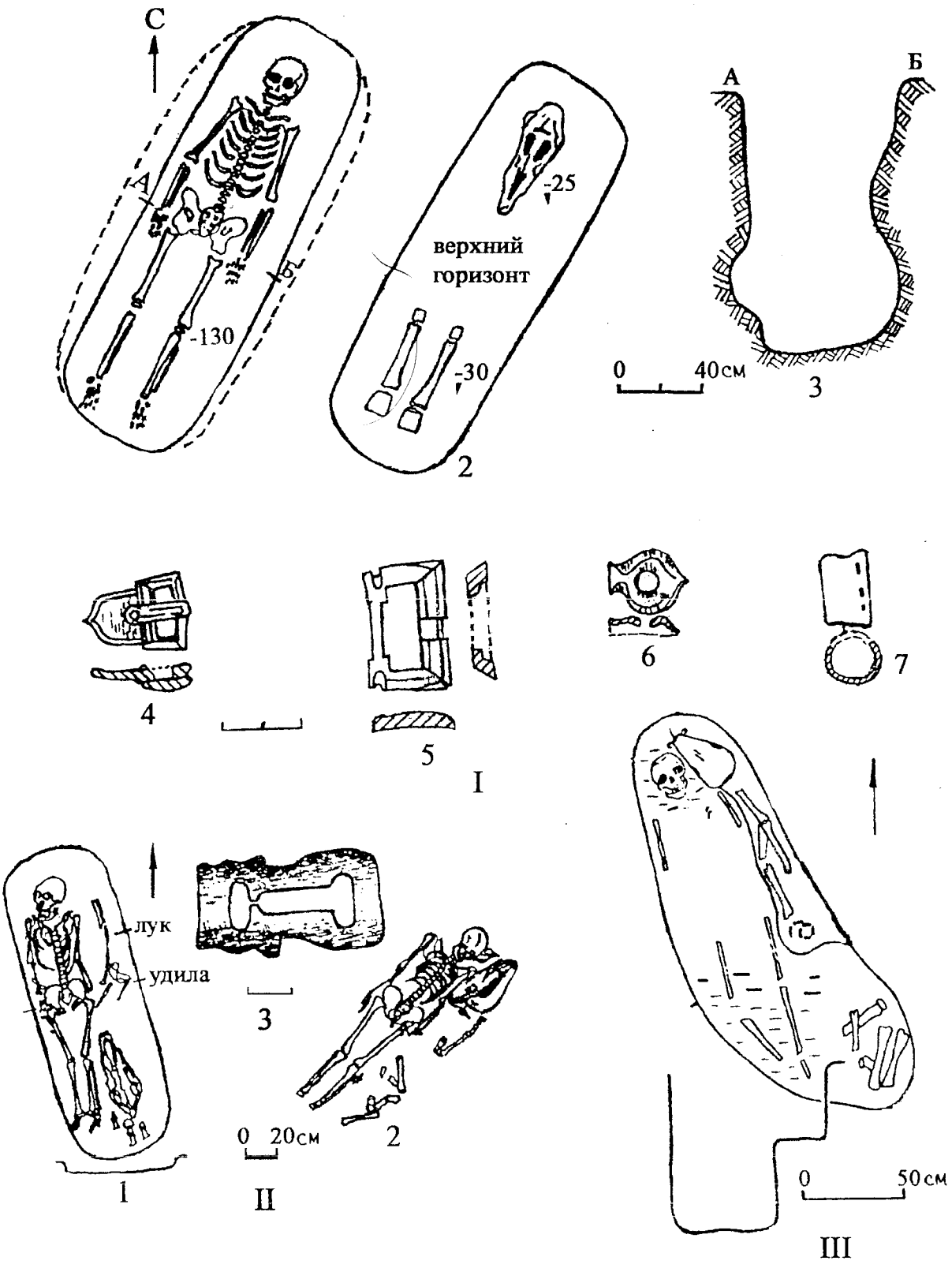
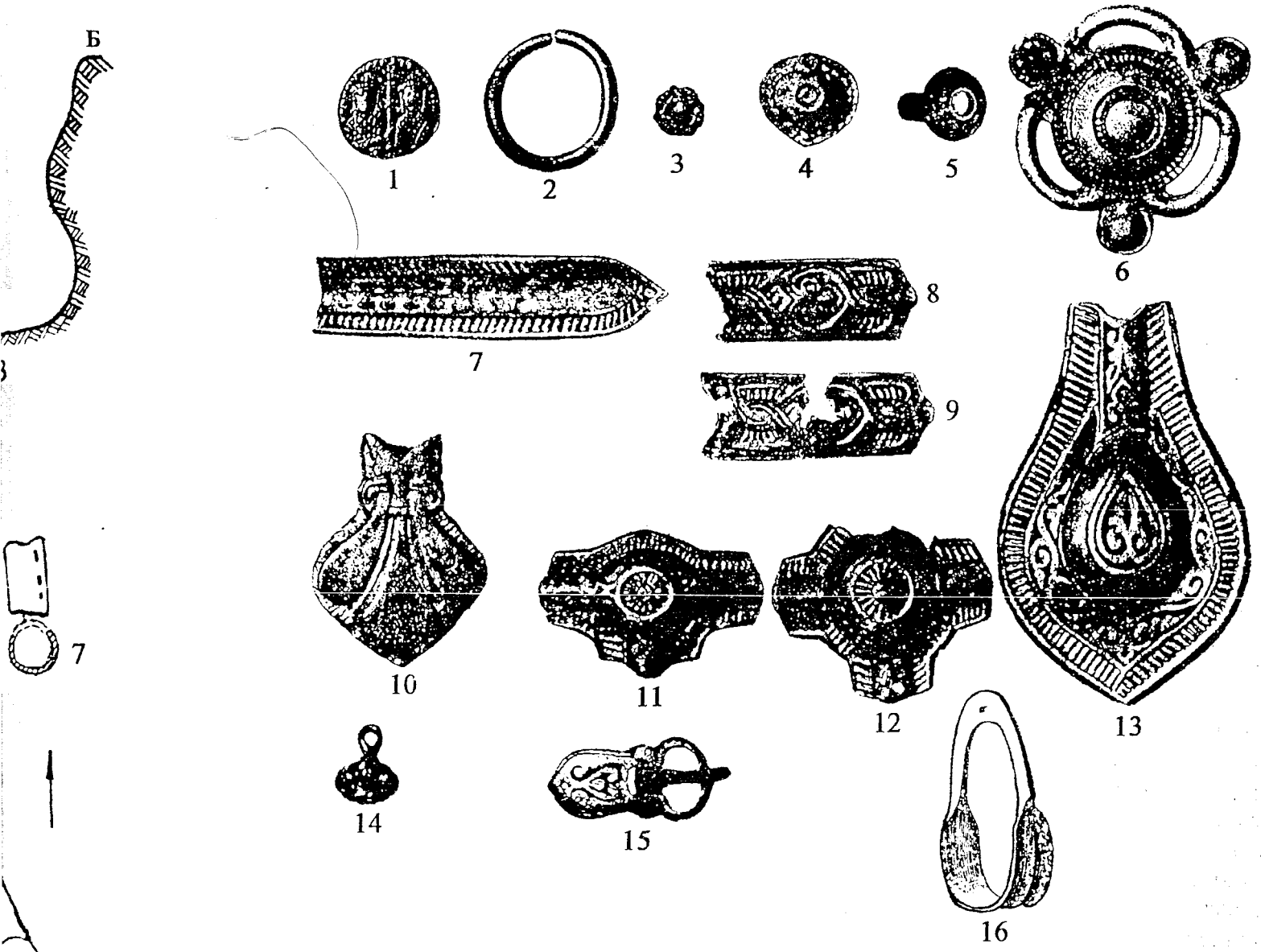


Рис. 67.
Грунтовые погребения кочевников

I - Терешковский вал 6: 1-3 – план и профиль погребения, 4-6 – детали поясного набора (бронза); 7 – трубка (бронза). II -Таганский могильник: 1 – погребение 3, план и профиль; 3 – погребение 3, подпружная пряжка (кость); 2 – погребение 7, план и профиль. III - Никольевка: план и профиль погребения.



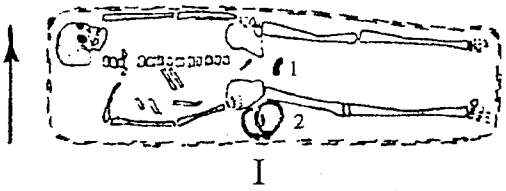
III

Рис. 68.

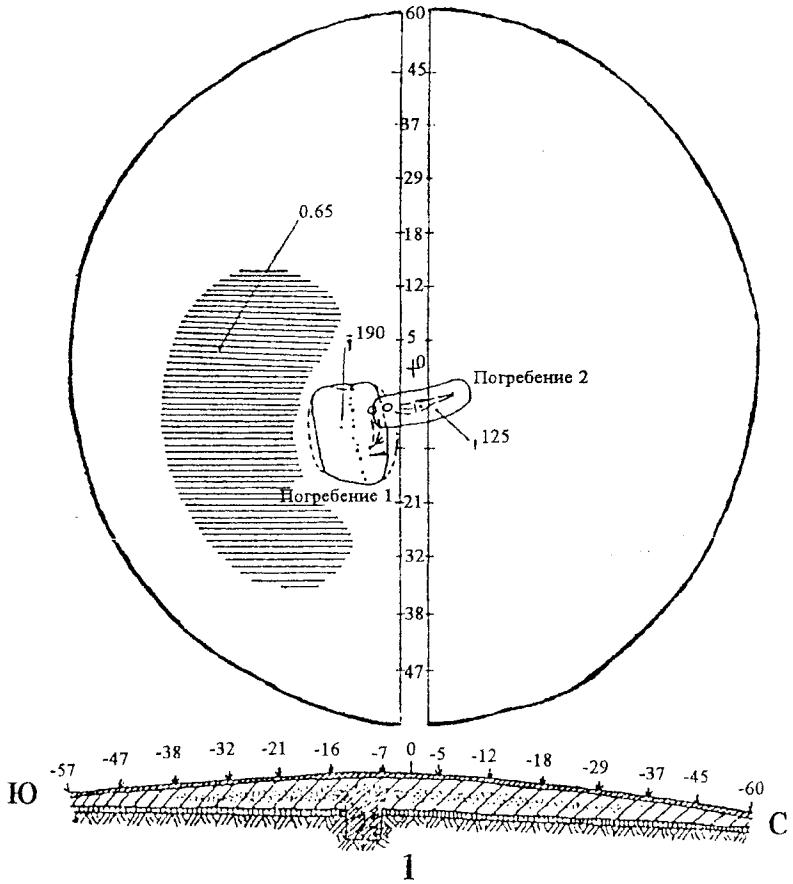
Погребение печенежско-торческого периода у Гаевки

1 – монета (золото); 2 – серьга (медь, золото); 3-13 – детали сбруйного набора (серебро); 14 – пуговица (серебро); 15 – пряжка (бронза); 16 – стремя (железо, серебро).

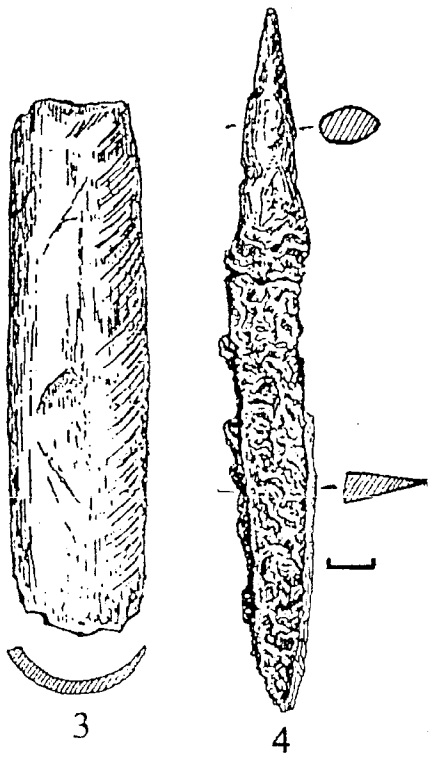
детали
к: 1 –
ъ); 2 –

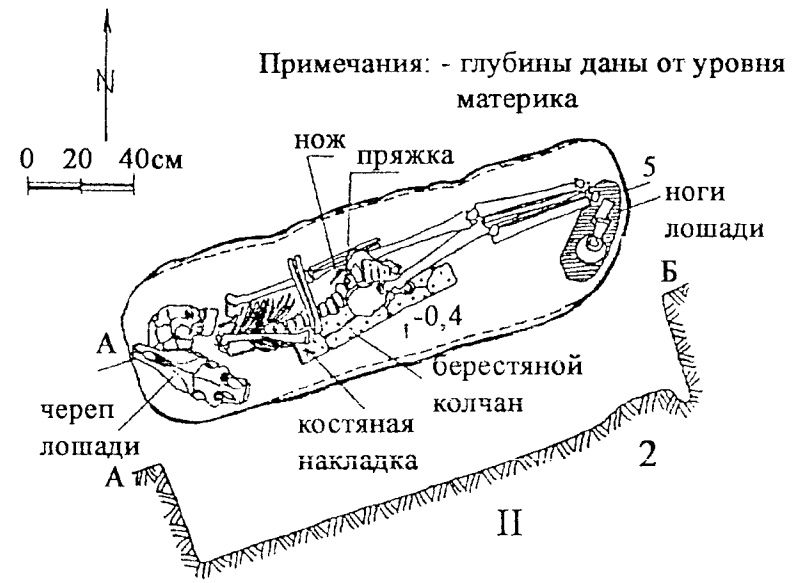


I



1





II

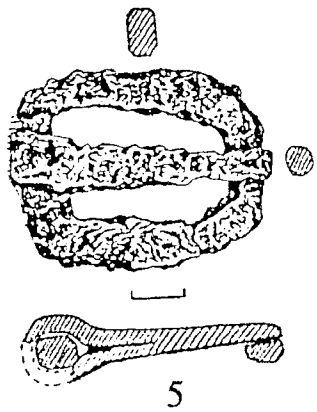


Рис. 69.
Погребения печенежско-торческого периода Букановская, Высокая Гора 4/2

I – Букановская, план могильной ямы; II – Высокая Гора 4/2: 1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль могильной ямы; 3 -накладка на лук (кость); 4 – нож (железо); 5 – пряжка (железо).

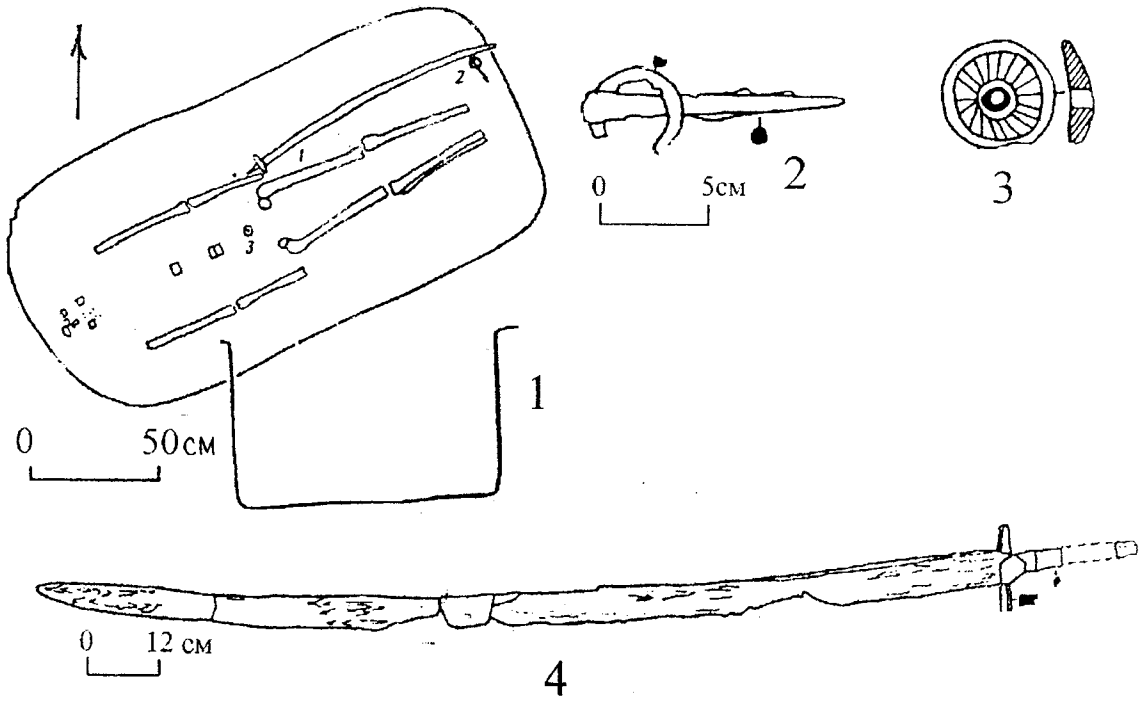
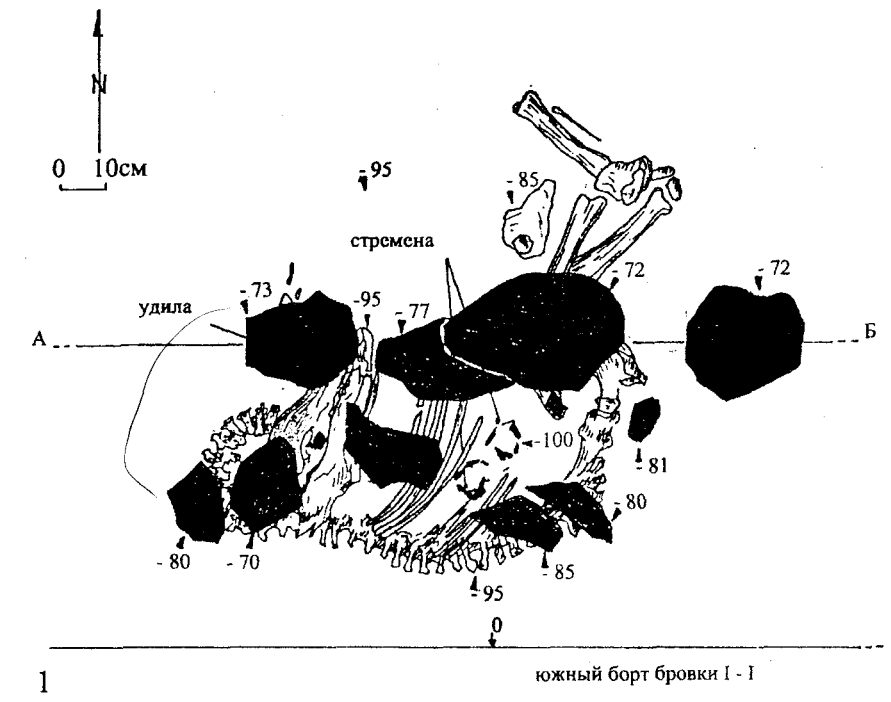
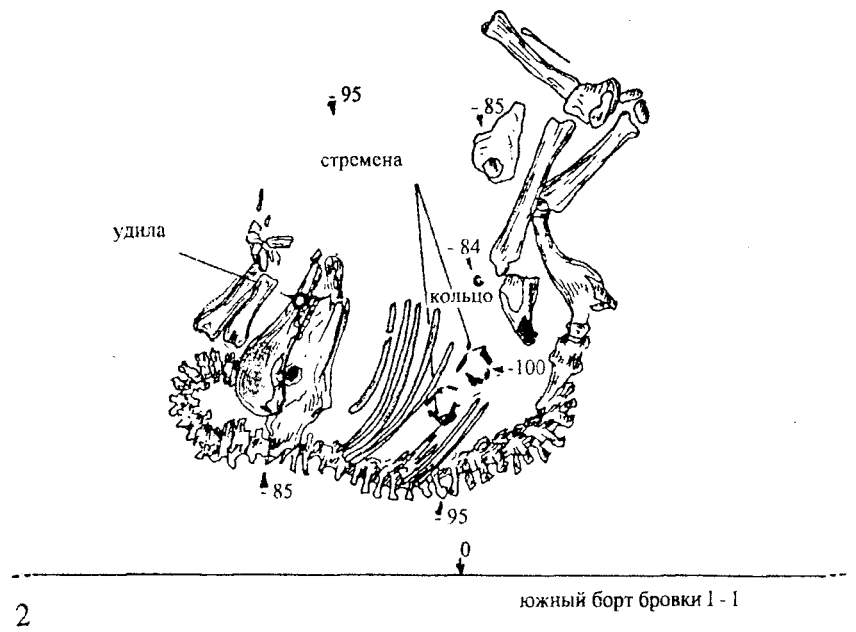


Рис. 70.
Курган половецкого времени у с. Ольховатка

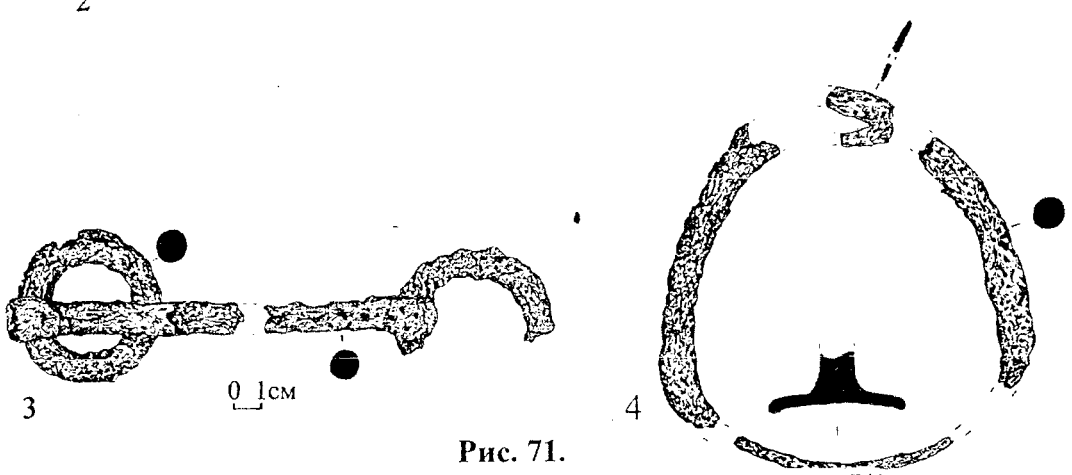
1 – план и профиль погребения; 2 – удила (железо); 3 – пуговица (кость, паста); 4 - сабля (железо).



1



2



3 4

Рис. 71.

Погребение половецкого времени Вервековский 5/1

1 – каменная кладка над погребением лошади; 2 – погребение лошади; 3-удила(железо); 4 – стремя (железо).

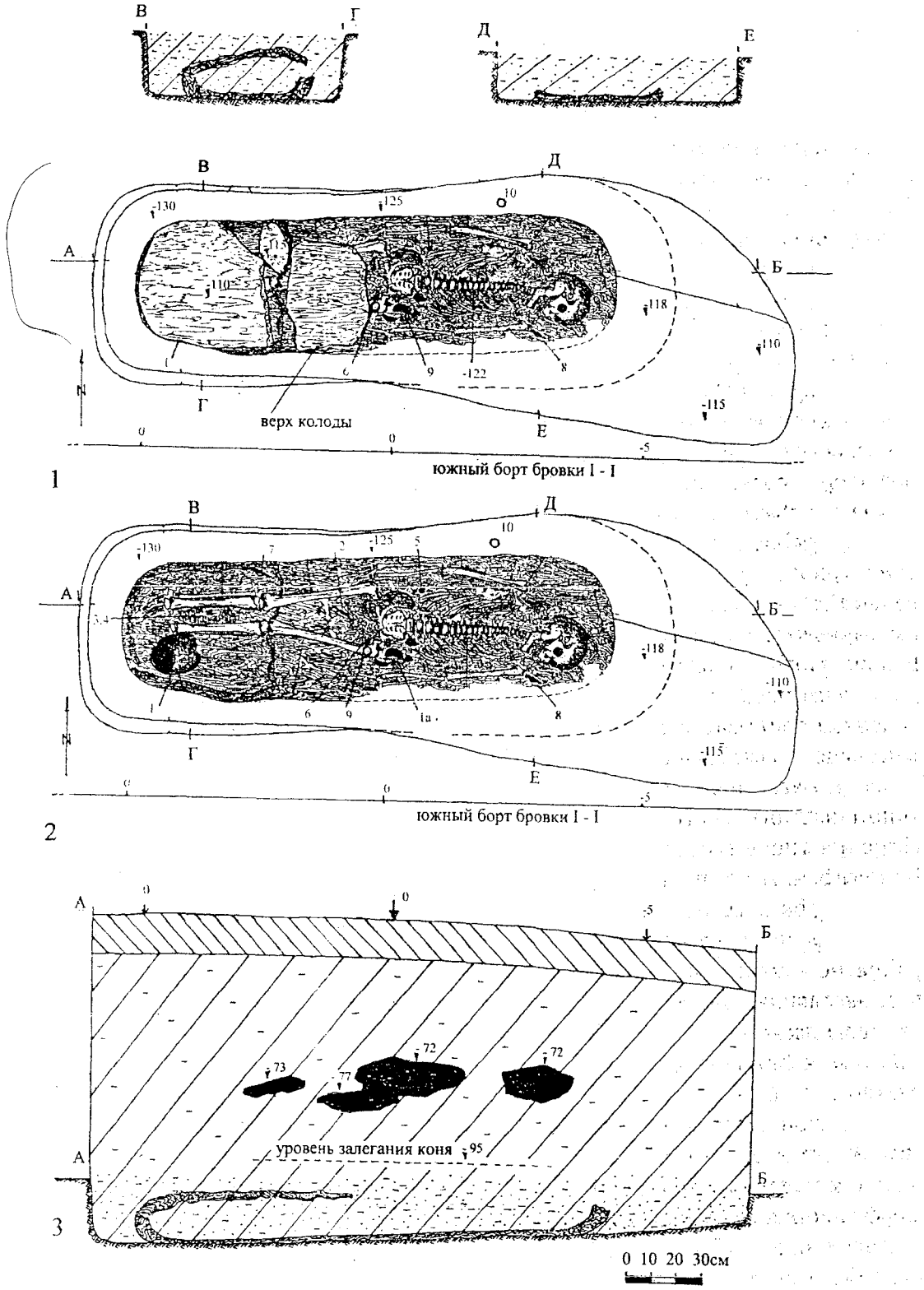


Рис. 72.
Погребение половецкого времени Вервековский 5/4
Планы и профили могильной ямы.

ади; 3-

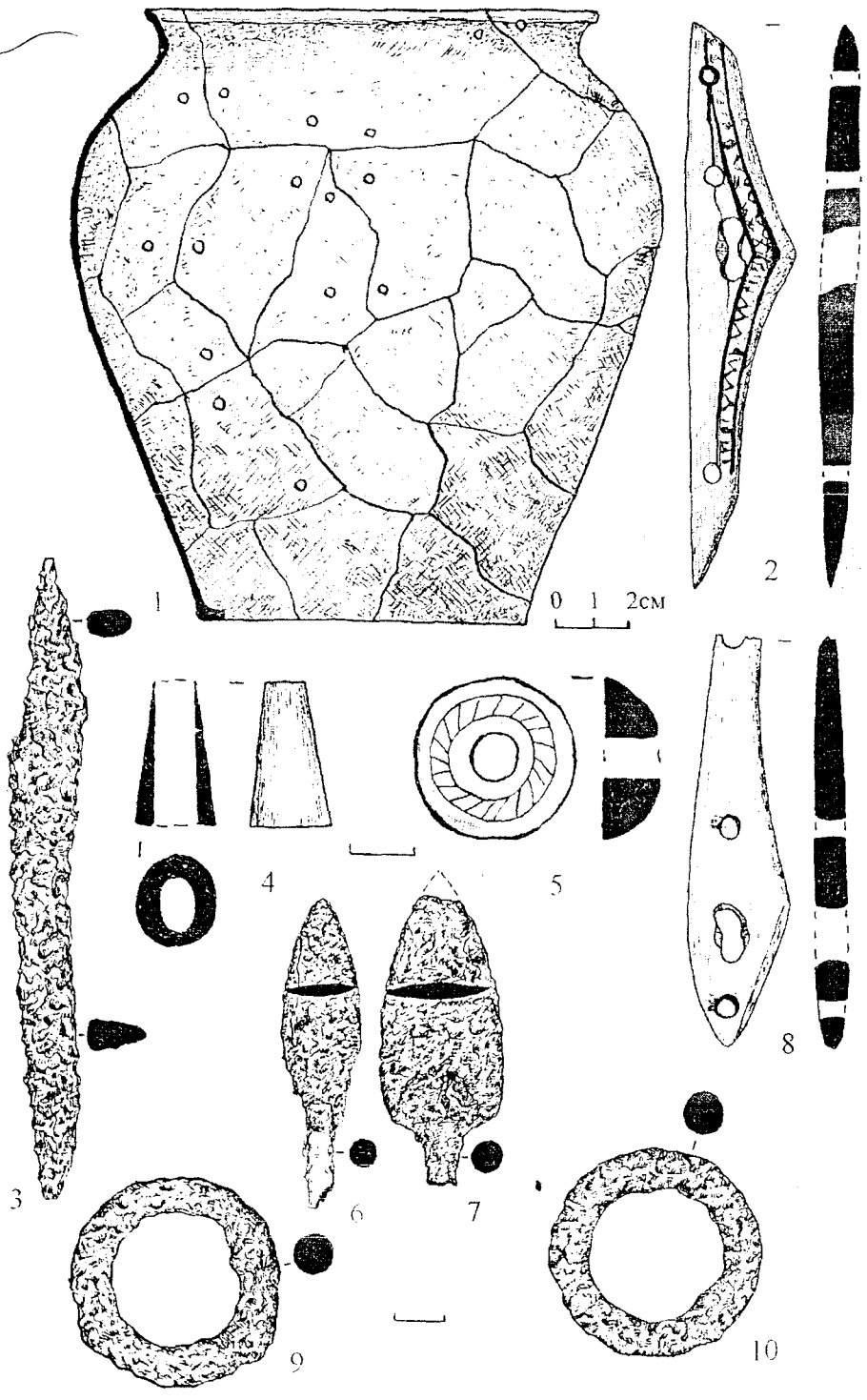
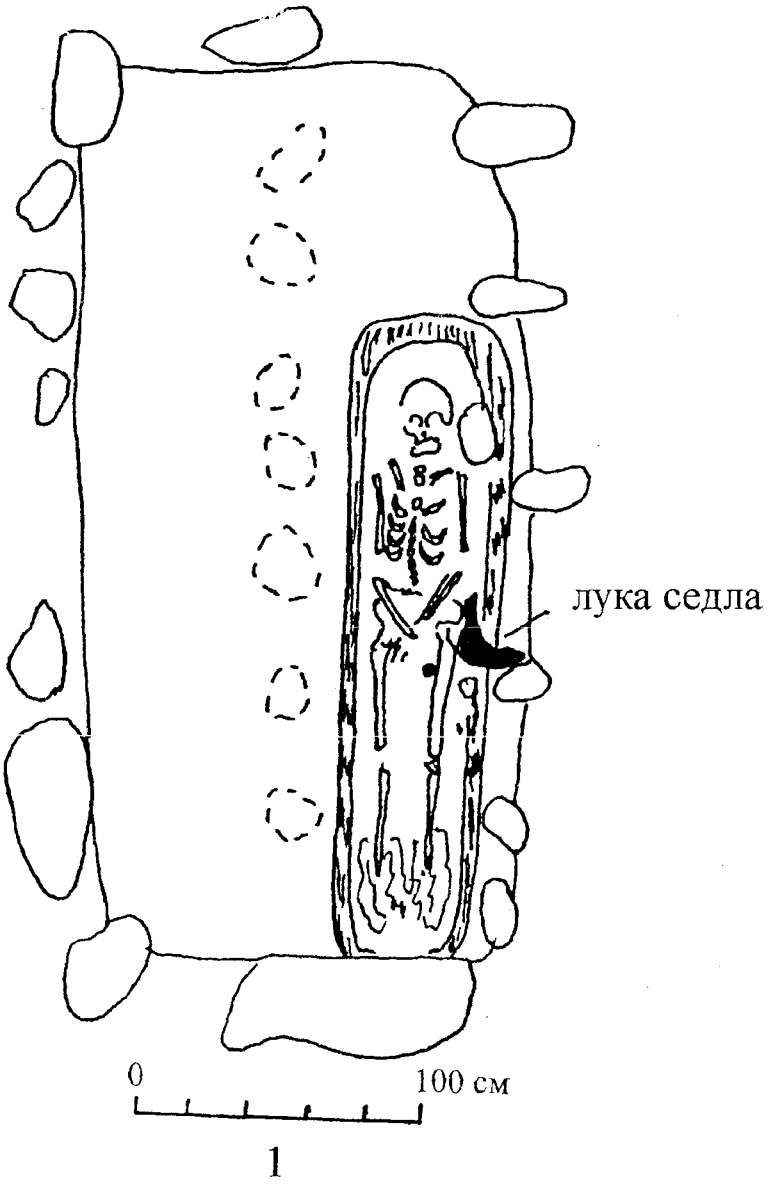


Рис. 73.
Погребение половецкого времени Вервековский 5/4

Вещи из погребения: 1 – горшок (керамика); 2, 8 – колчанные петли (кость); 3 – нож (железо); 6, 7 – наконечники стрел (железо); 4 – втулка (кость); 5 – пуговица (кость); 9, 10 – кольца (железо).



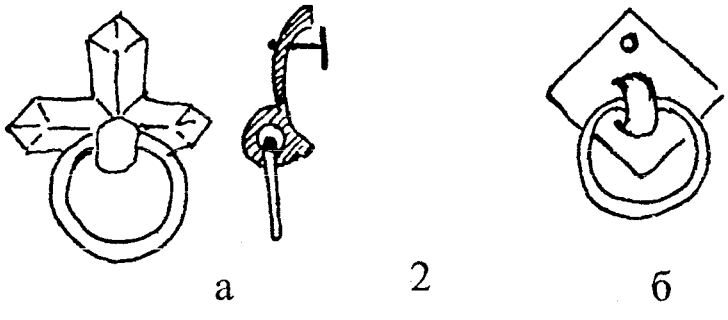


Рис. 74.
Аналогии памятникам Среднего Дона в могильнике Кудыргэ (по А.А. Гавриловой)

1 – погребение могильника Кудыргэ с каменной облицовкой и перегородкой; 2 – кольца для приторачивания: а – поясная бляха (Высокая Гора 2/1); б - деталь седла (могильник Кудыргэ).

; 3 – нож
(кость); 9.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА I. ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ..... 6

ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ X–XIV вв. В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ..... 14

ГЛАВА III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ: ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ..... 25

ГЛАВА IV. СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА..... 62

ГЛАВА V. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ (X – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)..... 81

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 102

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 103

ЛИТЕРАТУРА..... 104

ПРИЛОЖЕНИЕ 1..... 109

ПРИЛОЖЕНИЕ 2..... 132

..... 3
ИЙ

..... 6

..... 14

..... 25

..... 62

.... 81
..... 102
..... 103
..... 104
..... 109
..... 132

Научное издание

Кравец Валерий Владимирович

КОЧЕВНИКИ СРЕДНЕГО ДОНА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Монография

Подписано в печать 22.12.05 г. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Гарнитура «Таймс».
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 13,6. Уч.-изд. л. 12,7. Заказ 417. Тираж 300 экз.

Воронежский госпедуниверситет.
Отпечатано с готового оригинала-макета в типографии университета.
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86.

Таблица 1. Погребальные памятники кочевников золотоордынского времени

№ (соотв.етствует № по приложению)	могильник	Курган/погребение	Пол погребённого	Основное/впускное	Диаметр насыпи	Высота насыпи	Особенности насыпи (ров, «шатёр»)	**КВ**- камен. Вымостки **К** – отд. камни	Фрагменты дерева или керамики в насыпи	Следы огненного ритуала в насыпи	Кострища, кости (тризна)	Длина могильной ямы	Ширина могильной ямы	Тип погребения	Ст. – дерев. стена сбоку от покойника **КО ДО**- камен/дерев. облицовка	**Пд**.-подстилка **Об**-обмазка **Пр**-перекр.	Ориентировка	Гроб/ колода/ лодка	Заупокойная пища	Кольчуга / шлем	Копьё/ сабля/ боевой топорик	Наконечники стрел	Колчан/налучье/лук	Нож/кинжал	Ножницы / пинцеты / кресало	Казан/казанок/модель/чаша/ковш	Наборный пояс/нашивки на одежду	Подвески Ц - цилиндрические подвески	Бусины/ожерелье	Зеркало /фрагмент зеркала	Стремена	Удила	Другие вещи + Неполно сохр. погребения *
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
1	ВГ	2/1	М	осн	34/ 29	1,46	Ш	кв		х		3,45	2,65	Д	ст	о	С	г	х	К ш	к	6	к	к	кр	Кз ч	п	1 1	1		2	1	+
2	ВГ	3/2	Ж	осн	32	1,65	Р	к				2,6	2,45	Д	ст		С	г								Кз ч	н	2 V 2Ц	1	1			+
3	ОК	7	М	осн	18	0,3						2,5	1,55	ДV*			С	г	х	К ш	кт	6	к	К н		кш	п	1 VI	1		2	1	+
4	ОК	9	Ж	осн	18	0,3					т	2,9	1,3	ДI			С св	г						н	н	Кз ч		IVI Ц		1	2	1	+
5	ОК	6	?	осн	16	0,3						3,35	1,4 2,0				С?	Х ?															*
6	Кш	2/1	М	?	6	0,7																										1	+ *
7	Кш	6/1	М	осн	7	0,55						2	0,6	ДI BI								3	к			М							+
8	Вв	2/1	М	осн	10	0,34						2,6	0,5	AI	ст	пд	З																*
9	Вв	2/2	М	осн	6,1	0,34	Р		д		т	2,5	0,8				З		?													1	+ *
10	СК	1/3	Ж	вп	?	?						2,25	0,87	Г?	ДО		ЮВ	л						н					о				+
11	СК	2/1	М	?	?	?								BI ?			В	г					Л н			М	п						
12	НМ		М	вп	14	0,75	Р	кв				2,15 2,2	2,75 1,6	ДI			С																+ *
13	Мр		М	осн										A I			З				к				кр	ч					1	1	+
14	НБ		?		небо льш								ДIАI			С					I											*	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
15	Лф	1/2	М	вп	40	1,6						1,86	0,94	ДІ?																			
16	Лс	1/1	?	Осн	10	0,35		Кв к			тр	2,4	1,55	ДЖ?	КО		СВ ?													2		*
17	Лс	2/1	М	Осн	10	0,65			д		тр к	2,1	0,5	АІ		пд	З													2	1	
18	Лс	3/1	М	Осн	6	0,2					Тр к	1,7	0,56	АІ		пд	З юз					3	к	н								+
19	Лс	4/1	ж	Осн	12	0,3																							о				*
20	Лс	5/1	ж	Осн	10/8	0,4						2,0	0,9	АІ			З юз								н								*
21	ВМ	3/1	Ж	Вп	15	0,75								Ж?			Ю юз													х			+
22	ВМ	3/2	М	Вп	15	0,75						2,15 /2,5	2	ДЖ ?			СЗ ЮВ		Х			1			кр				1				*
23	ВМ	10/2	Ж	Вп	13	1,2						2,9	1	ДІ		пр	СВ							п	пж 2п	м							+
24	ВМ	15/3	М	Вп	11,5	0,75						1,6,	0,85	ДІ			С		Х			4		н	кр		п				2	1	+
25	Тр	1/1	М	О	13	0,7				х	тр	2,3	0,55	ДІ			С св					1		н	кр	ч							+
26	Тр	4/1	М	о	8	0,44		к		х	тр	2,34	0,6/ 0,9	ДІВІ		пр	СВ												1				+
27	Тр	7	Ж	о	10	0,5				х		2,17	0,98	ДІ		пр пд ?	С	Г?						Н Н	нж			2 VI		1			
28	Тр	20	Ж	о	8	0,44		к		х	тр	2,5	1	ДІ		Пр пд	С											2		ф			+
29	Тр	24	Ж	о	10	0,32				х		2,2	0,7	БХХІ			З											II		1			+
30	Тр	25	М	о	6	0,22			д	х		2,8	0,9	АІЖІ			Ю юз							Н									
31	Тр	31	М	о	6	0,17						2,35	0,98	ВІ			Зюз	К															
32	Тр	32	Ж	о	6	0,1						1,95	0,65	А І			З	Г						Н	нж			I VI					+
33	Тр	69/1	М	вп	21,3	2			д			2,7	0,95	БХХІ			З юз									м					1		+
34	Тр	81	М	о	5	0,7			д			2,35	0,75	АІ			З сз	к															
35	Рк																						К									*
36	Мк																									кш						*
37	ІШл3	1/1	Ж	вп	32	0,46						2,4	1,15	~Е ІІІ	Под- бой	пр	З сз								нж			5VI в			2	ГІ	+
38	ІШл 3	1/2	м	о	32	0,46						2,57	1,1	БІІ Б XIV			З					1	К			кк					2		+

Таблица 2. Размещение вещей в погребениях

Погр.	Стремена	Удила	Седло	Колчан	Стрелы	Нож	Кресало	Ножницы	Зеркало	Подвески	Посуда	Др. вещи
ВГ2/1	2, в головах вне гроба	На правой руке узда		У левой руки	В колчане		На правом бедре в кожаном чехле			1-I, слева от черепа	Казан-перевёрнут в ногах Чаша – перев.под пр. локтем	
ВГ 3/2									Целое в головах, в СЗ углу гроба	2-VI, под нижней челюсть ю	Казан – в ногах Чаша – у лев. локтя	
ОК7	2, с седлом	Под седлом	В ногах, в гробе	У прав. бедра	1-у черепа? 5-в колчане	У прав. бедра?				1VI, у черепа	Ковш – сл. от тулов.	
ОК9	2, под седлом	Под седлом	В ногах, на гробе			У прав. бедра		У прав. бедра	Целое,у пр. бедра, на ножницах, в парчовом чехле		Казан – в ногах. Чаша – перев. у пр. кисти	Вместе: нож, ножницы. зеркало. шило
Кш 6/1				У прав. бедра							Модель у ступней	
СК 2/1										1-I, у черепа	Модель у ступней	
Мр	2, с седлом	С седлом	В ногах				На тазе				Чаша - ?	
НБ											Казан – справа у ног Чаша – на груди.	Пряжка у пр. плеча
Лс 1	2, у ног?											
Лс2	1-спр. от голени 1-в заполн.	В насыпи										

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
39	ШЗ	2	Ж Реб.	о	23	0,16					Уг.. тр.	2,7/ 2,8	2,65/2 ,7				?	х										1н	1					+
40	Вт	2/3	М	вп	42	1,07						3	1-0,9	ДЦ В1		пр	СВ	К				5	К	Н	кр								+
38	Гл	1	М	о	8,8	0,7						2,2	1,1	ДЦ			С							Н									+
39	Гл	2	Ж	о	8	0,5					угли	2,6	1,1	АI			З																
40	Гл	3	М	о	10/ 8	0,4						2	0,88	АI			З																
41	Гл	4	М	о	10/ 7,9	0,4			К			2,19	0,8	АI		пр пд	З																
42	Гл	5	Ж	о	10	0,6								А I		пр пд	З		Х					н	пж	ч	3 н	VI	о	ф			+
43	Гл	6	М	о	9	0,4			К			2,15	0,8	АI		пд	З																
44	Гл	9	Ж	о	9,1	1						2,15	1,05	ДI		пр	С							н			6н	VI	о 26				
45	Гл	10	М	о	3,5	0,65						2,5	0,86	ДВI		пд	СВ							н									+
46	Гл	12	Ж	о	8,5	0,6						2,54	0,95	А I			З											VI					
47	Гл	14	М	о	8	0,7						2,4	0,65	ДI ВI			СВ							н									+
48	Гл	15	Ж	о	7,5	0,5						2	0,93	ДI ВI			СВ								нж			VI					+
49	Гл	16	М	о	7	0,3			К			2,05	0,7	ДI ВI			СВ																
50	ШЗ1	2	Ж Рб	о	23	0,16					угли тр.	2,7/2, 8	2,65/2 ,7				? ?		х								1н		1				+
51	Шм	1					кв									пр	В	г	х		К							Х	?				
52	Шм	2					кв									пр	В	г	х									х	х				

Погр.	Стремена	Удила	Седло	Колчан	Стрелы	Нож	Кресало	Ножницы	Зеркало	Подвески	Посуда	Др. вещи
Лс 3				На правом бедре	3 - в колчане, наконечникам и вверх	Под луч. костью пр. руки						
Лс 5								У прав. бедра	Фрагмент между колен			
ВМ3/1									Фрагмент справа от черепа			
ВМ 10/2						У левого колена		У лев. Колена			Модель у пр. руки	У лев. колена шило, греб., 2 пинцета
ВМ 15/3	2, у головы	У головы	В головах		3 – в ногах 1- в головах	У кисти пр. руки	У кисти лев. руки					
Тр 1					Под. пр. таз. костью остриём внутрь	Под пр.локтем	На апр. Таз. кости				Чаша – у черепа	
Тр7						1- у головы на зеркал. 2-у лев. плеча		В изголовье	Целое в изголов. на ножницах	2-VI, под левой височной костью		Вместе нож, ножницы. зеркало
Тр20								У лев. плеча – фрагм.	Ц., у лев. Пл.	2-VI, под пр. височ. костью		
Тр24									Фр., у пр. ноги	1-I, у лев. виска.		
Тр25						У ног на дерев. плашке						

Погр.	Стремена	Удила	Седло	Колчан	Стрелы	Нож	Кресало	Ножницы	Зеркало	Подвески	Посуда	Др. вещи
Тр32						Под черепом				1-VI, у лев. виска		У пр. локтя шило
Тр69/1	1, у пр. голени										Модель – у пр. ноги	
Вт2/3				На лев. бедре	4- рядом с колчаном 1(дерев.)- в колчане	В ногах	Под пр. кистью					
ЗШл1/1	2, с седлом	На лошади	На лошади	?				На лев. плече	Целое- на пр. плече	5-VI, у черепа		
ЗШл1/2	2, на лошади				2-?	?					казанок в ногах	
Гл.1						У пр. плеча						
Гл.5						В ногах слева		Сл. от локтя, на уров. перекр.	Фрагмент в ногах справа	1- VI – под черепом	Миска в ногах	
Гл. 9						Под. пр. локтем в кожаном футляре				1- VI – под черепом		
Гл. 10						Фрагм. у пр. кисти						
Гл.12										1-VI, спр. у черепа		
Гл.14.						Фрагм. у лев. таз. кости						
Гл. 15								Фрагм. между ребр. и лев. рукой		1-VI, спр. под челюстью		Наперсток на прав. таз. кости

Таблица 3. Схема типологии вещевых комплексов

Разряд			Тип	Убран-ство	Быто-вые предме-ты	Сбруя	Ору-жие
а	б	в					
казан и/или доспехи	набор украше-ний	без престижных предметов					
X	x	x	1	x	x	x	X
X	x	x	2	x	X		
	X	x	3	x		X	
		X	4	X			
			5				

Таблица 4. Схема типологии погребальных памятников

Расположение	Надмогильное сооружение		Погре-бальное соору-жение	Вещевой комплекс						Отдел и тип по Фёдорову-Давыдову Г.А.
	тип и вариант насыпи	объём насыпи или досыпки	тип	разряд	тип					
					1	2	3	4	5	
I осн. II осн. III вп.	1 2 а б в	А Б	I а, б, в II III	а						
				б						
				в						

Таблица 5. Типология погребальных памятников Среднего Подонья

Тип погребения	Погребальные памятники
I1БIв5/А	Глазуновский 3/1, 4/1, 6/1, 16/1, Третьяки 81/1
I1БIв4/А	Глазуновский 12/1
I1БIв3/А	Лесное 2/1, Глазуновский 2/1
I1БIв3/БХХI	Третьяки 69/1
I1БIв2/ДВI	Третьяки 4/1
I1БIв5/ДВI	Глазуновский 16/1
I1БIв2/БХХI	Третьяки 24/1
I1БIв2/АI	Третьяки 32/1, 25/1, 32/1
I1БIб2/ДI	Третьяки 7/1, Глазуновский 9/1
I1БIв2/ДI	Третьяки 20/1, Глазуновский1/1
I1БIв1/ДI	Третьяки 1/1
I1БIв1/ДВ	Караяшник 6/1
III1БIв1/ДВ	Ветютнев 2/3
I1БIв1/А	Лесное 3/1
I1 IA I в1/БII-БХIV	III Шляховский 1/2
III1 БIIIб1/ЕIIIа	III IIIляховский 1/1
III1БIб2/ ГЗ	Ст. Калитва 1/3
III1БIб3/ДI	I Власовский 15/3
I1AIIа1/Д	Олень-Колодезь 7/1, 9/1
I2AIIа1/Д	Высокая Гора 2/1
II2AIIа1/Д	Высокая Гора3/2
I1Ба2/Д	Нов. Буравль
I1БIб2/АI	Глазуновский 5/1
III1БI в2/Ж	I Власовский 3/1
III1БIв2/ДВI	I Власовкий 10/2

Таблица 6. Характеристика связи между разрядами вещевого комплекса и другими признаками погребального памятника

Разряд вещевого комплекса	Расположение ямы			Форма ямы		Ориентировка человека		
	отделI	отделII	отделIII	группа I	группаII	С	СВ	З
а	0,12	0,1			0,8	0,42		
б			0,71	0,06		0,07		0,06
в	0,73		0,08	0,74		0,04	0,3	0,52

Таблица 7. Характеристика связи между характером вещевого комплекса и другими признаками погребального памятника

Разряд и тип вещевого комплекса	Расположение ямы			Форма ямы			Ориентировка человека		
	отделI	отделII	отделIII	группа I	группаII	группаIII	С	СВ	З
а1	0,08	0,25				1,0	0,13		
а2	0,04						0,08		
б1			0,3	0,02	0,25		0,03		0,01
б2			0,3	0,07			0,04		0,04
в1	0,15		0,02	0,11	0,1		0,01	0,08	0,11
в2	0,31		0,04	0,41			0,06	0,26	0,1
в3	0,17		0,05	0,1				0,02	0,13
в4	0,04			0,03					0,07
в5	0,22			0,21				0,02	0,2

Таблица 8. Модели погребальных памятников Среднего Подонья.
2. Неполно сохранившиеся или описанные погребения, предполагаемая модель

Погребение	Надмогильное сооружение			Тип ямы	Тип вещевого комплекса	Тип по Г.А. Фёдорову-Давыдову	Модель, вариант
	Располо-жение	Тип насыпи	Объём насыпи				
Мр 1/1	I				б1	AI	1
Вр 2/2	I	1	Б	I		Б	1
Вр 2/1	II	1	Б	Iг		AI	1
ОК 6/1	I	1	А	II		Д	9
ВМ 3/2	III	1	Б	II		Д?	9
Лс 1/1	I	2	Б	II д		ДВI?	9
СК2/1		1			б1	В	
Кш 2/1	I	1	Б				
Лф 1/1	III	1	Б	I		ДI	
Лс 4/1	I	1	Б		б		

Таблица 8. 1.Модели погребальных памятников Среднего Подонья

Погребение	Надмогильное сооружение			Тип ямы	Тип вещевого комплекса	Тип по Г.А.Фёдорову -Давыдову	Модель, вариант
	расположение	тип насыпи	объём насыпи				
III Шл 1/2	I	1	А	I	в1	БII-БIVХ	1
Лс 3/1	I	1	Б	I	в1	АI	1
Тр 24	I	**1 а**	Б	I	в2	БХХI	2
Тр 25/1	I	**1 а**	Б	I	в2	АI-ЖI	2
Тр 32/1	I	1	Б	I	в2	АI	2
Тр 31/1	I	1	Б	I	в2	АI	2
Гл 5/1	I	1	Б	I	б2	АI	**2б**
Лс 2/1	I	1 бвг	Б	I	в3	АI	3
Гл 2/1	I	1	Б	I	в3	АI	3
Тр 69/1	I	1	Б	I	в3	БХХI	3
Тр 81/1	I	1 г	Б	I	в5	АI	4
Гл 3/1	I	1	Б	I	в5	АI	4
Гл 12/1	I	1	Б	I	в4	АI	4
Гл 4/1	I	***1 е***	Б	I	в5	АI	4
Гл 6/1	I	***1 е***	Б	I	в5	АI	4
Гл 9/1	I	1	Б	I	б2	ДI	5а
Тр 7/1	I	**1 а**	Б	I	в2	ДI	5
Тр 20/1	I	**1 абд**	Б	I	в2	ДI	5
Тр 1/1	I	**1 аб**	Б	I	в1	ДI	5а
Гл 1/1	I	1	Б	I	в2	ДI	5
Вл 3/1	III	1	Б	I	в2	Ж	5а
Вт 2/3	III	1	Б	I	в1	ДI-ВI	6
Кш 6/1	I	1	Б	I	в1	ДI-ВI	6
Тр 4/1	I	**1 абд**	Б	I	в2	ДI-ВI	7
Гл 10/1	I	1	Б	I	в2	ДI-ВI	7
Гл 14	I	1	Б	I	в2	ДI-ВI	7
Гл 15	I	1	Б	I	в2	ДI-ВI	7
Вл 10/2	III	1	Б	I	в2	ДI-ВI	7
Гл 16	I	***1 е***	Б	I	в5	ДI-ВI	7
III Шл 1/1	III	1		III	б1	ЕIIIа	8
СК 1/3	III			Iв	б2	Г-З	8
ВМ 15/3	III	1		I	б1	ДI	8
ОК7/1	I		А	IIв	а1	Д	9
ОК9/1	I	1	А	II	а1	Д	9
ВГ2/1	I	2 ажз	А	IIв	а1	Д	9
ВГ3/2	II	2 ик	А	IIв	а1	Д	9
НБ 1/1	I		Б		а2	Д	10

Таблица 9. Погребения с чертами раннемусульманских памятников

МОДЕЛЬ	Погребение	I группа признаков			II группа признаков										
		западная ориентировка	поворот головы к Мекке	отсутствие вещей, (B5)	убранство без инвентаря (B4)	«бедный» вещ. компл. (B1,B2)	малочисл. вещ. комплексы с социально престижными вещами (A 2, Б1, Б2)	тип БХХI (по Фёдорову-Давыдову)	кахан или его заместитель у ступней	модель кахана и др. место	подстилка, настил	перекрытие	гроб	ориентировка лицом к Мекке(С,СВ)	ориентировка головой на Мекку
часть 1															
3	Лесное 2/1	x	x	?	?	?	?		?	?	+				
1	Лесное 3/1	x	x			x									
2	Третьяки 24/1	x						x							
3	Третьяки 69/1	x	x					x							
4	Третьяки 81/1	x	x	x									+		
2	Третьяки 31/1	x	x	x									+		
7	Третьяки 4/1			x								+		+	
2	Третьяки 32/1	x				x							+		
3	Глазуновский 2/1	x		x											
4	Глазуновский 3/1	x		x											
4	Глазуновский 4/1	x	x	x							+	+			
4б	Глазуновский 6/1	x		x							+				
часть 2															
4б	Глазуновский 12/1	x			x										
7б	Глазуновский 16/1			x										+	
1?	Марки 1/1	x					x			+					
6	Караяшник 6/1					x			x					+	
8	Ст. Калитва1/3		x				x						+		
	Ст. Калитва 2/1						x		x				+		
10	Нов. Буравль1/1						x		x			+	+	+	+
7	Глазуновский 15/1						x							+	
7	Глазуновский 14/1					x								+	
2	Третьяки 25/1					x									+
5	Третьяки 7/1					x						+?	+?	+	
5	Третьяки 20/1					x						+		+	
5а	Третьяки 1/1					x				+				+	
5	Глазуновский 1/1					x								+	
7	Глазуновский 10/1					x								+	
5а	Глазуновский 9/1													+	
часть 3															
7в	I Власовский 10/2					x						+		+	
5а	I Власовский 3/1					x									+
1?	Вервековский 2/1	x					?				x				
1?	Вервековский 2/2	x					?								
1?	Лесное 5/1	x	?				?								

Таблица 10. Социальная характеристика погребённых

(курсивом выделены женские погребения)

№ строки	Имущественный статус (по разряду вещевого комплекса)		Показатель рангового статуса (по предметам социальной информации)
1	а	НБ1/1, ВГ2/1, *ВГ 3/2, ОК9*	казан
2		ОК7, НМ1/1	
3	б	СК2, *Гл 5/1*	казанок, модель казана, чаша на месте казана – у ступней
4		Мр 1/1, I Вл15/3, *Гл 9, СК1/3, III Шл 1/1*	
5	в	III Шл1/2, К6/1	казанок, модель казана, чаша на месте казана – у ступней
6		Тр 1/1, Тр 4/1, Тр 31/1, Гл 1/1, Гл 10/1, Гл 14/1, Гл 16/1, Вт 2/3, Тр 81/1, Лс 2/1, Гл 2/1, Гл 3/1, Гл 4/1, Гл 6/1, Тр 25/1, Лс 3/1, Тр 69/1, *Вл 3/1, Гл 12/1, I Вл 10/2, Тр 7/1, Тр20/1, Гл15/1, Тр24/1, Тр32/1*	

Таблица 11. Грунтовые погребения кочевников домонгольского времени

Погребение	Погребальное сооружение					Погребённый		Чучело коня					
								Положение				Способ членения ног	
	Длина	Ширина	Глубина	Уступ	Угли	Ориентировка	Искусственная деформация черепа	Восточнее человека	Над человеком	На возвышении	ориентировка	По первые суставы	По коленные суставы
Терешковский вал 6	2,3	1,05	1,3			ССВ			+		ССВ		+
Никольевка	2,0	0,7		+	+	ССЗ		+			ССЗ		+
Таганский мог. 3	2,0	0,75				ССЗ	+	+			ССЗ	+	
Таганский мог. 7						СВ	+	+		+	СВ		

Таблица 12. Характеристика связи признаков погребений Глазуновского могильника

Признаки	Отсутствие вещей	Ориентировка человека			Заупокойная пища	Подстилка	Перекрытие
		З	СВ	С			
Перекрытие	0	0,08	0	0,25	0	0,1	
Подстилка	0	0,1	0	0,1	0,2		0,1
Загробная пища	0	0,17	0	0		0,2	0
Отсутствие вещей		0,53	0	0	0	0	0

Таблица14. Сопоставление показателей связи признаков погребений могильников Глазуновский и Третьяки.

Линии связи	Глазуновский	Тр
Северная ориентировка - перекрытие	0,25	
Северная ориентировка - подстилка	0,1	0,33
Западная ориентировка - отсутствие вещей	0,53	
Северо-восточная ориентировка - перекрытие	0	
Западная ориентировка – перекрытие	0,08	0

Таблица 13. Характеристика связи признаков погребений могильника Третьяки

	отдельные камни в насыпи	погребение лошади	отсутствие вещей	Ориентировка человека				подстилка	перекрытие	фрагменты дерева в насыпи	огненный ритуал	тризна (кости)
				Ю	З	СВ	С					
Тризна	0,33	0	0	0	0	0,33	0,11	0,16	0,22	0		
Огненный ритуал	0,16	0,08	0	0,16	0,04	0,16	0,16	0,16	0,16	0,05		0,16
Фрагменты дерева в насыпи	0	0,16	0,16	0,33	0,16	0	0	0	0		0,05	0
Перекрытие	0,33	0	0	0	0	0,33	0,22	0,33		0	0,16	0,22
Подстилка	0,25	0	0	0	0	0	0,33		0,33	0	0,16	0,16
С	0,16	0	0					0,33	0,22	0	0,16	0,11
СВ	0,5	0	0					0	0,33	0	0,16	0,33
З	0	0,25	0,16					0	0	0,16	0,04	0
Ю	0	0	0					0	0	0,33	0,16	0
Отсутствие вещей	0	0		0	0,13	0	0	0	0	0,16	0	0
Погребение лошади	0		0	0	0,25	0	0	0	0	0,16		0
Отдельные камни в насыпи		0	0	0	0	0,5	0,16	0,25	0,33	0		0,33

Таблица 15. Сопоставление статистических данных по могильникам Третьяки и Глазуновский с показателями могильников Заволжья и Приуралья (по В.А. Иванову и В.А. Кригеру)

№ признака	Название признака	Восточная группа	Западная группа	Быково	Царёво	Третьяки	Глазуновский
№	Название признака	В	З	Б	Ц	Т	Г
1	Диаметр насыпи до 4 м	27,7	8,9	-	1,7	-	8,3
2	Диаметр насыпи 4,1- 6 м	22,2	21.1	14,9	5,0	40	-
3	Диаметр насыпи 6,1- 10м	18,0	36.6	65,3	43,3	40	91,7
4	Диаметр насыпи 10,1-12 м	4,1	11.4	4,9	8,3		
5	Диаметр насыпи 12,1- 16 м	2,7	8,1	8,3	15,0	10	-
6	Диаметр насыпи 16,1 и более м	5,4	4.9	6,6	26,6	10	-
7	Высота насыпи до 0,2 м	52,7	28.4	3,3	6,7	20	-
8	Высота насыпи 0,21-0,5 м	23,6	41.4	71,7	56,7	50	50
9	Высота насыпи 0,51-1 м	8,3	13.8	21,7	23,3	20	50
10	Высота насыпи 1,1 и более м	4,1	4,8	3,3	13,3	10	-
11	Насыпь земляная	-	100	100	91,4	80	100
12	Насыпь земляная с отд. включен. камня	15,3	-	-	-	20	-
13	Каменное кольцо на древнем горизонте	11,1	-	-	-	-	-
14	Сплошь каменная насыпь («черепаха»)	18,0	-	-	-	-	-
15	Каменная наброска только над могилой	47,2	-	-	-	-	-
16	Каменная оградка	2,7	-	-	-	-	-
17	Оградка из сырцового кирпича	-	4.9	3,0	2,8	-	-
18	Сложное сооружение из кирпича	-	1.6	-	2,8	-	-
19	Насыпь развеяна	-	-	-	2,8	-	-
20	Кострище в насыпи	-	4.9	2,2	-	-	-
21	Отдельные угольки в насыпи	6,9	4,0	-	5,7	-	8,3
22	Нет следов огня	93,0	91,8	96,7	94,3	-	-
23	Остатки тризны в насыпи (КРС)	1,4	4,9	0,7	-	-	-
24	Остатки тризны в насыпи (лошадь)	4,2	3,2	-	1,4	-	-
25	Остатки тризны в насыпи (овца)	-	4,0	4,5	2,8	-	-
26	Остатки тризны в насыпи (лошадь, овца)	1,4	0.8	0,7	-	-	-
27	Остатки тризны в насыпи. Вид животного не определен	1,4	4,0	0,7	-	30	-
28	Тризны (костей) в насыпи нет	91,6	83,0	91,1	95,1	70	100
29	Количество одновременных погребений –1	98,6	85.2	85,8	75,7	100	100
30	Количество одновременных погребений – 2 и более	1,4	6,6	10,4	20,0	-	-
31	Основное погребение	100	84.4	87,3	68,6	90	100
32	Впускное погребение	-	14,8	12,7	31,4	10	-
33	Есть более древнее погребение в кургане	-	11.1	11,9	31,4	10	-
34	Перекрытие на древнем горизонте	1,4	2,2	-	-	30	-
35	Перекрытие на заплечиках	1,4	13,3	3,0	7,1	-	-
36	Перекрытие на засыпи могилы	22,2	18,5	3,0	10,0	-	8,3
37	Перекрытие в яме с одной ступенькой	2,7	-	8,9	2,8	-	-
38	Перекрытие на вертикально поставленных плахах	1,4	0,7	-	-	-	-
39	Перекрыт подбой	2,8	-	6,0	-	-	-
40	Могила перекрыта камышом	-	0,7	-	-	-	-
41	Могила перекрыта корой	-	1,4	-	-	-	-
42	Могила перекрыта деревом и корой	-	1,4	-	-	30	-
43	Особенности перекрытия не определены	-	2,2	1,5	1,4	-	8,3
44	Нет перекрытия	68,0	56,3	77,6	78,5	-	-
45	Яма заложена сырцовым кирпичом	-	1,5	-	-	-	-

№	Название признака	В	З	Б	Ц	Т	Г
46	Яма забутована камнем	16,6	-	-	-	-	-
47	Заполнение могильной ямы земляное	83,3	97,7	100	100	100	100
48	Прямоугольная простая могильная яма	72,2	64,4	57,3	47,1	90	100
49	Прямоугольная с суживающимися ко дну стенками	-	0,7	-	-	-	-
50	Ступенька вдоль северной стенки	15,3	2,2	13,4	7,1	-	-
51	Ступенька вдоль южной стенки	2,7	-	-	-	10	-
52	Ступенька с западной стороны	-	-	-	-	-	-
53	Уступы вдоль длинных стенок	-	15,5	3,0	8,5	-	-
54	Уступы вдоль всех стенок	-	2,2	-	-	-	-
55	Могила с подбоем, дно входа и подбоя на одном уровне	9,7	2,2	-	-	-	-
56	Могила с подбоем и ступенькой во входе	-	0,7	3,0	1,4	-	-
57	Погребение в насыпи	-	11,1	3,7	22,8	-	-
58	Форма не определена	-	1,5	15,6	12,8	-	-
59	Уголь, зола в заполнении могилы	-	4,4	0,7	-	-	-
60	Мел в заполнении могилы	1,4	0,7	-	-	-	-
61	Остатки тризны (кости) в заполнении могилы	-	4,1	3,7	0,7	-	-
62	Целый остов коня на древ. горизонте отд. от человека	-	14,3	-	18,2	20	-
69	Целый остов коня	100	21,4	5,7	9,1	100	-
70	Всего захоронений коня	16,6	10,4	26,1	15,7	20	-
71	Морда коня в соответствии с ориентировкой человека	100	64,3	88,6	81,4	100	-
74	Нет захоронений коня, но есть пред. сбруи	4,1	17,7	18,7	4,3	-	16,6
75	Индивидуальное погребение	100	92,6	100	97,1	100	100
76	Коллективное погребение	-	-	-	-	-	-
77	Мужчина	30,5	19,2	29,1	35,2	60	58,3
78	Женщина	23,6	22,9	29,9	25,3	40	41,7
79	Подросток	6,9	5,2	6,0	12,7	-	-
80	Взрослый, пол не установлен	6,9	36,3	35	26,8	-	-
81	Не установлен	31,9	13,3	-	-	-	-
82	Западная ориентировка	73,6	52,6	58,2	68,6	50	50
83	Восточная ориентировка	2,8	-	3,0	8,6	-	-
84	Северная ориентировка	22,2	14,0	0,7	-	30	16,6
85	Южная ориентировка	-	-	-	-	10	-
86	Юго-западная ориентировка	-	14,8	11,9	11,4	-	-
87	Юго-восточная ориентировка	-	-	-	-	-	-
88	Северо-западная ориентировка	-	6,6	1,4	8,6	-	-
89	Северо-восточная ориентировка	-	-	7,5	-	10	33,3
90	Смешанная ориентировка	-	-	-	-	-	-
91	Нет скелета	-	0,7	-	-	-	-
92	Ориентировка не установлена	1,4	4,4	17,3	2,8	-	-
93	Поза вытянуто на спине	98,6	84,4	77,6	92,8	100	100
94	Полускорчен на правом боку	-	2,2	2,2	-	-	-
95	Полускорчен на левом боку	-	-	-	-	-	-
96	Другая поза	1,4	-	-	-	-	-
97	Не установлено	-	7,4	20,1	7,2	-	-
98	Руки вдоль туловища	40,2	31,1	50,0	38,6	60	50
99	Правая рука согнута, кисть на тазе	8,3	5,2	9,0	14,3	10	-
100	Левая рука согнута, кисть на тазе	8,3	11,8	4,5	5,7	-	8,3
101	Обе руки согнуты, кисти на тазе	15,3	13,3	6,7	21,4	20	33,3
102	Правая рука на груди	-	-	-	-	-	-
103	Левая рука на груди	-	-	-	-	-	-
104	Обе руки на груди	-	-	-	-	-	8,3
105	Другое положение	-	-	-	-	-	-
106	Положение рук не установлено	23,6	31,1	29,8	20,0	10	-

№	Название признака	В	З	Б	Ц	Т	Г
107	Положение черепа на затылке	51,4	39,2	44,0	30,0	70	83,3
108	Положение черепа на левом виске	5,5	8,9	2,2	25,7	10	8,3
109	Положение черепа на правом виске	12,5	14,8	11,2	20,0	10	8,3
110	Череп на стороне, скелет разрушен	-	-	-	-	-	-
111	Положение черепа не установлено	4,1	1,5	42,6	22,9	10	-
112	Дощатый гроб	-	-	-	1,4	-	-
113	Колода	8,3	17,7	-	1,4	10	-
114	Рама из досок	2,7	9,6	-	-	-	-
115	Вид гробовища не установлен	4,1	-	-	-	20	-
116	Нет гроба	1,4	4,4	95,5	88,0	70	100
117	Подстилка (войлок)	1,4	2,9	-	-	-	-
118	Подстилка из камыша, травы	4,1	-	0,7	2,9	-	16,6
119	Подстилка (кора)	4,1	7,4	2,2	2,9	-	-
120	Подстилка (войлок, камыш, кора)	-	-	-	-	-	-
121	Подстилка из другого материала	-	-	-	-	10	25
122	Вид подстилки не определён	-	-	8,9	2,9	10	-
123	Нет подстилки	90,3	80,7	88,2	91,3	80	58,4
124	Загробная пища в могиле (овца)	13,9	10,4	10,4	4,3	-	8,3
125	Загробная пища в могиле (КРС)	13,8	10,4	-	-	-	-
126	Загробная пища в могиле (лошадь)	-	-	0,7	1,4	-	-
127	Загробная пища в могиле (овца, лошадь)	-	-	-	1,4	-	-
128	Загробная пища в могиле (овца, КРС)	-	-	0,7	-	-	-
129	Загробная пища в могиле (овца, лошадь, КРС)	-	-	-	-	-	-
130	Загробная пища в могиле (рыба)	-	-	-	-	-	-
131	Загробная пища в могиле (птица)						
132	Другие сочетания						
133	Вид животного не определён	1,4	2,2		4,3		
134	Загробной пищи (костей) нет	84,7	78,5	88,2	88,6	100	91,7
135	Уголь, зола	1,4	8,1				
136	Мел в кусках	1,4					
137	Краска		0,7		4,3		
138	Мел в порошке	2,8	0,7				
139	Смешанные			0,7			
140	Ритуальных веществ на дне могилы нет	94,4	90,4	99,3	95,7	100	100
141	Передняя нога	2,8	0,7				
142	Задняя нога		40,7	37,5	25,0		
143	Лопатка		3,7	6,2	12,5		
144	Позвонки	46,1	3,7	18,8	25,0		
145	Ребра	23,0	14,8		12,5		
146	Крестец		3,7	6,2			
147	Череп			6,2			
148	Туша целиком						
149	Туша без черепа						
150	Другие сочетания		11,1				
151	Состав части туш животных в могиле не определён	30,7	18,5	25,1	25,0	-	8,3
152	Загробная пища в ногах		34,8	18,8			
153	Загробная пища в изголовье	53,8	34,8	56,2	75,0		
154	Загробная пища справа от погребённого		3,7				
155	Загробная пища слева от погребённого	-	8,7	12,5	12,5	-	8,3
156	Загробная пища на перекрытии или в засыпи могилы		23,0	3,7			
157	Загробная пища у пояса	23,0	3,7				
158	Загробная пища, расположение смешанное		3,7				
159	Расположение загробной пищи не установлено		3,7	12,5	12,5		
160	Удила с перегибом	23,6	11,8	26,1	7,1		
161	Тип удил не установлен	4,1	2,2	0,7	1,4		

№	Название признака	В	З	Б	Ц	Т	Г
162	Нет удил	44,4	82,2	72,5	85,8	100	100
163	Удила в зубах конского черепа	60,0	21,0	67,6	70,0		
164	Удила у черепа человека		26,3	8,1	10,0		
165	Удила у ног человека	25,0	21,0	16,2	20,0		
166	Удила на могильном перекрытии		15,8				
167	Положение удил не установлено	10,0	10,5	8,1			
168	Одно стремя	1,4	2,2	14,2	5,7	10	-
169	Два разнотипных стремени	2,8	0,7				
170	Два однотипных стремени	6,9	14,0	20,1	11,4		
171	Наличие стремян не определено	1,4	3,7	3,7	2,9		
172	Стремян нет	48,6	77,6	62,0	80,0	90	100
173	Стремя на скелете коня	13,9	2,2	48,1	60,0		
174	Стремя в ногах	1,4	4,4	7,7	-	10	-
175	Стремя у черепа человека	5,5	5,2	26,9	40,0		
176	Стремя на перекрытии или крышке гроба		2,9	1,9			
177	Расположение стремян не установлено	1,4	2,9	15,4			
178	Наличие костяных наконечников стрел	6,9	2,9	0,7	1,4		
179	Наличие костяных обкладок колчана неорнаментированных						
180	Покрытие циркульным орнаментом	2,7					
181	Покрытие пышным растительным или зооморфным орнаментом	2,7	2,9	6,0	2,9		
182	Костяные срединные или концевые обкладки лука		8,8	4,5	4,3		
183	Кольчуга						
184	Пластинчатый панцирь		0,7				
185	Шлем						
186	Наколенник или налокотник	5,5	1,5	0,7			
186а	Панцирь и шлем	1,4	0,7	0,7			
187	Целое зеркало	4,1	9,6	6,7	4,3	66,6	-
188	Диск зеркала частично сломан	1,4	1,5	0,7	-	33,3	8,3
189	Несколько обломков или обломок зеркала	4,1	5,2	4,5			
190	Зеркала нет	63,9	80,7	88,1	95,7	25	80
191	Монеты во рту погребённого			1,5			
192	Монеты у кистей рук	2,7	0,7	0,7	1,4		
193	Монеты на груди				2,8		
194	Положение монет не установлено	1,4		0,7			
195	Есть серьга	9,7	7,4	4,4	1,4	30	33,3
196	Нет серьги	87,5	89,6	95,6	98,6	70	66,6
197	Кресало одностороннее	11,1	5,2	3,0	8,6	10	-
198	Кресало двустороннее	1,4	2,2	2,2	2,9		
199	Тип кресала не установлен	4,1		11,2	7,1		
200	Деревянная посуда		2,2	2,2			
201	Нет деревянной посуды	97,2	94,8	97,8	100	100	100
202	Металлические поясные накладки	4,1	2,2	1,5	1,4		
203	Нет металлических поясных накладок	93,0	94,8	98,5	98,6	100	100
204	Вещи с изображением животных	5,5	2,2	1,5	1,4		
205	Нет вещей с изображением животных	91,6	94,8	98,5	98,6	100	100
206	Есть инвентарь	30,5	28,1	8,9	8,5	70	75
207	Мало инвентаря (1-3 предмета украшений, монеты)	26,4	34,0	8,9	15,7	10	8,3
208	Инвентаря нет	43,0	37,7	2,2	14,2	20	41,6
209	Наличие или отсутствие инвентаря не установлено						
210	Наличие золотых предметов	4,1	5,2				
211	Наличие серебряных предметов	13,9	11,8	2,2	4,3	10	16,6

Таблица 16. Показатели типологической близости могильников Третьяки и Глазуновский погребальным памятникам Заволжья и Приуралья.

№ признака	Т- Третьяки Г- Глазуновский	Восточная группа	Западная группа	Быково	Царёв	№ признака	Могильник	Восточная группа	Западная группа	Быково	Царёв	№ признака	Могильник	Восточная группа	Западная группа	Быково	Царёв
1	Т					*82*	Т		+			*113*	Т	+			
	Г		+				Г		+				Г				
3	Т		+		+	*84*	Т	+				*116*	Т				
	Г						Г		+				Г			+	
5	Т		+	+		*62*	Т				+	*122*	Т			+	
	Г						Г						Г				
8	Т		+		+	*69*	Т		+			*124*	Т				
	Г		+		+		Г						Г		+	+	
9	Т			+	+	*70*	Т			+	+	*134*	Т				
	Г						Г						Г			+	+
10	Т				+	*74*	Т					*140*	Т	+		+	+
	Г						Г		+	+			Г	+		+	+
11	Т				+	*75*	Т	+	+	+	+	*155*	Т				
	Г		+	+	+		Г	+	+	+	+		Г		+		
12	Т	+				*82*	Т		+			*172*	Т				+
	Г						Г		+				Г				
21	Т					*89*	Т			+		*174*	Т			+	
	Г	+					Г						Г				
28	Т		+			*93*	Т	+				*201*	Т	+		+	+
	Г	+		+	+		Г						Г	+		+	+
29	Т	+				*98*	Т					*203*	Т			+	+
	Г						Г			+			Г			+	+
31	Т			+		*99*	Т	+		+		*205*	Т			+	+
	Г	+					Г						Г			+	+
32	Т			+		*100*	Т					*207*	Т			+	
	Г						Г	+					Г			+	
33	Т			+		*108*	Т		+			*208*	Т				
	Г		+				Г		+				Г	+			
36	Т					*109*	Т	+		+		*211*	Т		+		
	Г				+		Г			+			Г	+			
47	Т		+	+	+												
	Г		+	+	+												
Количество совпадающих или близких показателей										Мог. Третьяки				10	11	18	15
										Глазуновский мог.				9	12	14	11

Таблица 17. Сравнение могильников Третьяки и Глазуновский с могильниками волжского бассейна.

Признаки	Кочевнические курганы Нижнего Поволжья	Царевский	Третья-ки	Глазу-новский
Наличие захоронения коня или сбруи	70-90%	20%	20%	Нет
Оружие (в муж. погребениях)	50-70%	30%	16,6%	Нет
Подбойные могилы	Во всех могильниках. В некоторых – до 25-70% подбойных могил	Нет	Нет	Нет
Безынвентарные погребения	Редки	14,2%	20%	41,6%
Погребения с кирпичными кладками и квадратными оградками	Редки	7,4% (по В.А. Иванову и В.А. Кригеру, 1988)		

Таблица 18. Модели погребальных памятников

Мо-дель	Типы	Насыпь	Могильная яма	Вещевой комплекс	Ориен-тировка
1	IБIв1/А; IБIв1/Б	«небольшая»	«узкая»	Оружие и сбруя (в1)	Запад
2	IБIв2/А; IБIв2/Б	«небольшая»	«узкая»	Бытовые предметы (в2)	Запад
3	IБIв3/А; IБIв3/Б	«небольшая»	«узкая»	Сбруя (в3)	Запад
4	IБIв5/А; IБIв5/Б	«небольшая»	«узкая»	Отсутствует (в5)	Запад
5	IБIв2/Д	«небольшая»	«узкая»	Бытовые предметы (в2)	Север
6	IБIв1/Д-В	«небольшая»	«узкая»	Оружие и сбруя (в1)	Северо-восток
7	IБIв2/Д-В	«небольшая»	«узкая»	Бытовые предметы (в2)	Северо-восток
8	IIIб1-2	Впускное погребение		сбруя, оружие, бытовые предметы, набор украшений (б1), бытовые предметы, набор украшений(б2)	
9	I-IIAIIIa1/Д	«большая»	«широкая»	Богатый многочисленный комплекс с социально атрибутированными предметами (а1)	Север
10	IБIа2/Д	«небольшая»		Немногочисленный комплекс с социально атрибутированными предметам(а2)	